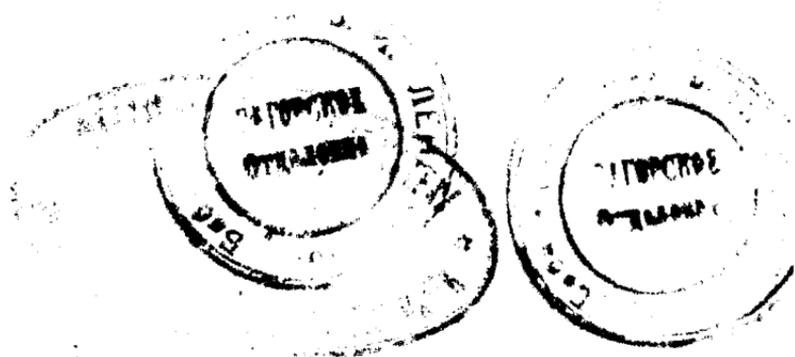

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЭДГАРА ПО
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ АНГЛІЙСКАГО
К. Д. БАЛЬМОНТА ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

244

316.

НЕОБЫЧАЙНЫЯ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ

№59435.

МОСКВА 1912
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“

2010513115

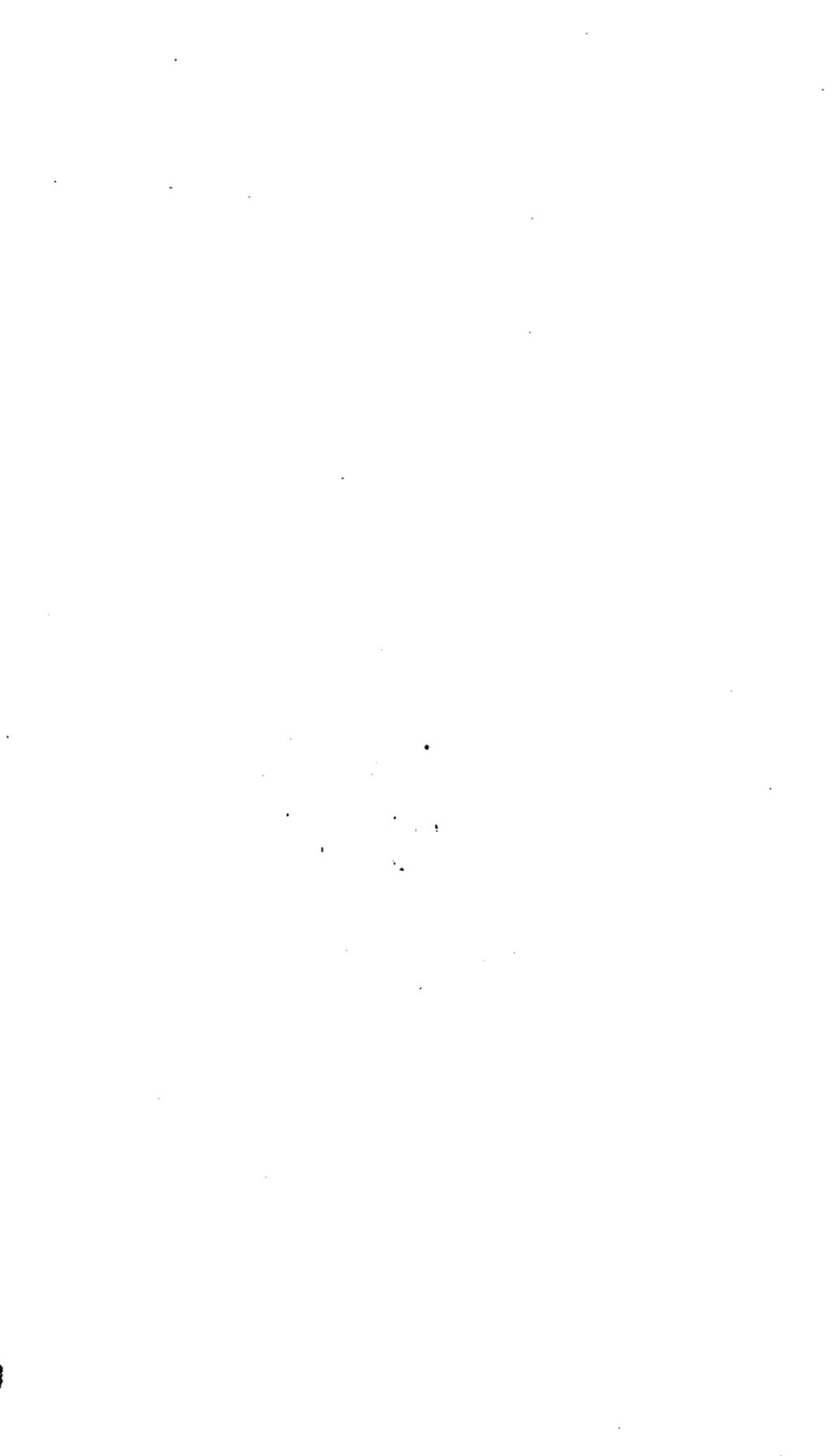

МОСКВА—1912 г.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевский пер., д. № 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Безпримѣрное приключеніе нѣкоего Ганса Пфоолля. . .	1
Шаръ-Выдумка.	64
Повѣствованіе Артура Гордона Пима изъ Нантукета. .	83

НЕОБЫЧАЙНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

БЕЗПРИМѢРНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НѢКОЕГО ГАНСА ПФОЛЛЯ.

Съ сердцемъ преданнымъ яростнымъ
грѣзамъ вполнѣ,
Надъ которыми я властелинъ,
Съ горящимъ копьемъ, на воздуш-
номъ конѣ,
Я лечу межъ пустынныхъ стрем-
нинъ.

Пѣсня Тома Умалишеннаго.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Роттердама этотъ городъ, повидимому, находится въ высококомъ состояніи философическаго возбужденія. Дѣйствительно, феномены тамъ приключились свойства столь цѣликомъ неожиданнаго—столь сполна новаго—столь крайне въ противорѣчьи съ предустановленными мнѣніями, что,—въ этомъ нѣтъ для ума моего ни малѣйшаго сомнѣнія,—пройдетъ немного времени и вся Европа будетъ въ смятенности, всѣ физическія знанія будутъ въ броженіи, а разсудокъ и астрономія въ потасовкѣ.

Оказывается, что въ нѣкій день такого-то мѣсяца (о датѣ въ точности я не освѣдомленъ) обширная толпа народа, по причинамъ не упоминаемымъ особливо, была

въ стеченіи, на большой Биржевой площади, въ благополучномъ городѣ Роттердамѣ. День былъ теплый—до необычности для такого времени года—едва-ли было въ воздухѣ хотя дуновение вѣтерка; и толпа была вовсе не въ дурномъ настроеніи оттого, что, время отъ времени, ее обрызгиваль дружелюбный дождь краткой длительности, который падалъ изъ бѣлыхъ широкихъ громадъ облаковъ, обильно распространенныхъ по голубому небу. Тѣмъ не менѣе, около полудня, легкое, но замѣтное волненіе сдѣлалось явнымъ въ собраніи; послѣдоваль смутный говоръ десяти тысячъ языковъ; и, мгновенъе спустя, десять тысячъ лицъ вздернулись къ небесамъ, десять тысячъ трубокъ мгновенно низошли изъ угловъ десяти тысячъ ртовъ, и вскрикъ, который не могъ бы быть сравненъ ни съ чѣмъ, кромѣ рева Ніагары, долгій, громкій, и бѣшенный, прозвучаль черезъ весь городъ, и черезъ всѣ окрестности Роттердама.

Происхожденіе этой суматохи вскорѣ сдѣлалось достаточно очевиднымъ. Изъ-за огромнаго объема одной изъ этихъ рѣзко-очерченныхъ облачныхъ громадъ, уже упомянутыхъ, представая предъ взорами, медленно выплыло на открытый разбѣгъ голубого пространства, причудливое, различное въ своихъ частяхъ, но видимо прочное вещество столь страннаго вида, столь прихотливо забавно въ частяхъ своихъ сопоставленное, что толпа дюжихъ бюргеровъ, стоявшихъ внизу съ широко-раскрытыми ртами ни понять его какъ-нибудь не могла, ни насмотрѣться на него вдосталь не была въ состояніи. Что бы это могло быть? Во имя всѣхъ Роттердамскихъ дьяволовъ, что бы это могло предвѣщать? Никто не вѣдалъ; никто не могъ вообразить; никто—ни даже бургомистръ, Мейнхееръ Супербусъ фонъ Ундердукъ—не имѣлъ ни малѣйшаго ключа къ разгадкѣ этой тайны; и, такъ какъ ничего болѣе добропорядочнаго сдѣлано быть не могло, каждый въ толпѣ, до единаго человекъ, вновь помѣстилъ

свою трубку тщательно въ уголь своего рта, и, упорно слѣдя однимъ глазомъ за феноменомъ, курнулъ, подождать, съ ноги на ногу перевалился, ворчнулъ значительно—потомъ съ ноги на ногу опять перевалился, ворчнулъ, подождать, и наконецъ—опять курнулъ.

Тѣмъ временемъ, однако, ниже и все ниже къ благополучному городу, нисходилъ предметъ столь большого любопытства, и причина столь многого дыма. Совсѣмъ въ малое число минутъ, онъ прибылъ достаточно близко, чтобы быть точнымъ образомъ разсмотрѣннымъ. Онъ явился, онъ былъ—да! несомнѣнно онъ *былъ* нѣкотораго рода воздушнымъ шаромъ, но ужь конечно *такого* шара не видывали раньше никогда въ Роттердамѣ. Ибо, кто, позвольте васъ спросить, когда-либо слыхивалъ о шарѣ, цѣликомъ изготовленномъ изъ грязныхъ газетъ? Конечно, ни одинъ человѣкъ въ Голландіи; здѣсь же, подъ самыми носами этого добраго люда, или, скорѣе, на нѣкоторомъ разстояніи *надъ* ихъ носами, въ полномъ своемъ тождествѣ была именно эта спорная вещь, и, притомъ, сдѣланная,—имѣю свидѣтельства лучшихъ авторитетовъ,—въ точности изъ того матеріала, о которомъ никто до этого никогда не зналъ, чтобы онъ употреблялся для подобныхъ замысловъ.

Это было вопіющее оскорбленіе для здраваго смысла Роттердамскихъ бюргеровъ. Что до внѣшности феномена въ его очертаніяхъ, она была еще болѣе предосудительна. Ибо это былъ, почти-что, или прямо-таки, огромный дурацкій колпакъ, опрокинутый низомъ вверхъ. И это сходство, отнюдь, не уменьшалось оттого, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, толпа увидѣла большую кисточку, свисавшую съ верхушки, и, вокругъ верхняго края, или основанія конуса, кругъ малыхъ инструментовъ, похожихъ на овечьи колокольчики, которые поддерживали непрерывный трезвонъ на мотивъ Бэтти Мартина. Но что еще хуже. Подвѣшенная на голубыхъ лентахъ къ концу

этой фантастической машины, висѣла, въ видѣ лодочки, огромная темно-сѣрая бобровая шляпа, съ полями въ превосходной степени широкими, и съ полусферической верхушкой, украшенной черною лентой и серебряной застежкой. Нѣсколько достопримѣчательно, однако, что многіе граждане Роттердама много разъ эту же самую шляпу видали и раньше, и клялись въ этомъ; на самомъ дѣлѣ, все великое собраніе созерцало ее, какъ стараго добраго знакомаго; а между тѣмъ фроу Греттель Пфоолль, при видѣ ея, испустила возгласъ радостнаго удивленія, и объявила, что это самая что ни на есть шляпа самого ея добраго супруга. Обстоятельство это тѣмъ болѣе должно быть отмѣченнымъ, что Пфоолль, съ тремя сотоварищами, какъ разъ исчезъ изъ Роттердама, лѣтъ пять тому назадъ, совершенно внезапно и необъяснимымъ образомъ, и до дня этого повѣствованія всѣ попытки получить какія-нибудь свѣдѣнія о немъ претерпѣли неудачу. Правда, какія-то кости, сочтенныя за человѣческія, и перемѣшанныя съ нѣкоторымъ количествомъ, весьма страннаго на видъ, мусора, были недавно открыты въ нѣкоторой уединенной мѣстности въ восточной части города; и нѣкоторыя лица зашли даже такъ далеко, что вообразили, что на этомъ самомъ мѣстѣ было совершено низкое убійство, и что пострадавшими были, по всей вѣроятности, Гансъ Пфоолль и его сотоварищи. Но вернемся къ повѣствованію.

Воздушный шаръ (ибо, безъ сомнѣнія, это былъ воздушный шаръ) опустился теперь на разстояніи ста футовъ отъ земли, позволяя толпѣ внизу достаточно ясно увидѣть обличіе существа, на немъ находившагося. Это поистинѣ былъ весьма особливый нѣкто. Росту онъ былъ никакъ не болѣе двухъ футовъ; но эта высота, какъ она ни была мала, оказалась бы достаточною, чтобы нарушить его равновѣсіе и перешвырнуть его черезъ край его крохотной лодочки, если бы не вмѣшательство кру-

говой закраины, достигавшей ему по грудь, и приснащенной къ веревкамъ воздушнаго шара. Тѣло человѣка было широко сверхъ пропорціи и придавало всей его фигурѣ округлость въ высокой степени абсурдную. Ногъ его, конечно, нельзя было видѣть совсѣмъ. Руки его были чудовищно велики. Волосы его были сѣдоватые и собраны сзади въ *хвостъ*. Носъ его былъ волшебнo длиненъ, закривленъ, и воспламененъ; глаза выпуклые, блестящіе, и острые; подбородокъ и щеки, хотя въ складкахъ отъ возраста, но широкіе, надутые, и двойные; и никакого подобія ушей, ни даже малѣйшаго, невозможно было открыть на какой-либо части его головы. Этотъ странный джентльмэнчикъ былъ одѣтъ въ широкій сюртукъ изъ небесно-голубого сатина и соотвѣтственные, плотно-сидящіе, брюки, закрѣпленные на колѣняхъ серебряными пряжками. Жилетъ его былъ изъ какой-то ярко-желтой матеріи. Колпакъ, изъ бѣлой тафты, былъ лпхо надѣтъ на его головѣ набекрень; и, для дополненія экипировки, кроваво-красный шелковый платокъ облекалъ его горло и спадалъ внизъ, щегольски, на его грудь, фантастичнымъ узломъ, размѣровъ большихъ-пребольшихъ.

Опустившись, какъ я уже сказалъ, футовъ на сто, къ поверхности земли, малый старый господинчикъ былъ внезапно схваченъ приступомъ трепета, и, какъ казалось, былъ вовсе не склоненъ приблизиться сколько-нибудь еще къ *terra firma*. Выбросивъ поэтому нѣкоторое количество песку изъ холщеваго мѣшка, который онъ приподнялъ съ великою трудностью, онъ, на мгновенье, сталъ неподвижнымъ. Затѣмъ, торопливо и взволнованно, онъ началъ извлекать изъ бокового кармана своего сюртука огромную сафьяновую записную книжку. Подозрительно онъ взвѣсилъ ее на своей рукѣ; потомъ оглядѣлъ ее съ видомъ крайняго удивленія, и, видимо, былъ изумленъ ею вѣсомъ. Наконецъ онъ ее открылъ, и, вынувъ оттуда огромное письмо, запечатанное краснымъ сургучомъ и тщательно

перевязанное красною лентой, онъ уронилъ его какъ разъ къ ногамъ бургомистра Супербуса фонъ Ундердука. Его Превосходительство наклонилось, чтобы поднять письмо. Но воздухоплаватель, все еще объятый большою тревогой, и, повидимости, не имѣвшій никакихъ дальнѣйшихъ дѣлъ, которыя могли бы его удерживать въ Роттердамѣ, началъ, въ это самое мгновеніе, дѣлать хлопотливыя приготовленія къ отбытію; и, такъ какъ ему было необходимо освободиться отъ части балласта, дабы получить возможность вновь подниматься, полдюжины мѣшковъ, которые онъ выбросилъ одинъ за другимъ, не позаботившись спорожнить ихъ отъ содержимаго, хлопнулись, каждый, самымъ незадачливымъ образомъ, о спину бургомистра, и заставили его покатиться по землѣ, еще и еще, не меньше, чѣмъ шесть разъ, на виду у каждаго обитателя Роттердама. Нельзя, однако, предположить, чтобы великій Ундердукъ снесъ такую наглость со стороны этого малаго стараго человѣка, съ полной для него безнаказанностью. Говорятъ, напротивъ, что, въ теченіи каждаго изъ полдюжины своихъ круговращеній, онъ испустилъ не менѣе полдюжины, совершенно отчетливыхъ и бѣшеныхъ, клубовъ дыма изъ своей трубки, за которую онъ крѣпко держался все время, изо всѣхъ своихъ силъ, и за которую онъ намѣревался крѣпко держаться (съ Божьей помощью) до дня своей кончины.

Тѣмъ временемъ шаръ взвился какъ жаворонокъ, и, воспаряя прочь надъ городомъ, наконецъ, спокойно уплылъ за облако, подобное тому, изъ котораго онъ такъ странно возникъ, и навсегда, такимъ образомъ, скрылся отъ дивящихся глазъ добрыхъ гражданъ Роттердама. Все вниманіе, теперь, было устремлено на письмо, низошествіе котораго и послѣдствія его сопровождавшія оказались столь фатальными для личности и личнаго достоинства Его Превосходительства фонъ Ундердука. Этотъ сановникъ, однако, не преминулъ, во время своихъ

круговращательныхъ движеній, устремить мысль на важный предметъ завладѣнія письмомъ, которое будучи разсмотрѣннымъ, оказалось понавшимъ въ самыя надлежащія руки, ибо оно, на самомъ дѣлѣ, было адресовано ему самому и профессору Рубадубу, въ ихъ официальныхъ качествахъ Президента и Вице-Президента Астрономической Коллегии города Роттердама. Съ симъ въ соотвѣтствіи, оно было вскрыто немедленно этими сановниками, и оказалось содержащимъ слѣдующее чрезвычайное, и, по существу своему, весьма серьезное, сообщеніе:

Изъ Превосходительствамъ Фонъ-Ундердуку и Рубадубу, Президенту и Вице-Президенту Государственной Коллегии Астрономовъ въ городъ Роттердамъ.

Ваши Превосходительства будутъ, быть можетъ, способны вспомнить нѣкоего скромнаго ремесленника, по имени Ганса Пфоолля, по ремеслу же починяльщика раздувальныхъ мѣховъ, который, съ тремя другими, исчезъ изъ Роттердама около пяти лѣтъ тому назадъ, способомъ, который долженъ былъ быть сочтенъ неизъяснимымъ. Ежели, однако, будетъ такъ благоугодно Вашимъ Превосходительствамъ, я, сіе сообщеніе пишушій, есмь онъ тотъ самый Гансъ Пфоолль. Хорошо извѣстно большинству моихъ согражданъ, что въ теченіи періода сорока лѣтъ я занималъ небольшое четырехугольное кирпичное зданіе, что въ самомъ началѣ улочки, именуемой Sauerkraut, Кислая Капуста, гдѣ я и находился во время моего исчезновенія. Предки мои также тамъ жили съ незапамятныхъ временъ—они такъ же, какъ и я, стойко осуществляли почтенную и, надо сказать, доходную профессію починки раздувальныхъ мѣховъ; потому что, говоря по правдѣ, до этихъ послѣднихъ лѣтъ, когда въ народѣ всѣ головы вкружились отъ политики, никакого лучшаго дѣла, нежели мое, не могъ ни желать, ни заслужить какой-либо честный гражданинъ города Роттердама. Кредитъ

былъ добрый, въ работѣ никогда не было недостачи и не было недостатка ни въ деньгахъ, ни въ доброй волѣ. Но, какъ я сказалъ, мы скоро начали чувствовать послѣдствія свободы и длинныхъ рѣчей, и радикализма, и всего въ этомъ родѣ. Тѣ особы, что были раньше наилучшими въ мѣрѣ заказчиками, не имѣли болѣе ни минуты времени хоть сколько-нибудь объ насъ подумать. Еле-еле могли они только читать о революціяхъ и идти нога въ ногу съ ходомъ разума и съ духомъ вѣка. Ежели нужно имъ было раздуть огонь, они его запросто раздували газетнымъ листомъ, и, по мѣрѣ того какъ Правительство становилось слабѣе, я не имѣлъ болѣе сомнѣній, что кожа и желѣзо приобрѣтали соотвѣтственную прочность—ибо въ весьма короткое время во всемъ Роттердамѣ не было и одной пары мѣховъ, которая нуждалась бы когда-нибудь хоть въ одной стежкѣ или потребовала бы помощи молотка. Такое положеніе вещей стало нестерпимымъ. Вскорѣ я сталъ бѣднѣть, какъ крыса, и, долгуя заботиться о женѣ и дѣтяхъ, которыхъ я имѣлъ, я увидѣлъ, что бремя мое стало, наконецъ, совсѣмъ непереноснымъ, и часъ за часомъ я тратилъ на размышленіе о томъ, какъ бы наиболѣе пристойнымъ образомъ положить конецъ моей жизни. Тѣмъ временемъ кредиторы мало оставляли мнѣ досуга для созерцательнаго мышленія. Домъ мой буквально былъ осаждаемъ съ утра до вечера. Три было молодчика, въ особенности, которые мучили меня сверхъ предѣловъ терпѣнія, держа меня непрерывно подъ стражей около моей двери и угрожая мнѣ закономъ. Этимъ тремъ я поклялся отомстить горчайшимъ образомъ, если когда-либо выпадетъ мнѣ счастье захватить ихъ въ мои когти; и я думаю, ничто въ мѣрѣ, какъ не услада этого предвкушенія, не воздержало меня отъ приведенія моего плана самоубійства въ немедленное исполненіе, и помѣшало мнѣ выбить мои мозги выстрѣломъ изъ мушкетона. Я счелъ, однако, за наилучшее скрыть

мою ярость и угощать ихъ обѣщаніями и пріятными словами до тѣхъ поръ, пока черезъ какой-нибудь добрый поворотъ судьбы мнѣ будетъ дарована возможность мщенія.

Однажды, ускользнувъ отъ нихъ и чувствуя себя болѣе угнетеннымъ, чѣмъ когда-нибудь, я долгое время блуждалъ безъ цѣли по самымъ темнымъ улицамъ, пока, наконецъ, случай не заставилъ меня натолкнуться на открытую лавчонку какого-то книготорговца. Увидѣвъ совсѣмъ близко стулъ, приготовленный для покупателей, я съ упрямой угрюмостью упалъ на него, и, врядъ ли зная, что я дѣлаю, раскрылъ первую книгу, попавшуюся мнѣ подъ руку. Она оказалась небольшимъ памфлетомъ, трактатомъ по Умозрительной Астрономіи, написаннымъ или профессоромъ Энкэ изъ Берлина, или какимъ-то Французомъ съ похожимъ именемъ. У меня были кое-какія небольшія свѣдѣнія о предметахъ этого разряда, и вскорѣ я все болѣе и болѣе былъ захваченъ содержаніемъ книги — на самомъ дѣлѣ прочелъ ее цѣликомъ дважды, прежде чѣмъ пробудился до воспомнанія о томъ, что происходитъ вокругъ меня. Тѣмъ временемъ стало темнѣть, и я направилъ шаги мои домой. Но данный трактатъ (въ соединеніи съ нѣкоторымъ открытіемъ, касающимся воздушныхъ насосовъ и недавно сообщеннымъ мнѣ подъ большимъ секретомъ однимъ моимъ кузеномъ, изъ Нанта) произвелъ на мой умъ неизгладимое впечатлѣніе, и въ то время какъ я лѣниво шелъ вдоль темныхъ улицъ, я тщательно перебиралъ въ моей памяти безумно-дикія и порою непостижимыя разсужденія автора. Нѣкоторые отрывки поразили мое воображеніе необычайнымъ образомъ. Чѣмъ дольше я размышлялъ о нихъ, тѣмъ болѣе напряженнымъ дѣлался интересъ, во мнѣ возникшій. Ограниченность моего образованія вообще и въ особенности моя неосвѣдомленность по части предметовъ, связанныхъ съ физикой, вмѣсто того чтобы заставить

меня не довѣрять моей собственной способности понимать то, что я читалъ, или побудить меня отнестись съ недо-вѣрїемъ къ тѣмъ смутнымъ представленїямъ, которыя въ результатѣ возникли, совсѣмъ напротивъ лишь послужили дальнѣйшимъ стимуломъ для воображенїя; и я былъ до-статочно тщеславенъ или, быть можетъ, достаточно раз-судителенъ, чтобы спросить, что, эти невыработанныя мысли, которыя, возникая въ дурно управляемыхъ умахъ, имѣютъ всю видимость угадчиваго внушенїя, не обладаютъ ли нерѣдко и полной силой, дѣйствительностью, и дру-гими свойствами, присущими инстинкту или интуиціи.

Было поздно, когда я пришелъ домой, и я тотчасъ легъ спать. Мой умъ, однако, былъ слишкомъ занятъ, чтобы я могъ спать, и всю ночь я лежалъ, погруженный въ размышленїя. Вставъ рано поутру, я немедленно на-правился въ лавку къ книготорговцу и выложилъ тѣ не-многія монеты, что были у меня въ наличности, въ обмѣнъ на нѣсколько томовъ по Механикѣ и Практической Астро-номїи. Благополучно прибывъ съ ними домой, я каждую выдававшуюся мнѣ свободную минуту посвящалъ пере-читыванїю ихъ, и вскорѣ сдѣлалъ такіе обширные успѣхи въ изученїяхъ этого рода, что счелъ возможнымъ присту-пить къ исполненїю нѣкотораго замысла, внушеннаго мнѣ или дьяволомъ, или моимъ лучшимъ гениемъ. Въ то же самое время я дѣлалъ, то въ одну минуту, то въ другую, всяческія попытки умиротворить трехъкредиторовъ, которые причинили мнѣ столько безпокойствъ. Въ этомъ въ концѣ концовъ я преуспѣлъ—частью продавъ достаточное ко-личество моей домашней обстановки, чтобы удовлетворить наполовину ихъ требованїя, частью же давъ имъ обѣ-щанїе погасить остальной долгъ по выполненїю нѣкотораго малаго проэкта, который, какъ я сказалъ, я имѣлъ въ виду, и для осуществленїя котораго я попросилъ ихъ ока-зать мнѣ помощь. Такими ухищренїями (ибо то были люди невѣжественные) я безъ затрудненїй вовлекъ ихъ въ мой планъ.

Устроивъ все такъ, я принялся съ помощью моеѣ жены, и при соблюденіи великой тайны и осторожности, распорядиться надлежащимъ образомъ тою собственностью, которая еще у меня оставалась, и занимать малыми суммами подъ различными предлогами и (стыжусь сказать) не обращая никакого вниманія на мои будущія средства уплаты—и собралъ этимъ путемъ, немаловажное количество наличныхъ денегъ. Умноживъ этимъ способомъ свои средства, я въ нѣсколько приемовъ приобрѣлъ батистоваго муслина, очень тонкаго, кусками, по двѣнадцати ярдовъ каждый; бичевки; извѣстное количество каучуковаго лака; большую и глубокую корзину изъ ивоваго прута, сдѣланную на заказъ, и разные другіе предметы, необходимые для построенія и снаряженія воздушнаго шара необыкновенныхъ размѣровъ. Изготовить его возможно скорѣе я поручилъ моеѣ женѣ, и сообщилъ ей всѣ нужныя свѣдѣнія, дабы поступать при этомъ по особому методу. Въ то же время я дѣлалъ изъ бичевки сѣть достаточныхъ размѣровъ; приснастилъ къ ней крюкъ и необходимыя веревки, и закупилъ многочисленныя инструменты и матеріалы для опытовъ въ верхнихъ областяхъ верхней атмосферы. Затѣмъ я улучилъ случай доставить ночью въ уединенное мѣсто въ восточной части Роттердама пять обитыхъ желѣзомъ боченковъ, вмѣстимостью каждый приблизительно въ пятьдесятъ галлоновъ *), и одинъ большихъ размѣровъ; шесть жестяныхъ трубочекъ, по три дюйма въ діаметрѣ, надлежащей формы, и по десяти футовъ въ длину; нѣкоторое количество *особаго металлическаго вещества или полуметалла*, каковой я не назову, и дюжину большихъ бутылей *самой обыкновенной кислоты*. Газъ, который долженъ получаться изъ этихъ послѣднихъ матеріаловъ, есть газъ никогда еще не производившійся никѣмъ другимъ кромѣ меня—или, по крайней мѣрѣ,

*) Мѣра въ три штофа. К. Б.

никогда не примѣнявшійся для какой-либо подобной цѣли. Я дерзну лишь сказать здѣсь, что это *одна изъ составныхъ частей азота*, столь долгое время считавшаяся неразложимою, и что плотность ея въ 37,4 разъ *меньше, чѣмъ плотность водорода*. Она безъ вкуса, но не безъ запаха; горитъ, когда чистая, зеленоватымъ пламенемъ, и до мгновенности фатальна для животной жизни. Для меня не было бы никакой трудности разоблачить цѣликомъ ея тайну, но она по праву принадлежит (какъ я выше указалъ) гражданину города Панта во Франціи, который сообщилъ мнѣ ее подъ условіемъ. Тотъ же самый индивидуумъ сообщилъ мнѣ, вовсе не будучи освѣдомленъ о моихъ намѣреніяхъ, нѣкоторый методъ построенія воздушныхъ шаровъ изъ плевы одного извѣстнаго животного, черезъ какое-то вещество ускользаніе газа почти невозможно. Я нашель, однако, этотъ способъ слишкомъ дорогимъ, и не былъ увѣренъ въ концѣ концовъ, не является ли одинаково доброкачественнымъ батистовый муслинъ, покрытый слоемъ каучуковаго лака. Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве, ибо считаю вполне вѣроятнымъ, что позднѣе упомянутый индивидуумъ можетъ предпринять восхожденіе на шаръ съ новымъ газомъ и означеннымъ матеріаломъ, и я не хочу лишать его чести весьма своеобразнаго изобрѣтенія.

На томъ мѣстѣ, которое я предназначилъ для каждаго изъ небольшихъ боченковъ на время надуванія шара, я тайкомъ вырылъ по небольшой ямѣ; всѣ ямы, такимъ образомъ, образовывали кругъ въ двадцать пять футовъ въ діаметрѣ. Въ центрѣ этого круга, предназначенномъ для мѣстопробыванія болѣе объемистаго боченка, я также вырылъ яму большей глубины. Въ каждую изъ этихъ пяти небольшихъ ямъ я положилъ ящикъ, содержащій пятьдесятъ фунтовъ, а въ болѣе глубокую яму боченокъ, содержащій полтораста фунтовъ пороха. И боченокъ, и ящики я соединилъ надлежащимъ образомъ скрытыми приводами,

и, введя въ одинъ изъ ящиковъ конецъ приблизительно четырехъ футовъ фитиля, я прикрылъ яму и помѣстилъ надъ ней большой боченокъ, оставляя другой конецъ фитиля выдвинутымъ на одинъ дюймъ и едва видимымъ за предѣлами боченка. Я наполнилъ затѣмъ остальные ямы и помѣстилъ боченки надъ ними, предназначеннымъ образомъ!

Кромѣ вышенеречисленныхъ предметовъ, я доставилъ въ складъ, и спряталъ тамъ, одинъ изъ усовершенствованныхъ г. Гриммомъ аппаратовъ для сгущенія атмосферическаго воздуха. Я нашелъ, однако, что эта машина требуетъ значительныхъ измѣненій, прежде чѣмъ ее можно было бы примѣнить къ задуманнымъ мною цѣлямъ. Но, благодаря упорному труду и неукоснительной настойчивости, усилія мои, наконецъ, были увѣнчаны успѣхомъ во всѣхъ приготовленіяхъ. Мой шаръ скоро былъ оконченъ. Онъ могъ содержать болѣе сорока тысячъ кубическихъ футовъ газа; какъ я рассчиталъ, онъ легко могъ поднять меня со всѣми моими инструментами, а при правильномъ управленіи имъ, могъ поднять еще въ придачу сто семьдесятъ пять фунтовъ балласта. Онъ получилъ три облицовки лакомъ, и я нашелъ, что батистовый муслинъ вполнѣ замѣняетъ даже шелкъ, будучи такъ же проченъ и значительно дешевле.

Когда все было теперь готово, я заставилъ мою жену дать мнѣ клятву соблюдать въ тайности всѣ мои дѣйствія со дня моего перваго посѣщенія книжной лавки; я пообѣщавъ ей, съ своей стороны, вернуться такъ скоро, какъ только позволятъ мнѣ мои обстоятельства, отдалъ ей тѣ небольшія деньги, что у меня еще оставались, и простился съ нею. Въ сущности, у меня за нее не было никакихъ страховъ. Она была, что называется, женщина расторопная, и могла устраиваться въ мірѣ безъ моей помощи. Сказать правду, я думаю, что она всегда смотрѣла на меня какъ на тунеядца—какъ на простое увеличеніе бре-

мени—не пригодное ни для чего иного, кромѣ какъ на воздвиганіе воздушныхъ замковъ, и была скорѣе рада освободиться отъ меня. Была темная ночь, когда я сказала ей мое прощаніе, и, захвативъ съ собою въ качествѣ *адъютантовъ* трехъ кредиторовъ, причинившихъ мнѣ столько безпокойствъ, потащилъ съ ними шаръ съ лодочкой и всѣми приспособленіями, окольнымъ путемъ къ тому мѣсту, гдѣ были сложены другіе предметы. Мы нашли тамъ все въ полной сохранности, и я немедленно приступилъ къ дѣлу.

Это было первое Апрѣля. Ночь, какъ я сказалъ раньше, была темная; не было видно ни звѣзды; и изморозь, падая по временамъ, причиняла намъ большое неудобство. Но главное мое безпокойство касалось шара, который, несмотря на защиту изъ лака, началъ дѣлаться тяжело-ватымъ отъ сырости; порохъ также могъ подвергнуться порчѣ. Я заставилъ поэтому трехъ моихъ кредиторовъ работать съ большимъ прилежаніемъ, они сбивали ледъ вокругъ центрального боченка и взбалтывали кислоту въ другихъ. Они не переставали, однако, надоѣдать мнѣ разспросами касательно того, что я намѣревался дѣлать со всѣми этими приготовленіями и выражали большое неудовольствіе на страшную работу, которую я заставлялъ ихъ исполнять. Они не могли понять (такъ они говорили), что добраго могло получиться изъ того, что они промокаютъ до костей, принимая участіе во всемъ этомъ страшномъ колдовствѣ. Мнѣ начало дѣлаться не по себѣ, и я отработывалъ мое дѣло изо всѣхъ моихъ силъ; ибо, какъ я серьезно думаю, идиоты предположили, что я заключилъ договоръ съ дьяволомъ и что, коротко говоря, то, что я теперь дѣлалъ, отнюдь не было лучше того, чѣмъ оно и должно было быть. Я былъ поэтому въ великомъ страхѣ, что они меня оставятъ совершенно. Я ухитрился, однако, умиротворить ихъ обѣщаніями полной уплаты по всѣмъ счетамъ, какъ только я смогу довести настоящее дѣло до

конца. Этимъ рѣчамъ они придали, конечно, свое собственное толкованіе, вообразивъ, безъ сомнѣнія, что, во всякомъ случаѣ, я сдѣлаюсь обладателемъ обширнаго количества наличныхъ денегъ; и при условіи, чтобы я имъ уплатилъ все, что я былъ долженъ, и нѣкоторый пустячекъ въ придачу во вниманіе къ ихъ услугамъ, смѣю сказать, весьма они мало беспокоились о томъ, что сдѣлается съ моей душой, или съ моимъ трупомъ.

Часа въ четыре съ половиной я увидѣлъ, что шаръ былъ достаточно надутъ. Я прикрѣпилъ поэтому лодочку и положилъ въ нее всѣ мои снаряды—телескопъ, барометръ, съ нѣкоторыми важными измѣненіями, термометръ, электрометръ, компасъ, магнетическую иглу, секундные часы, колоколь, руноръ, и пр. и пр. и пр. — также стеклянный шаръ, изъ котораго былъ выкаченъ воздухъ и который былъ тщательно закупоренъ втулкой— не забылъ также и сгустительный аппаратъ, нѣсколько негашеной извести, палочку сургуча, обильный запасъ воды, и большое количество провизіи такой какъ пеммиканъ *), въ которомъ много питательнаго вещества содержится въ сравнительно маломъ объемѣ. Я помѣстилъ также въ лодочкѣ пару голубей и кошку.

Теперь было около разсвѣта, и я подумалъ, что давно уже пора отбыть. Уронивъ зажженную сигару наземь, какъ бы случайно, я наклонился, чтобы поднять ее и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы незамѣтно зажечь кусокъ фитиля, конецъ котораго, какъ я раньше сказалъ, немножко выдавался за нижній ободъ одного изъ меньшихъ боченковъ. Этотъ маневръ былъ совершенно незамѣченъ со стороны трехъ моихъ кредиторовъ; и вскочивъ

*) Пеммиканъ—тонкіе ломтики вяленаго пады медленнымъ огнемъ или на воздухѣ сырого мяса, залитаго жиромъ и пресованнаго. Наиболѣе употребительная и питательная пища, которую берутъ съ собой при путешествіи по безлюднымъ пустыннымъ мѣстамъ. *К. Б.*

въ лодочку, я немедленно обрѣзалъ единственную веревку, которая держала меня на землѣ, и былъ услажденъ замѣтивъ, что я взнесся на высоту съ непостижимой быстротою, совершенно легко унося съ собою сто семьдесятъ пять фунтовъ балласта, и могъ бы унести вверхъ столько же. Когда я оставилъ землю, барометръ стоялъ на тридцати дюймахъ, а термометръ въ сто дѣлений показывалъ 19°.

Едва, однако, я достигъ высоты въ пятьдесятъ ярдовъ, какъ съ ревомъ и ворчащимъ гуломъ, самымъ бурнымъ и страшнымъ образомъ, за мною взнесся такой густой ураганъ огня, и крупнаго песку, и горящаго дерева, и раскаленнаго металла, и изуродованныхъ частей человѣческаго тѣла, что сердце мое, сжавшись, упало во мнѣ, и я рухнулъ на дно лодочки, дрожа отъ ужаса. Тутъ я впервые понялъ, что я сильно перехватилъ черезъ край, и что главныя послѣдствія сотрясенія еще должны быть испытаны. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, менѣе чѣмъ черезъ секунду, я почувствовалъ, какъ кровь всего моего тѣла ринулась къ моимъ вискамъ, и непосредственно вслѣдъ за этимъ взрывъ, котораго я никогда не забуду, разразился сквозь ночь, и, казалось, разорвалъ самый сводъ небесный. Когда позднѣе у меня было время размыслить, я не преминулъ приписать крайнюю силу взрыва, поскольку онъ касался меня, подлежащей ей причинѣ—моему нахожденію какъ разъ надъ взрывомъ, и на линіи наибольшей его силы. Но въ то время я думалъ только о сохраненіи моей жизни. Воздушный шаръ сперва сѣлся, потомъ бѣшено расширился, потомъ закрутился кругомъ и кругомъ съ головокружительной быстротою, и, наконецъ, шатаясь и спотыкаясь, какъ пьяный человѣкъ, вышвырнулъ меня черезъ закраину лодочки, и предоставилъ мнѣ болтаться, на ужасающей высотѣ, головою внизъ, съ лицомъ во вѣ, на тонкой веревкѣ, фута въ три длиной, которая случайно свисла черезъ расщелину около дна корзинки изъ ивоваго

прута, и въ которой, когда я падалъ, лѣвая моя нога самымъ провиденціальнымъ образомъ запуталась. Невозможно—совершенно невозможно составить какое-нибудь равноцѣнное представленіе о всемъ ужасѣ моего положенія. Я судорожно раскрывалъ ротъ, чтобы дышать—трепетъ, похожій на приступъ перемежающейся лихорадки, сотрясалъ каждый нервъ и мускулъ моей тѣлесной основы—я чувствовалъ, что мои глаза выскакиваютъ изъ своихъ орбитъ—чудовищная тошнота захватила меня—и, наконецъ, я потерялъ всякое сознаніе въ обморокѣ.

Какъ долго оставался я въ этомъ состояніи, сказать невозможно. Прошедшее время, однако же, должно было быть довольно значительнымъ, потому что, когда ко мнѣ частью вернулось чувство существованія, я увидѣлъ разсвѣтъ, шаръ былъ на ужающей высотѣ надъ пустыней океана, и ни слѣда суши нельзя было открыть нигдѣ въ окружности въ предѣлахъ обширнаго горизонта. Ощущенія мои, однако, послѣ того какъ я опомнился, отнюдь не были такъ переполнены агоніей, какъ можно было бы того ожидать. На самомъ дѣлѣ, было много безумія въ спокойномъ оглядѣ моего положенія, который я началъ дѣлать. Я приподнялъ къ глазамъ ту и другую мою руку, одну за другой, и подивился, почему бы это могли такъ надуться жилы и что за причина, что въ ногтяхъ такая чудовищная чернота. Я послѣ этого тщательно изслѣдовалъ свою голову, повторно ее встряхивая и ощупывая ее съ самымъ подробнымъ вниманіемъ, пока я не пришелъ къ удовлетворительному для меня заключенію, что, какъ я болѣе чѣмъ подозрѣвалъ, она не шире моего шара. Потомъ, привычнымъ движеніемъ, я пощупалъ оба мои брючные кармана, и, увидѣвъ исчезновеніе изъ нихъ моей памятной книжки и коробки съ зубочистками, я попытался изъяснить себѣ ихъ исчезновеніе, и, не будучи способенъ этого сдѣлать, почувствовалъ себя невыразимо огорченнымъ. Затѣмъ мнѣ пришло въ голову, что въ су-

ставъ лѣвой моей щиколки пренепріятное ощущеніе, и смутное сознаніе моего положенія начало мерцать въ моемъ умѣ. Но, странно сказать, я не былъ ни удивленъ, ни ужаснутъ! Если я испытывалъ вообще какое нибудь ощущеніе, это была нѣкотораго рода, исполненная тихаго смѣшка, удовлетворенность, какъ умно все я это сдѣлалъ, дабы распутать дилемму; и ни разу ни на одно мгновеніе я не смотрѣлъ на мою окончательную безопасность какъ на вещь подлежащую вопросу и сомнѣнію. Нѣсколько минутъ я пребывалъ въ глубочайшей задумчивости. Я отчетливо помню, что я много разъ сжималъ губы, прижималъ указательный свой палець къ боковой сторонѣ носа, и дѣлалъ другіе жесты и гримасы, общіе людямъ, которые, преспокойно сидя въ своемъ креслѣ, размышляютъ о запутанныхъ и важныхъ матеріяхъ. Достаточно, какъ я полагалъ, собравъ свои мысли, я теперь, съ большою осторожностью и тщаніемъ, протянулъ руки за спину и отстегнулъ большую желѣзную пряжку, находившуюся на поясѣ моихъ панталонъ. Въ этой пряжкѣ было три зуба, которые будучи нѣсколько заржавлены, двигались съ большою трудностью на своихъ осяхъ. Послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ, я поставилъ ихъ, однако, подъ прямымъ угломъ къ пряжкѣ, и былъ обрадованъ, увидѣвъ, что они остаются прочно въ этомъ положеніи. Держа въ зубахъ инструментъ такимъ образомъ полученный, я сталъ теперь развязывать узелъ моего галстука. Я долженъ былъ нѣсколько разъ отдохнуть, прежде чѣмъ окончилъ этотъ маневръ; но, наконецъ, онъ былъ законченъ. Къ одному концу галстука я прикрѣпилъ тогда пряжку, а другой конецъ, для большей достовѣрности, плотно обмоталъ вокругъ кисти руки. Втягивая теперь свое тѣло вверхъ съ изумительнымъ примѣненіемъ мускульной силы, я преуспѣлъ, съ перваго же раза, перебросить пряжку черезъ край лодочки и запутать ее, какъ я предвкушалъ, въ круговой закраинѣ изъ ивоваго прута.

Тѣло мое было наклонено теперь къ боку лодочки подь угломъ приблизительно въ сорокъ пять градусовъ; но это не должно быть понимаемо такъ, что какъ будто я былъ лишь на сорокъ пять градусовъ подь перпендикуляромъ. Далекъ отъ того, я почти находился въ уровень съ плоскостью горизонта; ибо перемѣна положенія, мною полученная, заставила дно лодочки значительно двинуться во внѣ отъ меня, и положеніе мое, такимъ образомъ, было одно изъ положеній неминүемой опасности. Надо, однако же, помнить, что, во-первыхъ, если бы, когда я падалъ изъ лодочки, я упалъ съ лицомъ, обращеннымъ къ шару, вмѣсто того, чтобы имѣть его отвращеннымъ во внѣ, какъ это было въ данномъ случаѣ — или, если бы, во-вторыхъ, веревка, на которой я висѣлъ, свисала черезъ верхній край, вмѣсто того, чтобы свисать черезъ расщелину около дна лодочки — я говорю, легко понять, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ я былъ бы неспособенъ сдѣлать даже и того, что я теперь сдѣлалъ, и настоящія разоблаченія были бы всецѣло утрачены для потомства. Я имѣлъ поэтому всѣ основанія быть благодарнымъ; хотя, что до фактовъ, я продолжалъ быть еще слишкомъ глупымъ, чтобы быть чѣмъ-нибудь вообще, и висѣлъ быть можетъ съ четверть часа этимъ необычайнымъ образомъ, не дѣлая ни самой малой дальнѣйшей попытки, и находясь въ нѣкоемъ своеобразно спокойномъ состояніи идіотической услады. Но это ощущеніе не замедлило быстро замереть, и за нимъ послѣдовалъ смятенный ужасъ и чувство крайней беспомощности и гибели. На самомъ дѣлѣ, кровь, такъ долго накоплявшаяся въ кровеносныхъ сосудахъ моей головы и горла и до этого бурно качавшая мой духъ, наполняя его бредомъ, стала теперь удаляться въ надлежащіе свои каналы, и отчетливость, которая, такимъ образомъ, была придана къ моему воспріятію опасности, лишь послужила къ тому, что лишила меня самообладанія и смѣлости встрѣтить

опасность лицомъ къ лицу. Къ счастью для меня, эта слабость не была, однако, очень длительной. Какъ разъ въ время пришелъ ко мнѣ на помощь духъ отчаянія, и съ бѣшенными криками, судорожно кривляясь, я швырками вбросилъ мое тѣло вверхъ, пока, наконецъ, ущемивъ, какъ тисками, давно желанную закраину, я не перебросилъ искривленное мое тѣло черезъ нее, и не упалъ, стремглавъ и трепеща, въ лодочку.

Лишь спустя нѣкоторое время я оправился настолько, что могъ осуществить самыя обыкновенныя заботы о шарѣ. Я осмотрѣлъ его тогда внимательно, и, къ великому моему облегченію, нашелъ, что онъ не поврежденъ. Всѣ мои инструменты были цѣлы, и, къ счастью, я не потерялъ ни балласта, ни провизіи. Правда, я такъ хорошо закрѣпилъ ихъ на ихъ мѣстахъ, что о такомъ случаѣ совсѣмъ не могло быть разговора. Посмотрѣвъ на часы, я увидалъ, что было шесть часовъ. Я быстро восходилъ, и барометръ указалъ настоящую высоту въ три и три четверти мили. Какъ разъ подо мной въ океанѣ находился небольшой черный предметъ, слегка продолговатый по формѣ, размѣрамъ, повидимости, приблизительно съ домино, и во всѣхъ отношеніяхъ имѣвшій большое сходство съ одной изъ такихъ игрушекъ. Наведя на него мой телескопъ, я отчетливо разсмотрѣлъ, что это былъ Британскій корабль въ девяносто четыре пушки, круто державшійся къ вѣтру, и въ килевой качкѣ колыхавшійся на морѣ, направляясь къ Западу-Юго-Западу. За исключеніемъ этого корабля, я не видѣлъ ничего, кромѣ океана, и неба, и солнца, которое давно возшло.

Давно уже пора мнѣ объяснить Вашимъ Превосходительствамъ цѣль моего путешествія. Ваши Превосходительства припомнятъ, что пошатнувшіяся обстоятельства жизни въ Роттердамѣ, наконецъ, довели меня до рѣшимости совершить самоубійство. Не то чтобы, однако, сама жизнь причиняла мнѣ положительное отвращеніе, но слу-

чайныя мои бѣдствія, связанныя съ моимъ положеніемъ, терзали и мучали меня до нестерпимости. При такомъ состояніи ума, когда я желалъ жить, но былъ утомленъ жизнью, трактатъ, прочтенный у книжной стойки, и подкрѣпленный вполне своевременнымъ сообщеніемъ, которое мнѣ сдѣлалъ мой кузенъ изъ Нанта, далъ дорогу моему воображенію. Въ концѣ концовъ я принялъ свое рѣшеніе. Я постановилъ отбыть, но жить — оставить міръ, но продолжать существовать — словомъ, отбросивъ загадки, я рѣшился, будь что будетъ, проложить путь, если я смогу, къ *лунѣ*. Теперь, дабы не предположили меня болѣе сумасшедшимъ, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ, я изложу подробно, какъ только могу, соображенія, которыя заставили меня вѣрить, что свершеніе такого порядка, хотя, безъ сомнѣнія, трудное и полное опасности, не было для смѣлаго духа безусловно внѣ границъ возможнаго.

Первое, что нужно было сдѣлать, это разсмотрѣть истинное разстояніе луны отъ земли. Итакъ, среднее или приблизительное разстояніе между центрами двухъ планетъ — 59,9643 экваторіальнаго радіуса земли, или приблизительно 237.000 миль. Я говорю среднее или приблизительное разстояніе: — но нужно помнить, что, такъ какъ форма лунной орбиты есть эллипсъ, эксцентричности входящей не менѣе чѣмъ до 0,05484 наибольшей полуоси самаго эллипса, а центръ земли расположенъ въ его фокусѣ, если бы я могъ какимъ-нибудь образомъ изловчиться встрѣтить луну въ ея перигей *), вышеупомянутое разстояніе значительно уменьшилось бы. Но, чтобы не говорить ничего въ данное время объ этой возможности, было вполне достовѣрно, что, во всякомъ случаѣ, изъ 237.000 миль я долженъ былъ вычесть *радіусъ* земли, то-есть 4.000, и радіусъ луны, то-есть 1.080, всего 5.080, имѣя,

*) Перигей — точка ближайшаго разстоянія планеты отъ земли, въ противоположность апогею. *К. Б.*

такимъ образомъ, для прохожденія при среднихъ обстоятельствахъ дѣйствительное разстояніе въ 231.920 миль. Ну это, подумалъ я, не весьма чрезвычайное разстояніе. Путешествіе по сушѣ повторно осуществлялось со скоростью шестидесяти миль въ часъ; и, конечно, гораздо бѣльшая скорость можетъ быть предвидѣна. Но даже при этой скорости мнѣ пришлось бы истратить не болѣе чѣмъ сто шестьдесятъ одинъ день, чтобы достигъ до поверхности луны. Былъ, однако, цѣлый рядъ обстоятельствъ, заставлявшихъ меня вѣрить, что средняя скорость путешествія, возможно, могла бы весьма превысить шестьдесятъ миль въ часъ, и такъ какъ эти соображенія не преминули оказать на мой умъ глубокое впечатлѣніе, я впоследствии упомяну о нихъ съ большою полнотою.

Слѣдующій пунктъ, подлежащій разсмотрѣнію, былъ гораздо болѣе важности. Изъ указаній, доставленныхъ барометромъ, мы знаемъ, что при восхожденіяхъ надъ земной поверхностью мы оставляемъ подъ собою, на высотѣ 1.000 футовъ, около одной тридцатой всей массы атмосферическаго воздуха; что на высотѣ 10.600 футовъ мы взошли, приблизительно, черезъ треть, и что на высотѣ 18.000, каковая высота недалеко отъ возвышенности Котопахи *), мы превзошли половину вещественнаго, или, во всякомъ случаѣ, *вѣсимаго* количества воздуха, тяготеющаго надъ нашимъ шаромъ. Было также вычислено, что на высотѣ, не превосходящей сотую часть земнаго діаметра — то-есть, не превосходящей восьмидесяти миль — разрѣженность воздуха становится столь чрезмѣрной, что животная жизнь никоимъ образомъ не могла бы тамъ поддерживаться, и, кромѣ того, что самые тонкіе способы, которыми мы обладаемъ для удостовѣренія въ присутствіи атмосферы были бы недостаточны, чтобы увѣрить насъ въ ея существованіи. Но я не преминулъ замѣтить, что

*) Перуанскій вулканъ. К. В.

эти послѣднія исчисленія основаны всецѣло на нашемъ опытномъ знаніи свойствъ воздуха и механическихъ законовъ, управляющихъ его расширеніемъ и сжатіемъ въ той области, которая, говоря сравнительно, можетъ быть названа *непосредственнымъ сосѣдствомъ* самой земли, и, въ то же самое время считается за доказанное, что животная жизнь неспособна и существенно должна быть *неспособна къ видоизмѣненію* на какомъ-либо данномъ достижимомъ разстояніи отъ земной поверхности. Но всѣ такія разсужденія, и основанныя на такихъ *данныхъ*, конечно, должны быть просто аналогичными. Величайшая высота, когда-либо достигнутая человѣкомъ, это 25.000 фуговъ, достигнутая во время воздухоплавательной экспедиціи Гэй-Люсака и Біо. Это умѣренная высота, даже ежели сравнить ее съ упомянутыми восьмидесятью милями; я никакъ не могъ уклониться отъ мысли, что данный предметъ оставляетъ мѣсто для сомнѣнія, и даетъ великій размахъ для умозрѣнія.

Но что до фактовъ при восхожденіи, сдѣланномъ до какой-либо данной высоты, вѣсомое количество превзойденнаго воздуха при какомъ-либо *дальнѣйшемъ* восхожденіи отнюдь не находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ добавочной восходимой высотой (какъ можно было бы ясно увидать изъ того, что утверждалось ранѣе), но въ пропорціи, постоянно уменьшающейся. Очевидно, поэтому, что восходи мы такъ высоко, какъ только намъ возможно, мы не можемъ, говоря буквально, достичь границы, за предѣлами которой не находится атмосфера. Она *должна существовать*, умозаключалъ я; хотя она *можетъ* существовать въ состояніи безконечной разрѣженности.

Съ другой стороны, я зналъ, что нѣтъ недостатка въ аргументахъ, доказывающихъ существованіе дѣйствительной и опредѣленной границы атмосферы, за которой абсолютно нѣтъ никакого воздуха. Но одно обстоятельство, разсмотрѣнное тѣми, которые утверждаютъ существованіе

такой границы, казалось мнѣ хотя и не положительнымъ опроверженіемъ ихъ вѣрованія, все же пунктомъ, достойнымъ весьма серьезнаго изысканія. При сравненіи промежутокъ между послѣдовательными прибытіями кометы Энке къ ея перигелію *), послѣ самаго точнаго исчисления всѣхъ потрясеній, проистекающихъ отъ притяженія планетъ, оказывается, что періоды эти постепенно уменьшаются; то-есть, наибольшая ось эллипса кометы дѣлается все короче въ медленномъ, но совершенно правильномъ, убываніи. Но это какъ разъ есть то, что должно было бы быть, если мы предположимъ сопротивленіе, испытываемое кометой отъ крайне *рѣдкой эфирной среды*, проникающей въ области ея орбиты. Ибо, очевидно, что такая среда должна въ замедленіи быстроты кометы увеличивать ея центростремительную силу, уменьшая ея силу центробѣжную. Другими словами, притяженіе солнца постоянно достигало бы большей силы, и комета должна была бы притягиваться все ближе и ближе къ нему при каждомъ обращеніи. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого другого способа объяснить указываемое измѣненіе. Но еще наблюдали, что дѣйствительный діаметръ туманности той же самой кометы быстро сокращается, когда она приближается къ солнцу, и расширяется съ равной быстротой при ея отбытіи къ афелію. Не былъ ли я правъ, предполагая вмѣстѣ съ Вальцомъ, что это видимое сгущеніе объема имѣетъ свое происхожденіе въ давленіи той самой эфирной среды, о которой я говорилъ раньше, и густота которой находится въ прямомъ отношеніи къ ея сосѣдству съ солнцемъ. Чечевицеобразное явленіе, называемое зодіакальнымъ свѣтомъ, было также предметомъ, достойнымъ вниманія. Это сіяніе, столь явное въ тропикахъ, и коего

*) Перигелій — точка ближайшаго разстоянія планеты или кометы отъ солнца, афелій—дальнѣйшая линія ихъ соединенія,—называется линіей апсидовъ. К. Б.

никакъ нельзя принять за метеорный блескъ, простирается отъ горизонта косвенно вверхъ, и слѣдуетъ, вообще, направленію солнечнаго экватора. Миѣ представлялось очевиднымъ, что этотъ свѣтъ истекаетъ изъ природы рѣдкой атмосферы, простирающейся отъ солнца во внѣ за предѣлы орбиты Венеры, по крайней мѣрѣ, и я полагаю неопредѣлимо дальше *). Дѣйствительно, я не могъ предположить, чтобы эта среда граничила съ путемъ эллипса кометы, или была въ непосредственной близости отъ солнца. Легко, напротивъ, вообразить, что она проникаетъ всѣ области нашей планетной системы. сгущенная въ то, что мы называемъ атмосферой на самыхъ планетахъ, и быть можетъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ видоизмѣненная обстоятельствами чисто геологическими; то-есть, видоизмѣненная или переименованная въ своихъ соотношеніяхъ (или въ абсолютной своей природѣ) веществами, улетающими съ соответственныхъ небесныхъ тѣлъ.

Разъ такая точка зрѣнія на предметъ была усвоена, у меня мало оставалось колебаній. Предположивъ, что при моемъ пролетѣ я встрѣчусь съ атмосферой *существенно* тою же самой, что на земной поверхности, я помыслилъ, что съ помощью весьма остроумнаго аппарата г. Гримма, я легко смогу сгустить ее въ достаточномъ количествѣ для цѣлей дыханія. Это устранило бы главное препятствіе путешествія къ лунѣ. И дѣйствительно, я истратилъ кое-какія монеты, и значительно потрудился надъ примѣненіемъ аппарата къ задуманной цѣли; я смотрѣлъ, такимъ образомъ, съ полнымъ довѣріемъ на успѣшность его примѣненія если только я смогу закончить путешествіе въ какой-нибудь не очень большой срокъ.—Это приводитъ меня опять къ *скорости*, съ которою возможно было бы путешествовать.

*) Зодіакальный свѣтъ есть, вѣроятно, то, что древніе называли *Trabes* (огненный столбъ). *Elicant Trabes quos docos vocant.* Плиній, кн. 2, стр. 26.

Конечно, вѣрно, что воздушные шары въ первой стадіи ихъ восшествія надъ землею поднимаются какъ извѣстно, съ быстротой сравнительно умѣренной. Но сила восхожденія зависитъ всецѣло отъ превосходящей тяжести атмосфернаго воздуха сравнительно съ газомъ шара, и на первый взглядъ не представляется вѣроятнымъ, чтобы, по мѣрѣ того какъ шаръ поднимается на большую высоту и слѣдственно прибываетъ послѣдовательно въ атмосферныя слои быстро уменьшающейся густоты—я говорю, вовсе не представляется постижимымъ, чтобы при этомъ восхожденіи шара вверхъ, первичная быстрота ускорялась. Съ другой стороны, я не припомню, чтобы при какомъ-нибудь рассказанномъ восхожденіи замѣчалось *уменьшеніе* безусловной скорости восхожденія; хотя таковое должно было бы возникнуть, если не по причинѣ чего-либо иного, то по причинѣ ускользанія газа изъ шаровъ, дурно построенныхъ и покрытыхъ не лучшимъ матеріаломъ, чѣмъ обыкновенный лакъ. Казалось, поэтому, что эффектъ такого ускользанія газа лишь достаточенъ для того, чтобъ явиться противовѣсомъ эффекту ускоренія, достигнутаго при уменьшеніи разстоянія шара отъ центра тяготѣнія. Я принялъ теперь въ соображеніе, что, разъ въ моемъ прохожденіи я найду *среду*, которую я вообразилъ, и разъ она окажется *существенно* тѣмъ, что мы называемъ атмосферическимъ воздухомъ, будетъ сравнительно мало разницы, въ какомъ крайнемъ состояніи разрѣженности я ее открою—то-есть касательно силы моего восхожденія—потому что газъ въ воздушномъ шарѣ не только былъ бы самъ подверженъ подобной разрѣженности (въ соразмѣрности съ чѣмъ я могъ бы предоставить газу ускользать настолько, сколько было бы потребно, дабы предупредить взрывъ), но, *будучи* тѣмъ, что онъ есть, во всякомъ случаѣ онъ продолжалъ-бы быть меньшаго удѣльнаго вѣса, чѣмъ какая-либо другая простая смѣсь изъ азота и водорода. Такимъ образомъ, у меня былъ нѣкоторый шансъ—въ дѣйствитель-

ности было большое вѣроятіе—что ни въ какое время моего восхожденія я не достигну какой-либо точки, гдѣ соединенный вѣсъ моего огромнаго шара, непостижимо разрѣженнаго газа въ немъ содержащагося, лодочки, и всего въ ней находящагося, не сравняется съ вѣсомъ массы смѣщенной окружающей атмосферы. И какъ легко понять, это есть единственное условіе, которымъ дальнѣйшій мой взлетъ вверхъ былъ бы задержанъ. Но, если-бы эта точка даже была достигнута, я могъ бы освободиться отъ балласта и другого вѣса до размѣра приблизительно въ 300 фунтовъ. Тѣмъ временемъ сила тяготѣнія постоянно уменьшалась бы, пропорціально квадратамъ разстояній, и, такимъ образомъ, со скоростью чудесно возростающей, я, наконецъ, прибылъ бы въ тѣ далекія области, гдѣ сила земнаго притяженія замѣнилась бы притяженіемъ луны.

Была, однако, другая трудность, которая причиняла мнѣ нѣкоторое безпокойство. Было наблюдено, что, при поднятіи шара на какую-либо значительную высоту, наряду съ трудностью дыханія испытывается въ сильной степени тревожное состояніе головы и тѣла, часто сопровождающееся кровотеченіемъ изъ носа, и другими симптомами тревожнаго характера, каковыя дѣлаются все болѣе и болѣе затруднительными, въ соразмѣрности съ достигаемой высотой. *) Это соображеніе было характера нѣсколько ошеломляющаго. Не было ли правдоподобнымъ, что эти симптомы будутъ увеличиваться, пока не закончатся самой смертью? Въ концѣ концовъ я этого не думалъ. Причины ихъ возникновенія нужно было искать въ прогрессивномъ исчезновеніи *обычнаго* атмосфернаго давленія

*) Послѣ перваго опубликованія „Ганса Пфоолля“, я узналъ, что Мистеръ Гринъ, летавшій на знаменитомъ воздушномъ шарѣ *Нассау*, и другіе недавніе воздухоплаватели, отрицаютъ утвержденіе Гумбольдта въ этомъ отношеніи, и говорятъ объ *уменьшающейся* трудности,—какъ разъ въ согласіи съ теоріей, здѣсь развиваемой.

на поверхность тѣла, и возникающаго отсюда расширенія поверхностныхъ кровеносныхъ сосудовъ — не въ какой-либо положительной дезорганизациі животной системы, какъ это мы наблюдаемъ касательно трудности лыханія, въ каковомъ случаѣ густота атмосферы *химически недостаточна* для должнаго обновленія крови въ полости сердца. За исключеніемъ недостатка этого обновленія, я не видѣлъ, такимъ образомъ, основанія, почему бы жизнь не могла поддерживаться даже въ *вакуитѣ*, въ *пустотѣ*; ибо расширение и сжатіе грудной кѣтки, въ просторѣчии именуемое дыханіемъ, есть дѣйствіе чисто мускульное, и есть *причина*, а не *слѣдствіе* дыханія. Словомъ, я помыслилъ, что, такъ какъ тѣло стало бы привыкать къ отсутствію атмосферическаго давленія, эти ощущенія страданія стали бы постепенно уменьшаться — а что я ихъ снесу, въ то время какъ они будутъ продолжаться, въ этомъ я всецѣло полагаюся на желѣзную крѣпость моего тѣлосложенія.

Такимъ образомъ, съ соизволенія Вашихъ Превосходительствъ, я обстоятельно изложилъ нѣкоторыя, хотя никоимъ образомъ не всѣ, соображенія, которыя побудили меня составить проэктъ путешествія на луну. Я изложу теперь передъ вами результаты попытки, повидимому, столь дерзновенной по замыслу, и, во всякомъ случаѣ, столь крайне безпримѣрной въ анналахъ человѣчества.

Достигнувъ высоты, уже упомянутой — то-есть трехъ миль и трехъ четвертей — я выбросилъ изъ лодочки нѣкоторое количество перьевъ, и нашель, что я все продолжалъ восходить съ достаточной быстротой; такимъ образомъ не было никакой необходимости освободиться отъ балласта. Этимъ я былъ обрадованъ, такъ какъ я желалъ удержать при себѣ столько вѣса, сколько могу снести, по очевидной причинѣ, что я не могъ бы быть *положительно увѣреннымъ* ни касательно тяготѣнія, ни касательно густоты лунной атмосферы. До сихъ поръ я еще не испытывалъ никакого тѣлеснаго безпокойства, дышалъ легко и вольно,

и не чувствовалъ никакой боли въ головѣ. Кошка лежала съ большой важностью на моей курткѣ, которую я снялъ съ себя, и оглядывала голубей съ видомъ небрежнымъ. Эти послѣдніе, будучи привязаны за ногу, въ предупрежденіе ихъ исчезновенія, не теряли времени напрасно, и хлопотливо подклеивали зернышки риса, разбросанныя для нихъ на днѣ лодочки.

Въ двадцать минутъ седьмого барометръ показывалъ высоту въ 26.400 футовъ, или пять миль съ дробью. Перспектива казалась безграничной. Весьма легко было, впрочемъ, съ помощью сферической геометріи исчислить, какъ велика была протяженность земной площади, которую я созерцалъ. Выпуклая поверхность какого-либо сегмента шара относится ко всей поверхности самого шара, какъ обращенный синусъ сегмента къ діаметру шара. Въ моемъ же случаѣ обращенный синусъ — то — есть *плотность* сегмента подо мною — былъ, приблизительно, равенъ моей высотѣ, или высотѣ точки зрѣнія надъ поверхностью. „Какъ пять миль, значить, къ восьми тысячамъ“, опредѣлило бы пропорцію земной площади, мнѣ видимой. Другими словами, я видѣлъ ни болѣе ни менѣе какъ тысяча шестисотую часть всей земной поверхности. Море представлялось невозмутимымъ, какъ зеркало, хотя съ помощью телескопа я могъ увидать, что оно находилось въ состояніи сильнѣйшаго волненія. Корабля болѣе не было видно, его, какъ кажется, отнесло прочь къ востоку. Я началъ теперь испытывать время отъ времени очень сильную головную боль, особенно около ушей — все же, однако, я дышалъ еще довольно свободно. Кошка и голуби, повидимому, не испытывали никакого неудобства.

Безъ двадцати минутъ въ семь шаръ вступилъ въ длинные ряды густого облака, что причинило мнѣ большую неприятность, ибо повредило мой сгустительный приборъ, и, кромѣ того, я промокъ до костей. Это была, могу сказать, совсѣмъ особенная *встрѣча* — *поединокъ*,

потому что я не считалъ возможнымъ, чтобы облако такого свойства могло держаться на такой высотѣ. Я счелъ за лучшее, однако, выбросить двѣ пяти-фунтовыя штуки балласта, сохраняя еще вѣсь въ сто шестьдесятъ пять фунтовъ. Послѣ того какъ я это сдѣлалъ, я быстро вышелъ изъ затрудненія, и немедленно замѣтилъ, что я получилъ большое увеличеніе въ скорости восхожденія. Нѣсколько секундъ спустя, послѣ того какъ я вышелъ изъ облака, вспышка яркой молніи озарила его изъ конца въ конецъ, и зажгла его во всемъ его обширномъ протяженіи, какъ массу пылающаго угля. Это, нужно помнить, было среди бѣла дня. Никакая фантазія не сможетъ изобразить возвышенность зрѣлища, которое предстало бы глазамъ, если бы подобное явленіе возникло среди темноты ночи. Самъ адъ нашелъ бы здѣсь подходящій образъ. Даже при томъ зрѣлщѣ, какое возникло, волосы мои стали дыбомъ, между тѣмъ какъ я глядѣлъ глубоко внизъ, въ зіяющія пропасти, дозволяя воображенію нисходить и блуждать по страннымъ сводчатымъ чертогамъ, въ красноватыхъ заливахъ, и въ красныхъ устрашающихъ разсѣлинахъ чудовищнаго и непслѣдимаго огня. Поистинѣ, я едва-едва ускользнулъ. Если бы шаръ оставался немного долѣе въ облакѣ—то-есть, если бы, благодаря тому, что я промокъ, я не рѣшилъ сбросить часть балласта—гибель моя могла бы быть, и, вѣроятно, была бы, немедленнымъ послѣдствіемъ. Такія опасности, хотя ихъ мало принимаютъ во вниманіе, быть можетъ суть величайшія изъ всѣхъ, съ которыми должно считаться при поднятіи на воздушномъ шарѣ. Въ то время, однако, я достигъ слишкомъ большой высоты, чтобы еще безпokoнться на этотъ счетъ.

Я быстро теперь поднимался, и въ семь часовъ барометръ указывалъ высоту не меньшую, чѣмъ девять съ половиною миль. Я началъ чувствовать большія трудности при дыханіи. У меня мучительно, кромѣ того, болѣла голова; и послѣ того какъ я въ теченіи нѣкотораго времени

чувствовалъ на щекахъ влажность, я, наконецъ, открылъ, что это была кровь, которая просачивалась очень быстро изъ барабанной перепонки. Глаза мои также причиняли мнѣ большое безпокойство. Когда я провелъ по нимъ рукою, мнѣ показалось, что они выступили изъ орбитъ въ немалой степени; и всѣ предметы въ лодочкѣ, и даже самъ воздушный шаръ, представлялись искаженными моему зрѣнію. Эти симптомы были больше того, чего я ожидалъ, и причинили мнѣ нѣкоторую тревогу. При такомъ стеченіи обстоятельствъ, весьма неосмотрительно, и хорошенько не подумавъ, я выбросилъ изъ лодочки три пяти-фунтовыхъ штуки балласта. Ускоренная быстрота восхожденія, такимъ образомъ полученная, увлекла меня слишкомъ проворно, и безъ достаточной постепенности, въ верхній разрѣженный слой атмосферы, и результатъ едва не оказался фатальнымъ для моей экспедиціи и для меня самого. Я былъ внезапно схваченъ спазмами, которыя длились свыше пяти минутъ, и даже, когда они въ извѣстной мѣрѣ окончились, я могъ передохнуть лишь черезъ большіе промежутки времени, и задыхаясь, межъ тѣмъ какъ кровь обильно текла изъ носа и ушей, и даже слегка изъ глазъ. Голуби казались встревоженными до послѣдней степени и билпсь, стараясь ускользнуть; а кошка жалобно мяукала, и, высунувъ языкъ изо рта, металась, спотыкаясь, взадъ и впередъ по лодочкѣ, какъ бы подъ дѣйствіемъ яда. Я увидалъ теперь, слишкомъ поздно, насколько я былъ опрометчивъ, выбросивъ балластъ, и возбужденіе мое было чрезвычайнымъ. Я ничего не ждалъ болѣе, кромѣ смерти, и смерти черезъ нѣсколько минутъ. Физическія страданія, которыя я перенесъ, обусловили также то, что сдѣлали меня почти неспособнымъ предпринять какія-либо усилія для сохраненія моей жизни. У меня, правда, мало осталось силы для размышленія, и жестокость головной боли, казалось, очень увеличилась еще. Такимъ образомъ, я увидалъ, что чувства мои вскорѣ совсѣмъ мнѣ измѣнятъ, и

я уже уцѣпился за одну изъ веревокъ отъ предохранительнаго клапана, чтобы попытаться опуститься, какъ воспоминаніе о продѣлкѣ, которую я сыгралъ съ тремя своими кредиторами, и возможные послѣдствія отсюда для меня, если я вернусь, заставили меня удержаться. Я легъ на дно лодочки и попытался собраться съ силами. Въ этомъ я настолько преуспѣлъ, что рѣшился произвести опытъ и пустить себѣ кровь. Не имѣя, однако, ланцета, я былъ принужденъ совершить операцію какъ только могъ, и, наконецъ, мнѣ удалось вскрыть вену въ моей лѣвой рукѣ остриемъ моего перочиннаго ножа. Кровь едва начала течь, какъ я испыталъ чувствительное облегченіе. И когда я потерялъ около половины небольшого таза, бѣльшая часть изъ наихудшихъ симптомовъ оставила меня совершенно. Тѣмъ не менѣе, я не счелъ надлежащимъ пытаться встать на ноги немедленно; но, завязавъ себѣ руку, какъ только умѣлъ, я продолжалъ лежать еще около четверти часа. По истеченіи этого времени, я всталъ и почувствовалъ себя болѣе свободнымъ отъ какого-либо *страданія*, нежели я былъ въ теченіи всего послѣдняго часа съ четвертью, при моемъ восхожденіи. Затруднительность дыханія уменьшилась, однако, въ очень малой степени, и вскорѣ я нашелъ, что положительно необходимо воспользоваться моимъ спусителемъ. Тѣмъ временемъ, взглянувъ на кошку, которая опять уютно расположилась на моей курткѣ, я открылъ, къ величайшему моему удивленію, что она воспользовалась моимъ нездоровьемъ, чтобы принести на свѣтъ пометъ въ три маленькихъ котенка. Это было прибавленіе къ числу пассажировъ, для меня совершенно неожиданное; но я былъ радъ случаю. Онъ долженъ былъ мнѣ доставить возможность нѣкоторымъ образомъ провѣрить истинность догадки, которая, болѣе чѣмъ что-нибудь другое, побудила меня предпринять это восхожденіе. Я вообразилъ, что обычное испытываніе атмосфернаго давленія на земной поверхности было причиною или главною причиною страда-

нія, сопровождающаго животное существованіе, на какомъ-либо разстояніи надъ поверхностью. Если котята будутъ испытывать неудобство *въ равной степени съ своей матерью*, я долженъ считать мою теорію ошибочной, но, ежели этого не будетъ, я долженъ буду считать это сильнымъ подтвержденіемъ моей мысли.

Въ восемь часовъ я достигъ высоты въ семнадцать миль надъ поверхностью земли. Такимъ образомъ, мнѣ представлялось очевиднымъ, что скорость моего восхожденія не только увеличилась, но что прогрессія была бы явною въ малой степени, даже, если бы я не освободился отъ извѣстной доли балласта, какъ я это сдѣлалъ. Боли въ головѣ и ушахъ возвращались по временамъ съ большою силою, и время отъ времени у меня еще продолжалось кровотеченіе изъ носу; но въ цѣломъ, я испытывалъ страданія гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Дышалъ я, однако, съ каждой минутой все съ большей и большей трудностью, и каждое вдыханіе сопровождалось очень неприятнымъ судорожнымъ сокращеніемъ грудной кѣтки. Я распаковалъ стусительный приборъ, и приготовилъ его для немедленнаго примѣненія.

Видъ земли въ этотъ періодъ моего восхожденія былъ по-истинѣ прекрасенъ. На западъ, на сѣверъ, и на югъ, такъ далеко, какъ только я могъ видѣть, лежала безконечная полоса, повидимости, совершенно гладкаго океана, который съ минуты на минуту пріобрѣталъ въ глубинѣ оттѣнка синевы. На большомъ разстояніи къ востоку, хотя совершенно различимые, простирались острова Великобританіи, всѣ Атлантическіе берега Франціи и Испаніи, съ небольшою частью сѣвернаго берега Африканскаго материка. Отдѣльныхъ зданій нельзя было открыть ни слѣда, и самые гордые города человѣчества совершенно исчезли съ лица земли.

Что въ особености изумило меня въ ликѣ вещей, находившихся внизу, это кажущаяся вогнутость поверхности

шара. Достаточно необдуманно я ждалъ, что я увижу дѣйствительную его *выпуклость* вполне четко по мѣрѣ восхожденія; но самого малаго размышленія было довольно, чтобы объяснить это противорѣчiе. Линія, опущенная отъ моего положенія перпендикулярно къ землѣ, образовала бы перпендикуляръ прямоугольнаго треугольника, основаніе котораго простиралось бы подъ прямымъ угломъ къ горизонту, а гипотенуза отъ горизонта къ горизонту моего положенія. Но моя высота была малой или ничѣмъ въ сравненіи съ моей перспективой. Другими словами, основаніе и гипотенуза предполагаемаго треугольника были бы, въ моемъ случаѣ, такими длинными, по сравненію съ перпендикуляромъ, что они могли быть разсматриваемы почти какъ параллель. Такимъ образомъ, горизонтъ воздухоплатателя предстаетъ всегда какъ бы *на одномъ уровнѣ* съ лодочкой. Но, такъ какъ точка, непосредственно находящаяся подъ нимъ, кажется находящейся, и, дѣйствительно, находится, на большемъ разстояніи ниже его, она кажется также находящейся на большемъ разстояніи ниже горизонта. Отсюда впечатлѣніе вогнутости, и это впечатлѣніе должно оставаться до тѣхъ поръ, пока высота не будетъ находиться въ такомъ соотношеніи къ перспективѣ, что видимый параллелизмъ основанія гипотенузы — исчезнетъ.

Голуби въ это время, казалось, испытывали большія страданія и я рѣшилъ выпустить ихъ на волю. Я отвязалъ сперва одного изъ нихъ, красиваго сизо-красчатаго голубя, и помѣстилъ его на закраинѣ изъ ивоваго прута. Онъ казался крайне растеряннымъ, съ тревогой смотрѣлъ вокругъ себя, всплескивалъ крыльями и издавалъ громкое воркованье, но его нельзя было убѣдить дерзнуть устремиться за лодочку. Я, наконецъ, взялъ его, и бросилъ ярдовъ на шесть отъ шара. Онъ, однако, не сдѣлалъ никакой попытки опуститься, какъ я ожидалъ, но съ судорожной борьбой рьяно устремился назадъ, испуская въ то же самое время очень рѣзкіе, пронзительные крики. Ему, на-

конецъ, удалось занять прежнее свое мѣсто на закраинѣ, но, едва онъ это сдѣлалъ, какъ голова его опустилась на грудь, и онъ упалъ въ лодочку мертвый. Другой оказался не столь злополучнымъ. Чтобы помѣшать ему послѣдовать примѣру его сотоварища, и чтобъ онъ не вернулся, я изъ всѣхъ моихъ силъ бросилъ его внизъ, и съ удовольствіемъ увидалъ, что онъ продолжалъ свое нисхождение съ великой быстротой, легко пользуясь своими крыльями, и летя совершенно естественнымъ образомъ. Въ очень короткое время онъ исчезъ изъ виду, и я не сомнѣваюсь, что онъ благополучно прибылъ домой. Киска тѣмъ временемъ, которая, повидимому, въ большой мѣрѣ оправилась отъ своего нездоровья, съ большимъ удовольствіемъ полакомилась умершей птицей, и затѣмъ улеглась спать съ явнымъ удовлетвореніемъ. Котята ея выказывали большую живость, и пока не являли ни малѣйшаго признака безпокойства.

Въ четверть девятаго, не будучи болѣе способенъ дышать безъ самаго невыносимаго страданія, я началъ безъ промедленія прилаживать вокругъ лодочки сгустительный приборъ. Этотъ аппаратъ требуетъ нѣкотораго разъясненія, и Ваши Превосходительства да соизволятъ помнить, что цѣлью моею, прежде всего, было окружить себя и лодочку, цѣликомъ, нѣкоторой баррикадой, для защиты отъ чрезвычайно разрѣженной атмосферы, въ каковой я находился, съ намѣреніемъ ввести въ эту баррикаду, съ помощью моего сгустителя, нѣкоторое количество той же самой атмосферы, достаточно сгущенной для цѣлей дыханія. Съ этою цѣлью я приготовилъ очень крѣпкій, совершенно непроницаемый для воздуха, но гибкій эластическій каучуковый мѣшокъ. Въ этомъ мѣшкѣ, который былъ достаточныхъ размѣровъ, была нѣкоторымъ образомъ, помещена вся лодочка. То-есть, мѣшокъ былъ протянутъ по всему дну лодочки до ея краевъ и простирался дальше вдоль наружной стороны веревокъ до верхняго края или обода, гдѣ была закрѣплена сѣть. Послѣ того какъ я

втянулъ, такимъ образомъ, мѣшокъ вверхъ и образовалъ полную загородку со всѣхъ сторонъ, и на днѣ было необходимо теперь закрѣпить верхъ или отверстіе, пропустивъ ткань надъ ободомъ сѣти, другими словами, между сѣтью или ободомъ.

Но, если бы сѣть была отдѣлена отъ обода, чтобы пропустить ткань, что должно было поддерживать въ это время лодочку? Ткань была прикрѣплена къ ободу не непосредственно, а привязана цѣлымъ рядомъ глухихъ петель, или узловъ. Я, поэтому, развязалъ лишь нѣкоторые изъ этихъ узловъ, на время предоставляя лодочкѣ висѣть на остальныхъ. Помѣстивъ, такимъ образомъ, часть ткани, именно верхнюю часть мѣшка, я вновь прикрѣпилъ петли не къ ободу, ибо это было бы невозможно, разъ ткань являлась теперь преградой, но къ цѣлому ряду большихъ пуговицъ, прикрѣпленныхъ къ самой ткани, фута на три ниже отверстія мѣшка; промежутки между пуговицами были сдѣланы такъ, что они соотвѣтствовали промежутку между петлями. Послѣ того, какъ это было сдѣлано, еще нѣсколько петель было отвязано отъ закраины, помѣщена была дальнѣйшая часть ткани, и освободившіяся петли были такимъ образомъ соединены съ соотвѣтственными пуговицами. Этимъ способомъ было возможно помѣстить всю верхнюю часть мѣшка между сѣтью и ободомъ. Очевидно, что ободъ долженъ былъ теперь упасть внизъ въ лодочку, между тѣмъ какъ вѣсъ лодочки цѣликомъ, со всѣмъ ея содержимымъ, долженъ былъ теперь поддерживаться исключительно силою пуговицъ. Это на первый взглядъ можетъ показаться весьма рискованнымъ; но это отнюдь не было такъ, ибо пуговицы, не только были очень крѣпкія сами по себѣ, но и находились такъ близко одна отъ другой, что лишь очень малая часть всего вѣса была поддерживаема каждою изъ нихъ. На самомъ дѣлѣ, если бы лодочка со своимъ содержимымъ вѣсила въ три раза болѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности, я и тогда бы ни мало не беспокоился. Я

оняты приподняты теперь ободъ въ покрывкѣ изъ эластическаго каучука, и подперъ его почти на прежней его высотѣ съ помощью трехъ легкихъ шестовъ, приготовленныхъ для даннаго случая. Это было сдѣлано, конечно, для того, чтобы держать мѣшокъ расширеннымъ на верхушкѣ, и сохранять нижнюю часть сѣтки въ ея надлежащемъ положеніи. Все, что теперь оставалось еще сдѣлать, это завязать отверстіе загородки; и это я легко выполнилъ, собравъ складки ткани и закрутивъ ихъ очень туго внутри съ помощью нѣкоторой неподвижной *рогатки*.

Въ бокахъ покрывки, такимъ образомъ приспособленной вокругъ лодочки, были вдѣланы три круговыя вставки изъ толстаго, но прозрачнаго, стекла, черезъ которыя я могъ безъ затрудненій смотрѣть вокругъ меня въ любомъ горизонтальномъ направленіи. Въ части ткани, образующей дно, было помѣщено подобнымъ же образомъ четвертое окно, свойства того же самаго, и соединенное съ маленькимъ отверстіемъ въ полу лодочки. Оно давало мнѣ возможность смотрѣть перпендикулярно внизъ, но, будучи лишенъ возможности помѣстить подобное же приспособленіе надъ головой моею, по причинѣ особеннаго способа, которымъ мнѣ пришлось закрыть здѣсь отверстіе, и возникшихъ благодаря этому складокъ ткани, я, конечно, не могъ ожидать, что буду видѣть какіе-нибудь предметы, находящіеся прямо надо мной въ зенитѣ. Это, конечно, было обстоятельствомъ маловажнымъ, потому что, если бъ я даже имѣлъ возможность помѣстить окно наверху, самъ шаръ помѣшалъ бы мнѣ пользоваться имъ.

Приблизительно на футъ подъ однимъ изъ боковыхъ оконъ было круговое отверстіе, трехъ дюймовъ въ діаметрѣ, и снабженное мѣдной закраиной, приспособленной въ своемъ внутреннемъ краѣ къ извивамъ винта. Въ этой закраинѣ была ввинчена большая трубочка сгустителя, причемъ самый остовъ машины находился, конечно, въ горенкѣ изъ гуммиластика. Черезъ эту трубочку съ помощью пу-

стоты, создаваемой въ остовѣ машины, привлекалось извѣстное количество вокругъ лежащей рѣдкой атмосферы, и освобождалось оттуда въ состояніи сгущенія, чтобы смѣшиваться съ тонкимъ воздухомъ, находившимся въ горенкѣ. Эта операція, будучи повторена нѣсколько разъ, наконецъ, наполняла горенку атмосферой, пригодной для цѣлей дыханія. Но въ такомъ ограниченномъ пространствѣ воздухъ въ короткое время необходимо становился дурнымъ и негоднымъ для пользованія, благодаря частому соприкосновенію съ легкими. Онъ выбрасывался тогда черезъ небольшую створку на днѣ лодочки, густой воздухъ быстро опускался въ болѣе тонкую атмосферу внизу. Дабы избѣгнуть неудобства создаванія въ какой-либо моментъ полной пустоты въ горенкѣ, это очищеніе никогда не исполнялось все сразу, но постепенно, створка открывалась лишь на нѣсколько секундъ, затѣмъ снова закрывалась, пока однимъ—двумя ударами изъ насоса сгуститель не заполнялъ мѣста выброшенной атмосферы. Ради опыта я помѣстилъ кошку съ котятками въ небольшую корзину, и подвѣсилъ ее внѣ лодочки къ луговицѣ, находившейся на днѣ, какъ разъ около створки, черезъ которую я могъ кормить ихъ, какъ только представлялась необходимость. Я сдѣлалъ это съ нѣкоторымъ небольшимъ рискомъ, и прежде чѣмъ раскрылъ отверстіе горенки, достигнувъ подъ лодочку однимъ изъ вышеупомянутыхъ шестовъ, къ которому былъ придѣланъ крюкъ. Какъ только густой воздухъ былъ допущенъ въ горенку, ободъ и шести сдѣлались бесполезными; расширение заключенной атмосферы съ силою растянуло гуммиластикъ.

Въ то время когда я совершенно окончилъ всѣ эти приспособленія и наполнилъ сгущеннымъ воздухомъ горенку, какъ я это объяснилъ, было безъ десяти минутъ девять. Въ теченіи всего періода времени, пока я былъ такъ занятъ, я испытывалъ страшное неудобство отъ трудности дыханія, и горько раскаивался въ небрежности или, вѣрнѣе,

въ опрометчивости, въ которыхъ былъ повиненъ, отложивъ до послѣдней минуты обстоятельство такой большой важности. Но, наконецъ, выполнивъ это, я началъ пожинать плоды моего изобрѣтенія. Вотъ снова я дышалъ съ полной свободой и легкостью — и почему бы нѣтъ? Я былъ также пріятно удивленъ, увидя, что я въ большой степени освободился отъ сильныхъ болей, доселѣ мучившихъ меня. Единственно, на что я могъ еще пожаловаться, была легкая головная боль, сопровождавшаяся ощущеніемъ полноты, или расширенія, около кистей рукъ, щиколокъ и горла. Такимъ образомъ, казалось очевиднымъ, что большая часть неудобствъ, сопровождающихъ уничтоженіе атмосфернаго давленія, въ дѣйствительности *исчезла*, какъ я ожидалъ, и что многія изъ страданій, перенесенныхъ за послѣдніе два часа, должны быть приписаны всецѣло дѣйствию недостаточнаго дыханія.

Въ девять часовъ безъ двадцати — то - есть незадолго передъ тѣмъ какъ я закрылъ отверстіе горенки — ртуть достигла своего предѣла, или сбѣжала внизъ, въ барометръ, который, какъ я выше упоминалъ, былъ весьма значительной конструкціи. Она указывала тогда высоту 132.000 футовъ, или двадцать пять миль, и слѣдственно я въ это время озиралъ пространство земной плоскости, достигавшее не менѣе чѣмъ до триста двадцатой части всей поверхности. Въ девять часовъ я опять потерялъ изъ виду землю къ востоку, но не прежде чѣмъ я увидѣлъ, что шаръ быстро мчится къ Сѣверу-Сѣверо-Западу. Океанъ подо мной попрежнему сохранялъ свою видимую вогнутость, хотя глазамъ моимъ часто представала преграда въ видѣ громадъ облаковъ, которыя плыли туда и сюда.

Въ половинѣ десятаго я для опыта бросилъ черезъ клапанъ пригоршню перьевъ. Они не поплыли въ воздухъ, какъ я ожидалъ, а упали внизъ перпендикулярно, какъ пуля, всей *массой*, и съ величайшей быстротой, черезъ нѣсколько секундъ ихъ уже было не видно. Сперва я не

зналъ, что думать объ этомъ необычайномъ явленіи; я не могъ повѣрить, что скорость моего восхожденія внезапно увеличилась въ такой чудесной степени. Но тутъ же я сообразилъ, что атмосфера была теперь настолькоъ рѣдка, что не могла уже поддерживать и перья; что они на самомъ дѣлѣ упали, какъ это представилось, съ великой быстротой, и что я былъ удивленъ соединенными скоростями ихъ нисхожденія и моего собственнаго восхожденія на высоту.

Въ десять часовъ, какъ я увидѣлъ, у меня было мало чѣмъ занять мое непосредственное вниманіе. Все шло какъ по маслу, и я полагалъ, что шаръ восходилъ съ быстротою, возростающей каждое мгновеніе, хотя у меня не было болѣе средствъ удостовѣрить прогрессію увеличенія скорости. Я не чувствовалъ ни страданія, ни какого-либо безпокойства, и былъ въ наилучшемъ расположеніи духа, чѣмъ въ какое-либо время по моемъ отбытіи изъ Роттердама; занять я былъ тѣмъ теперь, что или освидѣтельствовалъ состояніе различныхъ моихъ приборовъ, или тѣмъ, что возобновлялъ атмосферу въ горенкѣ. Касательно послѣдняго пункта, я рѣшился совершать это возобновленіе въ правильные промежутки сорока минутъ, болѣе въ цѣляхъ сохраненія моего здоровья, нежели потому, чтобы такое частое возобновленіе было безусловной необходимостью. Въ то же самое время я не могъ не дѣлать разныхъ предвосхищеній. Фантазія пиршественно блуждала по причудливымъ и сновидѣннымъ областямъ луны. Воображеніе, чувствуя себя сбросившимъ, наконецъ, всякія колодки, бродило по прихотямъ среди вѣчно-измѣнчивыхъ чудесъ тѣневой и неустойчивой страны. То это были сѣдые, освященные временемъ, лѣса и скалистыя пропасти, и водопады, рушащіеся съ громкимъ гуломъ въ обрывы безъ дна. То я мгновенно вступалъ въ тихія полуденныя уединенія, куда не притягалъ проникнуть ни даже вѣтеръ небесный, и гдѣ обширные луга маковъ и стройныхъ лиліеподобныхъ

цвѣтовъ распространялись за предѣлы утомительнаго пространства, безгласные и недвижные навсегда. Потомъ опять я уходилъ далеко внизъ, въ сторону, совсѣмъ въ другую сторону, гдѣ только и было, что одно туманное неясное озеро съ предѣльною линіей облаковъ. Но не только такія фантазіи, какъ эти, были единственными обладателями моего мозга. Ужасы, свойства болѣе суроваго и чрезвычайно устрашающаго, также нерѣдко надвигались съ упорствомъ на мой умъ, и сотрясали самыя сокровенныя глубины моей души однимъ предположеніемъ объ ихъ возможности. Я, однако не позволялъ моимъ мыслямъ останавливаться сколько-нибудь продолжительно на этихъ послѣднихъ размышленіяхъ, справедливо судя, что дѣйствительныхъ и осязательныхъ опасностей моего путешествія вполне достаточно для безраздѣльнаго вниманія.

Въ пять часовъ пополудни, когда я былъ занятъ обновленіемъ атмосферы въ горенкѣ, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы глянуть на кошку и котятъ черезъ клапанъ. Кошка, повидимому, опять страдала превесью, я безъ колебаній приписалъ ея тревожное состояніе, главнымъ образомъ, трудности дыханія; но опытъ мой съ котятами далъ результатъ весьма странный. Я ожидалъ, конечно, увидѣть, что они являть чувство боли, хотя въ меньшей степени, чѣмъ ихъ мать; и этого было бы достаточно, чтобы подтвердить мое мнѣніе касательно обычной привычки къ атмосферному давленію. Но я не былъ приготовленъ найти ихъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи, пользующимися, очевидно, высокою степенью здоровья, дышущими съ величайшей легкостью и совершенной правильностью, и не выказывающими ни малѣйшаго признака какого-либо безпокойства и неудобства. Я могъ объяснить все это, лишь расширивъ мою теорію, и предположивъ, что чрезвычайно разрѣженная атмосфера вокругъ, быть можетъ, не была, какъ я это предположилъ доказаннымъ химически недостаточной для цѣлей жизни, и что тотъ, кто

родился въ такой *среде*, возможно, могъ бы не ощущать никакого неудобства касательно ея вдыханія, между тѣмъ какъ, по перемѣщеніи его въ болѣе густые *слои* близъ земли, онъ могъ бы испытывать терзанія подобнаго же свойства, какъ тѣ, которыя я такъ недавно испытывалъ. Позднѣе для меня явилась предметомъ глубокаго сожалѣнія моя собственная неловкость, которая въ это время случайно обусловила для меня утрату моей малой кошачьей семьи, и лишила меня возможности разсмотрѣть хорошенько данное обстоятельство, какъ это могъ бы позволить длительный опытъ. Когда я протянулъ руку черезъ клапанъ съ чашкой воды для старшей киски, рукавъ моей рубашки запутался въ петлѣ, поддерживавшей корзинку, и, такимъ образомъ, въ одно мгновеніе сдвинулъ петлю съ пуговицы. Если бы все, по настоящему, исчезло въ воздухѣ, корзинка не умчалась бы у меня изъ виду болѣе рѣзко и внезапно. Положительно не могло быть и десятой доли секунды между срывомъ корзинки и абсолютнымъ ея исчезновеніемъ со всѣмъ содержимымъ. Мои добрыя пожеланія послѣдовали за нею на землю, но, конечно, у меня не было никакой надежды, чтобы кошка или котята пережили приключеніе и смогли повѣдать о своемъ злополучіи.

Въ шесть часовъ я замѣтилъ, что значительная часть видимой земной поверхности къ востоку закуталась въ густую тѣнь, которая продолжала надвигаться съ большою быстротой, пока безъ пяти минутъ въ семь вся зримая поверхность не облеклась темнотою ночи. Лучи заходящаго солнца, однако же, перестали озарять шаръ лишь много спустя послѣ; и это обстоятельство, хотя, конечно, вполне предвидѣнное, не преминуло доставить мнѣ безконечное наслажденіе. Было очевидно, что утромъ я буду видѣть восходящее свѣтило, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько часовъ раньше гражданъ Роттердама, несмотря на то, что они находились гораздо дальше къ востоку, и такимъ

образомъ, день ото дня, въ соотвѣтствіи съ приобретаемой высотой, я буду услаждаться свѣтомъ солнца все на большіе и большіе промежутки времени. Я рѣшился теперь вести путевой дневникъ, отсчитывая дни отъ часа до двадцати четырехъ часовъ непрерывно, не принимая въ соображеніе промежутки темноты.

Въ десять часовъ, чувствуя сонливость, я рѣшилъ лечь и отдохнуть остатокъ ночи; но тутъ представилось затрудненіе, которое, будучи, повидимому, явнымъ, ускользнуло отъ моего вниманія до того самаго момента, о которомъ я сейчасъ говорю. Если я лягу спать, какъ я вознамѣрился, какъ же атмосфера въ горенкѣ будетъ обновляться за этотъ промежутокъ времени? Дышать ею свыше часа—это крайній срокъ—было бы обстоятельствомъ совершенно невозможнымъ; или, если бы даже этотъ срокъ могъ быть растянутъ до часа съ четвертью, самыя пагубныя послѣдствія могли бы возникнуть. Разсмотрѣніе этой дилеммы причиняло мнѣ немалое безпокойство; и врядъ ли мнѣ повѣрять, что послѣ опасностей, черезъ которыя я прошелъ, я могъ взглянуть на это дѣло въ такомъ серьезномъ свѣтѣ, что отказался отъ всякой надежды выполнить мой крайній замыселъ, и въ концѣ концовъ, порѣшилъ, что необходимо опускаться внизъ. Но это колебаніе было лишь мгновеннымъ. Я сообразилъ, что чловѣкъ есть самый доподлинный рабъ привычки, и что многія изъ обстоятельствъ въ рутинѣ его существованія, сочтены *существенно* важными, на самомъ же дѣлѣ, они суть таковы *лишь* потому, что онъ сдѣлалъ ихъ обычными. Было вполне достовѣрно, что я не могъ обойтись безъ сна; но я легко могъ бы заставить себя не чувствовать особеннаго неудобства, если бы я просыпался черезъ промежутки каждаго часа, въ продолженіи всего времени моего отдыха. Потребовалось бы самое большее пять минутъ, чтобы обновить атмосферу самымъ полнымъ образомъ, и что представляло единственную дѣйствительную

трудность, это измыслить способъ пробужденія, въ надлежащій для этого моментъ. Но это былъ вопросъ, охотно признаюсь, причинившій мнѣ немалыя трудности при его разрѣшеніи. Конечно, я слыхалъ о томъ студентѣ, который, дабы не заснуть надъ своими книгами, держалъ въ одной рукѣ мѣдный шаръ, нисхождение коего въ тазъ изъ того же металла, находившійся на полу рядомъ съ его стуломъ, звономъ своимъ успѣшно служило для того, чтобы заставить его вздрогнуть и опомниться, ежели бы въ какой-нибудь мигъ онъ былъ захваченъ сонливостью. Мой собственный случай, однако, былъ весьма отличнаго свойства, и не давалъ мнѣ мѣста для подобной мысли; ибо я желалъ не бодрствовать, а просыпаться отъ сна въ правильные промежутки времени. Наконецъ, я натолкнулся на слѣдующее средство, которое, какъ бы оно ни казалось простымъ, было мной привѣтствуемо въ мигъ открытія, какъ изобрѣтеніе совершенно равное по достоинству изобрѣтенію телескопа, паровой машины, или даже, книгопечатанія.

Необходимо отмѣтить, что шаръ, на высотѣ, которой я теперь достигъ, продолжалъ свое шествіе вверхъ, ровнымъ и неуклоннымъ восхожденіемъ, и, слѣдственно, лодочка слѣдовала за нимъ со стойкостью столь совершенной, что невозможно было бы открыть въ ней ни малѣйшаго колебанія. Обстоятельство это чрезвычайно благоприятствовало тому проекту, который я теперь рѣшилъ примѣнить. Мой запасъ воды былъ помѣщенъ на шаръ въ боченкахъ, по пяти галлоновъ каждый, и боченки эти выстроены въ рядъ, и тщательно закрѣплены вокругъ внутренней части лодочки. Я отвязалъ одинъ изъ нихъ, и взявъ двѣ веревки, туго привязалъ ихъ поперекъ закраины изъ ивоваго прута отъ одной стороны къ другой, помѣстивъ ихъ приблизительно на футъ одна отъ другой и параллельно, чтобы образовать, такимъ образомъ, нѣкотораго рода полку, на которую я положилъ боченокъ,

и укрѣпилъ его въ горизонтальномъ положеніи. Дюймовъ на восемь непосредственно подъ этими веревками, и на четыре фута отъ дна лодочки, я укрѣпилъ другую полку, но сдѣланную изъ тонкой планки, ибо у меня былъ лишь одинъ такой кусокъ дерева. На эту послѣднюю полку, и какъ разъ подъ одной изъ сторонъ боченка, я помѣстилъ небольшой глиняный кувшинъ. Я пробуравилъ теперь отверстіе въ днѣ боченка надъ кувшиномъ и приладилъ въ него втулку изъ мягкаго дерева, выстругавъ ее заостренной, или конической. Эту втулку я вставлялъ и вынималъ, пока, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, она не сдѣлалась въ точной степени настолько тугой, что вода, просачиваясь изъ отверстія и падая въ находившійся снизу кувшинъ, не наполняла этотъ послѣдній до краевъ въ теченіи шестидесяти минутъ. Въ этомъ, конечно, можно было быстро и легко удостовѣриться, отмѣчая долю кувшина, наполнявшагося въ какое-либо данное время. Когда все это было налажено, остальная часть плана была очевидна. Постель моя такъ была устроена на полу лодочки, что, когда я на нее ложился, голова моя находилась какъ-разъ подъ рыльцемъ кувшина. Было явно, что, по истеченіи каждаго часа, кувшинъ, наполнившись до краевъ, необходимо долженъ былъ бы переполниться, и вода должна была течь черезъ рыльце, каковое было нѣсколько ниже, чѣмъ край. Было очевидно также, что вода, падая, такимъ образомъ, съ высоты большей четырехъ футовъ, не могла не падать на мое лицо, и, какъ вѣрное отсюда слѣдствіе, я долженъ былъ проснуться мгновенно, если бъ я даже спалъ крѣпчайшимъ въ мірѣ сномъ.

Было ровно одиннадцать часовъ, въ то время какъ я закончилъ всѣ эти приспособленія, и я немедленно улегся въ постель съ полнымъ довѣріемъ къ дѣйствительности моего изобрѣтенія. Въ этомъ обстоятельствѣ я и не былъ разочарованъ. Пунктуально каждая шестидесять минутъ

меня пробуждалъ надежный мой хронометръ, я выливалъ содержимое кувшина черезъ дырочку боченка, осуществлялъ обязанности сгустителя, и снова ложился спать. Эти правильные перерывы въ моемъ снѣ причинили мнѣ даже меньше неудобства, чѣмъ я этого ожидалъ. И когда, наконецъ, я проснулся для дня, было семь часовъ, и солнце достигло нѣсколькихъ градусовъ надъ линіей моего горизонта.

Апрѣля 3-го. Я нашелъ, что шаръ находится на огромной высотѣ, и выпуклость земли сдѣлалась теперь поразительно явной. Подо мною въ океанѣ лежитъ гроздь черныхъ пятенъ, несомнѣнно это острова. Надъ головою небо черно, какъ смоль, и звѣзды блистательно зримы; правда, онѣ были такими постоянно, съ перваго дня восхожденія. Далеко къ сѣверу я замѣтилъ тонкую, бѣлую, и чрезвычайно блестящую, линію, или полосу, на краѣ горизонта, и безъ колебаній предположилъ, что это Южный дискъ льдовъ Полярнаго Моря. Любопытство мое было сильно возбуждено, ибо я имѣлъ надежды пройти гораздо дальше къ сѣверу, и возможно, что въ какой-нибудь періодъ времени, я очутился бы какъ разъ надъ самымъ Полюсомъ. Я скорбѣлъ теперь, что великая высота, мною достигнутая, помѣшала бы мнѣ, въ этомъ случаѣ, сдѣлать столь точный оглядъ, какъ я этого могъ желать. Многое, однако же, могло быть наблюдено съ достовѣрностью.

Ничего иного, что было бы необычайно, не случилось со мною въ теченіи этого дня. Аппаратъ мой продолжалъ находиться въ добромъ порядкѣ, и шаръ все продолжалъ восходить, безъ кого-либо ощутимаго колебанія. Холодъ былъ напряженный и побуждалъ меня плотно закутываться въ пальто. Когда тьма опустилась надъ землею, я улегся въ постель, хотя еще нѣсколько часовъ послѣ этого широкій дневной свѣтъ былъ повсюду вокругъ въ моей непосредственной близости. Водяные часы пунктуально выполняли свой долгъ, и я крѣпко спалъ до слѣдующаго

утра, просыпаясь лишь при периодических перерывахъ.

Апрѣля 4-го. Всталъ въ добромъ здоровьи и наилучшемъ расположеніи духа и былъ удивленъ на своеобразную переѣмну, наступившую въ ликѣ моря. Оно потеряло, въ большой мѣрѣ, глубокой отѣнокъ синяго, которымъ отличалось до сихъ поръ, и было теперь сѣровато-бѣлаго цвѣта, и блеска ослѣпительнаго для глаза. Выпуклость океана сдѣлалась настолько очевидной, что вся масса далекой воды, казалось, рушилась стремглавъ надъ стремниной горизонта и, вставъ на ципочки, я прислушивался, ловя дальнее эхо могучаго водопада. Острова были уже невидимы; отошли ли они за горизонтъ къ юго-востоку, или они ушли у меня изъ вида, благодаря моей возрастающей высотѣ, сказать невозможно. Я былъ склоненъ, однако, думать послѣднее. Полоса льда къ сѣверу становилась все болѣе и болѣе явной. Холодъ отнюдь не такой напряженный. Ничего важнаго не произошло, и я провелъ день въ чтеніи, ибо я позаботился запастись книгами.

Апрѣля 5-го. Наблюдалъ своеобразное явленіе восходящаго солнца, между тѣмъ какъ почти вся видимая поверхность земли, продолжала быть закутанной въ темноту. Въ свое время однако, свѣтъ распространился по всему, и я снова увидалъ линію льда къ сѣверу. Она была теперь очень четкой и представлялась гораздо болѣе темнаго цвѣта, нежели воды океана. Я, очевидно, приближался къ ней и съ большой быстротой. Мнилось мнѣ, что я могу еще различать полоску суши къ востоку и такую же къ западу, но не могъ быть въ этомъ увѣреннымъ. Температура умѣренная. Ничего особеннаго не случилось за этотъ день. Рано легъ спать.

Апрѣля 6-го. Былъ удивленъ, увидя полосу льда на очень умѣренномъ разстояніи, и огромное поле того же вещества, простирающееся далеко къ горизонту на сѣверъ. Было очевидно, что, если шаръ удержитъ свой настоящій бѣгъ, онъ вскорѣ будетъ надъ Ледовитымъ Океа-

номъ, и у меня теперь было мало сомнѣній, что я, въ концѣ-концовъ, увижу Полюсь. Въ продолженіи всего дня я продолжалъ приближаться ко льду. Къ ночи границы моего горизонта очень внезапно и существенно увеличились, благодаря, безъ сомнѣнія, формѣ земли, которая есть приплюснутый сфероидъ, и благодаря тому, что я былъ теперь какъ разъ надъ приплюснутыми областями по сосѣдству съ Арктическимъ кругомъ. Когда тьма, наконецъ, захватила меня, я легъ спать въ большомъ безпокойствѣ, боясь пройти надъ предметомъ столь великаго любопытства, когда у меня не будетъ случая наблюдать его.

Апрѣля 7-го. Всталъ рано, и къ великой моей радости, наконецъ, увидалъ то, что безъ колебаній могъ счесть самимъ сѣвернымъ Полюсомъ. Онъ былъ тамъ безъ сомнѣнія и какъ разъ у меня подъ ногами; но, увы! я поднялся теперь на такую обширную высоту, что ничего нельзя было различить съ точностью. На самомъ дѣлѣ, если судить по прогрессіи чиселъ, указанныхъ моими различными высотами, соотвѣтственно, въ различные періоды между шестью часами утра второго апрѣля и девятью безъ двадцати утра того же самаго дня (въ какое время барометръ упалъ), легко можно было вывести, что шаръ теперь, въ четыре часа утра седьмого апрѣля, достигъ высоты *не меньшей*, конечно, чѣмъ 7.254 лишь надъ поверхностью моря. Эта высота можетъ казаться огромной, но оцѣнка, по которой она вычислена, дала результатъ, по всему вѣроятію, гораздо болѣе низкій, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, я безъ сомнѣнія, видѣлъ наибольшій діаметръ всей земли; все сѣверное полушаріе лежало предо мной какъ ортографическая карта въ проэкціи; и великій кругъ самого экватора образовывалъ пограничную линію моего горизонта. Ваши Превосходительства могутъ, однако, легко вообразить, что еще не изслѣдованныя доселѣ области,

заклученныя въ предѣлахъ Арктическаго круга, хотя онѣ и находились какъ разъ подо мной, и потому были видимы безъ какого-либо видимаго сокращенія, были все же сравнительно слишкомъ уменьшены и находились на слишкомъ большомъ разстояніи отъ точки зрѣнія, чтобы допустить какое-либо болѣе или менѣе подробное наблюденіе. Тѣмъ не менѣе, то, что можно было видѣть, было по природѣ своей совершенно своеобразно и очень возбуждало. Къ сѣверу отъ огромной полосы вышеупомянутой, каковая, съ легкимъ ограниченіемъ, можетъ быть названа предѣльной чертой человѣческихъ открытій въ этихъ областяхъ, одна непрерывающаяся, или почти непрерывающаяся, все расширяющаяся, плоскость льда. Въ первыхъ немногихъ ея степеняхъ, ея удаляющаяся впередъ поверхность весьма чувствительно приплюсчивается, дальше она прижата до настоящей равнины, и, наконецъ, дѣлаясь въ значительной степени *вогнутой*, она кончается на самомъ Полюсѣ круговымъ центромъ, четко очерченнымъ, коего видимый діаметръ, подтянутый къ шару, образовывалъ уголъ приблизительно въ шестьдесятъ пять секундъ, и коего темный цвѣтъ, видоизмѣняясь въ напряженности, былъ по временамъ гуще, чѣмъ какое-либо пятно на видимомъ полушаріи, и временами углублялся до самой абсолютной черноты. Дальше чѣмъ это, мало что можно было усмотрѣть. Въ двѣнадцать часовъ круговой центръ существенно уменьшился въ окружности, а въ шесть часовъ по-полудни я совершенно потерялъ его изъ вида; шаръ проходилъ надъ западнымъ краемъ льда, и быстро уплывалъ прочь въ направленіи къ экватору.

Апрѣля 8-го. Усмотрѣлъ значительное уменьшеніе въ видимомъ діаметрѣ земли, наряду съ существеннымъ измѣненіемъ въ общемъ ея цвѣтѣ и видѣ. Вся зримая плоскость, въ различныхъ степеняхъ, была окрашена въ блѣдно-желтый цвѣтъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ пріобрѣла блестящестъ, даже мучительную для глаза. Зрѣніе мое,

устремляясь внизъ, встрѣчало также значительное препятствіе въ видѣ густой атмосферы, которая по сосѣдству съ поверхностью была обременена облаками, между громадами которыхъ я могъ лишь время отъ времени бросить бѣглый взглядъ на самую землю. Эта трудность непосредственнаго наблюденія беспокоила меня болѣе или менѣе въ теченіи послѣднихъ сорока восьми часовъ; но моя теперешняя огромная высота какъ бы сближала тѣснѣе пловучіе объемы паровъ, и неудобство, конечно, становилось все болѣе и болѣе ощутительнымъ, по мѣрѣ моего восхожденія. Тѣмъ не менѣе, я легко могъ наблюсти, что шаръ теперь парилъ надъ цѣпью великихъ озеръ, находящихся на материкѣ Сѣверной Америки, и держалъ свой курсъ къ югу, что вскорѣ должно было меня привести къ тропикамъ. Это обстоятельство не преминуло доставить мнѣ сердечнѣйшее удовлетвореніе и я привѣтствовалъ его, какъ счастливое предзнаменованіе окончательнаго успѣха. На самомъ дѣлѣ, направленіе, въ которомъ я до сихъ поръ поднимался, наполняло меня безпокойствомъ; ибо было очевиднымъ, что если бы я продолжалъ значительно дольше устремляться въ этомъ направленіи, для меня не представилось бы никакой возможности вообще достигъ Луны, орбита которой наклонена къ эклиптикѣ лишь подъ малымъ угломъ въ $5^{\circ} 8' 48''$. Какъ это ни могло показаться страннымъ, лишь въ такую позднюю минуту я началъ понимать, сколь великую я совершилъ ошибку, не избравъ мѣстомъ моего отбытія съ земли, какую-нибудь точку, находящуюся въ *планѣ луннаго эллипса*.

Апрѣля 9-го. Сегодня земной діаметръ сильно уменьшился, и цвѣтъ поверхности съ часа на часъ принималъ все болѣе глубокой оттѣнокъ желтаго цвѣта. Шаръ стойко держался своего курса къ югу, и въ девять часовъ пополудни я былъ надъ сѣвернымъ краемъ Мексиканскаго залива.

Апрѣля 10-го. Я внезапно былъ разбуженъ, около пяти часовъ сегодня утромъ, громкимъ трещащимъ и ужасаю-

щимъ звукомъ, котораго я никоимъ образомъ не могъ себѣ объяснить. Онъ былъ очень непродолжительный, но, въ то время какъ онъ длился, онъ не походилъ ни на что въ томъ мірѣ, въ которомъ у меня былъ предварительный опытъ. Не нужно говорить, что я чрезвычайно встревожился въ первое мгновеніе, приписавъ этотъ шумъ разрыву шара. Я, однако же, осмотрѣвъ все съ большимъ вниманіемъ, не могъ найти никакого безпорядка. Большую часть дня провелъ въ размышленіи о событіи столь чрезвычайномъ, но не могъ найти никакихъ объясненій. Легъ спать недовольный, и въ состояніи большой тревоги и возбужденія.

Апрѣля 11-го. Увидалъ поразительное уменьшеніе въ видимомъ діаметрѣ земли и значительное увеличеніе, нынѣ наблюдаемое впервые, въ діаметрѣ луны, которой оставалось лишь нѣсколько дней, чтобы стать полной. Теперь требовался долгій и чрезмѣрный трудъ, чтобы сгустить въ горенкѣ достаточное количество атмосферическаго воздуха для поддержанія жизни.

Апрѣля 12-го. Нѣкая особенная перемѣна наступила въ направленіи шара, и хотя я ее вполне предвидѣлъ, она причинила мнѣ самое недвусмысленное удовольствіе. Достигши въ первичномъ своемъ курсѣ двадцатой параллели южной широты, онъ рѣзко повернулся, подъ острымъ угломъ, къ востоку, и, такимъ образомъ, продолжалъ путь въ теченіи всего дня, держась почти, если не совершенно, въ точномъ планѣ луннаго эллипса. Что достойно замѣчанія, это—очень ощутительное колебаніе въ лодочкѣ, какъ слѣдствіе этой перемѣны пути, — колебаніе, которое въ большей или меньшей степени продолжалось въ теченіи нѣсколькихъ часовъ.

Апрѣля 13-го. Былъ опять очень встревоженъ повтореніемъ громкаго трещащаго шума, который испугалъ меня десятаго. Долго думалъ объ этомъ предметѣ, но былъ неспособенъ придти къ какому-либо удовлетворительному

заключенію. Большое убываніе въ видимомъ діаметрѣ земли, который образовывалъ теперь съ шаромъ уголъ немного больше, чѣмъ въ двадцать пять градусовъ. Луну вовсе нельзя видѣть, такъ какъ она находится почти въ моемъ зенитѣ. Все продолжалъ свой путь въ планѣ эллипса, но нѣсколько передвинулся къ востоку.

Апрѣля 14-го. Чрезвычайно быстрое уменьшеніе въ діаметрѣ земли. Сегодня былъ сильно импрессионированъ мыслью, что шаръ теперь взбѣгалъ по линіи апсидъ къ точкѣ перигея, — другими словами говоря, держалъ прямой курсъ, который долженъ былъ привести меня немедленно къ лунѣ, къ той части ея орбиты, которая находится наиболѣе близко къ землѣ. Сама луна была какъ разъ надъ моей головой, и слѣдственно скрыта отъ моихъ глазъ. Трудная и долгая работа, необходимая для сгущенія атмосферы.

Апрѣля 15-го. Ни даже очертанія материковъ и морей не могли бы быть теперь прослѣжены четко на землѣ. Около двѣнадцати часовъ я услышалъ въ третій разъ тотъ ужасающій звукъ, который такъ удивилъ меня ранѣе. Онъ, однако, продолжался теперь нѣкоторое время и возросталъ въ напряженности, пока продолжался. Наконецъ, въ то время какъ, ошеломленный и пораженный страхомъ, я стоялъ въ ожиданіи не знаю какой чудовищной гибели, лодочка задрожала чрезвычайно сильно, и гигантская пылающая масса какого-то вещества, которое я не могъ различить, пронеслась съ голосомъ тысячи громовъ, ревя и рыча, около шара. Когда мои страхи и изумленія въ нѣкоторой степени стихли, для меня мало было затрудненій предположить, что это былъ какой-нибудь могучій вулканическій обломокъ, выброшенный изъ того міра, къ которому я такъ быстро приближался, и, по всей вѣроятности, одинъ изъ тѣхъ своеобразныхъ образчиковъ особаго разряда, которые иногда подбираютъ на землѣ и называютъ аэролитами, за недостаткомъ лучшаго наименованія.

Апрѣля 16-го. Сегодня, смотря вверхъ такъ внимательно, какъ только я могъ, черезъ каждое изъ боковыхъ оконъ попеременно, я замѣтилъ, къ великому моему удовольствію, очень малую часть луннаго диска, какъ бы надвигающагося со всѣхъ сторонъ за предѣлами огромной окружности шара. Волненіе мое было чрезвычайнымъ, ибо у меня теперь было мало сомнѣнія, что скоро я достигну конца моего опаснаго путешествія. На самомъ дѣлѣ, работа, которая теперь требовалась спускателемъ, возросла до самой угнетающей степени, и не давала мнѣ ни срока, ни отдыха. О снѣ почти уже и говорить не приходилось. Я совсѣмъ занемогъ и весь дрожалъ отъ истощенія. Было невозможно, чтобы человѣческая природа была способна выносить сколько-нибудь дольше это состояніе напряженнаго страданія. Въ продолженіи, теперь краткаго, промежутка темноты аэролиты опять проходили въ непосредственной отъ меня близости, и частое повтореніе этихъ явленій начало меня весьма беспокоить.

Апрѣля 17-го. Это утро оказалось памятнымъ въ моемъ путешествіи. Нужно помнить, что тринадцатаго, земля при протяженіи ея діаметра составляла уголъ съ шаромъ въ двадцать пять градусовъ. Четырнадцатаго уголъ значительно уменьшился; пятнадцатаго наблюдалось еще болѣе быстрое уменьшеніе, и, отходя ко сну, ночью шестнадцатаго, я замѣтилъ уголъ не большій приблизительно нежели семь градусовъ и пятнадцать минутъ. Каково же, поэтому, должно было быть мое изумленіе, когда, проснувшись послѣ краткаго и тревожнаго сна въ утро этого дня, семнадцатаго, я увидѣлъ поверхность подо мной, такъ внезапно и чудесно *увеличившуюся* въ объемѣ, что она образовывала въ видимомъ своемъ діаметрѣ уголъ не менѣе, чѣмъ въ тридцать девять градусовъ! Я былъ пораженъ, какъ громомъ! Никакія слова не могутъ дать приблизительнаго представленія о томъ крайнемъ безусловномъ ужасѣ и изумленіи, которые мной овладѣли, захватили

меня, и совершенно заполонили. Колѣни мои дрожали подо мной—зубы мои стучали—волосы встали дыбомъ. „Такъ шаръ, значить, лопнулъ!“ Эта была первая мысль, которая бѣшено и смутно пролетѣла въ моемъ умѣ: „Шаръ положительно лопнулъ!—я падаю, падаю съ самой стремительной, съ самой безпримѣрной быстротой! Если судить по тому безмѣрному разстоянію, которое уже пройдено столь поспѣшно, самое большее черезъ десять минутъ я встрѣчусь съ земной поверхностью и низринусь въ уничтоженіе!“ Но въ концѣ концовъ размышленіе пришло ко мнѣ на помощь. Я помедлилъ; я подумалъ; и я началъ сомнѣваться. Это было невозможнымъ. Никакимъ образомъ я не могъ бы такъ быстро опуститься. Кромѣ того, хотя я, очевидно, приближался къ поверхности, находившейся подо мной, быстрота моя никоимъ образомъ не была соразмѣрна съ быстротою, въ первый мигъ мнѣ показавшейся. Этоображеніе заставило смятеніе моего ума утихнуть, и я, наконецъ, смогъ разсматривать явленіе съ его надлежащей точки зрѣнія. На самомъ дѣлѣ, ошеломленіе должно было просто-на-просто лишить меня здраваго смысла, если я не могъ видѣть огромной разницы по виду между поверхностью, находившейся подо мною, и поверхностью моей матери земли. Послѣдняя была въ дѣйствительности надъ головой моей, совершенно скрытая шаромъ, между тѣмъ какъ луна—сама луна во всей своей славѣ—простиралась подо мною и была подъ моими ногами.

Оцѣпенѣніе и удивленіе, созданныя въ моемъ умѣ этой чрезвычайной перемѣной въ положеніи дѣлъ, были, быть можетъ, послѣ всего той частью приключенія, которая наименѣе поддавалась объясненію. Ибо эта *опррокинутость* сама по себѣ не только была естественной и неизбѣжной, но давно была въ точности мною предвидѣна, какъ обстоятельство, котораго нужно ожидать въ любой мигъ, какъ только я прибуду въ тотъ точный надлежащій пунктъ моего путешествія, въ которомъ притяженіе планеты должно

было замѣниться притяженіемъ ея спутника—или, болѣе точно, гдѣ тяготѣніе шара къ землѣ стало бы менѣе сильнымъ, чѣмъ тяготѣніе его къ лунѣ. Вѣрно, конечно, что я только что проснулся отъ глубокаго сна, всѣ чувства мои были въ смущеніи, для того чтобы созерцать явленіе весьма поразительное, и таковое, какового, хотя я и ждалъ, я не ждалъ въ эту минуту. Сама эта рѣзкая перемѣна должна была, конечно, произойти легкимъ и постепеннымъ образомъ, и никоимъ образомъ не явно, что, если бы я проснулся въ то время какъ она совершалась, я бы замѣтилъ ее черезъ какую-нибудь *внутреннюю* очевидность заворота — то-есть, черезъ какое-нибудь неудобство, или беспорядокъ, что могло бы случиться со мною или съ шаромъ.

Почти бесполезно говорить, что, когда ко мнѣ вернулось должное пониманіе моего положенія, и когда я освободился отъ того страха, который овладѣлъ всѣми способностями моей души, вниманіе мое, прежде всего, было цѣликомъ обращено на созерцаніе общаго физическаго вида луны. Она лежала подо мною какъ карта—и хотя я полагалъ, что на довольно значительномъ разстояніи—зубцы и выемки ея поверхности представляли моему зрѣнію съ самой поразительной, и совершенно неизъяснимой, отчетливостью. Полное отсутствіе океана или моря, и даже какого-либо озера или рѣки, или какого бы то ни было объема воды вообще, поразило меня съ перваго взгляда, какъ самая необыкновенная черта въ ея геологическомъ устройствѣ. Но, странно сказать, я увидалъ обширныя, ровныя области, съ почвою, по характеру ея, рѣшительно наносной, хотя, въ гораздо болѣе значительной части видимаго полушарія, она была покрыта безчисленными вулканическими горами, коническими по формѣ и имѣвшихъ видъ скорѣе искусственныхъ, нежели естественныхъ выпуклостей. Самыя высокія среди нихъ не превосходили трехъ миль и трехъ четвертей въ перпен-

дикулярномъ протяженіи; но карта вулканическихъ областей Campi Phlegraei можетъ доставить Вашимъ Превосходительствамъ лучшее представленіе объ ихъ общей поверхности, нежели недостойное описаніе, какое я могъ бы попытаться сдѣлать. Большая часть ихъ была въ состояніи явнаго изверженія, и устрашающимъ образомъ давала мнѣ понять свое бѣшенство и свою могучесть, повторными громами, такъ называемыхъ облыжно, метеорныхъ камней, которые теперь взметались вверхъ около шара все болѣе и болѣе устрашительно часто.

Апрѣля 18-го. Сегодня я увидаль огромное возрастаніе въ видимомъ объемѣ луны—и явно ускорившаяся быстрота моего нисхожденія начала внушать мнѣ тревогу. Надо припомнить, что въ самую раннюю пору моихъ размышленій о возможности путешествія на луну, существованіе по сосѣдству съ ней густой атмосферы, въ соотвѣтствіи съ объемомъ планеты, входило широко въ мои расчеты; и это несмотря на разнообразныя противоположныя теоріи, и, можно добавить, несмотря на общее невѣріе въ существованіи какой-либо лунной атмосферы. Но, въ придачу къ тому, что я уже говорилъ относительно кометы Энкэ и зодіакальнаго свѣта, я получилъ подкрѣпленіе моего мнѣнія въ нѣкоторыхъ наблюденіяхъ г. Шрѣтера изъ Лиліенталя. Онъ наблюдалъ луну, когда возрастъ ея былъ два дня съ половиной, вечеромъ, вскорѣ послѣ захода солнца, прежде чѣмъ темная часть стала видимой, и продолжалъ наблюденіе до тѣхъ поръ, пока темная часть не стала зримой. Оба рога луны представляли сужающимися къ концамъ въ очень остромъ и слабомъ удлиненіи, каждый изъ нихъ на самой дальней своей конечности былъ слабо озаренъ солнечными лучами, прежде чѣмъ какая-либо часть темнаго полушарія сдѣлалась видимой. Вскорѣ послѣ этого весь темный край озарился. Это продленіе роговъ луны за предѣлы полукруга, какъ я думалъ, должно было происходить благо-

даря преломленію солнечныхъ лучей дѣйствіемъ атмосферы луны. Итакъ, я вычислилъ, что высота этой атмосферы (которая могла преломлять достаточно свѣта въ темномъ своемъ полушаріи, чтобы создавать сумерки, болѣе лучистые, нежели свѣтъ отраженный отъ земли, когда луна находится приблизительно на 32° отъ новой) есть 1.356 Парижскихъ футовъ; согласно съ этимъ я предположилъ, что величайшая высота, способная преломлять солнечный лучъ, есть 5.376 футовъ. Мысли мои касательно этого предмета получили также подтвержденіе въ нѣкоторомъ отрывкѣ восемьдесятъ второго тома Философскихъ Трудовъ, гдѣ утверждается, что, при скрываніи за луною спутниковъ Юпитера, третій исчезъ послѣ того, какъ онъ былъ неявствененъ около 1" или 2" времени, и четвертый сдѣлался неразличимъ около ея края*).

Такъ вотъ на сопротивленіи, или, болѣе точно, на поддержкѣ атмосферы, существующей въ предположенномъ мною состояніи густоты, я, конечно, цѣликомъ обосновалъ надежду на счастливое мое конечное нисхожденіе. Если,

*) Гевеліусъ пишетъ, что онъ нѣсколько разъ наблюдалъ, въ небесахъ совершенно чистыхъ, когда были четко видны даже звѣзды шестой и седьмой величины, что при той же самой высотѣ луны, при томъ же самомъ удаленіи ея отъ земли, и при условіи того же самаго превосходнаго телескопа, луна и ея пятна не являлись равно свѣтлыми во все время. Изъ этихъ обстоятельствъ наблюденія явствуетъ, что причина даннаго явленія не находится ни въ нашемъ воздухѣ, ни въ инструментѣ, ни въ лунѣ, ни въ глазѣ зрителя, но причины должно искать въ чемъ-нибудь (атмосфера?), существующемъ вокругъ луны.

Кассини часто наблюдалъ Сатурнъ, Юпитеръ, и неподвижныя звѣзды, когда онѣ приближаются къ лунѣ до скрыванія за нею, онѣ мѣняли тогда круговой свой очеркъ въ овальный, въ другихъ же скрываніяхъ онъ не нашелъ никакого измѣненія очерка вовсе. Отсюда можно было бы предположить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но не всегда, луну окружаетъ густое вещество, въ которомъ лучи звѣздъ преломляются.

послѣ всего, оказалось бы, что я ошибся, я ничего лучшаго въ результатѣ не могъ ожидать для *финала* моего приключенія, какъ того, что я разлечусь на атомы, ударившись о шероховатую поверхность земного спутника. И, на самомъ дѣлѣ, у меня были теперь всѣ основанія быть уstraшеннымъ. Разстояніе мое отъ луны было сравнительно пустяшнымъ, а между тѣмъ работа, необходимая для сгустителя, вовсе не уменьшилась, и я не могъ открыть никакого указанія на уменьшеніе степени разреженности воздуха.

Апрѣля 19-20. Сегодня утромъ, къ великой моей радости, около девяти часовъ, въ то время какъ поверхность луны была страшно близко отъ меня, и опасенія мои дошли до крайности, насосъ моего сгустителя, наконецъ, далъ явные знаки измѣненія атмосферы. Въ десять часовъ у меня были основанія полагать, что густота ея значительно увеличилась. Въ одиннадцать аппаратъ требовалъ очень мало работы, и въ двѣнадцать часовъ, съ нѣкоторымъ колебаніемъ, я дерзнулъ отвинтить *рогатку*, и, увидя, что никакого неудобства отсюда не простекло, я, наконецъ, рѣшительно раскрылъ гуммиластиковую горенку, и раснастилъ ее вокругъ лодочки. Какъ можно было бы ожидать, спазмы и сильнѣйшая головная боль были немедленными послѣдствіями опыта, такого стремительнаго и полного опасности. Но эти и другія затрудненія, связанные съ дыханіемъ, разъ они были отнюдь не столь велики, чтобы быть опасными для самой моей жизни, я рѣшилъ переносить, какъ только могу, соображая, что они будутъ оставлять меня съ минуты на минуту, при моемъ приближеніи къ болѣе густымъ слоямъ атмосферы луны. Это приближеніе, однако, было еще стремительно до крайности; и вскорѣ обнаружилась тревожная достовѣрность того, что хотя я, вѣроятно, не ошибся въ ожиданіи атмосферы, съ густотою, соответственной массѣ земного спутника, все же я былъ въ заблужденіи, пред-

полагая, что эта густота, даже на ее поверхности, будет вообще соразмерна для поддержанія большой тяжести, содержащейся въ лодочкѣ моего шара. Это, однако, *должно было бы* случиться, и въ совершенно равной степени, какъ и на земной поверхности, если предположить настоящую тяжесть тѣлъ на обѣихъ планетахъ въ соотвѣтствіи съ ихъ атмосферной густотой. Этого, однако, *не было* въ данномъ случаѣ, стремительное мое паденіе внизъ было достаточнымъ свидѣтельствомъ; почему это не было такъ, можетъ быть объяснено лишь ссылкой на тѣ возможные геологическія сотрясенія, на которыя я раньше уже указывалъ. Во всякомъ случаѣ, я былъ теперь совсѣмъ близко отъ планеты, и нисходилъ съ самой страшной стремительностью. Я не терялъ ни минуты, согласно съ этимъ, и бросалъ за бортъ сперва мой балластъ, потомъ мои бочки съ водой, потомъ мой сгустительный приборъ и гуммиластиковую горенку, и, наконецъ, рѣшительно все, что было въ лодочкѣ. Все было напрасно. Я продолжалъ падать съ ужасной быстротой, и находился теперь не болѣе, чѣмъ на полмили отъ поверхности. Какъ послѣдній ресурсъ, поэтому, я освободился отъ моей куртки, шляпы, и сапогъ, я отрѣзалъ отъ шара *самую лодочку*, которая была довольно значительнаго вѣса, и, такимъ образомъ, ухватившись обѣими руками за сѣтку, я едва имѣлъ время наблюсти, что вся страна подо мною, такъ далеко, какъ только могъ достигать глазъ, была густо усѣяна маленькими, премаленькими жилищами, и тутъ же я стремглавъ рухнулъ въ самое сердце фантастически глядящаго города, и въ средоточіе обширной толпы безобразнаго малаго люда, изъ коего никто не произнесъ ни единого слога, и нисколько не потрудился оказать мнѣ какую-либо помощь, но всѣ они стояли, какъ густое сборище идіотовъ, скаля зубы потѣшнымъ образомъ, и искоса глазѣя на меня и на мой шаръ, въ то же время подбоченясь. Я отвернулся

отъ нихъ съ презрѣніемъ и, глянувъ вверхъ на землю, такъ недавно оставленную, и оставленную, быть можетъ, навсегда, увидѣлъ ее какъ огромный тусклый мѣдный щитъ, около двухъ градусовъ въ діаметрѣ, закрѣпленный неподвижно въ небесахъ надъ головой, и кончающійся на одномъ изъ своихъ краевъ серпообразной полосой изъ самаго блистательнаго золота. Никакихъ слѣдовъ суши или земли нельзя было различить, и все было облачно покрыто различными пятнами и препоясано тропическими и экваторіальными зонами.

Такимъ образомъ, съ соизволенія Вашихъ Превосходительствъ, послѣ цѣлаго ряда великихъ безпокойствъ, неслыханныхъ опасностей, и безпримѣрныхъ ускользновеній, я, наконецъ, на девятнадцатый день по моемъ отбытіи изъ Роттердама, достигъ благополучно до завершения путешествія, безъ сомнѣнія, самаго необычайнаго и самаго многозначительнаго, какое когда-либо было совершено, предпринято, или замыслено, какимъ-либо жителемъ земли. Но мои приключенія еще должны быть повѣданы. И поистинѣ Ваши Превосходительства могутъ легко себѣ представить, что послѣ пятилѣтняго пребыванія на планетѣ, не только интересной, по совсѣмъ особенному своему характеру, но сдѣлавшейся таковою вдвойнѣ, благодаря тѣсной ея связи, въ качествѣ спутника, съ міромъ, обитаемымъ человѣкомъ, я могу сообщить кое-что на ухо Государственной Коллегіи Астрономовъ, гораздо болѣе важное, нежели детали, однако же удивительныя, самаго *путешествія*, которое такъ счастливо закончилось. Таково въ дѣйствительности положеніе вещей. У меня есть много—весьма много такого, что сообщить дало бы мнѣ величайшее наслажденіе. Много могу я сказать о климатѣ планеты; объ удивительныхъ на ней перемѣнахъ зноя и холода; о неумолимомъ и горючемъ солнечномъ сіяніи въ теченіи одного двухнедѣльнаго періода, и болѣе чѣмъ полярнаго холода въ теченіи

другого; о постоянномъ перемѣщеніи влажности черезъ капѣль, какъ бы въ пустоту, отъ точки подъ солнцемъ до точки, находящейся наиболѣе далеко отъ него; о перемѣнной зонѣ текучей воды; о самихъ жителяхъ; объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, и политическихъ учрежденіяхъ; объ ихъ особенномъ физическомъ строеніи; объ ихъ безобразности; объ отсутствіи у нихъ ушей, этихъ бесполезныхъ подвѣсокъ, въ атмосферѣ столь особливо измѣненной; о пронстекающемъ отсюда ихъ невѣдѣніи употребленія и свойствъ рѣчи; о ихъ замѣнѣ рѣчи особеннымъ методомъ сообщенія; о непостижимой связи между каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ на лунѣ съ нѣкоторымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ на землѣ—связи аналогичной и зависящей отъ связи между сферами планеты и спутника, благодаря каковой жизни и судьбы жителей, одной переплетены съ жизнью и судьбами жителей другой; и, превыше всего, если такъ да будетъ благоугодно Вашимъ Превосходительствамъ—превыше всего, о тѣхъ темныхъ и чудовищныхъ тайнахъ, которыя заключены въ наружныхъ областяхъ луны,—въ тѣхъ областяхъ, которыя благодаря почти чудесному согласію вращенія спутника на собственной своей оси съ звѣзднымъ вращеніемъ его вокругъ земли, никогда еще не были обращены, и съ Божьемъ милосердіемъ никогда не будутъ обращены, къ разсматривающему оку телескоповъ челоуѣка. Все это, и болѣе—гораздо болѣе—я очень охотно расскажу съ подробностью. Но, чтобы быть краткимъ, я долженъ имѣть свое вознагражденіе. Я томлюсь по возвращенію къ семьѣ моей и моему дому; и какъ плату за какія-либо дальнѣйшія сообщенія съ моей стороны—касательно того свѣта, который въ моей власти бросить на многія весьма важныя отрасли физическаго и метафизическаго знанія—я долженъ испросить, черезъ вліяніе Вашей почтенной корпораціи, прощеніе за преступленіе, въ коемъ я былъ повиненъ, причинивъ смерть кредиторамъ при моемъ

отбытіи изъ Роттердама. Таковъ-то есть предметъ настоящаго посланія. Податель его, житель луны, котораго я убѣдилъ, и надлежаще обучилъ, быть моимъ вѣстникомъ на землѣ, будетъ ждть доброй воли Вашихъ Превосходительствъ, и возвратится ко мнѣ съ упомянутымъ прощеніемъ, ежели оно какимъ-нибудь образомъ можетъ быть получено.

Имѣю честь быть, и пр., Вашихъ Превосходительствъ покорнѣйшимъ слугою

Гансъ Пфюо.ль.

Окончивъ чтеніе этого весьма необыкновеннаго документа, Профессоръ Рубадубъ, рассказываютъ, уронилъ свою трубку на полъ, въ крайности своего удивленія, а Мейнъ Хееръ Супербусъ фонъ Ундердукъ, снявъ очки свои, вытеревъ ихъ, и положивъ ихъ въ карманъ, на столько забылъ самого себя и свое достоинство, что трижды повернулся вокругъ себя на каблукахъ, испытывая квинтъ-эссенцію изумленія и восхищенія. Касательно этого дѣла не могло быть сомнѣній—прощеніе будетъ получено. Такъ, по крайней мѣрѣ, поклялся, съ залихватской божбой, Профессоръ Рубадубъ, и такъ, въ концѣ-концовъ, думалъ достославный фонъ Ундердукъ, когда онъ взялъ подъ руку своего собрата по наукѣ, и, не говоря ни слова, направился, какъ только могъ, домой, чтобы обсудить мѣры, которыя надлежитъ принять. Однако жъ, достигнувъ двери жилища Бургомистра, Профессоръ рискнулъ высказать предположеніе, что, такъ какъ вѣстникъ счелъ за надлежащее исчезнуть—безъ сомнѣнія смертельно испуганный дикимъ видомъ Роттердамскихъ бюргеровъ—въ прощеніи будетъ мало пользы, ибо никто, кромѣ человѣка съ луны, не могъ бы предпринять путешествіе на столь обширное разстояніе. Съ вѣрностью такого наблюденія Бургомистръ согласился, и дѣло, такимъ образомъ, на этомъ покончилось. Не такъ было, однако, со слухами и размыш-

леніями. Письмо, будучи опубликовано, дало поводъ для цѣлаго множества разговоровъ и сплетенъ. Нѣкоторые изъ чрезмѣрно мудрствующихъ, сдѣлали даже себя смѣшными, представивъ все ни болѣе ни менѣе какъ выдумкой. Но выдумка, у людей этого сорта, есть, я полагаю, общій терминъ для всѣхъ вещей, которыя выше ихъ пониманія. Что касается меня, я не могу постичь, на какихъ данныхъ они основали такое обвиненіе. Разсмотримъ, что они говорятъ.

Во-первыхъ, что нѣкоторые проказники въ Роттердамѣ имѣютъ извѣстную антипатію къ нѣкоторымъ бургомистрамъ и астрономамъ.

Во-вторыхъ, что нѣкоторый малый карликъ и волшебный фокусникъ, оба уха у котораго за нѣкій проступокъ были отрѣзаны вплоть у самой головы, вотъ уже нѣсколько дней какъ исчезъ изъ сосѣдняго города Брюгге.

Въ-третьихъ, что газеты, которыми былъ оклеенъ малый шаръ, были газеты Голландскія, и потому не могли быть сдѣланы на лунѣ. Это были грязные листы—очень грязные—и Глюкъ, печатникъ, могъ бы поклясться на библіи, что были они напечатаны въ Роттердамѣ.

Въ-четвертыхъ, что Гансъ Пфоолль самъ, негодный пропойца, и три чрезвычайно праздныя персоны, которыхъ онъ наименовалъ своими кредиторами, были всѣ видимы не далѣе какъ два—три дня тому назадъ, въ одномъ питейномъ домѣ въ предмѣстіи города, причемъ они только что возвратились съ деньгами въ карманахъ изъ нѣкоей поѣздки за море.

И наконецъ, что это мнѣніе всеобщее принятое, или долженствующее быть всеобщее принятымъ,—что Коллегія Астрономовъ въ городѣ Роттердамѣ, такъ же какъ всѣ другія Коллегіи во всѣхъ другихъ частяхъ міра,—не говоря о коллегіяхъ и астрономахъ вообще,—этимъ ужъ и закончимъ,—ни на чуточку ни лучше, ни выше, ни умнѣе, чѣмъ они должны быть.

ШАРЪ-ВЫДУМКА.

Поразительныя новости экспрессомъ *Via Нор- фолькъ!* — Атлантика, пересѣченная въ Три Дня! Замѣчательный Триумфъ Летящей машины Мистера Монка Мэсона! Прибытіе на Островъ Сьюл- ливана, близъ Чарльстона, въ Южной Каролинѣ, Мистера Мэсона, Мистера Роберта Голланда, Мистера Хенсона, Мистера Гаррисона Энсворса, и четырехъ другихъ, на Управляемомъ Шарѣ „Викторія“, послѣ переправы въ семьдесятъ пять часовъ отъ Суши къ Сушѣ! Подробныя свѣдѣнія о Путешествіи!!!

(Ниже-приводимое *jeu d'esprit*, съ предпосланнымъ крупнымъ заголовкомъ великолѣпными буквами, обильно усѣянное восклицательными знаками, было первоначально напечатано какъ сущая дѣйствительность, въ „Нью-Йоркскомъ Солнцѣ“, ежедневномъ листкѣ новостей, гдѣ вполне удовлетворила цѣли доставленія неудобоваримой пищи для всѣхъ ротовъевъ, въ продолженіе многихъ часовъ, истекшихъ между двумя Чарльстонскими почтами. Давка въ поспѣхахъ за „единственной газетой, имѣющей новости“ была чѣмъ-то превосходящимъ даже чудесное, и, дѣйствительно, если (какъ иные утверждаютъ) „Викторія“ и не безусловно совершила рассказываемое путешествіе, трудно означить причину, почему она не могла бы его совершить).

Великая проблема наконецъ разрѣшена! Воздухъ, наравнѣ съ землей и океаномъ, побѣжденъ наукой, и станетъ всеобщей и удобной проѣзжей дорогой для человѣчества. *Атлантика только что пересѣчена на Воздушномъ Шарѣ!* и это, кромѣ того, безъ затрудненій — безъ какой — либо явной большой опасности — при полномъ управленіи машиной — и въ неистощимо короткий срокъ семидесяти пяти часовъ отъ берега до берега! Благодаря энергіи одного Чарльстонскаго довѣреннаго, въ южной Каролинѣ, мы имѣемъ возможность первыми доставить публикѣ подробный рассказъ объ этомъ самомъ чрезвычайномъ путешествіи, которое было совершено между 11-ю часами утра Субботы, 6-го сего мѣсяца, и 2-мя часами по полудни Вторника, 9-го сего мѣсяца, Сэромъ Эверардомъ Брингхѣрстомъ; Мистеромъ Осборномъ, племянникомъ Лорда Бэнтинка; Мистеромъ Монкомъ Мэсономъ и Мистеромъ Робертомъ Голландомъ, хорошо-извѣстными воздухоплавателями; Мистеромъ Гаррисономъ Энсворсомъ, авторомъ „Джэка Шеппарда“, и др.; и Мистеромъ Хенсономъ, изобрѣтателемъ недавней неудавшейся летательной машины, съ двумя моряками изъ Вульвича; всего восемь человѣкъ. Подробности нижеприлагаемыя могутъ быть почитаемы какъ достовѣрныя и точныя во всѣхъ отношеніяхъ, ибо, за малыми исключеніями, всѣ онѣ списаны *дословно* изъ соединенныхъ дневниковъ Мистера Монка Мэсона и Мистера Гаррисона Энсворса, любезности которыхъ обязанъ также нашъ агентъ множествомъ словесныхъ изъясненій касательно самаго шара, его устройства, и другихъ обстоятельствъ высоко-любопытныхъ. Единственное измѣненіе въ полученной Рукописи было сдѣлано лишь съ цѣлью приданія спѣшному рассказу нашего довѣреннаго, Мистера Форсайса, формы связной и вразумительной.

ШАРЪ.

Двѣ недавнія весьма рѣшительныя неудачи—именно Мистера Хенсона и Сэра Джорджа Кэйлея—очень ослабили общественный интересъ къ вопросу воздухоплаванія. Планъ Мистера Хенсона (на который смотрѣли, сначала, какъ на очень исполнимый даже люди науки) былъ основанъ на принципѣ наклонной плоскости, устремленной съ высоты внѣшнюю силой, произведенной и поддерживаемой вращеніемъ сталкивающихся вѣтряниковъ, формой и числомъ сходныхъ съ крыльями вѣтряной мельницы. Но при всѣхъ опытахъ, произведенныхъ надъ образцами въ Adelaide Gallery, найдено было, что дѣйствіе этихъ вѣеровъ не только не способствуетъ движенію машины, но положительно мѣшаетъ ея полету. Единственное устремительное движеніе, ею когда-либо явленное, былъ простой толчекъ, полученный ею черезъ нисхождение по наклонной плоскости; и толчекъ этотъ увлекалъ машину дальше, когда вѣтряники находились въ покоѣ, нежели когда они были въ движеніи, явленіе, которымъ достаточно показуется ихъ бесполезность; и за отсутствіемъ движенія устремительнаго которое, въ то же время, было бы *силой опоры*, все сооруженіе неизбежно должно было опуститься внизъ. Соображеніе это побудило Сэра Джорджа Кэйлея думать только о примѣненіи двигателя къ какой-нибудь машинѣ, имѣющей въ себѣ самой независимую силу опоры — однимъ словомъ, къ воздушному шару; мысль, однако, была новой, или оригинальной, у Сэра Джорджа лишь съ точки зрѣнія дѣйствительнаго ея примѣненія. Онъ представилъ образецъ своего изобрѣтенія въ Политехническій Институтъ. Движущее начало, или сила, было здѣсь, такимъ образомъ, примѣнено къ прерывнымъ поверхностямъ или вѣтряникамъ, приведеннымъ во вращеніе. Вѣтряники эти были въ числѣ четырехъ, но оказались совершенно недѣйствительными

для приведенія шара въ движеніе, ни для вспоможенія силъ его восхожденія. Весь проэктъ, такимъ образомъ, оказался полной неудачей.

При такихъ, именно, обстоятельствахъ у Мистера Монка Мэсона (путешествіе котораго изъ Довэра въ Вейльбургъ, на воздушномъ шарѣ „Нассау“, произвело столь сильное возбужденіе въ 1837 году) зародилась мысль о примѣненіи принципа Архимедова винта для осуществленія проталкиванія черезъ воздухъ—причемъ онъ справедливо приписывалъ неудачу построенія Мистера Хенсона и Сэра Джорджа Кэйлея перерыву поверхности въ независимыхъ вѣтряникахъ. Онъ произвелъ первый публичный опытъ въ Williss Rooms, но потомъ перенесъ свой образецъ въ Adelaide Gallery.

Подобно воздушному шару Джорджа Кэйлея, его собственная машина была эллипсоидъ. Длина ея была тринадцать футовъ шесть дюймовъ—вышина шесть футовъ восемь дюймовъ. Она вмѣщала около трехсотъ двадцати кубическихкихъ футовъ газа, который, если это чистый водородъ, могъ вынести двадцать одинъ фунтъ тотчасъ послѣ перваго ея надутія, прежде чѣмъ газъ имѣлъ время испортиться или ускользнуть. Вѣсъ всей машины и прибора былъ семнадцать фунтовъ—доставляя около четырехъ фунтовъ избытку. Въ срединѣ шара, снизу, находился срубъ изъ легкаго дерева, приблизительно девяти футовъ длиною, и привязанный къ самому шару обычнаго рода сѣткой. Къ этому срубѣ была подвѣшена ивовая корзина или лодочка.

Винтъ состоитъ изъ оси въ видѣ вогнутой мѣдной трубки восемнадцати дюймовъ въ длину, черезъ которую, на полуспирали подѣ угломъ въ пятнадцать градусовъ, проходитъ рядъ радіусовъ изъ стальныхъ проволокъ, въ два фута длины, и выступающихъ на футъ съ каждой стороны. Эти радіусы были соединены на внѣшнихъ концахъ двумя перемычками изъ распластанной проволоки—все въ цѣломъ такимъ способомъ образуетъ срубъ винта,

каковой дополненъ покрышкой изъ промасленного шелка, вырѣзаннаго клиньями, и натянутаго такъ, чтобы представить возможно гладкую поверхность. На каждомъ концѣ своей оси этотъ винтъ поддерживается столбиками пустой мѣдной трубки, нисходящей съ обруча. На нижнихъ концахъ этихъ трубочекъ находятся отверстия, въ которыхъ вращаются стержни оси. Отъ конца оси, ближайшаго къ лодочкѣ, исходитъ стальной стержень, соединяющій винтъ съ шестерней одной части пружиннаго сооружеія, закрѣпленнаго въ лодочкѣ. Дѣйствіемъ этой пружины винтъ приводится во вращеніе чрезвычайной быстроты, сообщая всему шару движеніе возростающее. Посредствомъ руля машина могла легко повертываться въ любомъ направленіи. Пружина, большой силы, сравнительно съ ея величиной, была въ состояніи поднять сорокъ пять фунтовъ на барабанѣ въ четыре дюйма въ діаметрѣ, послѣ перваго оборота, и постепенно возростала въ силѣ, по мѣрѣ того какъ она взвнчивалась. Она вѣсила въ цѣломъ, приблизительно, восемь фунтовъ шесть унцій. Руль былъ легкая тростниковая рама, покрытая шелкомъ, по виду — нѣсколько наподобіе ракеты, и около трехъ футовъ длины, а наибольшая ширина — одинъ футъ. Вѣсъ его былъ около двухъ унцій. Его можно было поворачивать *плоско*, и направлять вверхъ или внизъ, равно какъ вправо или влево, и, такимъ образомъ, онъ позволялъ воздухоплавателю перемѣщать сопротивленіе воздуха, которое при наклонномъ положеніи шара онъ долженъ былъ производить на своемъ пути, въ любую сторону, куда бы ни пожелалъ направить дѣйствіе, означая, такимъ образомъ, шару направленіе противоположное.

Образецъ этотъ (который за отсутствіемъ времени, мы, конечно, описали весьма несовершенно) былъ пущенъ въ дѣйствіе въ Adelaide Gallery, гдѣ онъ достигъ скорости пяти миль въ часъ; хотя, странно сказать, онъ возбудилъ очень малый интересъ по сравненію съ предъидущей сложной ма-

пиной Мистера Хенсона—столь рѣшительнъ міръ въ пре-
небреженіи къ чему-бы то ни было, что выступаетъ съ
видомъ простоты. Дабы свершить великій замыселъ возду-
хоплаванія, полагали, обыкновенно, что какое-то чрезвы-
чайно сложное примѣненіе должно быть сдѣлано въ нѣкихъ
необычайно - глубокихъ принципахъ динамики.

Столъ удовлетворенъ былъ, однако, Мистеръ Мэсонъ
послѣднимъ успѣхомъ своего изобрѣтенія, что рѣшилъ
немедленно построить, если возможно, шаръ, достаточно
пригодный для испытанія вопроса, черезъ свершеніе путеше-
ствій извѣстной длительности—первоначальное намѣреніе
было пересѣчь Британскій Каналь, какъ это было сдѣлано
ранѣе на воздушномъ шарѣ Нассау. Чтобы осуществить
свои намѣренія, онъ добивался и снискалъ покровительства
Сэра Эверарда Брингхѣрста и Мистера Осборна, двухъ
джентльменовъ весьма извѣстныхъ своей научной просвѣ-
щенностью, и, въ особенности, интересомъ, который они
проявили къ развитію воздухоплаванія. Проектъ, по жела-
нію Мистера Осборна, хранился въ глубокой тайнѣ отъ
публики—единственныя лица, посвященныя въ него, были
только тѣ, кто дѣйствительно былъ привлеченъ къ построе-
нію машины, каковое было выполнено (подъ руководствомъ
Мистера Мэсона, Мистера Голланда, Сэра Эверарда Бринг-
хѣрста, и Мистера Осборна) въ имѣніи послѣдняго джентль-
мана близъ Пенстрѣтала, въ Валлисъ. Мистеръ Хенсонъ,
въ сопровожденіи своего друга Мистера Энворса, былъ
принятъ для частнаго осмотра шара въ послѣднюю Суб-
боту— когда два эти джентльмена имѣли рѣшительные пере-
говоры, чтобы быть включенными въ число участниковъ
смѣлаго предпріятія. Мы не освѣдомлены, по какой причинѣ
два моряка были также включены въ число участниковъ,
но, на протяженіи дня или двухъ, мы доставимъ нашимъ
читателямъ подробнѣйшія свѣдѣнія касательно этого не-
обычайнаго путешествія.

Шаръ сдѣланъ изъ шелка, покрытаго жидкимъ каучу-

ковымъ лакомъ. Будучи обширныхъ размѣровъ, онъ содержитъ болѣе 40.000 кубическихъ футовъ газа; но, такъ какъ угольный газъ употребленъ былъ вмѣсто болѣе удобнаго и неудобнаго водорода, сила выносливости машины, когда она вполнѣ надута, и тотчасъ послѣ надутія, была не болѣе, приблизительно, какъ 2.500 фунтовъ. Угольный газъ не только гораздо меньшей стоимости, но, кромѣ того, его легко добывать и управлять имъ.

Введеніемъ его въ общее употребленіе для цѣлей воздухоплаванія, мы обязаны Мистеру Чарльзу Грину. До его открытія, процессъ надуванія не только былъ чрезмѣрно дорогъ, но и недостовѣренъ. Два и даже три дня теряли зачастую въ бесплодныхъ усиліяхъ добыть достаточное количество водорода, чтобы наполнить шаръ, изъ котораго газъ имѣлъ большую склонность ускользать, благодаря крайней своей тонкости и своему сродству съ окружающей атмосферой. Въ шарѣ надлежаще искусномъ, чтобы удержать содержащійся въ немъ угольный газъ неизмѣненнымъ въ качествѣ или количествѣ въ теченіи шести мѣсяцевъ, равное количество водорода не смогло бы удержаться въ равной чистотѣ и шести недѣль.

Сила выносливости была установлена въ 2.500 фунтовъ, и соединенный вѣсъ всѣхъ участниковъ составлялъ лишь 1.200 приблизительно, такимъ образомъ оставалось избытка 1.300 фунтовъ, изъ которыхъ 1.200 использовано было также балластомъ, распредѣленнымъ въ мѣшкахъ различной величины, сообразно съ ихъ вѣсомъ, означеннымъ на каждомъ изъ нихъ, канатами и веревками, барометрами, телескопами, боченками, содержавшими припасы на двѣ недѣли, боченками съ водой, одеждами, постельными мѣшками, и различными другими необходимыми предметами, вплоть до кофейника, приспособленнаго для варки кофе при помощи негашеной извести, чтобы обходиться совершенно безъ огня, если бы сочтено было благоразумнымъ сдѣлать такъ. Всѣ эти предметы, за исключеніемъ балласта и не-

многихъ пустяковъ, были подвѣшены на верхнемъ обручѣ надъ головами. Лодочка гораздо меньше по размѣрамъ и легче, чѣмъ подвѣшенная на образцѣ. Она сдѣлана изъ легкаго ивоваго дерева, и удивительно крѣпкая для такой на взглядъ—хрупкой машины. Закрайна ея около четырехъ футовъ глубины. Руль, такимъ образомъ, несравненно бѣльшихъ размѣровъ, чѣмъ на образцѣ; и винтъ значительно меньше. Шаръ снабженъ, кромѣ того, морскимъ крюкомъ и путеводнымъ канатомъ; этотъ послѣдній—важности самой необходимой. Нѣсколько словъ изъясненія надлежитъ сказать здѣсь, для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не посвящены въ подробности воздухоплаванія.

Едва только шаръ покидаетъ землю, онъ становится предметомъ воздѣйствія множества обстоятельствъ, каковыя стремятся создать разницу въ его вѣсѣ, повышая или понижая возможную силу его восхожденія. Напримѣръ, бываетъ иногда осадокъ росы на шелку, достигающій порою до нѣсколькихъ сотъ фунтовъ; балластъ тогда долженъ быть сброшенъ, или машина можетъ опуститься. Какъ только балластъ устраненъ, и яркій солнечный свѣтъ испаритъ росу, расширяя въ то же самое время газъ въ шелкѣ, все сооруженіе столь же быстро начнетъ подниматься. Чтобы сдержатъ это восхожденіе, единственный источникъ есть (или вѣрнѣе былъ, до изобрѣтенія Мистеромъ Гриномъ путеводнаго каната) допущеніе истеченія газа чрезъ клапанъ; но убыль газа пропорціональна общей убыли силы восхожденія; такъ что въ сравнительно быстрый промежутокъ времени превосходно устроенный шаръ неизбежно долженъ исчерпать всѣ свои средства и опуститься на землю. Это было большимъ препятствіемъ для путешествія извѣстной длительности.

Путеводный канатъ устраняетъ затрудненіе напростѣйшимъ способомъ, какой можно себѣ представить. Это самый обыкновенный очень длинный канатъ, который

оставляютъ тянуться съ лодочки, и дѣйствіе котораго есть предохраненіе шара отъ измѣненія его уровня, въ сколько-нибудь существенной степени. Если бы, на примѣръ, на шелкѣ оказался осадокъ влажности, и машина начала, слѣдственно, опускаться, не будетъ необходимости сбрасывать балластъ, чтобы избавиться отъ повышенія въ вѣсѣ, ибо это устранялось или уравнивалось, въ точной прямой пропорціи, опусканіемъ на землю, сообразно съ надобностью, извѣстнаго точно-опредѣленнаго конца каната. Если, съ другой стороны, какія-нибудь условія вызываютъ несоразмѣрную легкость, и соотвѣтственный подъемъ, легкость эта немедленно уравнивается добавочнымъ вѣсомъ каната, притянутого съ земли. Такимъ образомъ, шаръ никакъ не можетъ ни подняться, ни опуститься иначе, какъ въ весьма узкихъ предѣлахъ, и средства его, газа-ли, или балласта, остаются, сравнительно неприкосновенными. При прохожденіи надъ пространствами водными становится необходимымъ пользоваться маленькими боченками изъ мѣди или дерева, наполненными жидкимъ балластомъ, природы болѣе легкой, чѣмъ вода. Они плывутъ и вполнѣ удовлетворяютъ цѣлямъ простаго каната на сушѣ. Другое болѣе важное назначеніе путевого каната, указывать *направленіе* шара. Канатъ волочится на сушѣ и на водѣ, между тѣмъ какъ шаръ свободенъ; послѣдній, слѣдственно, находится всегда впереди, когда какое-либо движеніе совершается; сравненіе, такимъ образомъ, посредствомъ компаса относительныхъ положеній двухъ предметовъ будетъ всегда обозначать *направленіе*. Тѣмъ же путемъ, уголъ, образуемый канатомъ съ вертикальной осью машины, опредѣляетъ *скорость*. Когда угла *нѣтъ* — другими словами, когда канатъ виситъ перпендикулярно, — весь приборъ недвижимъ; но чѣмъ больше уголъ, то-есть, чѣмъ дальше шаръ отстоитъ отъ конца каната, тѣмъ больше скорость; и наоборотъ.

Такъ какъ первоначальное намѣреніе было пересѣчь

Британскій Каналь, и спуститься возможно ближе къ Парижу, путешественники озаботились, въ видѣ предосторожности, запастись паспортами для всѣхъ странъ континента, опредѣлявшими характеръ ихъ экспедиціи, какъ это было и при путешествіи Нассау, и завѣрявшими смѣлчакамъ этого предпріятія избавленіе отъ всѣхъ обычныхъ должностныхъ формальностей. Неожиданныя событія, однако, сдѣлали эти паспорта излишними.

Надуваніе шара началось весьма спокойно, въ Субботу утромъ, на разсвѣтѣ, 6-го числа сего мѣсяца, на Главномъ Дворѣ Weal-Vog-Haus'a, въ помѣстьи Мистера Осборна, приблизительно въ милѣ отъ Пенстрѣталя, въ Сѣверномъ Валлисѣ; и въ 11 часовъ 7 минутъ, когда все было готово къ отправленію, шаръ былъ пущенъ на свободу, и сталъ подниматься, тихонько, но неукоснительно по направленію къ югу, въ первые полчаса не прибѣгали ни къ винту, ни къ рулю. Мы переходимъ теперь къ дневнику, какъ онъ переписанъ Мистеромъ Форсайсзомъ, изъ совмѣстныхъ замѣтокъ Мистера Монка Мэсона и Мистера Энворса. Сущность дневника, какъ мы его предлагаемъ, находится въ рукописи Мистера Мэсона, а постскриптумы суть ежедневныя дополненія Мистера Энворса, который готовитъ и въ скорости опубликуетъ, нѣкоторый, гораздо болѣе подробный, и; безъ сомнѣнія, исполненный захватывающаго интереса, отчетъ о путешествіи.

ДНЕВНИКЪ.

Суббота, апрѣля 6-го. — Всѣ приготовленія, какія могли затруднять насъ, были закончены этой ночью, мы начали надуваніе шара сегодня утромъ, на зарѣ; но, благодаря густому туману, который затанулъ складки шелка, и сдѣлалъ его неподчиняющимся, мы не могли отбыть ранѣе, приблизительно, 11 часовъ. Снявшись съ мѣста, всѣ въ великомъ воодушевленіи, мы стали подниматься ти-

хонько, но неукоснительно, подъ легкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, который увлекалъ насъ по направленію къ Британскому Каналу. Мы нашли силу восхожденія большей, чѣмъ мы рассчитывали, и по мѣрѣ того какъ мы поднимались выше и такимъ образомъ ускользали отъ береговыхъ утесовъ, и сближались съ солнечными лучами, нашъ подъемъ сдѣлался весьма быстрымъ. Я не хотѣлъ, однако, выпускать газъ столь преждевременно, и поэтому рѣшилъ, въ текущій мигъ, подниматься. Вскорѣ мы подтянули нашъ путеводный канатъ; но даже когда мы его совершенно удалили отъ земли, мы все продолжали подниматься очень быстро. Шаръ былъ необычайной стойкости, и красивъ на видъ. Черезъ десять минутъ, примѣрно, послѣ нашего отбытія, барометръ показывалъ высоту въ 15.000 футовъ. Погода была замѣчательно ясная, и видъ на низележащую окрестность — самый романтическій, какой мы когда-либо созерцали — былъ тогда исключительно величествененъ. Многочисленныя глубокія ущелья являли ликъ озеръ, по причинѣ густыхъ паровъ, которыми они были наполнены, а горныя вершины и скалы на юго-востокѣ, нагроможденныя въ безысходной спутанности, ни на что такъ не походили, какъ на исполинскіе города Восточныхъ сказокъ. Мы приближались весьма быстро къ горамъ на югъ, но нашъ подъемъ былъ болѣе чѣмъ достаточенъ, дабы позволить намъ миновать ихъ въ безопасности. Черезъ нѣсколько минутъ мы парили надъ ними превосходнѣйшимъ образомъ; и Мистеръ Энворсзъ, такъ же какъ моряки, былъ пораженъ видимою ихъ малой высотой, когда смотришь на нихъ съ лодочки, слѣдствіе высокаго подъема шара, доведшаго неровности нижней поверхности почти до сплошной плоскости. Въ одиннадцать часовъ съ половиной, въ то время какъ мы продолжали направляться къ югу, нашему зрѣнію впервые предсталъ Бристольскій Каналъ; и пятнадцать минутъ спустя, линія береговыхъ утесовъ, внезапно, возникла подъ нами, мы же были какъ

разъ надъ самымъ моремъ. Тутъ мы рѣшили, что газа истрачено уже достаточно, чтобы погрузить нашъ канатъ, вмѣстѣ съ прикрѣпленными баканами, въ воду, что и было немедленно сдѣлано, и мы начали постепенно опускаться. Черезъ двадцать минутъ, приблизительно, нашъ первый баканъ погрузился, и, затѣмъ, по прикосновеніи второго, мы остановились на надлежащей высотѣ. Мы были всѣ теперь очень встревожены испытаніемъ дѣепригодности руля и винта, и мы тотчасъ подвергли оба реквизиціи, съ цѣлью измѣнить направленіе болѣе на востокъ, и на линію Парижа. Посредствомъ руля мы мгновенно получили необходимое измѣненіе направленія, и нашъ путь былъ обращенъ почти подъ прямымъ угломъ къ вѣтру; потомъ мы привели въ движеніе пружину винта, и ликовали, убѣдившись, что онъ быстро устремлялъ насъ согласно желанію. Мы воскликнули девятикратное сердечное ура, и бросили въ воду бутылку, заключавшую въ себѣ свитокъ пергамента съ краткимъ отчетомъ о сущности изобрѣтенія. Едва, однако, кончили мы наши восторги, какъ произошелъ нѣкій непредвидѣнный случай, который обезкуражилъ насъ въ немалой степени. Стальная проволока, соединяющая пружину съ двигателемъ, была внезапно выброшена съ своего мѣста на конецъ лодочки (вслѣдствіе наклона лодочки, благодаря какому-то движенію одного изъ двухъ моряковъ, взятыхъ нами съ собой), и въ одинъ мигъ повисла, раскачиваясь внѣ досяженія стержня оси и вѣтя. Пока мы усиленно старались уловить ее, вниманіе наше было совершенно поглощено, и мы очутились захваченными бѣшеной струей восточнаго вѣтра, который уносилъ насъ съ быстро-ростущей силой къ Атлантикѣ. Мы оказались занесенными надъ открытымъ моремъ, и летѣли со скоростью не меньшей, конечно, чѣмъ пятьдесятъ или шестьдесятъ миль въ часъ, такъ что мы достигли Мыса Яснаго, въ сорока мпляхъ, примѣрно, къ сѣверу отъ насъ, ранѣе чѣмъ мы имѣли время утвердить проволоку.

и подумать, въ какомъ мы теперь положеніи. Тогда именно Мистеръ Энсворсзъ сдѣлалъ необычайное, но на мой взглядъ ничуть не безразсудное и не химерическое предложеніе, въ которомъ онъ былъ немедленно поддержанъ Мистеромъ Голландомъ—гласившее, что мы должны извлечь выгоду изъ бѣшеннаго вихря, который уносилъ насъ, и вмѣсто того, чтобы устремляться къ Парижу, попытаться достигнуть побережья Сѣверной Америки. По маломъ размышленіи, я охотно далъ свое согласіе на это смѣлое предложеніе, которому (странно сказать) воспротивились лишь два моряка. Будучи въ большинствѣ, однако, мы побѣдили ихъ опасенія, и рѣшительно утвердили нашъ путь. Мы правили прямо на западъ, но, такъ какъ тянувшіеся баканы существенно препятствовали нашему движенію, мы же вполнѣ владѣли нашимъ шаромъ какъ для подъема, такъ и для спуска, мы сбросили сначала пятьдесятъ фунтовъ балласта, и потомъ посредствомъ ворота закрутили канатъ настолько, чтобы совершенно высвободить его изъ моря. Дѣйствіе этого маневра мы замѣтили тотчасъ по огромному возрастанію силы движенія; и, такъ какъ вѣтеръ свѣжѣлъ, мы неслись со скоростью почти невообразимой — канатъ извивался за лодочкой подобно бороздѣ отъ корабля. Излишне говорить, что весьма краткаго времени намъ было достаточно, чтобы потерять изъ виду берегъ. Мы неслись надъ безчисленными кораблями всѣхъ родовъ, нѣкоторые изъ нихъ силились пробиться, но большинство стояло неподвижно. Мы возбудили величайшій восторгъ на нихъ—восторгъ, весьма раздѣленный нами самими, въ особенности тѣми двумя изъ нашихъ мужей, что, теперь, подъ вліяніемъ хорошаго глотка можжевеловой водки, казалось, разрѣшили всѣ свои сомнѣнія и страхи и предались волѣ вѣтра. Многие корабли произвели сигнальные залпы, и со всѣхъ мы были привѣтствуемы громкими ура (которыя мы слышали съ поразительной четкостью) и взмахами шапокъ, и платковъ.

Мы двигались такимъ образомъ въ теченіе цѣлаго дня безъ существенныхъ происшествій, и когда тѣни ночи сгустились вокругъ насъ, мы подвели приблизительный итогъ пройденному разстоянію. Оно было не менѣе пяти-сотъ миль, и было, возможно, много бѣльшимъ. Двигатель находился въ постоянномъ дѣйствіи и, безъ сомнѣнія, существенно помогъ нашему полету. Съ заходомъ солнца вѣтеръ превратился въ настоящій ураганъ, и океанъ внизу былъ четко виденъ вслѣдствіе его фосфорическаго свѣченія. Вѣтеръ дулъ съ востока всю ночь, и внушалъ намъ блестящія предвѣщанія успѣха. Мы немало страдали отъ холода, и сырость атмосферы была чрезвычайно непріятна; но свободное пространство въ лодочкѣ позволяло намъ лечь и вытянуться, и съ помощью плащей и нѣсколькихъ одѣялъ, мы устроились довольно сносно.

P. S. (Запись Мистера Энсворса). Послѣдніе девять часовъ были несомнѣнно наиболѣе яркими изъ всей моей жизни. Я не запомню ничего болѣе величественнаго, чѣмъ странная опасность и новизна приключенія подобнаго этому. Воля Божья да благоволитъ нашему успѣху. Я не ищу успѣха для простого удовлетворенія моей собственной незначительной личности, но изъ любви къ человѣческому знанію и во имя огромности триумфа. И однако же подвигъ столь очевидно выполнимъ, и если что чудесно, такъ это лишь то, что люди до сихъ поръ мудрили и отклоняли эту попытку. Какой-нибудь обычный вѣтеръ, подобный тому, что намъ благопріятствуетъ сейчасъ—какой-нибудь подобный буревой вихрь несетъ шаръ въ продолженіи четырехъ—пяти дней (вѣтры эти длятся часто и дольше), и путешественникъ будетъ легко переправленъ въ такой промежутокъ времени съ одного материка на другой. Въ виду такихъ вихрей обширная Атлантика становится лишь озеромъ. Я болѣе пораженъ, въ этотъ самый мигъ, верховной тишиной, что царитъ надъ моремъ подъ нами, несмотря на его волненіе, чѣмъ какимъ-

либо инымъ возникающимъ явленіемъ. Воды не возносятъ гласа къ небесамъ. Безмѣрный Океанъ, пылающій, извивается, въ попыткѣ своей, безъ вскрика жалобы. Горлоподобные буруны внушаютъ мысль о безчисленныхъ нѣмыхъ дэмонахъ-великанахъ, что бьются въ безсильной агоніи. Въ такую ночь, какъ эта для меня, человѣкъ *живетъ*—живетъ цѣлое столѣтіе обычной жизни—и я отрекусь отъ цѣлаго столѣтія обычнаго существованія за этотъ восхищенный восторгъ.

Воскресеніе, 7-го. (Рукопись Мистера Мэсона). Сегодня утромъ, около 10, вихрь превратился въ восьми—или девяти-узловой бризъ (для морского корабля), и мы проходили, вѣроятно, тридцать миль въ часъ или болѣе. Онъ повернулъ, однако, очень значительно къ сѣверу; и теперь, на заходѣ солнца, мы держимъ нашъ путь прямо на западъ, главнымъ образомъ, посредствомъ винта и руля, которые исполняютъ свое назначеніе превосходно. Я считаю предпріятіе вполне выиграннымъ, и легкое плаваніе по воздуху въ любомъ направленіи (точнѣе не прямо противъ вихря) уже болѣе не проблематическимъ. Мы не могли бы двигаться противъ вчерашняго сильнаго вѣтра; но, поднимаясь, мы отлично смогли бы выйти изъ его вліянія въ случаѣ надобности. Противъ рѣзкаго вѣтра, я вполне убѣжденъ, мы могли бы совершить нашъ путь съ нашимъ двигателемъ.

Въ полдень сегодня мы поднялись до высоты почти въ 25.000 футовъ, освободившись отъ балласта. Сдѣлали это, чтобы отыскать болѣе прямое теченіе, но не нашли никакого столь благопріятнаго, какъ то, въ которомъ мы теперь. Имѣемъ въ изобиліи газъ, чтобы пересѣчь этотъ маленькій прудокъ, если бы даже путешествіе длилось три недѣли. У меня нѣтъ ни малѣйшаго страха за результаты. Я могу выбирать мое теченіе, и, если бы я имѣлъ противъ себя *всѣ* теченія, я могу съ двигателемъ вполне сносно совершать путь. Никакихъ приключеній достой-

ныхъ записи у насъ не было. Ночь обѣщаетъ быть прекрасной.

P. S. (Запись Мистера Энсворса). Мало что мнѣ нужно отмѣтить, кромѣ того факта (для меня совершенно удивительнаго), что на высотѣ равной высотѣ Котопахи, я не испытывалъ ни чрезмѣрнаго холода, ни головной боли, ни трудности дыханія; то же, какъ нахожу, ощущали Мистеръ Мэсонъ, Мистеръ Голландъ, и Сэръ Эверардъ. Мистеръ Осборнъ жаловался на сжатіе грудной клѣтки, но это скоро прошло. Мы летѣли съ большой быстротой въ теченіи дня, и должны быть болѣе чѣмъ на полдорогѣ въ пути черезъ Атлантику. Мы прослѣдовали надъ двадцатью-тридцатью судами, разнаго рода, и всѣ кажутся пріятственно изумленными. Пересѣчь Океанъ въ шарѣ не такая, въ концѣ-концовъ, трудная штука. *Opte ignotum pro magnifico.*

Замѣтка. — На высотѣ 25.000 футовъ небо представляется почти чернымъ, и звѣзды видны явственно; въ то время какъ море кажется не выпуклымъ (какъ можно было бы предполагать), но, безусловно, и самымъ недвусмысленнымъ образомъ, *вогнутымъ* *).

*) Мистеръ Энсворсъ не попытался объяснить этотъ феноменъ, который, однако, вполне поддается объясненію. Линія, опущенная съ высоты 25.000 футовъ перпендикулярно къ поверхности земли (или моря), образовала бы перпендикуляръ прямоугельнаго треугельника, основаніе котораго простиралось бы подъ прямымъ угломъ къ горизонту, а гипотенуза отъ горизонта къ шару. Но высота 25.000 футовъ есть малость, или ничто, въ сравненіи съ объемомъ перспективы. Другими словами, основаніе и гипотенуза предположеннаго треугельника были бы столь длинны въ сравненіи съ перпендикуляромъ, что они могутъ быть разсматриваемы почти какъ параллельные. Такимъ образомъ горизонтъ воздухоплавателя долженъ предстать *на одномъ уровнѣ* съ лопочкой. Но, такъ какъ точка, непосредственно находящаяся передъ нимъ, кажется, и есть, на большемъ разстояніи снизу его, она кажется, конечно, также на большемъ разстояніи снизу горизонта. Отсюда впечатлѣніе *вогнутости*; и это

Понедѣльникъ, 8-го. (Рукопись Мистера Мэсона). Сегодня утромъ у насъ опять было нѣкоторое затрудненіе со стержнемъ двигателя, который долженъ быть совершенно передѣланъ изъ боязни какого-нибудь серьезнаго случая,— я разумѣю стальной стержень, не вѣтряники. Послѣдніе не нуждаются въ улучшеніи. Вѣтеръ дулъ стойко и сильно съ сѣверо-востока весь день; и доселѣ судьба, повидимому, склонна благоволить къ намъ. Какъ разъ передъ разсвѣтомъ мы были всѣ нѣсколько смущены какими-то странными шумами и сотрясеніями шара, сопровождавшимися быстрымъ осѣданіемъ всей машины. Эти явленія были причинены расширеніемъ газа, благодаря возрастанію тепла въ атмосферѣ, и послѣдовавшимъ разрывомъ маленькихъ частицъ льда, которыми сѣтъ покрылась за ночь. Бросили внизъ нѣсколько бутылокъ судамъ. Видѣли, какъ одна была подобрана большимъ кораблемъ, повидимости, однимъ изъ пассажирскихъ кораблей Нью-Йорка. Пытались разобрать его имя, но не увѣрены въ немъ. Телескопъ Мистера Осборна далъ намъ разобрать что-то въ родѣ „Атланты“. Теперь 12 часовъ ночи, и мы еще идемъ приблизительно къ западу съ большою быстротой. Море исполнено совсѣмъ особеннаго свѣченія.

P. S. (Запись Мистера Энсворса). Сейчасъ 2 часа пополудни, почти совсѣмъ тихо, насколько я могу судить—но очень трудно опредѣлить этотъ пунктъ, съ тѣхъ поръ какъ мы такъ всецѣло движемся *вмѣстѣ съ* воздухомъ. Я не спалъ, съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Уиль-Воръ, но больше не могу терпѣть и долженъ соснуть. Мы не можемъ быть далеко отъ Американскаго берега.

Вторникъ, 9-го. (Запись Энсворса). Часъ пополудни.

впечатлѣніе должно оставаться, пока высота не будетъ находится въ такомъ большомъ соотношеніи къ объему перспективы, что кажущійся параллелизмъ основанія и гипотенузы исчезнетъ—и дѣйствительная выпуклость земли тогда должна стать явной.

Передъ нами цѣликомъ развернулось низкое побережье Южной Каролины. Великая проблема разрѣшена. Мы пересѣкли Атлантику—прямикомъ и безъ затрудненій пересѣкли ее въ шаръ! Слава Тебѣ Господи! Кто скажетъ, что послѣ этого что-нибудь невозможно?

Здѣсь Дневникъ кончается. Были сообщены, однако же, Мистеромъ Энсворсомъ Мистеру Форсайсу, нѣкоторыя подробности спуска. Была почти мертвая тишь, когда путники впервые предстали въ виду побережья, которое тотчасъ было признано, обоими моряками, и Мистеромъ Осборномъ. Такъ какъ у этого послѣдняго джентльмена были знакомые въ Фортѣ Мольтри, было немедленно рѣшено спуститься въ его окрестностяхъ. Шаръ былъ устремленъ къ бухтѣ (это было время отлива), песокъ былъ твердый и гладкій, и превосходно приспособленный для спуска, крюкъ былъ опущенъ, и онъ тотчасъ же прочно уцѣпился. Жители острова и обитатели Крѣпости, разумѣется, сошлись толпой, чтобы увидѣть шаръ; но лишь съ величайшимъ затрудненіемъ кто-нибудь могъ увѣрять въ осуществившееся путешествіе — *пересѣченіе Атлантики*. Крюкъ зацѣпилъ за землю ровно въ 2 часа пополудни; и, такимъ образомъ, все путешествіе было совершено въ семьдесятъ-пять часовъ, или даже менѣе, считая отъ берега до берега. Не произошло никакого серьезнаго приключенія. Ни въ какое время не угрожала никакая серьезная опасность. Шаръ былъ освобожденъ отъ газа и помѣщенъ въ надежное мѣсто безъ помѣхи; и когда рукопись, изъ которой извлечено данное повѣствованіе, была отправлена изъ Чарльстона, путешественники были еще въ Фортѣ Мольтри. Дальнѣйшія ихъ намѣренія неизвѣстны, но мы можемъ твердо обѣщать нашимъ читателямъ нѣкоторыя добавочныя свѣдѣнія или въ Понедѣльникъ или самое позднее на слѣдующій день.

Это безспорно самое изумительное, самое интересное, и самое важное предпріятіе, когда-либо совершенное, или, хотя бы, предпріятое человѣкомъ. Какія великолѣпныя событія могутъ отсюда послѣдовать, въ данное время было бы бесполезно пытаться предрѣшить.

ПОВѢСТВОВАНИЕ
АРТУРА ГОРДОНА ПИМА
ИЗЪ НАНГУКЕТА

ПОВѢСТВОВАНИЕ
АРТУРА ГОРДОНА ПИМА ИЗЪ НАНТУКЕТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

Подробности возмущенія и жестокой рѣзни на Американскомъ бригѣ „Грампусъ“ въ пути его къ Южнымъ Морямъ—съ рассказомъ о вторичномъ захватѣ корабля уцѣлѣвшими въ живыхъ; о ихъ крушеніи и послѣдующихъ ужасныхъ страданіяхъ отъ голода; о спасеніи ихъ Британскою шхуной „Джэнъ Гай“; о краткомъ крейсированіи этого послѣдняго судна въ Полуденномъ Океанѣ; о захватѣ шхуны, и избіеніи ея экипажа, среди группы острововъ на 84-ой параллели Южной широты, вмѣстѣ съ невѣроятными приключеніями и открытіями еще дальше на Югѣ, къ коимъ привело это прискорбное злополучіе.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

По моемъ возвращеніи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Соединенные Штаты, послѣ необычнаго ряда приключеній въ Южныхъ Моряхъ и иныхъ мѣстахъ, о чемъ я рассказываю на послѣдующихъ страницахъ, случай

свелъ меня съ обществомъ нѣсколькихъ джентльменовъ въ Ричмондѣ, въ Виргиніи, и они, сильно заинтересовавшись всѣмъ касательно областей, которыя я посѣтилъ, настойчиво убѣждали меня, что мой долгъ предоставить повѣствованіе мое публикѣ. Я имѣлъ, однако, причины уклоняться отъ этого—нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно личнаго характера, и не касаются никого кромѣ меня самого; но были еще причины и другого свойства. Одно соображеніе, удерживавшее меня, было таковое, что, не ведя дневника въ продолженіи большей части времени, когда я былъ въ отсутствіи, я боялся, что не смогу написать по памяти разсказа столь подробнаго и связнаго, чтобы онъ имѣлъ видъ той правды, которая была въ немъ въ дѣйствительности, выказывая только естественное неизбѣжное преувеличеніе, къ которому склоненъ каждый изъ насъ, описывая происшествія, имѣвшія могущественное вліяніе на возбужденіе нашихъ способностей воображенія. Другая причина была та, что происшествія, которыя должны были быть разсказаны, по природѣ своей были столь положительно чудесными, что я, ввиду неподдержанности моихъ утвержденій никакими доказательствами, какъ это поневолѣ должно было быть (кромѣ свидѣтельствъ одного индивидуума, и тотъ Индеецъ смѣшанной крови), могъ бы надѣяться только на то, что мнѣ повѣрятъ въ моей семьѣ, и среди тѣхъ моихъ друзей, которые въ продолженіи цѣлой жпзни имѣли основаніе увѣряться въ моей правдивости—но, по всей вѣроятности, большая публика стала бы смотрѣть на то, что я сталъ бы утверждать, просто какъ на наглую и простодушную выдумку. Недовѣріе къ моимъ собственнымъ способностямъ какъ писателя было со всѣмъ тѣмъ одной изъ главныхъ причинъ, каковыя мѣшали мнѣ согласиться съ уговариваніями моихъ совѣтниковъ.

Между тѣми джентльманами въ Виргиніи, которые вы-

ражали величайшій интересъ къ моему разсказу, въ особенности къ той его части, которая относилась къ Полуденному Океану, былъ мистеръ По, недавно бывшій издателемъ „Южнаго Литературнаго Вѣстника“, ежемѣсячнаго журнала, печатаемаго Мистеромъ Томасомъ В. Уайтомъ въ городѣ Ричмондѣ. Онъ очень совѣтовалъ, вмѣстѣ съ другими, теперь же приготовить полный разсказъ о томъ, что я видѣлъ и пережилъ, и положиться на проницательность и здравый смыслъ публики — утверждая съ полной правдоподобностью, что, не смотря на необработанность въ чисто литературномъ отношеніи, съ какой вышла бы въ свѣтъ моя книга, самая ея неуклюжесть, ежели въ ней есть таковая, придастъ наибольшее вѣроятіе тому, что ее примутъ за истину.

Не смотря на это увѣщаніе, я не могъ настроить свой умъ сдѣлать такъ, какъ онъ мнѣ совѣтовалъ. Видя, что я не займусь этимъ, онъ предложилъ мнѣ изложить своими собственными словами первую часть моихъ приключеній по даннымъ, сообщеннымъ мною, и напечатать это въ „Южномъ Вѣстникѣ“ *подъ видомъ вымысла*. Не имѣя противъ этого никакихъ возраженій, я согласился, условившись только, что настоящее мое имя будетъ сохранено. Два выпуска мнимаго вымысла появились послѣдовательно въ „Вѣстникѣ“, въ Январѣ и Февралѣ, (1837), и для того, чтобы на это смотрѣли дѣйствительно какъ на вымыселъ, имя мистера По приложено было къ очеркамъ въ оглавленіи журнала.

То, какъ принята была эта *хитрость*, побудило меня, наконецъ, предпринять правильное составленіе и печатаніе упомянутыхъ повѣствованій, ибо я нашелъ, что, не смотря на видъ вымысла, каковой былъ такъ находчиво приданъ той части моего отчета, которая появилась въ „Вѣстникѣ“ (безъ измѣненія или искаженія хотя бы одного отдѣльнаго случая), публика совсѣмъ не была расположена принять это какъ выдумку, и нѣсколько писемъ

было послано по адресу Мистера По, которыя ясно свидѣтельствовали объ убѣжденіи читателей въ противномъ. Отсюда я заключилъ, что событія и случаи моего повѣствованія были такого свойства, что сами въ себѣ имѣли достаточную очевидность ихъ собственной достовѣрности, и слѣдовательно я могъ мало опасаться насчетъ недовѣрія публики.

Теперь когда *все* начистоту сказано, сразу будетъ видно, на что изъ послѣдующаго я притязаю какъ на мое собственное писаніе; и также будетъ понятно, что ни одинъ случай не искаженъ въ первыхъ нѣсколькихъ страницахъ, которыя написаны Мистеромъ По. Даже тѣмъ читателямъ, которые не видали „Вѣстника“, будетъ излишне указывать, гдѣ кончается его часть и начинается моя; разница въ слогѣ будетъ вполне замѣтной.

А. Г. ПИМЪ.

Нью-Йоркъ, *Июль*, 1838.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мое имя Артуръ Гордонъ Пимъ. Мой отецъ былъ почтеннымъ торговцемъ морскими матеріалами въ Нантукетѣ, гдѣ я родился. Дѣдъ мой по матери былъ стряпчимъ, и хорошо велъ дѣла, которыхъ у него было достаточно. Онъ былъ счастливъ во всемъ, и совершилъ нѣсколько удачныхъ оборотовъ на акціяхъ Новаго Эдгартонскаго Банка, когда тотъ былъ только что основанъ. Этимъ способомъ и другими онъ скопилъ порядочную сумму денегъ. Но мнѣ онъ былъ прпвязанъ, какъ мнѣ кажется, болѣе чѣмъ къ кому-либо другому на свѣтѣ, и я считывалъ унаслѣдовать болышую часть его состоянія послѣ его смерти. Когда я былъ въ возрастѣ шести лѣтъ, онъ отдалъ меня въ школу стараго Мистера Риккетса, джентльмена съ одной лишь рукой и чудаческими манерами—онъ хорошо извѣстенъ почти каждому, кто посѣтилъ Нью-Бедфордъ. Я пробылъ въ его школѣ до шестнадцати лѣтъ, и послѣ этого покинулъ его, чтобы перейти въ школу Мистера Э. Ровальда, что на горѣ. Здѣсь я подружился съ сыномъ Мистера Барнарда, морского капитана, который обыкновенно совершалъ плаванія по службѣ у Ллойда и Вреденбурга—Мистеръ Барнардъ также хорошо извѣстенъ въ Нью-Бедфордѣ, и я увѣренъ, что у него есть родственныя связи въ Эдгартонѣ. Его сына звали Августомъ, онъ почти на два года былъ старше меня. Онъ совершилъ плаваніе съ отцомъ на китобойномъ суднѣ „Джонъ Дональдсонъ“, и всегда рассказывалъ мнѣ

о своихъ приключеніяхъ въ Южномъ Тихомъ Океанѣ. Часто я отправлялся вмѣстѣ съ нимъ, къ нему на домъ, и оставался тамъ цѣлый день, а иногда и всю ночь. Мы спали въ одной постели, и онъ могъ быть увѣренъ, что я не засну почти до разсвѣта, если онъ будетъ рассказывать мнѣ исторіи о туземцахъ Острова Тиніана, и другихъ мѣстахъ, которыя онъ посѣтилъ во время своихъ путешествій. Подъ конецъ я не могъ не быть захваченъ тѣмъ, что онъ говорилъ, и мало по малу чувствовалъ величайшее желаніе отправиться въ море. У меня была парусная лодка, называвшаяся „Аріэль“, стоимостью около семидесяти пяти долларовъ. Она имѣла полудекъ съ коморкой, и была оснащена на манеръ шлюпки—я забылъ ее вмѣстимость, но на ней могло бы помѣститься до десяти человекъ безъ особой тѣсноты. На этой лодкѣ мы имѣли обыкновеніе совершать бѣзумнѣйшія въ мірѣ продѣлки; и когда я теперь о нихъ думаю, мнѣ кажется однимъ изъ величайшихъ чудесъ, что я донинѣ нахожусь въ живыхъ.

Я расскажу одно изъ этихъ приключеній, какъ введеніе къ болѣе длинному и болѣе серьезному повѣствованію. Однажды вечеромъ у Мистера Барнарда были гости, и мы оба, Августъ и я, были порядочно выпивши къ концу вечера. Какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, я предпочелъ раздѣлить съ нимъ его постель, нежели идти домой. Онъ уснулъ, какъ мнѣ показалось, очень спокойно (было около часу, когда общество разошлось), не сказавъ ни слова на свою любимую тему. Могло пройти около получаса, какъ мы были въ постели, и я только что сталъ погружаться въ дремоту, какъ вдругъ онъ вскочилъ и поклялся страшной клятвой, что онъ не будетъ спать ни изъ-за какого Артура Пима во всемъ Христіанскомъ мірѣ, когда дуетъ такой великолѣпный вѣтеръ съ юго-запада. Никогда въ жизни я не былъ такъ удивленъ, не зная, что онъ разумѣлъ, и думая, что вина и крѣпкіе напитки,

которые онъ выпилъ, совершенно вывели его изъ себя. Онъ продолжалъ все-таки говорить очень спокойно; онъ знаетъ, сказалъ онъ, что я думаю, что онъ пьянъ, но онъ никогда въ жизни не былъ болѣе трезвъ. Онъ только усталъ, прибавилъ онъ, лежать въ постели въ такую чудесную ночь точно собака, и былъ твердо намѣренъ встать, одѣться, и выѣхать на лодкѣ повеселиться. Врядли смогу я сказать, что овладѣло мной, но не успѣли слова эти вылетѣть изъ его устъ, какъ я почувствовалъ дрожь величайшаго возбужденія и удовольствія, и его сумасшедшая затѣя показалась мнѣ одной изъ самыхъ чудесныхъ и разумнѣйшихъ вещей въ мірѣ. Вѣтеръ переходилъ почти въ бурю, и погода была очень холодная—это было въ концѣ Октября. Тѣмъ не менѣе я вскочилъ съ постели, въ нѣкотораго рода восхищеніи, и сказалъ ему, что я такъ же смѣлъ какъ и онъ, и такъ же какъ и онъ усталъ лежать въ постели точно собака, и готовъ на всякую веселую выдумку и забаву, какъ и какой-нибудь Августъ Барнардъ въ Нантукетѣ.

Не теряя времени, мы одѣлись и бросились къ лодкѣ. Она была причалена у старой обветшалой пристани около склада матеріаловъ Панкея и К^о, и почти ударялась своими боками о грубыя плахи. Августъ вошелъ въ нее, и сталъ вычерпывать воду, ибо она почти до половины была полна. Когда это было сдѣлано, мы подняли кливеръ и гротъ, и, распустивъ паруса, смѣло направились въ море.

Какъ я уже сказалъ раньше, дулъ свѣжій вѣтеръ съ юго-запада. Ночь была свѣтлая и холодная. Августъ взялся за руль, а я всталъ у мачты на декѣ коморки. Мы летѣли прямо, съ большой быстротой, никто изъ насъ не произнесъ ни слова, съ тѣхъ поръ какъ мы отвязали лодку отъ пристани. Теперь я спросилъ моего товарища, въ какомъ направленіи онъ думалъ править, и какъ онъ думаетъ, когда намъ будетъ возможно вернуться назадъ. Онъ свистѣлъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, и потомъ

сказалъ сварливо, „Я ѣду въ море, *ты* можешь отпра-
вляться домой, если ты считаешь это умѣстнымъ“. Обра-
тивъ на него взоръ, я замѣтилъ тотчасъ, что, несмотря
на его дѣланную небрежность, онъ былъ очень взволно-
ванъ. Я ясно могъ видѣть его при свѣтѣ луны, лицо его
было блѣднѣе мрамора, и рука такъ дрожала, что онъ
съ трудомъ могъ держать ручку румпеля. Я увидѣлъ, что
тутъ что-то неладно, и серьезно встревожился. Въ тѣ вре-
мена я мало что понималъ въ управленіи лодкой, и былъ та-
кимъ образомъ въ полной зависимости отъ навигаціоннаго
искусства моего друга. Вѣтеръ, кромѣ того, вдругъ уси-
лился, и мы быстро вышли изъ подвѣтренной береговой
линіи, все же я стыдился выказать какой-либо страхъ, и
съ полчаса сохранялъ рѣшительное молчаніе. Я не могъ,
однако, выдержать дольше, и сталъ говорить Августу о
необходимости вернуться назадъ. Какъ и раньше, прошло
съ минуту, прежде нежели онъ отвѣтилъ или обратилъ
какое-либо вниманіе на мое замѣчаніе. „Сейчасъ“, ска-
залъ онъ наконецъ, — „времени довольно—домой сейчасъ“.
Я ожидалъ такого отвѣта, но было что-то въ тонѣ этихъ
словъ, что наполнило меня неопредѣленнымъ чувствомъ стра-
ха. Я снова со вниманіемъ посмотрѣлъ на говорившаго.
Его губы были совершенно блѣдны, и колѣни его такъ
сильно дрожали, что, казалось, онъ съ трудомъ могъ стоять.
„Ради Бога, Августъ“, закричалъ я, теперь совершенно
испуганный, „что съ тобой? что случилось? что ты *хочешь*
дѣлать?“ „Случилось!“ сказалъ онъ, запкаясь, съ видомъ
величайшаго удивленія, въ то же время выпуская рум-
пель, и падая впередъ на дно лодки—„случилось! — по-
чему, ничего—не случилось—ѣдемъ домой—чортъ—развѣ
ты не видишь?“ Вся правда вспыхнула передо мной. Я
бросился къ нему и приподнял его. Онъ былъ пьянъ—
смертельно пьянъ—онъ не могъ больше ни стоять, ни го-
ворить, ни видѣть. Его глаза были совершенно остеклѣ-
лыми; и когда я выпустилъ его, въ крайности своего от-

чаянія, онъ покатился какъ простой чурбанъ въ килевую воду, изъ которой я его поднялъ. Было очевидно, что въ теченіи вечера онъ выпилъ гораздо больше, чѣмъ я подозревалъ, и что его поведеніе въ постели было слѣдствіемъ крайняго состоянія опьяненія—состоянія, которое, подобно безумію, дѣлаетъ жертву часто способной раздражать виѣшнему поведенію тѣхъ, кто находится въ полномъ обладаніи своимъ разсудкомъ. Прохлада ночного воздуха, однако же, оказала свое обычное дѣйствіе—умственная энергія начала уступать ея вліянію—и то смутное сознаніе опасности, которое безъ сомнѣнія у него было тогда, ускорило катастрофу. Теперь онъ былъ въ совершенно безчувственномъ состояніи, и не было никакой вѣроятности, чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ онъ пришелъ въ себя.

Врядъ-ли возможно вообразить крайнюю степень моего ужаса. Винные пары улетучились, оставляя меня вдвойнѣ смущеннымъ и нерѣшительнымъ. Я зналъ, что былъ совершенно неспособенъ управлять лодкой, и что свирѣпый вѣтеръ и сильный отливъ несли насъ къ гибели. За нами очевидно собиралась гроза; у насъ не было ни компаса, ни запасовъ провизіи, и было ясно, что, если мы будемъ держаться того же направленія, до наступленія разсвѣта мы потеряемъ изъ виду землю. Эти мысли, съ толпой другихъ одинаково страшныхъ, проносились въ моемъ умѣ съ ошеломляющей быстротой, и на нѣкоторое время парализовали меня до полной невозможности сдѣлать какое-либо усиліе. Лодка убѣгала по водѣ съ ужающей скоростью, совсѣмъ по вѣтру, безъ рифа въ кливерѣ или главномъ парусѣ, совершенно погружая свою переднюю часть въ пѣну. Было величайшимъ чудомъ, что она не рыскала, ибо Августъ, какъ я сказалъ раньше, упустилъ руль, а я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы подумать взяться за него самому. Къ счастью, однако, судно держалось крѣпко, и постепенно я обрѣлъ нѣкото-

рое присутствіе духа. Вѣтеръ, однако же, страшно усиливался; и каждый разъ, когда мы поднимались послѣ нырка впередъ, сзади насъ море вставало страшными гребнями надъ нашей кормой, и затопляло насъ водою. Все тѣло, кромѣ того, такъ у меня онѣмѣло, что я почти не сознавалъ какихъ-либо ощущеній. Наконецъ, я воззвалъ къ рѣшимости отчаянія, и, бросившись къ главному парусу, отпустилъ его. Какъ и можно было ожидать, онъ полетѣлъ черезъ бортъ, и, окунувшись въ воду, сорвалъ мачту. Только это послѣднее обстоятельство спасло меня отъ немедленной гибели. Съ однимъ лишь кливеромъ я быстро плылъ теперь впередъ по вѣтру, иногда зачерпывая тяжелую волну, но освобожденный отъ страха немедленной смерти. Я взялся за руль, и вздохнулъ съ большимъ облегченіемъ, увидавъ, что для насъ еще оставалась возможность окончательнаго спасенія. Августъ все продолжалъ лежать безъ чувствъ на днѣ лодки, и такъ какъ была серьезная опасность, что онъ захлебнется (вода была около фута глубины какъ разъ гдѣ онъ упалъ), я придумалъ приподнять его хоть немного и удержать въ сидячемъ положеніи, пропустивъ веревку вокругъ его поясицы, и привязавъ ее къ желѣзному кольцу на декѣ коморки. Устроивъ все какъ только могъ лучше, въ томъ полузамерзшемъ и взволнованномъ состояніи, въ какомъ я былъ, я поручилъ себя Богу, и настроилъ свой умъ такъ, чтобы вынести твердо чтò бы ни случилось, со всѣмъ тѣмъ мужествомъ, которое было въ моей власти.

Только что я пришелъ къ этому рѣшенію, какъ вдругъ громкій и долгій крикъ, будто изъ глотокъ тысячи демоновъ, казалось, заполнилъ всю атмосферу вокругъ и надъ лодкой. Никогда въ жизни я не смогу забыть напряженной агоніи ужаса, которую я испыталъ въ тотъ мигъ. Волосы моя стали дыбомъ на головѣ—я почувствовалъ, что кровь застыла въ жилахъ—сердце мое совсѣмъ перестало биться, и, не поднявъ даже глазъ, чтобы узнать

причину моей тревоги, я рухнулъ, головой впередъ и безъ чувствъ, на тѣло моего упавшаго товарища.

Когда я пришелъ въ себя, я находился въ каютѣ большого китобойнаго судна („Пингвинъ“), возвращавшагося въ Нантукетъ. Нѣсколько человѣкъ стояло надо мной, и Августъ, блѣднѣе смерти, усердно растиралъ мнѣ руки. Когда онъ увидѣлъ, что я открылъ глаза, его вскрики благодарности и радости возбуждали попеременно смѣхъ и слезы среди стоявшихъ около меня людей, суровыхъ на видъ. Тайна того, что мы были еще живы, безъ промедленія разъяснилась. Мы были опрокинуты китобойнымъ судномъ, которое, держась круто подъ вѣтромъ, пробиралось къ Нантукету на всѣхъ парусахъ, какіе только оно дерзнуло распустить, и шло слѣдовательно почти подъ прямымъ угломъ къ нашему собственному пути. Нѣсколько человѣкъ было на дозорѣ на верху мачты, но не видѣло нашей лодки до тѣхъ поръ, когда уже не было возможности избѣжать столкновенія—ихъ крики предупрежденія, когда они увидѣли насъ, и были тѣмъ, что такъ ужасно испугало меня. Огромный корабль, сказали мнѣ, проплылъ немедленно надъ нами съ такой же легкостью, какъ если бы наше собственное суденышко прошло надъ перомъ, безъ малѣйшаго замѣтнаго препятствія въ своемъ ходѣ. Ни вскрика не раздалось съ палубы погибающихъ; былъ слышенъ только слабый скрипящій звукъ, смѣшавшійся съ ревомъ вѣтра и воды, когда хрупкая лодка, будучи поглощена, на минуту проскребала вдоль киля своего разрушителя; но это было все. Думая, что наша лодка (которая, какъ нужно припомнить, была безъ мачты) просто остовъ, плывущій по волѣ вѣтра какъ брошенный, капитанъ (Капитанъ Э. Т. В. Блокъ изъ Нью-Лондона) хотѣлъ продолжать свой путь, не безпокоясь больше о случившемся. Къ счастью, тамъ было двое на посту, которые положительно клялись, что видѣли кого-то у нашего руля, и утверждали, что еще возможно спасти

этого человѣка. Послѣдовало обсужденіе, но Блокъ разсердился, и, черезъ минутку, сказалъ, что „это не его дѣло вѣчно слѣдить за яичными скорлупами; что корабль не будетъ поворачивать изъ-за такой безмыслицы; а если тамъ и есть какой-нибудь утопающій, такъ это ничья вина какъ его собственная; онъ можетъ тонуть, и чортъ бы его побралъ“, или что-то въ этомъ родѣ. Хендерсонъ, штурманъ, опять поднялъ этотъ вопросъ, справедливо возмущенный, также какъ и весь экипажъ корабля, рѣчью, которая доказывала такого рода жестокое безсердечіе. Онъ говорилъ начистоту, чувствуя себя поддерживаемымъ своими людьми, и сказалъ капитану, что почитаетъ его достойнымъ висѣлицы, и что ослушается его приказаній, даже если бы онъ долженъ былъ быть повѣшенъ за это въ тотъ самый мигъ, какъ вступить на берегъ. Онъ быстро шагнулъ назадъ, толкнувъ Блока въ сторону (который сильно поблѣднѣлъ и ничего не отвѣтилъ), и, ухвативъ руль, отдалъ команду твердымъ голсомъ, *Руль подъ вѣтеръ!* Люди устремились на свои посты, и корабль быстро повернулъ на другой галсъ. Все это произошло приблизительно въ пять минутъ, и было предположено, что врядъ ли возможно, чтобы кто-нибудь могъ быть спасенъ—если допустить, что кто-нибудь былъ на борту лодки. Все же, какъ это видѣлъ читатель, мы оба, Августъ и я, были спасены; и наше спасеніе казалось слѣдствіемъ одной изъ тѣхъ непонятныхъ счастливыхъ случайностей, которыя приписываются людьми мудрыми и набожными особому вмѣшательству Провидѣнія.

Пока корабль еще поворачивался, штурманъ спустилъ четверку и прыгнулъ въ нее съ двумя матросами, я думаю, тѣми самыми, которые говорили, что видѣли меня у руля. Они только что оставили подвѣтренную сторону судна, (луна все еще свѣтила ярко), какъ вдругъ корабль сильно и длительно качнулся къ навѣтренной сторонѣ и Хендерсонъ въ тотъ же самый мигъ вскочилъ на своемъ

мѣстѣ, и крикнулъ матросамъ, *Задній ходъ*. Онъ ничего не хотѣлъ сказать другого—съ нетерпѣніемъ повторяя, *Задній ходъ! задній ходъ!* Люди направились назадъ такъ скоро, какъ только было возможно; но въ это время корабль повернулъ, и пошелъ прямымъ ходомъ впередъ, хотя всѣ на кораблѣ дѣлали страшныя усилія, чтобы уменьшить паруса. Не смотря на опасность попытки, штурманъ уцѣпился за гротъ-руслени, какъ только онъ могъ ихъ достать. Другое сильное накрениваніе корабля вывело теперь правую сторону судна изъ воды приблизительно до его киля, и причина того, что штурманъ былъ въ такомъ волненіи, стала вполне ясной. Тѣло человѣка было видно, прикрѣпленное самымъ необычнымъ образомъ къ гладкому и блестящему дну („Пингвинъ“ былъ высланъ мѣдью и укрѣпленъ мѣдными скрѣпками), и при каждомъ движеніи корпуса корабля оно сильно ударялось о него. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ усилій, дѣлаемыхъ при каждомъ накрениваніи корабля, и съ неминуемымъ рискомъ опрокинуть лодку, меня наконецъ высвободили изъ этого опаснаго положенія, и взяли на бортъ корабля, ибо тѣло это было моимъ собственнымъ. Оказалось что одинъ изъ скрѣпляющихъ стержней, проломавъ мѣдь, и выдвинувшись наружу, задержалъ мое движеніе впередъ, когда я проходилъ подъ кораблемъ, и прикрѣпилъ меня столь необычнымъ образомъ къ его дну. Верхушка стержня проткнула воротникъ зеленой байковой куртки, которая была на мнѣ, и заднюю часть шеи, продавившись наружу между двухъ сухожилій и какъ разъ подъ правымъ ухомъ. Меня тотчасъ положили въ постель—хотя жизнь казалась совершенно угасшей. На кораблѣ не было врача. Капитанъ однако, выказалъ мнѣ всевозможное вниманіе—чтобы искупить, какъ я полагаю, въ глазахъ своего экипажа, безчеловѣчное свое поведеніе въ предъидущей части происшествія.

Въ это же самое время, Хендерсонъ опять отчалилъ отъ корабля, несмотря на то, что вѣтеръ теперь былъ

почти ураганомъ. Онъ не проплылъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ наткнулся на обломки нашей лодки, а вскорѣ одинъ изъ людей, бывшихъ съ нимъ, сталъ утверждать, что въ промежуткахъ между ревомъ бури онъ можетъ различить крикъ о помощи. Это побудило безстрашныхъ моряковъ продолжать свои поиски еще въ теченіи болѣе получаса, не смотря на то, что капитанъ Блокъ давалъ повторные сигналы къ возвращенію, и не смотря на то, что каждое мгновеніе въ этой хрупкой лодкѣ имъ угрожала неминуемая и смертельная опасность. Правда, почти невозможно понять, какъ эта малая четверка, въ которой они находились, могла хоть одно мгновеніе противостоятъ гибели. Она была, однако, построена для китобойной службы, и была снабжена, какъ я потомъ имѣлъ основаніе думать, вмѣстилищами для воздуха, на манеръ нѣкоторыхъ спасательныхъ лодокъ, употребляющихся на прибрежьи Валлиса.

Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ въ продолженіи только что упомянутого промежутка времени, было рѣшено вернуться на корабль. Не успѣли они придти къ этому рѣшенію, какъ раздался слабый крикъ отъ темнаго предмета, съ быстротой проплывавшаго мимо нихъ. Погнавшись за нимъ, они вскорѣ настигли его. Оказалось, это былъ цѣльный декъ коморки „Аріэля“. Августъ барахтался около него, по видимости въ послѣдней агоніи. Когда онъ былъ вытасченъ, замѣтили, что онъ привязанъ веревкой къ держащемуся на водѣ ребру лодки. Эту веревку, какъ нужно припомнить, я самъ обвязалъ вокругъ его поясицы и прикрѣпилъ къ желѣзному кольцу, чтобы удержать его выпрямленнымъ, и то, что я сдѣлалъ, какъ оказалось въ концѣ концовъ, спасло ему жизнь. „Аріэль“ былъ легко построенъ, и, идя ко дну, его срубъ естественно разлетѣлся на куски; декъ коморки, какъ можно предположить, былъ совершенно оторванъ отъ главнаго сруба силой воды, которая устремилась внутрь, и всплылъ (съ другими

обломками, безъ сомнѣнія) на поверхность воды—Августъ держался на поверхности вмѣстѣ съ ними, и такимъ образомъ избѣгъ ужасной смерти.

Прошло болѣе часу, какъ онъ былъ взятъ на бортъ „Пингвина“, прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, или понять, что произошло съ нашей лодкой. Наконецъ, онъ вполнѣ пробудился, и много говорилъ о своихъ ощущеніяхъ, тѣхъ минутъ, когда онъ находился въ водѣ. Когда онъ впервые пришелъ до нѣкоторой степени въ сознаніе, онъ увидѣлъ себя ниже поверхности воды, вращающимся все кругомъ и кругомъ, съ непостижимой быстротой, а веревка тремя или четырьмя перехватами туго обвивала его шею. Черезъ мгновеніе онъ почувствовалъ себя быстро поднимающимся кверху, какъ вдругъ голова его сильно ударила о что-то твердое, и онъ опять впалъ въ безпамятство. Снова придя въ себя, онъ уже болѣе овладѣлъ своимъ разсудкомъ, который, однако же, въ величайшей степени былъ помраченъ и спутанъ. Теперь онъ зналъ, что что-то случилось, и что онъ былъ въ водѣ, хотя ротъ его находился надъ поверхностью, и онъ могъ дышать довольно свободно. Возможно, что въ это время декъ быстро неся по вѣтру и тащилъ его за собой, плывущаго на спинѣ. Конечно, пока онъ могъ держаться въ этомъ положеніи, было почти невозможно, чтобы онъ утонулъ. Вдругъ большой валъ бросилъ его какъ разъ поперегъ дека; и въ этомъ положеніи онъ старался удержаться, время отъ времени крича о помощи. Какъ разъ передъ тѣмъ, когда онъ былъ найденъ Мистеромъ Хендерсономъ, обезсилѣвъ, онъ принужденъ былъ отпустить то, за что держался, и, падая въ море, счелъ себя погибшимъ. Въ продолженіи всего времени, пока онъ боролся съ волнами, у него не было даже самаго слабаго воспоминанія объ „Аріэлѣ“ или о чемъ-нибудь находившемся въ связи съ причиной его злополучія. Смутное чувство ужаса и отчаянія вполнѣ завладѣло его умственными способностями. Когда онъ,

наконецъ, былъ выловленъ, всѣ силы ума оставили его, и, какъ было сказано раньше, лишь черезъ часъ приблизительно, послѣ того какъ онъ былъ взятъ на бортъ „Пингвина“, онъ вполнѣ созналъ свое положеніе. Что касается меня, я былъ воскрешенъ изъ состоянія, граничащаго весьма близко со смертію (и послѣ того какъ всевозможныя средства примѣнялись напрасно въ продолженіи трехъ съ половиной часовъ) сильнымъ растираніемъ фланелью, намоченной въ горячемъ маслѣ, — средство, присовѣтованное Августомъ. Рана на шеѣ, несмотря на ея безобразный видъ, оказалась въ дѣйствительности маловажной, и я скоро поправился отъ нея.

„Пингвинъ“ вошелъ въ гавань около девяти часовъ утра, встрѣтивъ одинъ изъ сильнѣйшихъ штормовъ, когда-либо виданныхъ около Нантукета. Августъ и я изловчились такъ, чтобы явиться къ Мистеру Барнаду завтракать въ время, завтракъ по счастью немного запоздалъ, вслѣдствіи вчерашней вечеринки. Я думаю, что всѣ, кто былъ за столомъ, сами были слишкомъ утомлены, чтобы замѣтить нашъ измученный видъ, который, конечно, былъ бы вполнѣ усмотрѣнъ при сколько-нибудь внимательномъ наблюденіи. Школьники, однако, могутъ совершать чудеса въ дѣлѣ обмана, и, я увѣренъ, ни одинъ изъ нашихъ друзей въ Нантукетѣ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что ужасная исторія, которую рассказывали въ городѣ нѣсколько моряковъ о томъ, что они потопили тридцать, сорокъ горемыкъ, имѣла какое-либо отношеніе къ „Аріэлю“, къ моему товарищу, или ко мнѣ самому. Впослѣдствіи мы оба очень часто говорили о случившемся—но никогда безъ содроганія. Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ, Августъ чистосердечно признался мнѣ, что никогда во всей своей жизни онъ не испыталъ такого мучительнаго чувства смятенія, какъ тогда въ нашей маленькой лодкѣ, когда онъ впервые замѣтилъ всю силу своего опьяненія и почувствовалъ себя ослабѣвающимъ подъ его вліяніемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ни при какомъ возникновеніи простого ущерба мы не можемъ вывести съ полной увѣренностью никакихъ заключеній, за или *противъ*, даже изъ самыхъ простыхъ данныхъ. Можно было бы предположить, что та катастрофа, о которой я только что рассказалъ, вполне охладила мою зарождавшуюся страсть къ морю. Напротивъ, я никогда не испытывалъ болѣе пламеннаго стремленія къ безумнымъ приключеніямъ въ жизни моряка, какъ недѣлю спустя послѣ нашего чудеснаго спасенія. Этого короткаго промежутка времени оказалось вполне достаточно, чтобы стереть изъ моей памяти всѣ тѣни, и явить въ яркомъ свѣтѣ всѣ радостно возбуждающія красочныя пятна, всю живописность недавняго опаснаго происшествія. Мои разговоры съ Августомъ день ото дня становились все болѣе частыми и все болѣе полными интереса. У него была особая манера рассказывать свои повѣствованія объ океанѣ (добрая половина которыхъ, какъ я теперь предполагаю, была сущимъ вымысломъ), съ помощью ея онъ завладѣвалъ моимъ восторженнымъ темпераментомъ, и нѣсколько мрачнымъ, хотя и пламеннымъ, воображеніемъ. Странно еще то, что онъ наиболѣе сильно захватывалъ мои чувства въ пользу жизни моряка, когда описывалъ самыя страшныя минуты страданія и отчаянія. Къ свѣтлой сторонѣ живописанія у меня была ограниченная симпатія. Мои мечты были о кораблекрушеніи и голодѣ; о смерти или плѣнѣ среди варварскихъ племенъ; о влаченіи жизни въ скорби и слезахъ на какой-нибудь сѣрой пустынной скалѣ, въ недоступномъ и невѣдомомъ океанѣ; такія мечты или желанія—ибо они доходили до желанія—какъ я увѣрился съ этихъ поръ, свойственны всей многочисленной породѣ меланхоликовъ среди людей. Въ то время, о которомъ я говорю, я смотрѣлъ на это лишь какъ на пророческіе про-

блески судьбы, къ выполнению которой я чувствовалъ себя до нѣкоторой степени предназначеннымъ. Августъ совершенно вошелъ въ образъ моего мышленія. Вѣроятно, на самомъ дѣлѣ, наши интимныя бесѣды кончились частичнымъ обмѣномъ характеровъ.

Приблизительно около восемнадцати мѣсяцевъ спустя послѣ того какъ погибъ „Аріэль“, фирма Ллойдъ и Вреденбургъ (домъ нѣкоторымъ образомъ, какъ я полагаю, связанный съ господами Эндерби въ Ливерпулѣ) предприняла починку двухмачтоваго судна „Грампусъ“, и приспособила его для китобойнаго плаванія. Это было старое изношенное судно, и едва пригодное къ морской службѣ, даже тогда, когда все было сдѣлано для него, что только было возможно. Мнѣ трудно понять, почему оно было выбрано предпочтительно передъ другими хорошими судами, принадлежавшими тѣмъ же владѣльцамъ — но это было такъ. Мистеру Барнардъ было поручено имъ командовать, и Августъ ѣхалъ съ нимъ. Когда бригъ былъ въ починкѣ, онъ часто соблазнялъ меня превосходствомъ благопріятнаго случая, представлявшагося теперь для того, чтобы удовлетворить мое желаніе путешествовать. Онъ нашелъ во мнѣ отнюдь не неохотнаго слушателя.—Однако же это не такъ легко было устроить. Мой отецъ не противился прямо, но мать моя впадала въ истерику при одномъ упоминаніи объ этомъ намѣреніи, а главное, мой дѣдъ, отъ котораго я ожидалъ многого, поклялся, что не оставитъ мнѣ ни гроша, если я когда-нибудь еще буду распространяться при немъ на эту тему. Эти трудности, однако, вмѣсто того, чтобы уменьшить мое желаніе, подливали только масла въ огонь. Я рѣшилъ ѣхать во всякомъ случаѣ; и, послѣ того какъ я сообщилъ Августу о своемъ намѣреніи, мы принялись за выполнение плана, который могъ быть осуществленъ.

Въ то же время я воздерживался говорить о путешествіи съ кѣмъ-либо изъ моихъ родственниковъ, и, такъ

какъ я съ показнымъ усердіемъ принялся за свои обычные занятія, было предположено, что я оставилъ мое намѣреніе. Послѣ я часто разсматривалъ мое поведеніе при этомъ случаѣ съ чувствомъ неудовольствія, также какъ и удивленія. Это глубокое лицемѣріе, которое я употребилъ для выполненія моего проекта — лицемѣріе распространявшееся на каждое слово, каждый поступокъ моей жизни, впродолженія такого долгаго времени — могло сдѣлаться сколько-нибудь извинительнымъ для меня самого лишь въ силу безумнаго и пылкаго ожиданія, съ которымъ я мечталъ о выполненіи моихъ давно лелѣемыхъ видѣній путешествія.

При осуществленіи моего обманнаго плана, я по необходимости долженъ былъ предоставить многое изобрѣтательности Августа, который бѣольшую часть дня былъ занятъ на „Грампусѣ“, помогая своему отцу по части кое-какихъ устройствъ въ каютѣ и трюмѣ. Ночью, все же, мы были увѣрены, что бесѣда у насъ будетъ, и мы будемъ говорить о своихъ надеждахъ. Приблизительно послѣ мѣсяца, проведеннаго такимъ образомъ, не натолкнувшись ни на какой выполнимый планъ, онъ сказалъ мнѣ подъ конецъ, что пришелъ къ рѣшенію о всемъ необходимомъ. У меня былъ родственникъ, жившій въ Нью-Бедфордѣ, нѣкій Мистеръ Россъ, въ домѣ котораго я имѣлъ обыкновеніе проводить иногда двѣ-три недѣли подрядъ. Бригъ долженъ былъ отплыть около середины Іюня (Іюнь 1827), и было рѣшено, что, за день или за два до его отправленія въ море, мой отецъ получитъ, какъ обыкновенно, письмо отъ Мистера Росса съ просьбой, чтобы я пріѣхалъ и провелъ недѣли двѣ съ Робертомъ и Эмметомъ (его сыновьями). Августъ бралъ на себя устроить такъ, что письмо это будетъ написано и имъ доставлено. Выѣхавъ какъ было предположено въ Нью-Бедфордъ я долженъ былъ присоединиться къ моему товарищу, который устроилъ бы мнѣ прибѣжище на „Грампусѣ“, чтобы укрыться. Это потаенное мѣсто, онъ увѣрялъ меня, было устроено довольно удобно

для пребыванія въ немъ на нѣсколько дней, пока я не долженъ былъ показываться. Послѣ того какъ бригъ отойдетъ настолько далеко въ своемъ пути, что о возвращеніи назадъ не сможетъ быть и рѣчи, я, сказавъ онъ, правильно устроюсь со всеѣмъ комфортомъ въ каютѣ; а что до его отца, такъ онъ только отъ всего сердца пошлетъ на эту продѣлку. Намъ встрѣтится достаточное количество судовъ, съ которыми можетъ быть послано письмо домой, объясняющее происшествія моимъ родителямъ.

Половина Іюня настала, наконецъ, и все было готово. Письмо было написано и доставлено, и разъ утромъ въ понедѣльникъ я покинулъ домъ, чтобы ѣхать, какъ все предполагали, въ Нью-Бедфордъ съ пассажирскимъ судномъ. Межъ тѣмъ я отправился прямо къ Августу, который ожидалъ меня на углу одной улицы. Нашимъ первоначальнымъ планомъ было, что я буду скрываться до сумерекъ, и послѣ проскользну на бортъ брига; но, такъ какъ густой туманъ благопріятствовалъ намъ, рѣшено было не терять времени на утайку. Августъ отправился къ пристани, а я слѣдовалъ за нимъ на небольшомъ разстояніи, завернувшись въ толстый морской плащъ, который онъ принесъ съ собой, такъ что узнать меня было не легко. Какъ разъ когда мы завернули за второй уголъ, пройдя колодець Мистера Эдмунда, кто бы могъ появиться и стать какъ разъ передо мной, смотря мнѣ прямо въ лицо, какъ не старый Мистеръ Питерсонъ, мой дѣдъ! „Господи помилуй! Почему, Гордонъ“, сказавъ онъ послѣ долгой паузы, „почему, почему на тебѣ, — чей это грязный плащъ?“ „Сэръ!“ отвѣчалъ я, изображая такъ хорошо, какъ только мнѣ позволяло замѣшательство того мгновенія, оскорбленное удивленіе, и говоря грубѣйшимъ голосомъ, какой только можно себѣ представить — „сэръ! вы совершенно ошибаетесь; прежде всего, имя мое совсѣмъ не сродни съ Геддѣномъ, а потомъ, вы бы лучше протерли себѣ глаза, —

самъ неряха, а называетъ грязнымъ мое новое пальто“. Клянусь, я съ трудомъ могъ удержаться, чтобы не разразиться пронзительнымъ смѣхомъ, такъ чудно воспринялъ старый джентльмэнъ эту щедрую головомойку. Онъ отступилъ шага на три, сначала поблѣднѣлъ, потомъ сильно покраснѣлъ, вскинулъ свои очки, потомъ опустилъ ихъ, и бросился на меня съ поднятымъ зонтикомъ. Однако, онъ вдругъ остановился въ своемъ устремленіи, какъ бы пораженный какимъ-то внезапнымъ воспоминаніемъ; и тотчасъ, повернувъ кругомъ, заковылялъ внизъ по улицѣ, трясясь все время отъ бѣшенства, и бормоча сквозь зубы, „Дѣло не пойдетъ—новые стекла—думалъ, что это Гордонъ—проклятый бездѣльникъ, орясина соленой воды“.

Едва, едва спасшись отъ опасности, мы продолжали путь съ бѣльшей осторожностью, и благополучно достигли назначеннаго мѣста. Тамъ было только два-три человѣка, занятыхъ спѣшной работой, и дѣлавшихъ что-то на передней части корабля. Капитанъ Барнардъ, мы знали это достовѣрно, былъ приглашенъ къ Ллойдъ и Вреденбургу, и долженъ былъ пребыть тамъ до поздняго вечера, такъ что на его счетъ намъ нечего было беспокоиться. Августъ первый вошелъ на бортъ корабля, а черезъ нѣкоторое время я послѣдовалъ за нимъ, незамѣченными работавшими. Мы прошли немедленно въ каюту, и тамъ не встрѣтили никого. Она была устроена самымъ комфортабельнымъ образомъ—что нѣсколько необычно для китобойнаго судна. Тамъ было еще четыре чудесныхъ офицерскихъ каюты съ широкими и удобными койками. Была тамъ также, какъ я замѣтилъ, большая печь, и удивительно толстый цѣнный коверъ, покрывавшій полъ каюты и офицерскихъ помѣщеній. Потолокъ былъ вышиною въ полныхъ семь футовъ, и въ общемъ все показалось мнѣ бѣльшихъ размѣровъ и лучше чѣмъ я ожидалъ. Августъ, однако, не на долго позволилъ мнѣ разсматривать все, настаивая, что мнѣ необходимо спрятаться возможно скорѣе. Онъ напра-

вился въ свою собственную каюту, которая была на правой сторонѣ брига, и рядомъ съ переборкой. Войдя, онъ закрылъ дверь и заперъ ее на задвижку. Я подумалъ, что никогда не видывалъ комнатки лучше, чѣмъ та, въ которой я очутился. Она была около десяти футовъ длины и имѣла одну только койку, которая, какъ я сказалъ раньше, была широка и удобна. Въ этой части помещенія, ближайшей къ переборкѣ, было пространство въ четыре квадратныхъ фута, гдѣ находился столъ, стулъ, и нѣсколько висячихъ полокъ съ книгами, главнымъ образомъ по части путешествій и мореплаваній. Было тамъ, въ этой комнатѣ, много и другихъ небольшихъ удобствъ, между ними я не долженъ забыть родъ шкафа или холодильника, въ которомъ Августъ показалъ мнѣ множество вкусовостей по части питья и ѣды.

Онъ нажалъ суставомъ пальца нѣкоторую точку на коврѣ въ одномъ изъ угловъ только что упомянутой загородки, указавъ мнѣ, что часть пола, около шестнадцати квадратныхъ дюймовъ, была ловко вырѣзана и опять прилажена. Когда онъ нажималъ, часть эта приподнималась съ одной стороны настолько, чтобы дать ему просунуть палецъ внизъ. Такимъ образомъ онъ приподнялъ закрывку трапа (къ которому коверъ былъ еще прикрѣпленъ гвоздиками), и я увидѣлъ, что ходъ ведетъ въ задній трюмъ. Съ помощью фосфорныхъ спичекъ, Августъ тотчасъ зажегъ небольшую восковую свѣчу, и, вставивъ ее въ потайной фонарь, сталъ спускаться съ нимъ въ отверстие, сказавъ мнѣ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Я вошелъ за нимъ, онъ потянулъ закрывку на отверстие съ помощью гвоздя, вогнаннаго въ нижнюю сторону ея; коверъ, конечно, возвратился на свое первоначальное мѣсто на полу каюты, и всѣ слѣды отверстия были скрыты. Восковая свѣча бросала такой слабый лучъ, что лишь съ величайшимъ трудомъ я могъ ощупывать свою дорогу черезъ смѣшанное нагроможденіе всякаго хлама, среди котораго

я теперь очутился. Мало по малу, однако, глаза привыкли къ темнотѣ, и я продолжалъ путь съ меньшимъ смущеніемъ, держась за полу куртки моего друга. Наконецъ, послѣ ползанія и круженія по безчисленнымъ узкимъ проходамъ, онъ привелъ меня къ ящику обитому желѣзомъ, такому, какъ иногда употребляются для укладки тонкаго фаянса. Онъ былъ около четырехъ футовъ вышины, и цѣлыхъ шесть футовъ въ длину, но очень узкій. Два большихъ пустыхъ боченка изъ подъ масла лежали на крышкѣ, а надъ ними, еще, большое количество цыновокъ, наваленныхъ одна на другую до пола каюты. Кругомъ, во всѣхъ другихъ направленіяхъ, былъ нагроможденъ, какъ только возможно плотно, даже до потолка, въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ, всевозможный корабельный матеріалъ, вмѣстѣ съ разнородной смѣсью плетенокъ, большихъ корзинъ, боченковъ, и тюковъ, такъ что казалось прямо чудомъ, что мы могли найти хоть какой-нибудь проходъ къ ящику. Послѣ я узналъ, что Августъ намѣренно устроилъ нагрузку въ этомъ трюмѣ, съ цѣлю приготовить мнѣ настоящій тайникъ, имѣя въ работѣ только одного помощника, человѣка, который не отплывалъ на бригѣ.

Мой товарищъ показалъ мнѣ, что одна изъ сторонъ ящика по желанію могла быть сдвинута. Онъ заставилъ ее соскользнуть въ сторону, и показалъ мнѣ внутреннее помѣщеніе, чѣмъ я былъ превесьма позабавленъ. Матрацъ съ одной изъ коекъ каюты покрывалъ цѣликомъ дно его, и тамъ находились почти всевозможные предметы настоящаго комфорта, какіе только могли помѣститься въ такомъ маломъ пространствѣ, въ то же время предоставляя мнѣ достаточно мѣста, чтобы устроиться, или въ сидячемъ положеніи или въ лежачемъ во всю длину. Среди другихъ вещей тамъ было нѣсколько книгъ, перья, чернила, и бумага, три шерстяныхъ одѣяла, большой кувшинъ полный воды, боченокъ морскихъ сухарей, три или четыре огромныхъ болонскихъ колбасы, громадный око-

рокъ, холодная баранья нога, и полдюжины бутылокъ цѣлительныхъ настоекъ и крѣпкихъ напитковъ. Я тотчасъ вступилъ въ обладаніе моимъ маленькимъ обиталищемъ, и это съ чувствомъ большаго довольства, чѣмъ то, которое, я увѣренъ, всегда испытываетъ монархъ, входя въ новый дворецъ. Теперь Августъ указалъ мнѣ способъ закрѣплять открывавшуюся стѣнку ящика, и потомъ, держа свѣчу близко къ деку, показалъ конецъ темной бичевки, которая проходила вдоль него. Она была протянута, сказалъ онъ, отъ моего убѣжища черезъ всѣ необходимыя извилины среди хлама, къ гвоздю, который былъ вогнанъ въ декъ трюма, какъ разъ подъ дверью трапа, ведущаго въ его каюту. Съ помощью этой бичевки я могъ хорошо найти дорогу и выйти безъ его помощи, если бы какой-нибудь непредвидѣнный случай дѣлалъ такой шагъ необходимымъ. Затѣмъ онъ ушелъ, оставя мнѣ фонарь съ обильнымъ запасомъ свѣчъ и фосфора, и обѣщая навѣщать меня такъ часто, какъ только сможетъ, не вызывая чужого вниманія. Было семнадцатое Юня.

Я оставался такъ, въ моемъ тайникѣ, три дня и три ночи (какъ приблизительно я могъ заключить), не выходя изъ него совершенно, исключая двухъ разъ, что я сдѣлалъ, чтобы расправить члены, стоя выпрямившись между двухъ плетенокъ, какъ разъ противъ отверстія. Впродолженіи всего этого времени я ничего не зналъ объ Августѣ; но это мало меня тревожило, ибо мнѣ было извѣстно, что бригъ каждый часъ намѣревался выйти въ море, и въ суетѣ онъ не легко могъ найти удобный случай спуститься ко мнѣ. Наконецъ, я услышалъ, какъ трапъ открылся и закрылся, и сейчасъ же онъ позвалъ меня тихимъ голосомъ, спрашивая, все ли благополучно, и не нужно ли мнѣ чего-нибудь. „Ничего“, ствѣтилъ я; „мнѣ такъ удобно, какъ только можетъ быть; когда бригъ отплываетъ?“ „Онъ снимется съ якоря скорѣе, чѣмъ черезъ полъ-часа“, отвѣчалъ онъ. „Я пришелъ, чтобы дать тебѣ знать объ

этомъ, и боясь, что ты тревожишься о моемъ отсутствіи. Нѣкоторое время у меня не будетъ возможности спускаться внизъ—можетъ, приду не раньше трехъ-четырехъ дней. Все идетъ хорошо наверху. Когда я уйду туда, и закрою трапъ, проползи вдоль бичевки до мѣста, гдѣ вогнанъ гвоздь. Ты найдешь тамъ мои часы—они тебѣ пригодятся, а то у тебя нѣтъ дневного свѣта, чтобы узнавать по нему время. Я думаю, ты не можешь сказать, какъ долго ты былъ погребенъ—только три дня—сегодня двадцатое. Я бы принесъ часы къ твоему ящику, да боюсь, что меня хватятся“. Съ этимъ онъ ушелъ.

Около получаса спустя послѣ его ухода, я ясно почувствовалъ, что бригъ въ движеніи и поздравилъ себя съ прекрасно начатымъ наконецъ путешествіемъ. Довольный этой мыслию, я рѣшилъ настроить мой умъ возможно веселѣе, и ожидать, когда ходъ событій настолько двинется впередъ, что мнѣ будетъ позволено перемѣнить ящикъ на болѣе обширное, хотя и врядъ-ли болѣе удобное, помѣщеніе каюты. Моей первой заботой было достать часы. Оставя свѣчу зажженной, я оцупью сталъ пробираться въ темнотѣ, слѣдуя по бичевкѣ, вдоль по безчисленнымъ извилинамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ того какъ я долгое время пробирался, я былъ снова приведенъ назадъ, на футъ или два отъ прежняго мѣста. Наконецъ, я достигъ гвоздя, и, обезпечившись предметомъ моего странствія, благополучно возвратился съ нимъ. Теперь я сталъ разсматривать книги, которыя были заботливо приготовлены, и выбралъ экспедицію Льюиса и Кларка къ устью Колумби. Я услаждался этимъ нѣкоторое время, пока на меня не напала дремота, потомъ, потушивъ свѣчу съ большою осторожностью, я вскорѣ погрузился въ крѣпкій сонъ.

Когда я проснулся, я почувствовалъ странную спутанность въ моемъ мозгу, и протекло нѣкоторое время, прежде нежели я могъ припомнить всѣ разнообразныя

обстоятельства моего положенія. Постепенно, однако, я вспомнилъ все. Я зажегъ свѣтъ и посмотрѣлъ на часы; но они остановились, и, слѣдовательно, не было возможности опредѣлить, какъ долго я спалъ. Члены мои были сильно сведены судорогой, и я принужденъ былъ дать имъ отдыхъ, стоя между корзинокъ. Вдругъ почувствовавъ почти бѣшеный голодь, я вспомнилъ о холодной баранинѣ, которой я нѣсколько поѣлъ, передъ тѣмъ какъ заснуть, и которую нашель превосходной. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что она была въ состояніи полнаго разложенія? Это обстоятельство привело меня въ большое безпокойство; ибо, сопоставляя это со спутанностью моего ума, которую я испытывалъ проснувшись, я началъ предполагать, что вѣрно я спалъ въ продолженіи необычайно долгаго промежутка времени. Спертая атмосфера трюма могла тутъ что-нибудь да значить, и въ концѣ-концовъ могла привести къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ. У меня ужасно болѣла голова; мнѣ казалось, что каждый разъ я съ трудомъ перевожу дыханіе; и, словомъ, я былъ подавленъ цѣлымъ множествомъ мрачныхъ ощущеній. Тѣмъ не менѣе я не могъ бы рискнуть поднять какую-либо тревогу, открывъ трюмъ или иначе, и потому, заведя часы, удовольствовалъ себя какъ умѣлъ.

Впродолженіи всѣхъ слѣдующихъ томительныхъ двадцати четырехъ часовъ никто не пришелъ мнѣ на помощь, и я не могъ не обвинять Августа въ грубѣйшемъ невниманіи. Чтò главнымъ образомъ безпокоило меня, это, что вода въ кувшинѣ уменьшилась до половины пяты, и я очень страдалъ отъ жажды, ибо щедро поѣлъ болонской колбасы, утративъ мою баранину. Мнѣ стало очень не по себѣ, и я не могъ больше интересоваться моими книгами. Я былъ, кромѣ того, обремененъ желаніемъ спать, и дрожальъ при мысли поддаться этому, изъ опасенія, что здѣсь могло быть вредное вліяніе, подобное горящему древесному углю,

въ спертотъ воздухѣ трюма. Межь тѣмъ ровная качка брига говорила мнѣ, что мы были далеко въ открытомъ океанѣ, и глухой гудящій звукъ, который достигалъ моего слуха какъ бы на огромномъ разстояніи, убѣдилъ меня, что дуль настоящій бурный вѣтеръ. Я не могъ объяснить себѣ причины отсутствія Августа. Мы конечно достаточно далеко ушли впередъ въ нашемъ плаваніи, чтобы позволить мнѣ подняться наверхъ. Съ нимъ могло что-нибудь случиться—но я не могъ придумать ни одного обстоятельства, которое объяснило бы, почему онъ такъ долго держитъ меня узникомъ, исключая, правда, того, что онъ внезапно умеръ или упалъ за бортъ, а на этой мысли я не могъ остановиться съ какой-нибудь степенью спокойствія. Возможно, что мы были задержаны переменными противными вѣтрами, и были еще въ недалекомъ разстояніи отъ Нантукета. Однако, я долженъ былъ оставить это предположеніе; ибо, если бы это было такъ, бригъ долженъ былъ бы часто поворачивать на другой галсъ; а видя его непрерывное накрениваніе къ лѣвой сторонѣ, я твердо заключилъ, что онъ плыветъ прямымъ путемъ, подгоняемый стойкимъ и свѣжимъ вѣтромъ, дувшимъ на него съ правой кормовой части. Съ другой стороны, допуская, что мы были еще недалеко отъ острова, почему было бы Августу не навѣстить меня и не сообщить мнѣ объ этомъ обстоятельстве? Размышляя такимъ образомъ о трудностяхъ моего одинокаго и безрадостнаго положенія, я рѣшилъ ждать теперь еще въ продолженіи другихъ двадцати четырехъ часовъ, и, если не получу помощи, то пройти къ трапу и попытаться или затѣять переговоры съ моимъ другомъ, или хотя подышать свѣжимъ воздухомъ черезъ отверстіе, и притомъ снабдить себя водой въ его каютѣ. Межь тѣмъ какъ я былъ занятъ этими мыслями, я, однако, не смотря на всѣ усилія, погрузился въ состояніе глубокаго сна, или скорѣе оцѣпенѣнія. Сны мои были самаго чудовищнаго характера. Всевозможнаго рода бѣдствія и

ужасы напали на меня. Среди другихъ злосчастій я былъ до смерти удушаемъ между огромныхъ подушекъ демонами-привидѣніями самаго свирѣпаго и страшнаго вида. Огромныя змѣи держали меня въ своихъ тискахъ, и внимательно смотрѣли мнѣ въ лицо своими страшными блестящими глазами. Потомъ пустыни безграничныя, самаго безнадежнаго, потеряннаго, и грозно внушительнаго вида, разстились передо мной. Необъятно высокіе стволы деревьевъ, сѣрыхъ и безлиственныхъ, вздымались въ безконечномъ рядѣ такъ далеко, какъ только могъ достигъ глазъ. Ихъ корни были скрыты въ далеко разстилавшихся болотахъ, мрачныя воды которыхъ лежали напряженно черныя, тихія, и совершенно страшныя, внизу. И странныя деревья, казалось, надѣлены были человѣческой жизненностью, и, махая взадъ и впередъ своими скелетными руками, зывали къ безгласнымъ водамъ о милосердіи въ пронзительно рѣзкихъ звукахъ самой острой агоніи и отчаянія. Картина измѣнилась; и я стоялъ нагой и одинокій среди раскаленныхъ равнинъ Сахары. У моихъ ногъ лежалъ, припавъ къ нимъ, свирѣпый левъ тропиковъ. Вдругъ его безумно дикіе глаза открылись, и взглядъ упалъ на меня. Судорожнымъ скачкомъ онъ вспрыгнулъ, всталъ на ноги, и обнажилъ свои ужасающіе зубы. Еще мигъ, и изъ его красной глотки вырвался ревъ, подобный грому съ небосвода, и я упалъ стремительно на землю. Задыхаясь въ судорогѣ ужаса, я наконецъ почувствовалъ себя отчасти пробудившимся. Мой сонъ, значить, не вовсе былъ сномъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я овладѣлъ моими чувствами. Лапы громаднаго и настоящаго чудовища сильно давили мнѣ грудь—его горячее дыханіе было въ моихъ ушахъ—и его бѣлые и страшные клыки блестѣли надо мной сквозь темноту.

Если бы тысяча жизней зависѣла отъ того, чтобы я двинулъ хотя бы рукой или ногой или произнесъ хоть одинъ звукъ, я не могъ бы ни двинуться, ни заговорить.

Звѣрь, какой бы онъ ни былъ, оставался въ томъ же положеніи, не пытаясь оказать какое-нибудь немедленное насиліе, межъ тѣмъ какъ я лежалъ въ полной безпомощности, и мнѣ казалось, что я умираю подъ нимъ. Я почувствовалъ, что всѣ силы ума и тѣла быстро оставляютъ меня—однимъ словомъ, что я погибаю, и погибаю прямо отъ ужаса. Голова у меня шла кругомъ—мною овладѣла смертельная дурнота—зрѣніе помутилось—даже сверкающія надо мною глазныя яблоки звѣря стали туманными. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, я наконецъ устремилъ робкую, но жаркую мольбу къ Богу, и приготовился умереть. Звукъ моего голоса, казалось, разбудилъ всю скрытую ярость звѣря. Онъ бросился во всю длину на мое тѣло; но какъ-то было мое удивленіе, когда, съ долгимъ и тихимъ визгомъ, онъ сталъ лизать мое лицо и руки, дѣлая самыя необычайныя проявленія привязанности и радости! Я былъ ошеломленъ, совершенно потерялся въ изумленіи—но я не могъ забыть совсѣмъ особеннаго визга моей Ньюфаундлэндской собаки, Тигра, и особенную манеру ея ласки, которую я зналъ хорошо. Это была она. Я почувствовалъ мгновенный приливъ крови къ моимъ вискамъ—головокружительное и захватывающее чувство освобожденія и воскресенія. Послѣшно я вскочилъ съ матраца, на которомъ лежалъ, и, бросившись на шею моему вѣрному спутнику и другу, облегчилъ долгую тоску своего сердца потокомъ самыхъ страстныхъ слезъ.

Какъ и въ предъидущемъ случаѣ, когда я всталъ съ матраца, мои воспріятія были въ состояніи величайшей неясственности и спутанности. Впродолженіи долгаго времени мнѣ было почти невозможно сколько-нибудь собраться съ мыслями; но, съ постепенностью крайне медленной, мои мыслительныя способности вернулись, и я опять вызвалъ въ своей памяти различныя обстоятельства моего положенія. Присутствіе Тигра я напрасно пытался объяснить; и послѣ того какъ построилъ тысячу различ-

ныхъ догадокъ относительно него, былъ принужденъ удовольствоваться радостью, что онъ былъ со мной и раздѣлялъ мое мрачное одиночество, и что онъ утѣшилъ меня своими ласками. Многіе любятъ своихъ собакъ, но къ Тигру у меня была привязанность гораздо болѣе страстная, чѣмъ то бываетъ обыкновенно; и, достоверно, никогда ни одно созданіе не заслужило ея больше, чѣмъ онъ. Впродолженіи семи лѣтъ онъ былъ моимъ неразлучнымъ спутникомъ, и во множествѣ случаевъ выказалъ все тѣ качества, за которыя мы цѣнимъ животное. Я спасъ его, когда онъ былъ щенкомъ, изъ когтей злого маленькаго негодяя въ Нантукетъ, который, обмотавъ ему веревку вокругъ шеи, велъ его къ водѣ; и выросши, собака отплатила за одолженіе года черезъ три, спасши меня отъ дубины уличнаго бродяги.

Взявъ часы и приложивъ ихъ къ уху, я увидѣлъ, что они опять остановились; но я нисколько не былъ удивленъ этимъ, такъ какъ убѣдился по странному состоянію моихъ чувствъ, что я, какъ и раньше, проспалъ очень долгій промежутокъ времени; какъ долго, этого, конечно, невозможно было сказать. Я сгоралъ отъ лихорадки, и жажда моя была почти нестерпимой. Я сталъ искать малый остатокъ моего запаса воды, ощупывая ящикъ вокругъ себя, ибо у меня не было свѣта, свѣча въ фонарѣ выгорѣла до основанія, а коробка спичекъ не попадалась мнѣ подъ руку. Однако, найдя кувшинъ, я увидѣлъ, что онъ былъ пустъ — Тигръ безъ сомнѣнія искусился и вылакалъ его, также какъ и пожралъ остатокъ баранины, кость которой, хорошо обглоданная, лежала у отверстія ящика. Я могъ вполне обойтись безъ испорченнаго мяса, но сердце у меня упало, когда я подумалъ о водѣ. Я былъ такъ ужасно слабъ, что дрожалъ весь какъ отъ приступа перемежающейся лихорадки при малѣйшемъ движеніи или усилии. Въ придачу къ моимъ безпокойствамъ бригъ кувыркался и качался съ носа на корму съ большой силой, и бочки изъ-подъ

масла, которыя лежали на моемъ ящикѣ, грозили каждое мгновеніе упасть, такъ что закрыли бы единственный путь входа и выхода. Я чувствовалъ также ужаснѣйшее страданіе отъ морской болѣзни. Это обстоятельство понудило меня во что бы то ни стало попытаться пробраться къ трапу и получить немедленную помощь, прежде нежели я совершенно лишусь способности сдѣлать это. Придя къ этому рѣшенію, я опять сталъ оцупью искать коробку спичекъ и свѣчи. Коробку я нашелъ безъ особаго труда, но, не находя свѣчей такъ скоро, какъ я предполагалъ, (ибо я помнилъ очень хорошо мѣсто, куда ихъ положилъ), я на время оставилъ поиски, и, приказавъ Тигру лежать тихо, предпринялъ немедля мое странствіе къ трапу.

При этой попыткѣ моя великая слабость сдѣлалась болѣе чѣмъ когда-либо явной. Съ величайшимъ трудомъ я могъ ползти впередъ, и очень часто руки и ноги внезапно измѣняли мнѣ; тогда, падая лицомъ внизъ, я оставался нѣсколько минутъ въ состояніи граничащемъ съ безчувствіемъ. Все же я съ усиліемъ пробирался понемногу впередъ, боясь каждое мгновеніе, что я лишусь чувствъ среди узкихъ запутанныхъ извилинъ нагроможденнаго груза, въ каковомъ случаѣ я не могъ ожидать ничего иного кромѣ смерти. Подъ конецъ толкнувшись впередъ со всей энергіей, которой могъ располагать, я сильно ударился лбомъ объ острый уголь корзины обитой желѣзомъ. Это происшествіе только ошеломило меня на нѣсколько мгновеній, но къ моему несказанному огорченію я увидѣлъ, что быстрая и сильная качка судна бросила корзину совсѣмъ поперекъ моего пути, такъ что она совершенно загородила проходъ. Дѣлая величайшія усилія, я не могъ сдвинуть ее ни на одинъ дюймъ съ мѣста, ибо она была плотно стиснута среди окружающихъ ящиковъ и корабельнаго матеріала. Потому, при тогдашней моей слабости, сдѣлалось необходимымъ, чтобы я или оставилъ путь, указываемый бичевкой, и отыскалъ новый про-

ходъ, или перелѣзъ черезъ препятствіе и продолжалъ путь съ другой стороны. Первый выборъ представлялъ кромѣ всего слишкомъ много трудностей и опасностей, чтобы я могъ подумать объ этомъ безъ содроганія. При моемъ теперешнемъ состояніи слабости ума и тѣла, я неизбежно потерялъ бы вѣрный путь, если бы рѣшился на это, и жалко погибъ бы среди мрачнаго и отвратительнаго лабиринта трюма. Поэтому я безъ колебанія сталъ собирать весь свой остатокъ храбрости и силъ, чтобы постараться какъ только возможно перелѣзть черезъ корзину.

Межъ тѣмъ какъ я стоялъ прямо, имѣя ввиду такой исходъ, я увидѣлъ, что предпріятіе это даже болѣе серьезная задача, чѣмъ мой страхъ могъ это мнѣ представить. Съ каждой стороны узкаго прохода поднималась цѣлая стѣна разнообразнаго тяжелаго груза, который при малѣйшей моей неосторожности могъ упасть мнѣ на голову; или, если бы не случилось этого, путь могъ быть загроможенъ вновь свалившейся кучей, какъ это было теперь, съ препятствіемъ, находившимся передо мной. Сама корзина была длиннымъ тяжеловѣснымъ вмѣстилищемъ, о нее невозможно было бы упереться ногой. Напрасно я старался изо всѣхъ силъ, которыя были въ моей власти, достать до крышки, съ надеждой, что смогу взобраться вверхъ. Если бы мнѣ удалось достать до нея, то конечно мои силы были бы вполне недостаточными для выполненія такой задачи, и было въ всѣхъ отношеніяхъ лучше, что это не удалось. Подъ конецъ, безнадежно слясая сдвинуть корзину съ мѣста, я почувствовалъ сильное дрожаніе сбоку отъ меня. Я съ нетерпѣніемъ сунулъ руку къ краю досокъ, и увидалъ, что одна очень толстая оставала. Моимъ складнымъ ножомъ, который по счастію былъ со мной, мнѣ удалось, послѣ большого труда, приподнять ее вполне, какъ рычагомъ; и проникнувъ черезъ отверстіе, я увидалъ къ моей чрезвычайной радости, что тамъ съ противоположной стороны не было досокъ—дру-

гимн словами, что крышки не доставало, и что я пробилъ себѣ дорогу черезъ дно. Теперь, безъ большихъ затрудненій, я продолжалъ двигаться по прямой линіи, пока наконецъ не достигъ гвоздя. Съ бьющимся сердцемъ я стоялъ выпрямившись, и, тихо дотронувшись до крышки трапа, надавилъ на нее. Она не поднялась такъ скоро, какъ я ожидалъ, и я надавилъ съ нѣскольکو большею рѣшительностью, хотя опасался, какъ бы кромѣ Августа не было еще кого другого въ его каютѣ. Дверь однако къ моему удивленію оставалась неподвижной, и я сталъ беспокоиться, ибо зналъ, что раньше вовсе не требовалось усилія или нужно было малое усиліе, для того чтобы ее сдвинуть. Я сильно толкнулъ ее—тѣмъ не менѣе она оставалась неподвижной; толкнулъ изо всей силы—она все еще не подавалась; съ бѣшенствомъ, съ яростью, съ отчаяніемъ—она издѣвалась надъ всѣми моими усиліями; и по этому не поддающемуся упорству было очевидно, что или отверстіе было усмотрѣно и совершенно заколочено, или что на него была помѣщена огромная тяжесть, которую напрасно было бы думать сдвинуть.

Мои ощущенія были ощущеніями величайшаго ужаса и смятенія. Напрасно старался я объяснить себѣ, какая была вѣроятная причина того, что я былъ такимъ образомъ погребенъ. Я не могъ собрать мысли въ связную цѣпь, и, опустившись на полъ, предался неудержимо самымъ мрачнымъ фантазіямъ, среди которыхъ мысли объ ужасной смерти отъ жажды, голода, удушенія, и преждевременныхъ похоронъ, налегли на меня какъ самыя выдающіяся злополучія, которыя меня ожидали. Наконецъ, ко мнѣ вернулось нѣкоторое присутствіе духа. Я всталъ и ощупалъ пальцами шивки или трещины отверстия. Найдя ихъ, я рассмотрѣлъ ихъ внимательно, чтобы узнать, пропускаютъ ли они нѣкоторый свѣтъ изъ каюты; но ничего не было видно. Тогда я сталъ просовывать сквозь нихъ лезвіе ножа, пока не встрѣтилъ какое-то твердое

препятствіе. Поцарапавъ его, я увидѣлъ что это былъ цѣльный кусокъ желѣза; по волнообразному ощущенію, которое я испыталъ, проводя по нему лезвіемъ, я заключилъ, что это желѣзный канатъ. Единственно, что оставалось мнѣ, это возвратиться къ ящику, и тамъ или отдаться моей печальной участи или постараться успокоить свой умъ настолько, чтобы сдѣлать его годнымъ создать какой-либо планъ спасенія. Я тотчасъ же принялся за выполненіе этого, и послѣ безконечныхъ трудностей, мнѣ удалось вернуться назадъ. Когда я, совсѣмъ обезсиленный, упалъ на матрацъ, Тигръ растянулся во всю свою длину около меня, и, казалось, хотѣлъ своими ласками утѣшить меня въ моихъ огорченіяхъ, и побудить меня переносить ихъ съ твердостью.

Особливая странность его поведенія наконецъ поневолѣ приковала мое вниманіе. Послѣ того какъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ лизалъ мое лицо и руки, онъ мгновенно прекращалъ дѣлать это, и издавалъ тихій визгъ. Когда я протягивалъ къ нему руку, я неизмѣнно находилъ его лежащимъ на спинѣ лапами къверху. Это поведеніе, такъ часто повторяемое, показалось мнѣ страннымъ, и я никакимъ образомъ не могъ объяснить его себѣ. Такъ какъ собака, казалось, мучилась, я рѣшилъ, что она ранена; и, взявъ ея лапы въ руки, я разсмотрѣлъ ихъ одну за другой, но не нашелъ ни слѣда какого-либо поврежденія. Я подумалъ, что она голодна, и далъ ей большой кусокъ окорока, который она поглотила съ жадностью—послѣ, однако, возобновила свои необычныя тѣлодвиженія. Тогда я вообразилъ, что она страдала, какъ и я, отъ мученія жажды, и готовъ былъ счесть это заключеніе за вѣрное, какъ вдругъ мнѣ пришла мысль, что до тѣхъ поръ я разсмотрѣлъ только ея лапы, и возможно, что у нея рана гдѣ-нибудь на тѣлѣ или на головѣ. Я осторожно ощупалъ эту послѣднюю, но не нашелъ ничего. Проводя рукой вдоль ея спины, я почувствовалъ легкое поднятіе

шерсти, простирающееся совершенно поперекъ спины. Ощупавъ шерсть пальцемъ, я нашелъ шнурокъ, и, прослѣдивъ его, увидалъ, что онъ шелъ вокругъ всего тѣла. Но тщательномъ изслѣдованіи я наткнулся на небольшую узкую полоску, показавшуюся мнѣ на ощупь запиской, черезъ которую шнурокъ былъ продѣтъ такимъ образомъ, что держалъ ее какъ разъ подъ лѣвымъ плечомъ животнаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внезапно мнѣ пришло въ голову, что эта бумага была запиской отъ Августа, и что, такъ какъ нѣкоторая необъяснимая случайность помѣшала ему освободить меня изъ моей тюрьмы, онъ придумалъ этотъ способъ извѣстить меня объ истинномъ состояніи дѣлъ. Дрожа отъ нетерпѣнія, я снова началъ теперь искать фосфорныя спички и свѣчи. У меня было смутное воспоминаніе, что я тщательно отставилъ ихъ въ сторону какъ разъ передъ тѣмъ, когда я заснулъ; и, на самомъ дѣлѣ, передъ послѣднимъ моимъ странствіемъ къ трану, я былъ способенъ припомнить точное мѣсто, гдѣ я положилъ ихъ. Но теперь я напрасно пытался вызвать въ умѣ воспоминаніе объ этомъ, и хлопоталъ цѣлый часъ, находясь въ бесплодныхъ и мучительныхъ поискахъ недостающихъ вещей; никогда, конечно, не испытывалъ я болѣе терзающаго состоянія тревоги и недоумѣнія. Наконецъ, между тѣмъ какъ я ощупывалъ кругомъ, держа голову совсѣмъ вплотъ къ балласту, около отверстія ящика, и внѣ его, я замѣтилъ слабое мерцаніе свѣта по направленію къ тому мѣсту, гдѣ находилась каюта. Чрезвычайно удивленный, я попытался пробраться къ нему, потому что, какъ мнѣ казалось, отъ меня до этого мерцанія было лишь нѣсколько шаговъ. Едва я двинулся съ таковымъ намѣреніемъ, какъ совер-

шенно потерялъ изъ виду мерцаніе, и, прежде чѣмъ я смогъ увидѣть его опять, я долженъ былъ ощупывать вдоль ящика, пока я не занялъ совершенно точно мое прежнее положеніе. Теперь, осторожно поворачивая голову туда и сюда, я замѣтилъ, что, двигаясь медленно, съ большимъ тѣпаніемъ, въ направленіи противоположномъ тому, въ какомъ я сначала устремился, я получалъ способность приближаться къ свѣту, еще имѣя его передъ глазами. Тотчасъ-же, я пришелъ прямо къ нему (протѣснившись черезъ безчисленные узкія извилины), и увидалъ, что мерцаніе происходило отъ нѣсколькихъ обломковъ моихъ спичекъ, лежавшихъ въ пустомъ боченкѣ, повернутомъ на бокъ. Я спрашивалъ себя, какимъ образомъ они сюда попали, какъ вдругъ рука моя наткнулась на два-три куска свѣчного воска, который, очевидно, былъ изжованъ собакой. Я тотчасъ заключилъ, что она пожрала весь мой запасъ свѣчъ, и чувствовалъ, что теряю надежду когда-нибудь получить возможность прочесть записку Августа. Небольшіе остатки воска были такъ передавлены среди другого мусора въ боченкѣ, что я отчаялся извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу, и оставилъ ихъ такъ, какъ они были. Фосфоръ, котораго тамъ было лишь два-три кусочка, я собралъ съ невозможною тщательностью, и, держа его въ рукѣ, кое-какъ пробрался къ моему ящику, гдѣ Тигръ оставался все это время.

Что нужно было дѣлать теперь, я не могъ-бы сказать. Въ трюмѣ была такая непроглядная тьма, что я не могъ увидеть собственную свою руку, какъ-бы близко къ лицу я не держалъ ее. Бѣлая полоска бумаги была едва различима, даже тогда, когда я глядѣлъ на нее совѣмъ вплотъ; повертывая же къ ней ви́шнія части сѣтчатки, то есть, наблюдая ее нѣсколько искоса, я нашелъ, что она дѣлалась до нѣкоторой степени различимой. Такимъ образомъ, можно представить, каковъ былъ мракъ моей тюрьмы, и записка моего друга, если дѣйствительно это была какая-то

записка отъ него, казалось, могла только ввергнуть меня въ еще большее смущеніе, безпокоя безъ всякой надобности мой, уже ослабленный и потрясенный, умъ. Напрасно я перебиралъ въ моемъ умѣ цѣлое множество нелѣпыхъ способовъ добыть свѣтъ—такихъ способовъ, въ точности, какіе былъ бы способенъ, для подобной цѣли, придумать человѣкъ въ потревоженномъ снѣ, причиненномъ дѣйствіемъ опиума—все способы, и каждый по очереди, кажутся дремлющему самыми разумными и самыми нелѣпыми, какъ разъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что разсуждающія или воображительныя способности перепархиваютъ поочередно одни надъ другими. Наконецъ, одна мысль пришла мнѣ въ голову, которая казалась разумной, и которая заставила меня подивиться, весьма справедливо, что она не возникла у меня раньше. Я положилъ полоску бумаги на корешокъ книжнаго переплета, и, собравъ вмѣстѣ обломки фосфорныхъ спичекъ, которые я принесъ изъ боченка, положилъ ихъ на бумагу. Потомъ, ладонью руки, я потеръ все это очень быстро, но крѣпко. Ясный свѣтъ распространился немедленно по всей этой поверхности; и если бы на бумагѣ было что-нибудь написано, мнѣ не представилось бы, я увѣренъ, ни малѣйшей трудности прочесть письмо. Тамъ не было, однако, ни слова—ничего, кромѣ смутной и безутѣшной бѣлизны; озареніе исчезло въ нѣсколько секундъ, и сердце мое замерло вмѣстѣ съ нимъ, по мѣрѣ того какъ оно погасало.

Я уже раньше говорилъ неоднократно, что разумъ мой въ теченіи нѣкотораго промежутка времени, предшествовавшего этому, былъ въ состояніи почти граничащимъ съ идиотизмомъ. Были, конечно, краткіе перерывы совершеннаго здравомыслія, а время отъ времени даже энергіи, но ихъ было не много. Нужно помнить, что я въ теченіи нѣсколькихъ дней, конечно, вдыхалъ почти чумной воздухъ замкнутаго трюма на китобойномъ суднѣ, и въ продолженіи значительной части этого времени лишь скудно былъ снаб-

жень водою. Послѣдніе четырнадцать-пятнадцать часовъ у меня вовсе не было воды, и я также не спалъ въ теченіи этого времени. Соленая провизія самаго возбуждающаго свойства была моею главною, и, послѣ утраты баранины, моею единственною пищею, кромѣ морскихъ сухарей, а эти послѣдніе были вполнѣ бесполезны для меня, ибо они были слишкомъ сухи и тверды, чтобы быть проглоченными моимъ распухшимъ и воспаленнымъ горломъ. Я находился теперь въ состояніи сильной лихорадки, и во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ было чрезвычайно худо. Этимъ можно объяснить то обстоятельство, что много жалкихъ часовъ угнетенности прошло послѣ моего послѣдняго приключенія съ фосфоромъ, прежде чѣмъ во мнѣ возникла мысль, что я рассмотрѣлъ только одну сторону бумаги. Я не буду пытаться описать мое чувство бѣшенства (ибо думаю, что именно чувство гнѣва было сильнѣе всего), когда совершенный мною перворазрядный недосмотръ мгновенно сверкнулъ въ моемъ воспріятіи. Самая ошибка была-бы не важною, если бы не мое собственное сумасбродство и нетерпѣливый порывъ—въ разочарованіи, что я не нашелъ на полоскѣ бумаги никакихъ словъ, я совершенно ребячески разорвалъ ее въ клочья и бросилъ прочь, куда—рѣшить было невозможно.

Отъ худшей части дилеммы я былъ освобожденъ чутьемъ Тигра. Найдя послѣ долгихъ поисковъ небольшой клочокъ записки, я приложилъ его къ носу собаки, и попытался дать ей понять, что она должна принести мнѣ остальное. Къ удивленію моему (ибо я не научилъ ее никакой изъ обычныхъ продѣлокъ, коими эта порода славится), она, повидимому, сразу поняла, что я разумѣю, и, пошаривъ кругомъ въ теченіи нѣсколькихъ мгновений, вскорѣ нашла другую значительную часть записки. Принеся мнѣ ее, она нѣсколько помедлила и, потеревшись своимъ носомъ о мою руку, повидимому ждала моего одобренія тому, что она сдѣлала. Я потрепалъ ее по головѣ, и она немедленно

отправилась на дальнѣйшіе розыски. Теперь прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она вернулась — но, когда она пришла назадъ, она принесла съ собою длинную полоску, и это оказалось всей недостающей бумагой — ибо записка, по видимости, была разорвана только на три куска. Къ счастью, я безъ затрудненій нашелъ тѣ немногіе обломки фосфора, которые еще оставались — будучи руководимъ неявственнымъ мерцаніемъ еще исходившимъ отъ одной-двухъ частицъ. Мои затрудненія научили меня необходимости быть осторожнымъ, и я теперь не торопясь подумалъ, что мнѣ дѣлать. Было весьма вѣроятно, такъ я размышлялъ, что какія-то слова были написаны на той сторонѣ бумаги, которая не была осмотрѣна — но какая это была сторона? Приладивъ куски одинъ къ другому, я не получилъ въ этомъ отношеніи никакой разгадки, хотя это обстоятельство увѣрило меня, что слова (если какія-либо слова тутъ были) могли бы быть найдены на одной сторонѣ, и соединенными надлежащимъ образомъ, какъ они были написаны. Данное обстоятельство тѣмъ болѣе необходимо было поставить внѣ сомнѣнія, что остававшагося фосфора совсѣмъ было бы недостаточно для третьей попытки, если бъ мнѣ не удалась та, которую я намѣревался сдѣлать теперь. Я положилъ бумагу на книгу, какъ раньше, и сидѣлъ нѣсколько минутъ, озабоченно перебирая въ мысли всѣ эти обстоятельства. Наконецъ, я подумалъ, что единственная возможность — это, что исписанная сторона могла-бы имѣть на своей поверхности нѣкоторую неровность, каковую тонкое чувство осязанія могло бы позволить мнѣ открыть. Я рѣшилъ сдѣлать опытъ, и очень тщательно провелъ пальцемъ по сторонѣ, которая представилась мнѣ сперва — ничего, однако, не было на ней ощутимаго, и я, перевернувъ бумагу, опять приладилъ ее на книгѣ. Снова я осторожно провелъ указательнымъ пальцемъ вдоль, и замѣтилъ чрезвычайно слабое, но все еще различимое, мерцаніе, которое возникло по слѣду пальца. Это, я зналъ, должно

было произойти изъ какихъ нибудь очень маленькихъ оставшихся частицъ фосфора, которымъ я покрылъ бумагу въ первичной моей попыткѣ. Другая или нижняя сторона была, значить, той, на которой было написано, если, въ концѣ концовъ, что нибудь оказалось бы тамъ написаннымъ. Снова я перевернулъ записку, и сдѣлалъ то, что я уже дѣлалъ раньше. Я потеръ фосфоръ, возникъ какъ и раньше блескъ—но на этотъ разъ нѣсколько строкъ, написанныхъ крупно, и, по видимости, красными чернилами, сдѣлались явственно видимы. Сіяніе, хотя и достаточно яркое, было лишь мгновеннымъ. Все же, если бы я не былъ слишкомъ взволнованъ, у меня было-бы совершенно довольно времени перечестъ цѣлякомъ всѣ три фразы, передо мной находившіяся—ибо я увидѣлъ, что было ихъ три. Въ тревогѣ же и въ торопливомъ желаніи прочестъ ихъ всѣ сразу, я успѣлъ только прочитать десять заключительныхъ словъ, которыя предстали такимъ образомъ—*„кровью—твоя жизнь зависитъ отъ того, чтобы быть въ скрытости“*.

Если-бы я былъ способенъ увидѣть все содержаніе записки—полное значенія увѣщаніе, съ которымъ мой другъ пытался ко мнѣ обратиться, это увѣщаніе, если-бы даже оно разоблачало злополучіе самое несказанное, не могло-бы, въ этомъ я твердо убѣжденъ, напоить мой умъ и десятой долей того терзающаго, и однако-же неопредѣлимаго, ужаса, который внушило мнѣ оборванное предостереженіе такъ полученное. И *„кровь“*, кромѣ того, это слово всѣхъ словъ—столь богатое во всѣ времена тайной, и страданіемъ, и страхомъ—какъ явилось оно теперь трижды полнымъ значенія—какъ леденяще и тяжело (будучи оторвано, какъ оно было, отъ какихъ-либо предшествующихъ словъ, чтобъ его оцѣнить, или сдѣлать его яснымъ) упали его смутныя буквы, среди глубокаго мрака моей тюрьмы, въ сокровеннѣйшіе уголки души моей!

У Августа, безъ сомнѣнія, были добрыя основанія же-

латъ, чтобы я оставался въ скрытости, я построилъ тысячу догадокъ относительно того, что бы это могло быть—но я не могъ придумать ничего, что доставляло-бы удовлетворительное разрѣшеніе тайны. Какъ разъ послѣ моего возвращенія изъ послѣдняго моего странствія къ трапу, и прежде чѣмъ мое вниманіе было отвлечено страннымъ поведеніемъ Тигра, я пришея къ рѣшенію сдѣлать такъ, чтобы во что бы то ни стало меня услышали тѣ, кто былъ на кораблѣ, или, если-бы я не успѣлъ въ этомъ прямо, попытаться прорѣзать себѣ путь черезъ кубрикъ. Полуувѣренность, бывшая во мнѣ, что я способенъ выполнить одинъ изъ двухъ этихъ замысловъ въ послѣдней крайности, придала мнѣ мужества (врядъ ли я имѣлъ-бы его иначе) претерпѣть всѣ бѣды моего положенія. Тѣ немногія слова, однако, которыя я былъ способенъ прочесть, отрѣзали отъ меня эти послѣдніе пути, и теперь, въ первый разъ, я почувствовалъ все злосчастіе своей судьбы. Въ припадкѣ отчаянія, я бросился опять на матрацъ, на которомъ, приблизительно въ продолженіи дня и ночи, я лежалъ въ нѣкоемъ оцѣпенѣніи, облегчаемый только мгновенными пробужденіями разсудка и воспоминанія.

Наконецъ, я еще разъ поднялся, и сталъ усиленно размышлять объ ужасахъ, меня окружавшихъ. Существовать еще двадцать четыре часа безъ воды было бы только едва возможно—на дальнѣйшее время возможность прекращалась. Въ первое время моего заключенія я свободно пользовался крѣпительными напитками, которыми Августъ снабдилъ меня, но они только возбуждали лихорадку, ни въ малѣйшей степени не утоляя мою жажду. У меня оставалось теперь лишь около четверти пинты крѣпкой персиковой настойки, которую желудокъ мой не принималъ. Колбасы были совершенно истреблены; отъ окорока ничего не оставалось, кромѣ большого куска кожурѣ; а сухари, за исключеніемъ немногихъ обломковъ одного, были съѣдены Тигромъ. Во усиленіе моей тревоги я увидѣлъ, что

головная моя боль съ минуты на минуту увеличивалась, а съ нею нѣкотораго рода бредъ, который мучилъ меня, болѣе или менѣе, съ тѣхъ поръ какъ я впервые заснулъ. Уже нѣсколько часовъ какъ я могъ дышать вообще лишь съ большимъ трудомъ, теперь же каждая попытка дыханія сопровождалась самымъ мучительнымъ судорожнымъ сокращеніемъ грудной клѣтки. Но былъ еще другой, и совершенно иной, источникъ безпокойства, и, по-истинѣ, такого свойства, что терзающіе его ужасы были главнымъ обстоятельствомъ, заставившимъ меня очнуться отъ моего оцѣпенѣнія на матрацѣ. Это было связано съ поведеніемъ собаки.

Впервые я замѣтилъ измѣненіе въ ея поведѣніи, когда я растеръ фосфоръ на бумагѣ, пытаюсь въ послѣдній разъ прочесть записку. Когда я растиралъ его, она сунулась своимъ носомъ къ моей рукѣ, и слегка огрызнулась, но я былъ слишкомъ возбужденъ въ то время, чтобы обратить на это обстоятельство какое-нибудь особое вниманіе. Вскорѣ послѣ этого, да не будетъ это забыто, я бросился на матрацъ, и впалъ въ нѣкотораго рода летаргію. Тутъ я замѣтилъ какой-то особенный свистящій звукъ совсѣмъ около моего уха, и убѣдился, что его издавалъ Тигръ, который тяжело дышалъ и храпѣлъ въ состояніи величайшаго явнаго возбужденія, при чемъ глазныя его яблоки яростно сверкали сквозь тьму. Я сказалъ ему нѣсколько словъ, онъ отвѣтилъ тихимъ рычаніемъ, и послѣ этого замолкъ. Тутъ я впалъ опять въ оцѣпенѣніе, изъ котораго снова былъ пробужденъ подобнымъ-же образомъ. Это повторилось три или четыре раза, и, наконецъ, его поведеніе исполнило меня такой великой степенью страха, что я совершенно проснулся. Онъ лежалъ теперь совсѣмъ вплотъ у дверцы ящика, огрызаясь устрашающимъ образомъ, хотя въ какомъ-то пониженномъ тонѣ, и скрежеща зубами какъ если-бы онъ находился въ сильныхъ конвульсіяхъ. Ни мало не сомнѣвался, что недостатокъ воды или спертый

воздухъ трюма вызвали въ немъ бѣшенство, и былъ въ полномъ недоумѣнн, что теперь предпринять. Мысль убить его была для меня невыносима, однако-же это казалось безусловно необходимымъ для моей собственной сохранности. Я могъ явственно видѣть, что его глаза были прикованы ко мнѣ съ выраженіемъ самой смертельной враждебности, и каждое мгновеніе я ждалъ, что онъ бросится на меня. Наконецъ я не могъ больше выносить страшнаго моего положенія, и рѣшился проложить себѣ дорогу изъ загородки во что бы то ни стало, — если-же его противоборство вынудитъ меня къ тому, убить его. Чтобы выбраться вонъ, я долженъ былъ пройти какъ разъ надъ его туловищемъ, и онъ, повидимому, уже усмотрѣлъ мое намѣреніе, приподнялся на переднія лапы (что я замѣтилъ по измѣнившемуся положенію его глазъ), и явилъ цѣликомъ свои бѣлые клыки, которые были легко различимы. Я взялъ остатки кожеры окорока и бутылку съ водкой, и приспособилъ ихъ на себѣ вмѣстѣ съ большимъ ножомъ-рѣзакомъ, который Августъ оставилъ мнѣ—послѣ этого, закутавшись въ плащъ такъ плотно, какъ это было возможно, я сдѣлалъ движеніе къ отверстию ящика. Но едва я его сдѣлалъ, какъ собака съ громкимъ рычаньемъ бросилась къ моему горлу. Вся тяжесть ея тѣла ударила меня въ правое плечо, и я съ силой упалъ на лѣвое, между тѣмъ какъ взбѣшенное животное прошло цѣликомъ мимо меня. Я упалъ на колѣни, голова моя вся закуталась въ шерстяныя одѣяла, и они-то предохраняли меня отъ вторичнаго яростнаго нападенія, во время котораго я чувствовалъ, какъ острые зубы съ силою впиваются въ шерстяную ткань, окутывающую мою шею—но къ счастью не могутъ проникнуть во всѣ ея сгибы. Я былъ теперь подъ собакой, и нѣсколько немногихъ мгновеній должны были цѣликомъ предать меня ея власти. Отчаяніе придадо мнѣ мужества, я смѣло приподнялся, стряхнулъ ее съ себя, отталкивая изо всей силы, и таща за собой одѣяла съ матраца.

Я бросилъ ихъ теперь на нее, и, прежде чѣмъ она могла выпутаться, выбрался черезъ дверцу, и захлопнулъ ее хорошенько на случай преслѣдованія. Въ этой борьбѣ, однако, я поневолѣ выронилъ кусокъ ветчинной кожуры, и весь мой запасъ провіанта былъ теперь сведенъ до четверти пинты крѣпкой настойки. Какъ только это соображеніе промелькнуло въ моемъ умѣ, мной овладѣлъ одинъ изъ тѣхъ приступовъ извращенности, которые, можно думать, овладѣваютъ при подобныхъ обстоятельствахъ избалованнымъ ребенкомъ, и, приподнявъ бутылку къ губамъ, я осушилъ ее до послѣдней капли и съ яростью бросилъ объ полъ.

Едва только эхо отъ звука разбившагося стекла замерло, какъ я услышалъ, что имя мое произнесено нетерпѣливымъ, но подавленнымъ голосомъ, и зовъ этотъ исходилъ со стороны каюты. Такъ неожиданно было что-нибудь въ этомъ родѣ, и такъ напряженно было волненіе, возбужденное во мнѣ звукомъ, что напрасно я пытался отвѣтить. Способность рѣчи совершенно покинула меня, и въ пыткѣ страха, что другъ мой сочтетъ меня умершимъ, и вернется назадъ, не попытавшись добратся до меня, я стоялъ между корзинками около двери загородки, судорожно трепеща всѣмъ тѣломъ, и раскрывая ротъ, и задыхаясь, и напрасно стараясь произнести какой-нибудь звукъ. Если-бы тысяча міровъ зависѣла отъ одного слога, я не могъ-бы его сказать. Теперь было слышно какое-то слабое движеніе среди нагроможденнаго хлама, гдѣ-то тамъ впереди отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. Звукъ сталъ теперь менѣе явственнымъ, и потомъ еще менѣе явственнымъ, и потомъ еще менѣе. Забуду-ли я когда-нибудь мои чувства того мгновенія? Онъ уходилъ—мой другъ, мой товарищъ, отъ котораго я имѣлъ право ждать столь много—онъ уходилъ—онъ хотѣлъ покинуть меня—онъ ушелъ! Онъ могъ оставить меня жалко погибать, испустить послѣдній вздохъ въ самой ужасной и отвратительной изъ темницъ—и одно слово, одинъ маленькій слогъ могъ-бы

спасти меня, но этого единственного слога я не могъ произнести! Я чувствовалъ, въ томъ я увѣренъ, десять тысячъ разъ агонію самой смерти. Мозгъ мой кружился, и я упалъ въ смертельномъ недугѣ противъ края ящика.

Когда я падаль, ножъ-рѣзакъ выскочилъ у меня изъ-за пояса панталонъ, и съ трескомъ упалъ на полъ. Никогда никакая волна богатѣйшей мелодіи не вошла такъ сладостно въ мой слухъ! Съ напряженнѣйшей тревогой я слушалъ, чтобъ удостовѣриться какъ подѣйствуетъ этотъ шумъ на Августа, ибо я зналъ, что никто иной, кромѣ него, не могъ звать меня, произнося мое имя. Все было тихо нѣсколько мгновений. Наконецъ, я опять услыхалъ слово *Артуръ!* повторенное подавленнымъ голосомъ, исполненнымъ колебаній. Воскресающая надежда развязала наконецъ во мнѣ способности рѣчи, и я закричалъ во все горло, „Августъ! о, Августъ!“ . „Тсс! ради Бога молчи!“ , отвѣтилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія; „я буду съ тобой сейчасъ, какъ только проберусь черезъ трюмъ“. Долгое время я слышалъ, какъ онъ движется среди хлама, и каждое мгновение казалось мнѣ вѣчностью. Наконецъ я почувствовалъ, что его рука на моемъ плечѣ, и онъ приложилъ въ то же самое мгновение бутылку съ водой къ губамъ моимъ. Тѣ только, что были мгновенно освобождены изъ пасти гробницы, или тѣ, что знали нестерпимыя пытки жажды при обстоятельствахъ столь отягощенныхъ, какъ обстоятельства стѣнной сомкнувшіяся вокругъ меня въ мрачной моей тюрьмѣ, могутъ составить представленіе о неизреченной усладѣ, которую далъ мнѣ одинъ долгій глотокъ богатѣйшаго изъ всѣхъ тѣлесныхъ наслажденій.

Когда я нѣсколько удовлетворилъ жажду, Августъ вынулъ изъ своего кармана три-четыре холодныя вареныя картофелины, и я пожралъ ихъ съ величайшею жадностью. Онъ принесъ съ собой также свѣчу въ потайномъ фонарѣ, и пріятные лучи доставляли мнѣ, пожалуй, не менѣе ра-

дости, чѣмъ пища и питье. Но я нетерпѣливился узнать причину столь длительного его отсутствія, и онъ началъ рассказывать, что случилось на борту во время моего заключенія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бригъ вышелъ въ море, какъ я и предполагалъ, около часу спустя послѣ того какъ Августъ оставилъ мнѣ часы. Это было двадцатое Іюня. Нужно припомнить, что тогда я уже находился въ трюмѣ три дня, и въ продолженіи этого времени на борту была такая постоянная суета, и такъ много бѣготни взадъ и впередъ, особенно въ каютахъ, что Августъ не имѣлъ возможности посѣтить меня безъ риска, что тайна трапа будетъ открыта. Когда, наконецъ, онъ пришелъ, я увѣрилъ его, что мнѣ хорошо, какъ только можетъ быть, и поэтому слѣдующіе два дня онъ только немного безпокоился на мой счетъ — все же, однако, выжидая удобнаго случая спуститься внизъ. Только *на четвертый день* ему представился случай. Нѣсколько разъ въ продолженіи этого времени ему приходило въ голову сказать своему отцу о приключеніи, и, наконецъ, вызвать меня наверхъ, но мы были еще въ близкомъ разстояніи отъ Нантукета, и по нѣкоторымъ словамъ, вырвавшимся у капитана Барнарда, было сомнительно, не вернется ли онъ тотчасъ же, если откроетъ меня на кораблѣ. Притомъ, обдумавъ все, Августъ (такъ онъ мнѣ сказалъ) не могъ представить себѣ, чтобы я находился въ такой крайности, или что я въ этомъ случаѣ сталъ бы колебаться дать ему знать о себѣ черезъ трапъ. Итакъ, обсудивъ все, онъ рѣшилъ оставить меня одного, до того какъ встрѣтится благопріятный случай навѣститъ меня не будучи замѣченнымъ. Какъ я сказалъ прежде, это случилось не ранѣе четвертаго дня послѣ того какъ онъ принесъ мнѣ

часы, и на седьмой послѣ того какъ я впервые вошелъ въ трюмъ. Тогда онъ сошелъ внизъ, не захвативъ съ собою воды и съѣстнаго, имѣя сначала ввиду только привлечь мое вниманіе и заставить меня выйти изъ ящика къ трапу, послѣ чего онъ взошелъ бы въ каюту, и оттуда передалъ бы мнѣ внизъ припасы. Когда онъ съ этою цѣлью спустился, то увидѣлъ, что я сплю, ибо, оказывается, я храпѣлъ очень громко. Изъ всѣхъ соображеній, какія по этому поводу я могу дѣлать, это, должно быть, былъ тотъ сонъ, въ который я погрузился какъ разъ послѣ моего возвращенія съ часами отъ трапа, и который слѣдовательно длился самое меньшее—*болѣе чѣмъ три дня и три ночи*. Въ послѣднее время я имѣлъ основаніе, по моему собственному опыту и по увѣреніямъ другихъ, узнать о сильномъ снотворномъ свойствѣ зловонія, исходящаго отъ стараго рыбаго жира, когда онъ находится въ замкнутомъ помѣщеніи; и когда я думаю о состояніи трапа, гдѣ я былъ заключенъ, и о долгомъ времени, впродолженіи котораго бригъ служилъ какъ китобойное судно, я болѣе склоненъ удивляться на то, что я вообще пробудился, разъ погрузившись въ сонъ, нежели на то, что я могъ спать непрерывно впродолженіи означеннаго срока.

Августъ позвалъ меня сначала тихимъ голосомъ и не закрывая трапа—но я не отвѣтилъ ему. Тогда онъ закрылъ трапъ и заговорилъ болѣе громко, и наконецъ очень громкимъ голосомъ—я же все продолжалъ храпѣть. Онъ былъ въ полной нерѣшительности, что ему сдѣлать. Ему нужно было бы нѣкоторое время, для того чтобы проложить себѣ путь черезъ нагроможденный хламъ къ моему ящику, и въ это время отсутствіе его было бы замѣчено капитаномъ Барнардомъ, который нуждался въ его услугахъ каждую минуту, приводя въ порядокъ и переписывая бумаги, относящіяся къ цѣли путешествія. Поэтому, обдумавъ, онъ рѣшилъ подняться, и подождать другого благопріятнаго случая, чтобы посѣтить меня. Онъ тѣмъ легче склонился

къ этому рѣшенію, что мой сонъ показался ему очень спокойнымъ, и онъ не могъ предположить, чтобы я испытывалъ какія-либо неудобства отъ моего заключенія. Онъ только что принялъ такое рѣшеніе, какъ вниманіе его было приковано какой-то необычной суматохой, шумъ которой исходилъ, казалось, изъ каюты. Онъ бросился черезъ трапъ, какъ только могъ скоро, закрылъ его, и распахнулъ дверь своей каюты. Не успѣлъ онъ перешагнуть черезъ порогъ, какъ выстрѣлъ изъ пистолета блеснулъ ему въ лицо, и въ то же самое мгновеніе онъ былъшибленъ съ ногъ ударомъ ганшпуга.

Сильная рука держала его на полу каюты, крѣпко сжавъ за горло; но онъ могъ видѣть все, что происходило вокругъ него. Его отецъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и лежалъ вдоль ступенекъ лѣстницы, что возлѣ капитанской каюты, головой внизъ, и съ глубокой раной на лбу, изъ которой кровь струилась непрерывнымъ потокомъ. Онъ не говорилъ ни слова, и повидимому умиралъ. Надъ нимъ стоялъ штурманъ, смотря на него съ выраженіемъ дьявольской насмѣшки, и спокойно шаря у него въ карманахъ, изъ которыхъ онъ теперь вытаскивалъ большой бумажникъ и хронометръ. Семь человѣкъ изъ экипажа (среди нихъ былъ поваръ негръ) обшаривали офицерскую каюту на лѣвой сторонѣ судна, ища оружія, гдѣ они вскорѣ запаслись мушкетами и аммуниціей. Съ Августомъ и капитаномъ Барнардомъ, въ каютѣ всего на всего было девять человѣкъ, — именно тѣ самые, что имѣли наиболѣе разбойничій видъ среди лицъ, составлявшихъ экипажъ брига. Негодяи теперь поднялись на палубу, захвативъ съ собою моего друга, и связавъ ему руки за спиной. Они прошли прямо къ баку, который былъ замкнутъ — двое изъ бунтовщиковъ стояли около него съ топорами. Штурманъ закричалъ громкимъ голосомъ — „Слышите вы тамъ внизу? Живо наверхъ, одинъ за другимъ — теперь, слушаться — и не ворчать!“ Прошло нѣсколько

минуть, прежде нежели кто-либо появился; — наконецъ, одинъ Англичанинъ, который нанялся на судно какъ новичекъ, пошелъ наверхъ, жалостно плача и умоляя штурмана самымъ смиреннымъ образомъ пощадить его жизнь. Единственнымъ ему отвѣтомъ былъ ударъ топоромъ по лбу. Бѣдняга безъ стона упалъ на палубу, и черный поваръ поднялъ его на руки какъ ребенка, и спокойно швырнулъ въ море. Людей бывшихъ внизу и слышавшихъ ударъ, и то, какъ тѣло съ размаху упало въ воду, не могли принудить выйти на палубу ни угрозами, ни обѣщаніями, пока не было постановлено выкурить ихъ дымомъ. Послѣдовала всеобщая схватка, и одно мгновеніе показалось возможнымъ, что бригъ можетъ быть отвоеванъ. Бунтовщикамъ однако удалось подконецъ совсѣмъ закрыть бакъ, прежде нежели болѣе чѣмъ шестеро изъ ихъ противниковъ взобрались на верхъ. Эти шесть, найдя себя въ такомъ меньшинствѣ и безъ оружія, сдались послѣ короткой схватки. Штурманъ надавалъ имъ обѣщаній—безъ сомнѣнія, чтобы склонить тѣхъ, что были внизу, уступить, такъ какъ они безъ труда могли слышать все, что говорилось на палубѣ. Послѣдовавшее доказало его прозорливость, не менѣе чѣмъ и его дьявольское негодяйство. Всѣ бывшіе въ бакѣ теперь выразили намѣреніе подчиниться, и, поднимаясь одинъ за другимъ, были связаны по рукамъ и брошены на спину вмѣстѣ съ первыми шестью—изъ всего экипажа не присоединившихся къ бунту было двадцать семь.

Послѣдовала самая ужасная бойня. Связанные матросы были притащены къ шкафуту. Здѣсь стоялъ поваръ съ топоромъ, онъ ударялъ каждую жертву по головѣ въ то время, какъ другіе бунтовщики держали ее надъ крайней судна. Такимъ образомъ погибло двадцать два человѣка, и Августъ считалъ себя пропавшимъ, ожидая каждое мгновеніе, что настанетъ его чередъ. Но казалось, что негодяи были теперь или утомлены, или до нѣкоторой

степени отвращены отъ своей кровавой работы, ибо исполненіе приговора надъ четырьмя оставшимися узниками вмѣстѣ съ моимъ другомъ, который съ остальными былъ брошенъ на палубу, было отсрочено, межъ тѣмъ какъ штурманъ послалъ внизъ за ромомъ, и вся шайка убійць устроила пьяную оргію, которая продолжалась до захода солнца. Тутъ они начали спорить относительно судьбы оставшихся въ живыхъ, которые лежали чуть не въ двухъ шагахъ, и могли слышать каждое сказанное слово. На нѣкоторыхъ бунтовщиковъ крѣпкіе напитки, повидимому, оказали умягчающее дѣйствіе, ибо нѣсколько голосовъ было за то, чтобы освободить плѣнниковъ всѣхъ вмѣстѣ съ условіемъ, чтобы они присоединились къ бунту и раздѣлили добычу. Черный поварь, однако, (который во всѣхъ отношеніяхъ былъ совершеннымъ дьяволомъ, и который, казалось, имѣлъ столько же вліянія, если не больше, чѣмъ самъ штурманъ), не хотѣлъ слушать такого рода предложеній, и нѣсколько разъ вставалъ съ цѣлью возобновить свою работу у шкафута. Къ счастью, онъ такъ былъ ослабленъ опьяненіемъ, что менѣе кровожаднымъ изъ компаніи легко было его удержать, среди нихъ былъ канатчикъ по имени Дѣркъ Питерсъ. Этотъ человѣкъ былъ сыномъ Индіанки изъ племени Упсарока, которое живетъ среди твердыхъ Черныхъ Холмовъ около истоковъ Миссури. Отецъ его, полагаю, былъ торговцемъ шкурами, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ какія-либо отношенія съ торговыми становищами на рѣкѣ Льюисъ. Самъ Питерсъ былъ однимъ изъ людей наиболѣе свирѣпаго вида, какихъ я когда-либо видѣлъ. Онъ былъ низкаго роста, не болѣе четырехъ футовъ восьми дюймовъ, но члены его были совершенно Геркулесовскіе. Кисти его рукъ были такъ ужасно толсты и широки, что едва сохраняли человѣческую форму. Руки у него, также какъ и ноги, были согнуты очень страннымъ образомъ, и, казалось, все же не обладали гибкостью. Голова была, равно, уродлива, будучи огромныхъ

размѣровъ съ выемкой на теменѣ (какъ на головѣ у большинства негровъ), и совершенно лысая. Чтобы скрыть этотъ недостатокъ, который происходилъ не отъ преклоннаго возраста, онъ обыкновенно носилъ парикъ изъ чего-нибудь похожаго на волосы—иногда шерсть болонки или Американскаго сѣраго медвѣдя. Въ то время, о которомъ я говорю, онъ носилъ кусокъ изъ такой медвѣжьей шерсти, и это не мало увеличивало естественную свирѣпость его вида, отличительныя черты типа Упсароки. Ротъ тянулся отъ уха до уха; губы были тонки, и, казалось, какъ и другія части его тѣла, были лишены естественной гибкости, такъ что преобладающее выраженіе никогда не мѣнялось подъ вліяніемъ какого бы то ни было волненія. Это преобладающее выраженіе можно себѣ представить, если принять во вниманіе, что зубы у него были ужасно длинны; выдающіеся впередъ, они никогда даже отчасти не закрывались губами. Смотри на этого человѣка бѣглымъ взглядомъ, можно было подумать, что онъ сведень смѣхомъ, но вторичный взглядъ заставлялъ съ содроганіемъ убѣдиться, что, если это выраженіе указывало на веселье, то веселье это должно было быть весельемъ демона. Объ этомъ странномъ человѣкѣ ходило много разсказовъ среди моряковъ Нантукета. Разказы эти доказывали его изумительную силу, когда онъ находился подъ вліяніемъ какого-нибудь возбужденія, и нѣкоторые изъ нихъ вызывали сомнѣніе относительно здравости его ума. Но на борту „Грампуса“ во время бунта на него смотрѣли съ чувствомъ скорѣе насмѣшки, чѣмъ съ какимъ-либо инымъ. Я такъ подробно остановился, говоря о Дѣркѣ Питерсѣ, ибо, несмотря на его кажущуюся свирѣпость, онъ былъ главнымъ орудіемъ спасенія Августа, и такъ какъ я часто буду имѣть случай упоминать о немъ позднѣе въ ходѣ моего повѣствованія—повѣствованія, которое, да будетъ мнѣ позволено здѣсь сказать, въ послѣдней своей части будетъ заключать въ себѣ случаи, столь выходящіе

изъ уровня человѣческаго опыта, и потому столь внѣ границъ человѣческаго легковѣрія, что я продолжаю съ полной безнадежностью получить довѣріе ко всему тому, что я скажу, все же твердо уповаю на время и успѣхи знанія, каковыя удостовѣрятъ нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ и самыхъ невѣроятныхъ моихъ утвержденій.

Послѣ многихъ колебаній и двухъ или трехъ рѣзкихъ ссоръ, было наконецъ рѣшено, что всѣ узники (за исключеніемъ Августа, относительно котораго Питерсъ шутя настаивалъ, что онъ возьметъ его себѣ въ секретари) будутъ посажены въ одну изъ самыхъ маленькихъ китобойныхъ лодокъ и брошены на произволъ судьбы. Штурманъ спустился въ каюту, чтобы посмотрѣть, живъ ли еще капитанъ Барнардъ — нужно припомнить, что онъ былъ оставленъ внизу, когда бунтовщики поднялись наверхъ. Вскорѣ появились они оба, Капитанъ блѣдный какъ смерть, но нѣсколько оправившійся отъ раны. Онъ говорилъ еле слышнымъ голосомъ, обращаясь къ матросамъ, умолялъ ихъ не предоставлять его волѣ вѣтра и волнъ, но вернуться къ своему долгу, и обѣщался высадить ихъ, гдѣ они захотятъ, и не предпринимать никакихъ шаговъ для преданія ихъ правосудію. Такъ же успѣшно онъ могъ бы говорить къ вѣтрамъ. Двое изъ злодѣевъ схватили его за руки и бросили черезъ бортъ брига въ лодку, которая была спущена, когда штурманъ ходилъ внизъ. Четыре человѣка, которые лежали на палубѣ, были развязаны, и имъ было приказано повиноваться, что они и сдѣлали, не пытаясь сопротивляться — Августъ все еще оставался въ своемъ мучительномъ положеніи, не смотря на то, что онъ бился и просилъ только объ одной малой радости — позволить ему проститься съ отцомъ. Горсть морскихъ сухарей и кружка воды были теперь переданы внизъ, но ни мачты, ни паруса, ни весла, ни компаса. Лодка была привязана за кормой нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ бунтовщики держали другой совѣтъ — и наконецъ она была отвя-

зана и пущена по вѣтру. Тѣмъ временемъ настала ночь—ни луны, ни звѣздъ не было видно—и волны вздымались крутыя и зловѣщія, хотя не было большого вѣтра. Лодка тотчасъ же пропала изъ вида, и мало надежды можно было имѣть насчетъ злополучныхъ страдальцевъ, которые находились въ ней. Это происшествіе случилось, однако, на 35° 30' сѣверной широты и 61° 21' восточной долготы, и слѣдовательно не въ далекомъ разстояніи отъ Бермудскихъ острововъ. Поэтому Августъ старался утѣшиться мыслию, что лодкѣ или можетъ удасться достичь земли, или она сможетъ подойти къ сушѣ настолько близко, что встрѣтится съ судами этого побережья.

Всѣ паруса на бригѣ были теперь подняты, и онъ продолжалъ свой первоначальный путь къ юго-востоку—бунтовщики задумали какую-то пиратскую экспедицію, въ которой, какъ можно было понять, долженъ былъ быть перехваченъ какой-нибудь корабль на пути отъ острововъ Мыса Зеленаго къ Порто Рико. На Августа, который былъ развязанъ, не обращали вниманія, и онъ могъ ходить всюду до капитанской каюты. Дѣркъ Питерсъ обращался съ нимъ съ нѣкоторой добротой, и при одномъ обстоятельствѣ спасъ его отъ свирѣпости повара. Положеніе Августа было еще очень ненадежное, ибо люди были почти всегда пьяны, и нельзя было полагаться на ихъ постоянное благорасположеніе или беззаботность по отношенію къ нему. Однако, его опасенія на мой счетъ были, какъ онъ говорилъ, самымъ мучительнымъ въ его положеніи; и правда, у меня никогда не было причины сомнѣваться въ искренности его дружбы. Нѣсколько разъ онъ рѣшался рассказать бунтовщикамъ тайну того, что я нахожусь на бортѣ, но удерживался, и не дѣлалъ этого, отчасти при воспоминаніи объ ужасахъ, которые онъ уже видѣлъ, отчасти изъ надежды, что ему удасться вскорѣ придти мнѣ на помощь. Для этого онъ былъ постоянно на сторожѣ, но, не смотря на самое постоянное бодрствованіе, три дня истекло послѣ того какъ

лодка была пущена по волѣ моря и вѣтра, прежде нежели представился какой-нибудь случай. Наконецъ, на третій день вечеромъ, съ восточной стороны набѣжалъ сильный вѣтеръ, и всѣ были призваны наверхъ, чтобы поднять паруса. Во время суеты, которая послѣдовала, онъ прошелъ мимо всѣхъ незамѣченнымъ, и вошелъ въ свою каюту. Каково было его огорченіе и ужасъ, когда онъ увидѣлъ, что эта послѣдняя была превращена въ мѣсто склада различныхъ запасовъ и корабельнаго матеріала, и что различныя грузила старыхъ желѣзныхъ канатовъ, которыя были раньше сложены около лѣстницы къ каютѣ, теперь были притащены сюда, чтобы дать мѣсто ящику, и лежали какъ разъ на трапѣ! Сдвинуть ихъ такъ, чтобы это не замѣтили, было невозможно, и онъ вернулся на палубу какъ только могъ скоро. Когда онъ поднялся, штурманъ схватилъ его за горло, и, спросивъ его, что онъ дѣлалъ въ каютѣ, былъ готовъ швырнуть его черезъ бокбортъ, и тутъ жизнь его была еще разъ спасена вмѣшательствомъ Дѣрка Питерса. Августу надѣли наручни (которыхъ на борту было нѣсколько паръ), и ноги его были крѣпко связаны. Потомъ его снесли въ каюту подъ лѣстницей, и бросили на нижнюю койку, примыкающую къ переборкѣ трюма, съ заявленіемъ, что онъ больше не взойдетъ на палубу, „пока бригъ не перестанетъ быть бригомъ“. Такъ выразился поваръ, который бросилъ Августа на койку—врядъ ли возможно сказать, какой точный смыслъ онъ разумѣлъ въ этихъ словахъ.

Все это однако оказалось въ концѣ концовъ средствомъ къ моему спасенію, какъ сейчасъ это будетъ видно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ того какъ поварь ушелъ изъ бака, Августъ предался отчаянію, не надѣясь больше живымъ оставить койку. Теперь онъ рѣшилъ сообщить первому, кто спустится внизъ, о моемъ положеніи, думая, что лучше предоставить меня случайности среди бунтовщиковъ, нежели дать мнѣ погибнуть отъ жажды въ трюмѣ—ибо прошло десять дней, съ тѣхъ поръ какъ я впервые былъ заключенъ, а мой кувшинъ съ водой не былъ достаточнымъ запасомъ даже на четыре дня. Когда онъ думалъ объ этомъ, ему пришло въ голову, что возможно, быть можетъ, найти сообщеніе со мной черезъ главный трюмъ. При другихъ обстоятельствахъ, трудность и неувѣренность этого предпріятія удержали бы его отъ попытки; но теперь, во всякомъ случаѣ, было мало надежды на возможность сохранить жизнь, и, слѣдовательно, мало что было терять—поэтому онъ цѣликомъ сосредоточилъ свою мысль на данной задачѣ.

Его ручныя кандалы были первымъ соображеніемъ. Сначала онъ не видѣлъ способа сдвинуть ихъ, и боялся, что потерпитъ неудачу въ самомъ началѣ; но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, онъ увидѣлъ, что желѣзки могли соскользнуть, и это по желанію, съ небольшимъ лишь усиленіемъ или неудобствомъ, просто нужно было протискивать руки черезъ нихъ—этотъ родъ ручныхъ оковъ былъ совершенно непригоденъ, чтобы заковывать въ кандалы людей юныхъ, у которыхъ кости болѣе тонкія и легко поддающіяся давленію. Онъ развязалъ затѣмъ ноги, и, оставя веревку такимъ образомъ, чтобы она легко могла быть вновь прилажена, на случай если кто сойдетъ внизъ, продолжалъ изслѣдовать переборку тамъ, гдѣ она примыкала къ койкѣ. Перегородка была здѣсь изъ мягкихъ сосновыхъ досокъ въ дюймъ тол-

щины, и онъ увидалъ, что ему будетъ очень легко прорѣзать себѣ путь черезъ нихъ. Вдругъ послышался голосъ на лѣстницѣ бака, и онъ только что успѣлъ вложить свою правую руку въ кандалу (лѣвая не была содвинута) и натянуть веревку затяжной петлей вокругъ щиколки, какъ сошелъ внизъ Дёркъ Питерсъ въ сопровожденіи Тигра, который тотчасъ прыгнулъ на койку и растянулся на ней. Собака была приведена на бортъ Августомъ, который зналъ о моей привязанности къ животному, и подумалъ, что мнѣ доставить удовольствіе имѣть его съ собой во время плаванія. Онъ отправился за нимъ къ намъ въ домъ, тотчасъ послѣ того какъ посадилъ меня въ трюмъ, но забылъ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ, когда приносили часы. Послѣ бунта Августъ не видалъ его, до его появленія съ Дёркомъ Питерсомъ, и считалъ его погибшимъ, думая, что онъ былъ брошенъ за бортъ однимъ изъ злокозненныхъ негодяевъ, принадлежавшихъ къ шайкѣ штурмана. Позднѣе оказалось, что собака заползла въ дыру подъ китобойной лодкой, откуда она не могла сама высвободиться, не имѣя достаточно мѣста чтобы повернуться. Питерсъ наконецъ выпустилъ ее, и съ тѣмъ особымъ благодушіемъ, которое другъ мой съумѣлъ хорошо оцѣнить, привелъ ее къ нему въ бакъ, въ качествѣ товарища, оставивъ въ то же время солонины и картофеля, съ кружкой воды: потомъ онъ вернулся на палубу, обѣщая сойти внизъ съ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ на слѣдующій день.

Когда онъ ушелъ, Августъ высвободилъ обѣ руки изъ наручней и развязалъ ноги. Потомъ онъ отвернулъ изголовье матраца, на которомъ лежалъ, и своимъ складнымъ ножомъ (злодѣи сочли излишнимъ обыскать его) началъ съ силой прорѣзать насквозь одну изъ досокъ перегородки, какъ только могъ ближе къ полу у койки. Онъ рѣшилъ сдѣлать прорѣзъ именно здѣсь, потому что, если бы его внезапно ирервали, онъ могъ бы скрыть то, что было сдѣлано, предоставивъ изголовью матраца упасть

на его обычное мѣсто. Однако, впродолженіи остатка дня, никакого нарушенія не произошло, и ночью онъ совершенно разъединилъ доску. Нужно замѣтить, что никто изъ экипажа не занималъ бака какъ мѣста для спанья. Со времени бунта всѣ жили вмѣстѣ въ каютѣ, распивая вино, пируя морскими запасами капитана Барнарда, и заботясь о плаваніи брига лишь въ размѣрахъ безусловной необходимости. Эти обстоятельства оказались счастливыми для насъ обоихъ, какъ для меня, такъ и для Августа; ибо, если бы все обстояло по иному, онъ не нашелъ бы возможности достигъ до меня. Такъ, какъ это обстояло теперь, онъ продолжалъ начатое, твердо вѣруя въ свое предпріятіе. Было около разсвѣта, однако, прежде чѣмъ онъ окончилъ второй разрѣзъ доски (которая была около фута выше первой надрѣзанной), такимъ образомъ сдѣлавъ совершенно достаточное отверстіе, свободнаго прохода къ главному кубрику. Добравшись до него, онъ лишь съ небольшимъ трудомъ проложилъ себѣ путь къ главному нижнему люку, хотя при этомъ ему пришлось перелѣзть черезъ ряды боченковъ изъ-подъ масла, нагроможденныхъ приблизительно до самаго верхняго дека, гдѣ оставалось лишь едва достаточно мѣста, чтобы пропустить его тѣло. Достигнувъ люка, онъ увидѣлъ, что Тигръ послѣдовалъ за нимъ внизъ, протискавшись между двухъ рядовъ бочекъ. Было слишкомъ поздно, однако, чтобы пытаться дойти до меня до зари, ибо главная трудность заключалась въ томъ, чтобы пройти черезъ тѣсную нагрузку въ нижнемъ трюмѣ. Онъ рѣшилъ поэтому возвратиться и ждать слѣдующей ночи. Съ этой цѣлью онъ продолжалъ раздвигать предметы въ люкѣ, чтобы у него было меньше задержки, когда онъ опять сойдетъ внизъ. Не успѣлъ онъ расчистить путь, какъ Тигръ нетерпѣливо прыгнулъ къ сдѣланному малому отверстію, обнюхалъ его и издалъ протяжный вой, царапая въ то же время лапами, какъ будто непременно желая сдвинуть крышку. При такомъ поведеніи не могло быть

сомнѣнія, что онъ почувялъ мое присутствіе въ трюмѣ, и Августъ считалъ возможнымъ, что собака добралась бы до меня, если бъ онъ спустилъ ее. Онъ нашелъ способъ послать мнѣ записку, ибо было особенно желательнымъ, чтобы я не пытался съ силой проломиться къ выходу, по крайней мѣрѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ, и у него не было увѣренности, что на завтра онъ сможетъ спуститься самъ, какъ онъ предполагалъ. Послѣдующія событія доказали, какъ счастлива была мысль, пришедшая ему въ голову; ибо, если бы записка не была получена, я безъ сомнѣнія натолкнулся бы на какой-нибудь планъ, хотя бы и отчаянный, чтобы поднять тревогу среди матросовъ, и очень возможно, что обѣ наши жизни въ результатѣ были бы погублены.

Послѣ того какъ онъ рѣшилъ написать, затрудненіе было теперь въ томъ, какъ добыть необходимый для этого матеріалъ. Какая-то старая зубочистка была тотчасъ превращена въ перо, при этомъ онъ воспользовался чувствомъ осязанія, ибо между деками не было видно ни зги. Бумаги нашлось достаточно на обратной сторонѣ письма къ Мистеру Россу. Это былъ первоначальный набросокъ, но, такъ какъ почеркъ былъ недостаточно хорошо поддѣланъ, Августъ написалъ другое письмо, сунувъ первое, по счастью, въ карманъ куртки, гдѣ теперь оно нашлось такъ кстати. Недоставало только чернилъ, и замѣна была тотчасъ найдена, съ помощью надрѣза складнымъ ножомъ на пальцѣ, какъ разъ надъ ногтемъ—изъ него, какъ обычно въ этомъ случаѣ, кровь потекла въ изобиліи. Письмо было теперь такъ хорошо написано, какъ это возможно въ темнотѣ и при данныхъ обстоятельствахъ. Оно вкратцѣ объясняло, что былъ бунтъ; что капитанъ Барнардъ былъ пущенъ по морю на произволь судьбы, и что я могъ ожидать скорой помощи, поскольку это касалось запасовъ, но не долженъ былъ пытаться поднимать какую-либо тревогу. Оно заканчивалось этими словами: *Я написалъ это*

кровью—твоя жизнь зависитъ отъ того, чтобы быть въ скрытости.

Послѣ того какъ полоска бумаги была привязана на собакѣ, она была теперѣ спущена внизъ въ рѣшетчатый люкъ, Августъ же кое-какъ возвратился въ бакъ, и у него не было никакихъ основаній думать, что кто-нибудь изъ экипажа заходилъ туда въ его отсутствіе. Чтобы скрыть отверстіе въ переборкѣ, онъ вонзилъ свой ножъ какъ разъ надъ нимъ, и повѣсилъ на него матросскую куртку, которую онъ нашелъ на койкѣ. Его наручни были вновь надѣты, и веревка прилажена вкругъ щиколокъ.

Только что все это было устроено, какъ сошелъ внизъ Дёркъ Питерсъ, очень выпивши, но въ прекрасномъ расположеніи духа, и принесъ съ собой для моего друга порцію съѣстного на день. Она состояла изъ дюжины большихъ жареныхъ ирландскихъ картофелинъ и кувшина воды. Онъ усѣлся на нѣкоторое время на ящикѣ около койки, и безъ стѣсненія заговорилъ о штурманѣ и вообще о дѣлахъ на бригѣ. Его повадка была необыкновенно своенравна и даже причудлива. Нѣкоторое время Августъ былъ очень встревоженъ его страннымъ поведеніемъ. Наконецъ, однако, онъ ушелъ на палубу, пробормотавъ обѣщаніе принести на завтра хорошій обѣдъ. Впродолженіи дня двое изъ экипажа (гарпунщики) спустились внизъ въ сопровожденіи повара, всѣ трое были въ послѣдней степени опьяненія. Какъ Питерсъ, они ни мало не стѣснялись, и говорили совершенно открыто о своихъ планахъ. Оказалось, что они были совершенно несогласны между собой касательно ихъ окончательнаго пути, не сходясь ни въ чемъ, кромѣ мысли о нападеніи на корабль съ Острововъ Мыса Зеленаго, съ которымъ они съ часу на часъ ожидали встрѣчи. Насколько можно было удостовѣриться, бунтъ произошелъ вовсе не ради грабежа; частное недовольство главнаго штурмана на капитана Барнарда было главнымъ побужденіемъ. Теперѣ, какъ казалось, было двѣ главныхъ партіи

среди экипажа -- одной руководилъ штурманъ, другой -- поваръ. Первая партія была за то, чтобы перехватить любое пригодное судно, какое только попадется, и снарядить его на одномъ изъ Вестъ-Индскихъ Острововъ для пиратскаго крейсированія. Вторая партія, однако, которая была сильнѣе, и среди своихъ сторонниковъ включала Дѣрка Питерса, была склонна продолжать первоначально установленный путь брига на югъ Тихаго Океана; тамъ или заняться ловлей китовъ, или дѣлать что-либо другое, какъ укажутъ обстоятельства. Доводы Питерса, который часто посѣщалъ эти области, оказывали повидимому большое впечатлѣніе на бунтовщиковъ, колебавшихся между наполовину возникшими соображеніями выгоды и удовольствія. Онъ увѣренно говорилъ, что тамъ ихъ ждетъ цѣлый міръ новизны и забавы среди безчисленныхъ острововъ Тихаго океана, указалъ на полнѣйшую безопасность и безграничную свободу отъ какихъ бы то ни было препонъ, особенно же указывалъ на очаровательный климатъ, на возможность хорошо пожить и на чувственную красоту женщинъ. До этого ничего не было вполне рѣшено, но описанія индійца-канатчика сильно завладѣли горячимъ воображеніемъ моряковъ, и было очень вѣроятно, что его замыслы привели бы, наконецъ, къ опредѣленнымъ слѣдствіямъ.

Эти трое ушли приблизительно черезъ часъ, и никто больше не входилъ въ бакъ въ продолженіи цѣлаго дня. Августъ лежалъ смирно почти до ночи. Потомъ онъ освободилъ себя отъ веревки и желѣзокъ, и сталъ готовиться къ своей попыткѣ. На одной изъ коекъ онъ нашелъ бутылку и наполнилъ ее водой изъ кружки, оставленной Питерсомъ, набивъ въ то же время карманы холодными картофелинами. Къ его великой радости онъ также натолкнулся на фонарь съ маленькимъ огаркомъ сальной свѣчи. Онъ могъ зажечь его каждое мгновеніе, ибо у него была коробка фосфорныхъ спичекъ. Когда совсѣмъ

стемнѣло, онъ пролѣзъ сквозь отверстіе въ переборкѣ, въ предосторожности такъ расположивъ одѣяло на койкѣ, чтобы создать впечатлѣніе закутавшагося человѣка. Когда онъ пролѣзъ, онъ повѣсилъ матросскую куртку на свой ножъ, какъ и раньше, чтобы скрыть отверстіе—это было легко сдѣлать, вынутый кусокъ досокъ онъ приспособилъ только послѣ. Теперь онъ былъ на главномъ кубрикѣ, и сталъ пробираться къ главному рѣшетчатому люку, какъ и прежде, между верхнимъ декомъ и боченками изъ-подъ масла. Достигнувъ его, онъ зажегъ огарокъ свѣчи, и, съ большимъ трудомъ пробираясь ощупью среди сплошного груза въ трюмѣ, спустился внизъ. Черезъ нѣсколько мгновений онъ очень безбоязненно, благодаря невыносимой вони и спертости воздуха. Онъ подумалъ, что не можетъ быть, чтобы я выжилъ такое долгое время въ моемъ заключеніи, дыша такимъ тяжелымъ воздухомъ. Онъ нѣсколько разъ позвалъ меня по имени, но я ничего не отвѣчалъ, и опасенія его, казалось, такимъ образомъ подтвердились. Бригъ испытывалъ сильнѣйшую качку, и вслѣдствіе этого былъ такой большой шумъ, что напрасно было прислушиваться къ какому-либо слабому звуку, вродѣ моего дыханія или храпа. Онъ открылъ фонарь, и поднималъ его возможно высоко всякій разъ, какъ представлялся для этого удобный случай, чтобы замѣтить свѣтъ, если я еще живъ, я могъ быть извѣщенъ, что помощь близится. Все же я еще не подавалъ никакого знака жизни, и предположеніе, что я умеръ, начало принимать характеръ достовѣрности. Онъ рѣшилъ тѣмъ не менѣе пробить себѣ, если возможно, путь къ ящику, и наконецъ удостовѣриться съ полной несомнѣнностью въ правдѣ своихъ догадокъ. Нѣкоторое время онъ продирался впередъ, находясь въ самомъ жалкомъ состояніи тревоги, пока наконецъ не нашелъ, что проходъ совершенно загроможденъ, и что нѣтъ никакой возможности продолжать путь дальше въ томъ направленіи, какое онъ выбралъ вначалѣ. Побѣжденный своими

ощущеніями, онъ бросился въ отчаяніи среди хлама и заплакалъ какъ дитя. Въ это время онъ услышалъ трескъ бутылки, которую я швырнулъ. Счастье, конечно, что это случилось—ибо какъ бы ни казалось пустяшнымъ это обстоятельство, съ нимъ была связана нить моей судьбы. Много времени протекло, однако, прежде нежели я узналъ объ этомъ. Естественный стыдъ и раскаяніе въ своей слабости и нерѣшительности помѣшали Августу сообщить мнѣ это тотчасъ же, въ чемъ болѣе интимная и непринужденная дружба побудила его впоследствии признаться. Найдя свой дальнѣйшій путь въ трюмъ задержаннымъ препятствіями, которыя онъ не могъ преодолѣть, онъ рѣшилъ отказаться отъ своей попытки достигнуть до меня, и вернуться тотчасъ же къ люку. Прежде чѣмъ исполнѣ осудить его за это, нужно принять въ соображеніе мучительныя обстоятельства, которыя его затрудняли. Ночь быстро уходила, и исчезновеніе его изъ бака могло быть обнаружено; и конечно это было бы такъ, если бы онъ не вернулся къ койкѣ до разсвѣта. Свѣча его догорала въ отверстіи фонаря, и было бы чрезвычайно трудно пробраться до люка въ темнотѣ. Нужно также допустить, что онъ имѣлъ всѣ основанія считать меня мертвымъ; въ этомъ случаѣ ничего благого для меня не могло произойти, если бы онъ добрался до ящика, и цѣлый міръ опасностей встрѣтился бы ему совершенно напрасно. Онъ звалъ меня многократно, и я не отвѣчалъ ему. Теперь одиннадцать дней и ночей, что я былъ не съ бѣльшимъ количествомъ воды, чѣмъ то, которое содержалось въ кружкѣ, имъ оставленной—совершенно невѣроятно было, чтобы я поберегъ этотъ запасъ въ началѣ моего заключенія, ибо у меня были всѣ основанія ждать скораго освобожденія. Атмосфера трюма также должна была казаться ему, пришедшему со свѣжаго сравнительно воздуха, который былъ въ бакѣ, совершенно отравной, и гораздо невыносимѣе, чѣмъ показалось мнѣ, когда я впервые получилъ убѣжище въ ящикѣ — ибо до

того люкъ постоянно былъ открытымъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Прибавьте къ этимъ размышленіямъ соображеніе о картинѣ кровопролитія и ужаса, свидѣтелемъ чего такъ недавно былъ мой другъ; его тюремное заключеніе, лишенія, и то, что онъ едва-едва спасся нѣсколько разъ отъ смерти, вмѣстѣ со всѣми тѣми шатками и невѣрными обстоятельствами, которыя дѣлали то, что жизнь его висѣла на волоскѣ — обстоятельствами столь способными совершенно умертвить всякую силу духа—и читатель легко сможетъ, какъ могъ я, смотрѣть на кажущуюся его измѣну дружбѣ и вѣрности скорѣе съ чувствомъ печали, нежели гнѣва.

Августъ ясно слышалъ трескъ бутылки, но не былъ увѣренъ, что онъ исходилъ изъ трюма. Однако, сомнѣніе было достаточнымъ побужденіемъ, чтобы продолжать начатое. Онъ вскарабкался почти до дека кубрика, пользуясь какъ опорой грузомъ, и тогда, выждавъ затишья въ килевой качкѣ, позвалъ меня самымъ громкимъ голосомъ, какимъ только могъ владѣть, не считаясь съ опасностью быть услышаннымъ наверху. Нужно припомнить, что при этомъ голосъ достигъ до меня, но я былъ до того побѣжденъ захватившимъ меня волненіемъ, что лишился способности отвѣтить. Увѣренный теперь, что самая худшія его предположенія имѣли полное основаніе, онъ спустился съ цѣлью возвратиться къ баку, не теряя времени. Въ поспѣшности онъ опрокинулъ нѣсколько малыхъ ящичковъ, и этотъ шумъ, какъ можно припомнить я услышалъ. Онъ уже значительно подвинулся въ своемъ возвращеніи, какъ паденіе моего ножа опять заставило его поколебаться. Онъ тотчасъ вернулся по своимъ слѣдамъ, и, вторично перебравшись черезъ грузъ, громко позвалъ меня по имени, какъ и раньше выждавъ мгновенія затишья. На этотъ разъ я обрѣлъ голосъ для отвѣта. Придя въ великую радость на то, что я еще живъ, онъ рѣшилъ теперь пойти напроломъ, чтобы достигъ меня, не боясь никакихъ труд-

ностей и опасностей. Быстро выпутавшись, какъ только могъ, изъ лабиринта нагроможденнаго хлама, которымъ онъ былъ стиснутъ, онъ наконецъ натолкнулся на отверстіе, обѣщавшее лучшія возможности, и въ концѣ-концовъ послѣ цѣлаго ряда усилій, достигъ ящика въ состояніи полного истомленія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Только главные обстоятельства этого повѣствованія сообщилъ мнѣ Августъ, пока мы стояли у ящика. Лишь позднѣе онъ вполне вошелъ во всѣ подробности. Онъ опасался, какъ бы его не хватились, а я горѣлъ нетерпѣніемъ покинуть ненавистное мнѣ мѣсто заключенія. Мы рѣшили тотчасъ пройти къ отверстію въ переборкѣ, окло котораго я долженъ былъ пока оставаться, въ то время какъ онъ пойдетъ на развѣдки. Никто изъ насъ не могъ допустить мысли оставить Тигра въ ящикѣ; но какъ могли бы мы поступить иначе, вотъ въ чемъ былъ вопросъ. Теперь Тигръ казался совершенно спокойнымъ, и мы не могли даже различить звукъ его дыханія, прикладывая уши вплотъ къ ящику. Я былъ убѣжденъ, что онъ былъ мертвъ, и рѣшилъ открыть крышку. Мы нашли его лежащимъ всю длину повидимому въ глубокомъ оцѣпенѣніи, но онъ еще былъ живъ. Времени терять намъ было нельзя, я не могъ, однако, рѣшиться покинуть животное, которое дважды было орудіемъ спасенія моей жизни, не попытавшись что-нибудь для него сдѣлать. Мы потащили его поэтому за собой, какъ могли, хотя намъ было очень трудно, и мы были утомлены; нѣкоторое время Августу пришлось карабкаться черезъ препятствія, находившіяся на нашемъ пути, держа огромную собаку на рукахъ—подвигъ, къ которому полная моя слабость дѣлала меня совершенно неспособнымъ. Наконецъ намъ удалось достигъ отверстія,

Августъ пролѣзъ въ него, а затѣмъ былъ втолкнуть туда Тигръ. Все обошлось благополучно, и мы не могли не возблагодарить Бога за избавленіе отъ великой опасности, которой мы избѣжали. Теперь было рѣшено, что я останусь пока около отверстія, черезъ которое мой товарищъ вполне сможетъ снабжать меня частью своихъ ежедневныхъ съѣстныхъ припасовъ, и гдѣ у меня будетъ преимущество дышать сравнительно чистымъ воздухомъ.

Въ поясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ этого повѣствованія, гдѣ я говорилъ о нагрузкѣ брига, каковыя мѣста могутъ показаться двоясмысленными нѣкоторымъ изъ моихъ читателей, которые могли видѣть настоящую или правильную нагрузку, я долженъ сказать здѣсь, что тотъ способъ, какимъ это важнѣйшее дѣло было выполнено на борту „Грампуса“, являлось позорнѣйшимъ примѣромъ небреженія со стороны капитана Барнарда, ибо онъ отнюдь не былъ столь заботливымъ и опытнымъ морякомъ, какъ того, казалось, безусловно требовалъ рискованный родъ службы, ему порученной. Настоящая нагрузка не можетъ быть выполнена небрежно, и множество самыхъ злополучныхъ случаевъ, даже въ предѣлахъ моего собственнаго опыта, произошли отъ небрежности или неумѣнья въ этой области. Береговья суда, въ частой спѣшкѣ и суматохѣ, сопровождающей пріемъ груза или разгрузки его, наиболѣе подвержены злополучіямъ, благодаря недостатку надлежащаго вниманія при укладкѣ груза. Главный пунктъ не дать возможности грузу или балласту перемѣщаться даже во время самой сильной боковой качки. Для этой цѣли большое вниманіе должно быть обращено не только на объемъ груза, но и на свойства его, и на то, будетъ ли это полная или частичная нагрузка. Въ большинствѣ случаевъ нагрузка производится съ помощью винта. Такимъ образомъ въ кладѣ изъ табака или муки, все бываетъ такъ плотно скручено въ трюмѣ судна, что бочки или бочки при разгрузкѣ на-

ходить совершенно сплюснутыми, и имъ нужно нѣкоторое время, чтобы они приняли свой первоначальный видъ. Къ этому скручиванію, однако, прибѣгаютъ главнымъ образомъ съ цѣлью получить больше мѣста въ трюмѣ, потому что при *полной* нагрузкѣ такихъ товаровъ какъ мука или табакъ не можетъ быть опасности какого бы то ни было перемѣщенія, или по крайней мѣрѣ такого, изъ котораго могутъ проистечь неудобства. Были правда случаи, гдѣ этотъ способъ скручиванья привелъ къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ, обусловленнымъ причинами совершенно отличными отъ опасности, заключающейся въ перемѣщеніи груза.

Грузъ хлопка, напримѣръ, плотно скрученный, находясь въ извѣстныхъ условіяхъ, какъ извѣстно, распространяется въ своемъ объемѣ до такой степени, что разрываетъ корабль, открывая ходъ водѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что таковое-же обстоятельство могло бы возникнуть и съ табакомъ, когда онъ находится въ обычномъ броженіи, если-бы не промежуточные щели, благодаря округлости бочекъ.

Главная опасность возникаетъ, когда принять частичный грузъ, благодаря его передвиженію, и нужно всегда въ этихъ случаяхъ принять особыя предосторожности противъ таковаго несчастья. Лишь тѣ, кто встрѣчался на морѣ съ сильнымъ вѣтромъ, переходящимъ въ бурю, или скорѣе тѣ, кто испытывалъ боковую качку судна во время мгновеннаго затишья послѣ бури, можетъ составить какое-нибудь представленіе о потрясающей силѣ этихъ нырковъ, и о слѣдующемъ отсюда страшномъ толчкѣ, который дается всѣмъ незакрѣпленнымъ предметамъ на суднѣ. Именно тогда необходимость тщательной нагрузки, при наличности частичнаго груза, становится очевидной. Когда корабль лежитъ въ дрейфѣ (въ особенности съ малымъ переднимъ парусомъ), судно, которое не надлежащимъ образомъ построено въ передней части,

нерѣдко опрокидывается на бокъ; это случается даже каждая пятнадцать-двадцать минутъ среднимъ счетомъ, все-же безъ какихъ-либо серьезныхъ послѣдствій, если только нагрузка была сдѣлана належаще. Если-же, однако, это не было въ точности выполнено, при первомъ-же изъ этихъ тяжелыхъ накрениваній судна, весь грузъ рухнетъ на ту его сторону, которая лежитъ на водѣ, и, будучи лишено возможности снова придти въ состояніе равновѣсія, что оно неизбежно сдѣлало-бы при другихъ условіяхъ, судно достовѣрно наполнится водой въ нѣсколько секундъ и пойдетъ ко дну. Не слишкомъ много сказать, что, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ тѣхъ случаевъ, когда суда пошли ко дну во время тяжелыхъ порывовъ вѣтра на морѣ, случилось это благодаря перемѣщенію груза или балласта.

Когда частичный грузъ какого-бы то ни было рода взять на бортъ, послѣ того какъ все предварительно было такъ тѣсно уложено какъ только возможно, онъ долженъ быть прикрытъ рядомъ толстыхъ незакрѣпленныхъ досокъ, простирающихся вдоль всего протяженія поперекъ судна. На этихъ доскахъ должны быть воздвигнуты временныя подпоры, достигающія до реберъ судна наверху, и, такимъ образомъ, обезпечивающія всему достовѣрное мѣсто. При нагрузкѣ зерна или матеріала подобнаго-же свойства, потребны еще добавочныя предосторожности. Трюмъ цѣликомъ наполненный зерномъ, по оставленіи порта, будетъ, когда достигнетъ назначенія, наполненъ лишь на три четверти, и это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда весь грузъ, смѣренный четверикъ за четверикомъ товарополучателемъ, будетъ значительно превышать (по причинѣ вздутости зерна) предназначенное количество. Происходить это благодаря *охлажденію* во время плаванія, и болѣе замѣтно въ соразмѣрности съ бурностью погоды. Если зерно, неплотно нагруженное въ суднѣ, хорошо закрѣплено подвижными досками и подпорами, оно можетъ пе-

ремѣщаться во время длиннаго морского перехода настолько, что способно обусловить самыя тягостныя злополучія. Чтобы предупредить это, всяческіе способы должны быть примѣнены, прежде чѣмъ портъ оставленъ, дабы заставить грузъ *остать* какъ только возможно, и для этого существуютъ различныя приспособленія, среди которыхъ можетъ быть упомянуть способъ вгонять въ зерно клинья. Даже, когда все это сдѣлано, и необыкновенныя хлопоты предприняты для обезпеченія подвижныхъ досокъ, никакой морякъ, который знаетъ въ чемъ дѣло, не будетъ чувствовать себя вполне обезпеченнымъ во время сколько-нибудь сильной бури, если онъ везетъ грузъ зерна, и, въ особенности, если онъ везетъ частичный грузъ. Существуютъ, однако, сотни нашихъ береговыхъ судовъ, и, вѣроятно, гораздо большее количество судовъ, принадлежащихъ къ портамъ Европейскимъ, которые ежедневно плаваютъ съ частичнымъ грузомъ, даже наиболѣе опасныхъ разрядовъ, и это безъ приниманія какихъ-либо предосторожностей. Дивно, что случается не больше несчастныхъ случаевъ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Мнѣ извѣстенъ прискорбный случай такой неосмотрительности, случившійся съ Капитаномъ, Джоилемъ Райсомъ на шхунѣ „Свѣтлякъ“, которая плыла изъ Ричмонда, штата Виргинія, въ Мадейру, съ грузомъ зерна въ 1825-мъ году. Капитанъ совершилъ много плаваній безъ серьезныхъ злополучій, хотя онъ имѣлъ обыкновеніе не обращать никакого вниманія на свою нагрузку, лишь-бы грузъ былъ закрѣпленъ зауряднымъ способомъ. Онъ никогда ранѣе не плавалъ съ грузомъ зерна, и въ данномъ случаѣ зерно было нагружено неплотно, оно наполняло судно немного болѣе чѣмъ на половину. Въ первой части плаванія онъ повстрѣчался лишь съ легкими вѣтерками, но, когда онъ былъ на одинъ день плаванія отъ Мадейры, примчался бурный вѣтеръ съ Сѣвера-Сѣверо-Востока, и судно было привуждено лечь въ дрейфъ. Онъ поставилъ шхуну подъ

вѣтеръ лишь подѣ однимъ переднимъ парусомъ съ двумя рифами, и она держалась такъ хорошо, какъ только можно было ожидать, не зачерпывая ни капли воды. Къ ночи буря нѣсколько улеглась, и шхуна стала испытывать боковую качку съ меньшей устойчивостью, чѣмъ прежде, но все продолжало идти хорошо, до тѣхъ поръ пока однимъ тяжелымъ накрениваніемъ она не была брошена на бокъ, къ правой сторонѣ. Послышалось, какъ зерно все цѣликомъ перемѣстилось, сила движенія взломала и открыла главный люкъ. Судно пошло ко дну какъ камень. Это случилось на разстояніи голоса отъ малой шлюпки изъ Мадейры, которая подобрала одного изъ экипажа (лишь одинъ человѣкъ былъ спасенъ), и которая посмѣивалась надъ бурей съ совершенной безопасностью, какъ, на самомъ дѣлѣ, это можетъ сдѣлать малое гребное судно при должномъ управленіи.

Нагрузка на бортѣ „Грампуса“ была сдѣлана самымъ неуклюжимъ образомъ, если только можетъ быть названо нагрузкой безразборное набрасываніе боченковъ изъ-подъ масла*) и корабельнаго матеріала. Я уже говорилъ, въ какомъ состояніи находились предметы, бывшіе въ трюмѣ. На палубной части кубрика было (какъ я говорилъ) достаточно мѣста для моего тѣла между боченками изъ подѣ масла и верхнимъ декомъ, свободное мѣсто было оставлено вокругъ главнаго люка, и другіе значительные свободные промежутки были оставлены въ грузѣ. Около отверстія, прорѣзаннаго Августомъ въ переборкѣ, было достаточно мѣста для цѣлага боченка, и въ этомъ промежуткѣ я, въ данное время, примостился съ полнымъ удобствомъ.

Тѣмъ временемъ какъ мой другъ благополучно занялъ

*) Китобойныя суда обыкновенно снабжены желѣзными чанами для масла; почему этого не было сдѣлано на „Грампусѣ“, этого я никогда не могъ узнать. *

свою койку и приспособилъ опять свои кандалы и веревку, совсѣмъ наступилъ день. По-истинѣ, мы еле-еле спаслись, потому что, едва онъ все устроилъ, какъ сошелъ внизъ штурманъ съ Дёркомъ Питерсомъ и поваромъ. Нѣкоторое время они говорили о суднѣ идущемъ отъ Мыса Зеленаго, и, казалось, весьма нетерпѣливились, ожидая его увидѣть. Въ концѣ концовъ, поваръ подошелъ къ койкѣ, на которой лежалъ Августъ, и сѣлъ на нее у изголовья. Я могъ видѣть и слышать все изъ моего убѣжища, ибо вырѣзанная закрышка не была прилажена на своемъ мѣстѣ, и каждое мгновеніе я ждалъ, что негръ обратитъ вниманіе на матросскую куртку, которая висѣла для скрѣпленія отверстія, и тогда все будетъ обнаружено, и, безъ сомнѣнія, намъ придется немедленно разстаться съ жизнью. Хорошая наша судьба, однако, превозмогла, и хотя онъ неоднократно касался куртки, благодаря боковой качкѣ судна, онъ ни разу не притронулся къ ней настолько, чтобы сдѣлать открытіе. Низъ куртки былъ тщательно прикрѣпленъ къ переборкѣ и, такимъ образомъ, отверстіе не разоблачалось качаніемъ ея въ одну сторону. Все это время Тигръ лежалъ въ ногахъ койки, и, казалось, въ нѣкоторой мѣрѣ къ нему вернулись его силы, ибо я видѣлъ, что, время отъ времени, онъ раскрываетъ глаза и дѣлаетъ глубокія дыханія.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ штурманъ и поваръ ушли наверхъ, оставивъ Дёрка Питерса, который, какъ только они ушли, подошелъ и сѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ только что былъ штурманъ. Онъ началъ говорить очень привѣтливо съ Августомъ, и мы могли теперь замѣтить, что видимое его опьяненіе, въ то время какъ двое другихъ были съ нимъ, въ значительной степени было притворствомъ. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы моего товарища совершенно свободно; сказалъ ему, что его отецъ, конечно, былъ подобранъ какимъ-нибудь кораблемъ, потому что не меньше пяти парусовъ было видно передъ закатомъ солнца, въ

тотъ день когда его пустили по волѣ моря и вѣтра; и, вообще, онъ говорилъ разныя вещи утѣшительнаго характера, вызвавшія во мнѣ столько-же удовольствія, сколько и удивленія. Я началъ, на самомъ дѣлѣ, питать надежды, что съ помощью Питерса мы могли-бы, въ концѣ концовъ, смочь снова завладѣть бригомъ, и сказалъ объ этомъ Августу, какъ только мнѣ представился случай. Августъ нашель, что это вещь возможная, но настаивалъ на необходимости соблюдать при этой попыткѣ величайшую осторожность, ибо поведеніе этого полу-Индійца, повидимому, было вызвано лишь самой произвольной прихотью, и, поистинѣ, было трудно сказать, находился-ли онъ хоть одну минуту въ здоровомъ умѣ. Приблизительно черезъ часъ Питерсъ ушелъ на палубу, и не возвращался до полудня, въ полдень-же онъ принесъ Августу солонины и пудинга въ изобиліи. Когда мы остались одни, я принялъ въ ѣдѣ живѣйшее участіе, не возвращаясь черезъ отверстіе. Никто другой не сходилъ въ бакъ въ теченіи дня, а ночью я пробрался на койку къ Августу, и крѣпко спалъ тамъ сладкимъ сномъ почти до разсвѣта; тутъ онъ меня разбудилъ, услышавъ какое-то движеніе на палубѣ, и я спрятался въ мой тайникъ съ наивозможной быстротой. Когда день совершенно занялся, мы увидѣли, что къ Тигру почти совсѣмъ вернулись его силы, и, не выказывая никакихъ признаковъ водобоязни, онъ съ явною охотою испивалъ предлагаемую ему воду. Въ теченіи дня къ нему совершенно вернулась его прежняя сила и аппетитъ. Странное его поведеніе несомнѣнно было вызвано зловредными качествами воздуха въ трюмѣ, и не имѣло никакого отношенія къ собачьему бѣшенству. Я не могъ достаточно нарадоваться на то, что я настоялъ на желаніи взять его съ собою изъ ящика. Этотъ день былъ тридцатое Іюня, и это былъ тринадцатый день съ тѣхъ поръ какъ „Грампусъ“ отплылъ изъ Нантукета.

Второго Іюля штурманъ сошелъ внизъ, пьяный какъ

всегда, и въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа. Онъ подошелъ къ койкѣ Августа, и, хлопнувъ его по спинѣ, спросилъ, что онъ думаетъ, будетъ-ли онъ достойнымъ образомъ вести себя, если онъ его освободить, и можетъ-ли онъ общать, что болѣе не будетъ входить въ капитанскую каюту. На это, конечно, мой другъ отвѣтилъ утвердительно, и негодаяй освободилъ его, заставивъ его предварительно выпить рому изъ фляжки, которую онъ вытащилъ изъ кармана своей куртки. Оба тотчасъ-же пошли на палубу, и я не видалъ Августа часа три. Потомъ онъ сошелъ внизъ съ добрыми вѣстями: онъ получилъ позволеніе ходить по бригу гдѣ ему угодно до главной мачты, и ему былъ отданъ приказъ спать, какъ обычно, въ бакѣ. Онъ принесъ мнѣ, кромѣ того, добрый обѣдъ и богатый запасъ воды. Бригъ продолжалъ гнаться за кораблемъ съ Мыса Зеленаго, и теперь былъ виденъ парусъ, который былъ сочтенъ за предполагавшійся. Такъ какъ событія слѣдующихъ восьми дней были маловажными, и не имѣли никакого прямого отношенія къ главнымъ приключеніямъ моего повѣствованія, я занесу ихъ здѣсь въ формѣ дневника, ибо я не хочу опускать ихъ совсѣмъ.

Юля 3-го. Августъ принесъ мнѣ три шерстяныя одѣяла, съ помощью которыхъ я смастерилъ себѣ преудобную постель въ моемъ тайникѣ. Никто не сходилъ внизъ, кромѣ моего товарища, въ теченіи дня. Тигръ занялъ свое мѣсто на койкѣ, какъ разъ около отверстія, и спалъ тяжелымъ сномъ, какъ будто-бы еще не вполнѣ оправившись отъ дѣйствія своей болѣзни. Къ ночи налетѣлъ вѣтеръ, и ударился о бригъ, прежде чѣмъ успѣли убрать парусъ; бригъ сильно качнуло на бокъ. Порывъ вѣтра затихъ, однако-же, немедленно, и никакого уцербана не было причинено, кромѣ того, что порвало передній четырехугольный парусъ. Дѣркъ Питерсъ держалъ себя по отношенію къ Августу весь этотъ день съ большой добротой, и вступилъ съ нимъ въ

долгую бесѣду касательно Тихаго Океана, и острововъ, которые онъ посѣтилъ въ этой области. Онъ спросилъ его, не было-ли бы ему пріятно отправиться съ бунтовщиками въ нѣкотораго рода развѣдочное и пріятственное плаваніе къ этимъ областямъ, и сказалъ, что экипажъ постепенно склоняется ко взглядамъ штурмана. На это Августъ счелъ за наилучшее отвѣтить, что онъ былъ-бы радъ пуститься въ такое предпріятіе, разъ ничего лучшаго не можетъ быть сдѣлано, и что какой-бы то ни было планъ предпочтительнѣе пиратской жизни.

Юля 4-го. Судно, которое было въ виду, оказалось небольшимъ бригомъ изъ Ливерпуля, и ему позволили пройти безпрепятственно. Августъ проводилъ бѣольшую часть времени на палубѣ съ цѣлью получить всѣ возможные свѣдѣнія касательно намѣренія бунтовщиковъ. Среди нихъ происходили частыя и бѣшенныя ссоры, во время одной изъ нихъ, гарпунщикъ, Джимъ Боннеръ, былъ брошенъ за бортъ. Сторонники штурмана приобрѣтаютъ почву подъ ногами. Джимъ Боннеръ принадлежалъ къ шайкѣ повара, коего Питерсъ былъ партизаномъ.

Юля 5-го. Около разсвѣта съ запада пришелъ стойкій вѣтеръ, который къ полудню посвѣжѣлъ и превратился въ бурю, такъ что на бригѣ пришлось убрать всѣ паруса, кромѣ трайсея и фоксея. Убирая переднюю стенгу, Симмсъ, одинъ изъ матросовъ, также принадлежавшій къ шайкѣ повара, будучи сильно пьянъ, упалъ за бортъ, и утонулъ, никакой попытки спасти его не было сдѣлано. Всего теперь на бортѣ брига было тринадцать человекъ, а именно: Дѣръкъ Питерсъ; Сѣймуръ, черный поварь;—Джонсъ;—Грили; Гартманъ Роджерсъ; и Вильямъ Алленъ, изъ партіи повара; Штурманъ, имени котораго я никогда не могъ узнать; Абсаломъ Хикксъ;—Вильсонъ; Джонъ Гѣнтъ; и Ричардъ Паркеръ, изъ партіи штурмана— да еще Августъ и я.

Юля 6-го. Буря продолжалась весь этотъ день, наеле-

тая тяжелыми шквалами, сопровождаемыми дождемъ. Бригъ захлебнулъ порядкомъ воды черезъ свои шивки, и одинъ изъ насосовъ все время дѣйствовалъ, Августъ былъ вынужденъ соблюдать очередь. Какъ разъ въ сумерки, совсѣмъ близко отъ насъ прошелъ большой корабль, не будучи замѣченнымъ до того, какъ онъ былъ на разстояніи звука голоса. Согласно предположенію, корабль этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые высматривались мятежниками. Штурманъ салатовалъ, но отвѣтъ потонулъ въ ревѣ бури. Въ одиннадцать часовъ море, хлынувъ, рвануло корабль въ серединѣ, и оторвало значительную часть укрѣпленій лѣваго борта, а также причинило и другіе ущербы незначительнаго свойства. Къ утру погода успокоилась, и на восходѣ солнца было очень мало вѣтра.

Юля 7-го. Море надулось, и весь день было тяжелое волненіе; бригъ, будучи налегкѣ, испытывалъ чрезвычайную качку, и въ трюмѣ многіе предметы сорвались съ своихъ мѣстъ, какъ я это могъ явственно слышать изъ моего тайника. Я сильно страдалъ отъ морской болѣзни. У Питерса былъ сегодня длинный разговоръ съ Августомъ, и онъ рассказалъ ему, что двое изъ его шайки, Грили и Алленъ, перешли на сторону штурмана, и рѣшили сдѣлаться пиратами. Онъ предлагалъ Августу разные вопросы, которыхъ тотъ не могъ въ это время въ точности понять. Въ теченіи нѣкоторой части этого вечера, на суднѣ обнаружилась течь; и мало что могло быть сдѣлано, чтобы устранить ее, ибо она была причинена тѣмъ, что бригъ просачивался, и забиралъ воду черезъ шивки. Былъ шпикованъ парусъ, и подложенъ подъ скулы брига, что помогло намъ въ нѣкоторой мѣрѣ, такъ что мы начали овладѣвать течью.

Юля 8-го. Легкій вѣтерокъ пришелъ на восходѣ солнца съ востока, штурманъ же направилъ бригъ на Юго-Западъ, съ цѣлью пристать къ одному изъ Вестъ-Индскихъ Острововъ, въ осуществленіе своихъ пиратскихъ замыс-

ловъ. Никакого противоборства не было оказано Питерсомъ или поваромъ—по крайней мѣрѣ, ничего, о чемъ-бы слышалъ Августъ. Всякая мысль о захватѣ судна съ Мыса Зеленаго была оставлена. Съ течью теперь легко боролись, заставляя дѣйствовать одинъ изъ насосовъ каждыя три четверти часа. Парусъ былъ убранъ изъ подъ корабельныхъ скулъ. Перекинулись черезъ рупоръ словечкомъ съ двумя шхунами за день.

Юля 9-го. Погода прекрасная. Всѣ работаютъ надъ починкой укрѣпленій. У Питерса опять былъ долгій разговоръ съ Августомъ, и онъ говорилъ съ нимъ болѣе начистоту, чѣмъ до сихъ поръ. Онъ сказалъ, что ничто не могло-бы его заставить склониться ко взглядамъ штурмана, и даже намекнулъ, что у него есть намѣреніе захватить бригъ въ свои руки. Онъ спросилъ моего друга, можетъ-ли онъ разсчитывать въ такомъ случаѣ на его помощь, и Августъ безъ колебанія сказалъ „Да“. Тогда Питерсъ сказалъ ему, что онъ поосвѣдомится у другихъ изъ своихъ сторонниковъ на этотъ счетъ, послѣ чего ушелъ. Въ продолженіи остальной части этого дня у Августа не было случая говорить съ нимъ съ глазу на глазъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Юля 10-го. Говорили въ рупоръ съ бригамъ, плывущимъ изъ Ріо въ Норфолькъ. Погода туманная, и легкій противный вѣтеръ съ востока. Сегодня умеръ Гартманъ Роджерсъ, будучи схваченъ, восьмого, судорогами, послѣ того какъ онъ выпилъ стаканъ грога. Этотъ человѣкъ былъ въ числѣ сторонниковъ повара, и на него, главнымъ образомъ, Питерсъ полагалъ свои упованія. Онъ сказалъ Августу, что это вѣрно штурманъ отравилъ его, и что, если самъ онъ не будетъ остерегаться, то, надо думать, придетъ скоро и его чередъ. Изъ его собственной шайки

теперь оставались только онъ самъ, Джонсъ, и поварь— на другой сторонѣ было пятеро. Онъ сказалъ Джонсу насчетъ того, что нужно было-бы отобрать у штурмана командованіе; но проэктъ былъ принятъ холодно, и онъ воздержался отъ дальнѣйшаго настаиванія, и повару не говорилъ ничего. Это было хорошо, какъ оказалось, что онъ былъ столь остороженъ, ибо по полудни поварь выразилъ свою рѣшимость примкнуть къ штурману, и формально перешелъ въ его партію. Между тѣмъ, Джонсъ воспользовался случаемъ поссориться съ Питерсомъ и погрозился, что онъ ему расскажетъ о готовящемся планѣ. Было теперь очевидно, что времени терять нельзя, и Питерсъ выразилъ свою рѣшимость попытаться захватить корабль во что бы то ни стало, если Августъ окажетъ ему свою помощь. Другъ мой тотчасъ же увѣрилъ его въ своей готовности сдѣлать что угодно для выполненія такого замысла, и, полагая, что данный случай весьма благоприятенъ, сообщилъ ему о моемъ пребываніи на кораблѣ. Этимъ полу-Индіецъ не столько былъ изумленъ, сколько восхищенъ, ибо онъ вовсе уже не полагался на Джонса, на котораго онъ смотрѣлъ какъ на перешедшаго въ число сторонниковъ штурмана. Они немедленно спустились внизъ, Августъ назвалъ меня по имени, и мы съ Питерсомъ познакомились. Было условлено, что мы попытаемся захватить судно при первомъ удобномъ случаѣ, оставляя Джонса совершенно внѣ нашихъ совѣщаній. Въ случаѣ успѣха мы должны были направить бригъ въ первый-же портъ, какой представится, и тамъ сдать судно. То обстоятельство, что сторонники оставили Питерса, разстроило его замыслы отправиться въ Тихій Океанъ—предпріятіе, которое не могло быть выполнено безъ экипажа, и онъ всецѣло полагался или на то, что будетъ оправданъ по суду, въ виду умственного расстройства (какое по торжественному его увѣренію, побудило его принять участіе въ бунтѣ), или, если будетъ найденъ виновнымъ,

получить прощенье, благодаря заступничеству со стороны Августа и меня. Наши разсужденія были прерваны въ эту минуту крикомъ: „Всѣ къ парусу“, и Питерсъ съ Августомъ побѣжали на палубу.

Какъ обычно, почти всѣ были пьяны, и прежде чѣмъ парусъ могъ быть надлежащимъ образомъ убранъ, порывистый шквалъ бросилъ бригъ на бокъ. Онъ, однако, выдержалъ натискъ и выпрямился, захлебнувъ доброе количество воды. Едва все было приведено въ порядокъ, какъ другой шквалъ налетѣлъ на судно, и за нимъ немедленно еще другой—ущерба, однако, не было причинено никакого. Вся видимость говорила за то, что наступаетъ настоящая буря, и дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого, она примчалась съ большимъ бѣшенствомъ съ сѣвера и съ запада. Все было приведено въ порядокъ, какъ только возможно, и мы, какъ обычно, легли въ дрейфъ подъ плотно зарифленнымъ фокселемъ. По мѣрѣ того какъ ночь надвигалась, вѣтеръ усиливался въ яростности, и море было необыкновенно вздуто. Питерсъ теперь сошелъ въ бакъ съ Августомъ, и мы снова приступили къ обсужденію нашего плана.

Мы согласно рѣшили, что не можетъ быть болѣе благоприятнаго случая, чѣмъ настоящій, для приведенія нашего замысла въ исполненіе, ибо въ такую минуту попытка наша никоимъ образомъ не могла-бы быть предвидѣна. Такъ какъ бригъ былъ надлежащимъ образомъ положенъ въ дрейфъ, не могло-бы возникнуть необходимости приводить его въ движеніе и управлять имъ до наступленія хорошей погоды, а тогда, если бы попытка наша удалась, мы могли-бы освободить одного или даже двоихъ изъ людей, чтобы помочь намъ довести бригъ до порта. Главное затрудненіе заключалось въ большой несообразности нашихъ силъ. Насъ было только трое, а въ каютѣ было девятеро. Все оружіе, кромѣ того, какое только было на борту, находилось въ ихъ обладаніи, за

исключеніемъ двухъ небольшихъ пистолетовъ, которые Питерсъ спряталъ на себѣ, и большого кортика, который онъ всегда носилъ за поясомъ своихъ панталонъ. Изъ нѣкоторыхъ указаній, кромѣ того — такъ, на примѣръ, вещи, подобныя топору или ганшпугу, не лежали на своихъ обычныхъ мѣстахъ — мы начали бояться, что у штурмана были свои подозрѣнія, по крайней мѣрѣ, относительно Питерса, и что онъ не упустилъ бы случая отъ него отдѣлаться. Было ясно, на самомъ дѣлѣ, что то, что мы рѣшили сдѣлать, не могло быть сдѣлано слишкомъ скоро. Все-же, неравенство силъ было слишкомъ велико, противъ насъ, чтобы дозволить намъ дѣйствовать безъ крайней осмотрительности.

Питерсъ предложилъ, что онъ пойдетъ на палубу и вступить въ разговоръ съ дозорнымъ (Алленомъ), и, какъ только представится удобный случай, онъ его сброситъ въ море безъ хлопотъ и не поднимая тревоги; что Августъ и я, мы взойдемъ тогда наверхъ, и постараемся обезпечиться на палубѣ какого-либо рода оружіемъ; и что затѣмъ, мы должны ринуться всѣ вмѣстѣ и захватить лѣстницу къ каютѣ, прежде чѣмъ можетъ возникнуть какое-либо сопротивленіе. Я возсталъ на это, ибо не могъ повѣрить, чтобы штурманъ (пронырливый малый во всемъ, что нисколько не вліяло на его суевѣрные предразсудки) позволилъ такъ легко захватить себя въ западню. Уже одно то, что на палубѣ былъ дозорный, достаточно свидѣтельствовало о томъ, что онъ былъ на сторожѣ — лишь на корабляхъ, гдѣ дисциплина соблюдается строжайшимъ образомъ, имѣютъ обыкновеніе ставить дозорнаго на палубѣ, когда судно лежитъ въ дрейфѣ во время бурнаго вѣтра. Такъ какъ я обращаюсь, главнымъ образомъ, если не всецѣло, къ людямъ, которые никогда на морѣ не бывали, будетъ вполне умѣстнымъ указать на точныя обстоятельства, въ каковыхъ находилось тогда наше судно, лежавшее въ дрейфѣ. Ложиться, или, говоря по мор-

скому, „уложить“ въ дрейфъ, есть мѣра, примѣняемая для различныхъ цѣлей, и осуществляемая различными способами. Въ тихую погоду она часто примѣняется съ цѣлью простаго приведенія судна въ неподвижность, дабы подождать другого судна, или для какой-нибудь подобной цѣли. Если корабль, который ложится въ дрейфъ, находится подъ полными парусами, маневръ обыкновенно достигается тѣмъ, что сбрасываютъ кругомъ нѣкоторую часть парусовъ, такъ что позволяютъ вѣтру откинуть ихъ назадъ, когда корабль сдѣлается неподвижнымъ. Но мы сейчасъ говоримъ о кораблѣ, лежащемъ въ дрейфъ при бурномъ вѣтрѣ. Это дѣлается, когда вѣтеръ передъ носомъ корабля, и когда онъ слишкомъ силенъ, чтобы допустить возможность пользоваться парусами безъ опасности опрокинуться; и иногда даже когда вѣтеръ попутный, но море слишкомъ бурное, чтобы можно было пустить судно по вѣтру. Если позволить судну убѣгать передъ вѣтромъ по очень бурному, какъ бы ухабистому, морю, много ущерба обычно причиняется кораблю въ силу того, что онъ захлебываетъ воду на кормѣ, а иногда благодаря судорожнымъ ныркамъ, которые онъ дѣлаетъ передней частью. Къ этому приему тогда прибѣгаютъ рѣдко, лишь въ случаѣ необходимости. Когда на суднѣ течь, его часто пускаютъ по вѣтру, даже при самыхъ тяжелыхъ валахъ; ибо, когда оно лежитъ въ дрейфѣ, достоверно, что шивки его сильно раскрываются, благодаря большому напряженію, чего нѣтъ въ такой степени если корабль убѣгаетъ. Часто также дѣлается необходимымъ предоста-вить судну убѣгать, или въ томъ случаѣ, когда вихрь столь необычайно яростенъ, что рветъ въ куски парусъ, употребляемый съ цѣлью дать ему возможность держаться противъ вѣтра, или когда, благодаря ошибочному строенію сруба, либо въ силу другихъ какихъ причинъ, главная задача не можетъ быть выполнена.

Суда при бурномъ вѣтрѣ кладутъ въ дрейфъ различ-

ными способами, сообразно съ ихъ строеніемъ. Нѣкоторыя ложатся наилучше подь фокселемъ, и этотъ парусъ, я полагаю, наиболѣе употребителенъ. Большіе корабли съ реями поставленными поперекъ судна имѣютъ паруса для этой особой цѣли, называемые буревыми штагъ-парусами. Но иногда кливеръ принимается самъ по себѣ — временами кливеръ и фоксель, или двойнымъ образомъ зарифленный фоксель, нерѣдко прибѣгаютъ также къ заднимъ парусамъ.

Переднія стеньги очень часто оказываются лучше отвѣчающими данной цѣли, нежели другіе разряды парусовъ. „Грампусъ“ обыкновенно ложился въ дрейфъ подь фокселемъ, плотно зарифленномъ.

Когда судно положено въ дрейфъ, переднюю его часть подводятъ подь вѣтеръ, какъ разъ настолько, чтобы наполнить парусъ, подь которымъ оно лежитъ, между тѣмъ какъ онъ положенъ на стеньгу, то-есть проходитъ по діагонали поперекъ судна. Послѣ того какъ это сдѣлано, носъ корабля наведенъ на нѣсколько градусовъ отъ направленія, изъ какового исходитъ вѣтеръ, и носъ судна будучи навѣтреннымъ, конечно, получаетъ ударъ волнъ. Находясь въ такомъ положеніи, доброе судно можетъ преодолѣть очень тяжелый вихревой вѣтеръ, не зачерпнувъ ни капли воды, и не требуя никакого дальнѣйшаго вниманія со стороны экипажа. Кормило обыкновенно привязываютъ внизу, но это совершенно бесполезно, (если не считаться съ шумомъ, который оно производитъ, будучи свободнымъ), ибо руль не имѣетъ никакого вліянія на судно, когда оно лежитъ въ дрейфѣ. Въ дѣйствительности, кормило было бы гораздо лучше оставлять вольнымъ, нежели крѣпко привязывать его, ибо руль имѣетъ склонность быть отрываемымъ тяжелыми валами, если у кормила нѣтъ достаточно мѣста для свободнаго движенія. Пока парусъ выдерживаетъ, хорошо построенный корабль будетъ сохранять свое положеніе, и преодолѣетъ всякій

валъ, какъ если бы онъ былъ одаренъ жизнью и разумомъ. Но если ярость вѣтра разорветъ парусъ въ куски, (для такого дѣянiя, при обычныхъ обстоятельствахъ, требуется настоящiй ураганъ), возникаетъ неминуемая опасность. Судно выпадаетъ изъ правильнаго дѣйствiя вѣтра, и, повертываясь бокомъ къ валамъ, находится всецѣло въ ихъ власти: единственно къ чему можно прибѣгнуть въ данномъ случаѣ, это спокойно подставить его подъ вѣтеръ, давъ ему возможность убѣгать, пока не будетъ натянуть какой-нибудь другой парусъ. Нѣкоторые суда ложатся въ дрейфъ безъ какихъ-либо парусовъ, но на нихъ нельзя полагаться въ бурномъ морѣ.

Но возвратимся отъ этого отступленiя. Штурманъ никогда не имѣлъ обыкновенiя ставить дозорнаго на палубѣ, когда при бурномъ вѣтрѣ корабль лежалъ въ дрейфѣ, и тотъ фактъ, что теперь дежурилъ дозорный, въ соединенiи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что топоры и ганшпуги исчезли, вполне убѣдилъ насъ, что экипажъ былъ слишкомъ на сторожѣ, чтобы быть захваченнымъ врагъ-сплохъ по способу, присовѣтованному Питерсомъ. Что-нибудь, однако, должно было быть сдѣлано, и это съ возможною малою отсрочкой, ибо не могло быть сомнѣнiя, что, разъ Питерсъ былъ заподозрѣнъ, онъ будетъ погубленъ при первомъ же поводѣ, а таковой конечно или будетъ найденъ, или будетъ созданъ, какъ только буря приутихнетъ.

Августъ теперь указалъ, что, если бы Питерсу удалось подъ какимъ либо предлогомъ содвинуть желѣзный канатъ, который лежалъ надъ трапомъ въ главной каютѣ, возможно, что мы были бы способны напасть на нихъ неожиданно изъ трюма; но по маломъ размышленiи мы убѣдились, что судно испытывало слишкомъ большую качку, чтобы позволить какую-либо попытку такого рода.

Доброй волею судьбы, я, наконецъ, натолкнулся на мысль подѣйствовать на суевѣрные страхи и преступную совѣсть штурмана. Какъ можно припомнить, одинъ изъ

экипажа, Гартманъ Роджерсъ, умеръ утромъ, будучи схваченъ два дня тому назадъ судорогами, послѣ того какъ онъ выпилъ немного спиртнаго съ водой. Питерсъ высказалъ намъ свое мнѣніе, что этотъ человѣкъ былъ отравленъ штурманомъ, и, для того чтобы такъ думать, у него были основанія, говорилъ онъ, которыя были неоспоримы, но изъяснить которыя мы никакъ не могли его заставить, — своенравный отказъ этотъ вполне согласовался съ другими особенностями его причудливаго нрава. Но были ли у него какія-нибудь настоящія причины подозрѣвать штурмана или ихъ не было, мы легко вовлеклись въ это его подозрѣніе, и рѣшили дѣйствовать соотвѣтственно.

Роджерсъ умеръ около одиннадцати часовъ утра, въ сильнѣйшихъ судорогахъ; и тѣло его черезъ нѣсколько минутъ послѣ смерти являло одно изъ самыхъ ужасающихъ и отвратительныхъ зрѣлищъ, какія когда-либо были на моей памяти. Животъ его чудовищно раздулся, какъ животъ человѣка, который утонулъ и нѣсколько недѣль пролежалъ подъ водой. Руки находились въ такомъ же состояніи, а лицо сморщилось, съежилось, и было бѣло какъ мѣль, кромѣ двухъ-трехъ ярко красныхъ пятенъ, подобныхъ тѣмъ, что причиняются рожей; одно изъ этихъ пятенъ простиралось вкось черезъ лицо совершенно покрывая одинъ глазъ какъ бы лентой изъ краснаго бархата. Въ этомъ отвратительномъ состояніи тѣло было принесено изъ каюты въ полдень, дабы быть брошеннымъ за бортъ, но тутъ штурманъ, глянувъ на него (онъ видѣлъ его теперь въ первый разъ), и будучи или проникнутъ раскаяніемъ въ своемъ преступленіи, или пораженъ такимъ страшнымъ зрѣлищемъ, приказалъ людямъ зашить тѣло въ парусинный гамакъ и даровать ему обычныя обрядности морскихъ похоронъ. Отдавъ эти приказанія, онъ сошелъ внизъ, какъ бы для того чтобы избѣгнуть всякаго дальнѣйшаго вида своей жертвы. Въ то

время какъ дѣлались приготовленія, дабы исполнить его приказанія, съ великимъ бѣшенствомъ налетѣла буря, и замысленное было пока оставлено. Трупъ, предоставленный самому себѣ, былъ погруженъ въ жолобъ для стока воды съ лѣвой стороны судна, гдѣ онъ еще и лежалъ въ то время, о которомъ я говорю, толкаясь и барахтаясь съ каждымъ бѣшенымъ ныркомъ брига. Установивъ нашъ планъ, мы тотчасъ же стали приводить его въ исполненіе съ наивозможною быстротой. Питерсъ пошелъ на палубу, и, какъ онъ предвидѣлъ, съ нимъ немедленно заговорилъ Алленъ, который повидимому стоялъ на передней части корабля, болѣе какъ дозорный, нежели преслѣдуя какую-либо другую цѣль. Судьба этого негодяя, однако, была рѣшена быстро и безмолвно; ибо Питерсъ, приблизившись къ нему самымъ беззаботнымъ образомъ, какъ будто чтобы ему что-то такое сказать, схватилъ его за горло и прежде чѣмъ онъ смогъ испустить хоть одинъ крикъ перешвырнулъ его за край судна. Послѣ этого онъ позвалъ насъ, и мы взошли вверхъ. Первой нашей предосторожностью было отыскать что-нибудь, чѣмъ бы можно было вооружиться, и, дѣлая это, мы должны были соблюдать величайшее тщаніе, ибо невозможно было ни на минуту стоять на палубѣ, не держась крѣпко, и свирѣпые валы врывались на судно при каждомъ его ныркѣ впередъ. Было необходимо, кромѣ того, чтобы мы были быстрыми въ своихъ дѣйствіяхъ, ибо каждую минуту мы ожидали, что штурманъ взойдетъ наверхъ, чтобы пустить насосы въ ходъ, такъ какъ было очевидно, что бригъ очень быстро набиралъ воды. Поискавъ кругомъ нѣкоторое время, мы ничего не могли найти болѣе подходящаго для нашей цѣли, чѣмъ двѣ ручки отъ насосовъ, одну изъ нихъ взялъ Августъ, другую я. Припрятавъ ихъ, мы стащили съ трупа рубашку и бросили тѣло за бортъ. Питерсъ и я спустились послѣ этого внизъ, Августа же оставили сторожить на палубѣ, и онъ занялъ какъ разъ

то самое мѣсто, гдѣ стоялъ Алленъ, спиною къ лѣстницѣ въ капитанскую каюту, такъ чтобы, ежели кто изъ шайки штурмана взойдетъ наверхъ, онъ могъ предположить, что это дозорный.

Какъ только я спустился внизъ, я началъ наряжаться такимъ образомъ, чтобы изобразить трупъ Роджерса. Рубашка, которую мы сняли съ тѣла, весьма намъ помогла, ибо она была особой формы и вида, и ее легко было распознать, это было нѣчто вродѣ блузы, которую покойный надѣвалъ поверхъ другой своей одежды. Это была синяя вязанка, съ широкими поперечными бѣлыми полосами. Надѣвъ ее, я сталъ приспособлять себѣ поддѣльный животъ, въ подражаніе чудовищному уродству раздувагося трупа. Это было легко достигнуто съ помощью одѣяль. Я придалъ потомъ такое же подобіе своимъ рукамъ, надѣвъ пару бѣлыхъ шерстяныхъ перчатокъ, и наполнивъ ихъ всякаго рода лоскутьями, которые нашлись. Затѣмъ Питерсъ устроилъ мнѣ надлежащее лицо, сперва все его натеревъ бѣлымъ мѣломъ, и потомъ обрызгавъ его кровью, которую онъ добылъ изъ надрѣза на собственномъ пальцѣ. Поперечная полоса черезъ глазъ не была забыта, и являла самый отвратительный видъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Когда я посмотрѣлся въ осколокъ зеркала, висѣвшаго въ каютѣ, при тускломъ свѣтѣ нѣкоего какъ бы боевого фонаря, я былъ такъ захваченъ чувствомъ смутнаго страха при видѣ моей наружности и при мысли объ устрашительной дѣйствительности, которую я такимъ образомъ изображалъ, что мною овладѣлъ сильный трепетъ, и я едва могъ собраться съ рѣшимостью выполнять свою роль. Было необходимо, однако же, дѣйствовать безъ колебаній, и мы оба, Питерсъ и я, отправились на палубу.

Мы нашли, что все тамъ въ надлежащемъ порядкѣ, и, держась вплоть къ корабельнымъ укрѣпленіямъ, мы, трое, прокрались къ лѣстницѣ, ведущей въ главную каюту. Она была лишь отчасти прикрыта, ибо были приняты предосторожности, чтобы ее нельзя было сразу толкнуть съ внѣшней стороны, и для этого были положены на верхнюю ступеньку полѣнья, что мѣшало также двери и закрыться. Безъ затрудненія мы могли сполна осмотрѣть внутренность каюты, черезъ щели находившіяся около петель. Счастье это было для насъ, что мы не сдѣлали попытки захватить ихъ врасплохъ, ибо они были очевидно, насторожѣ. Лишь одинъ изъ нихъ спалъ, и онъ лежалъ какъ разъ у подножья лѣстницы съ мушкетомъ около себя. Остальные сидѣли на матрацахъ, которые были сняты съ коекъ и брошены на полъ. Они вели серьезный разговоръ, и, хотя пировали, какъ явствовало изъ двухъ пустыхъ кружекъ и нѣсколькихъ большихъ оловянныхъ стакановъ, валявшихся тутъ и тамъ, они не были настолько пьяны, какъ то было обыкновенно. У всѣхъ были ножи, у одного или у двухъ пистолеты, и очень много мушкетовъ лежало на койкѣ около нихъ.

Мы прислушивались нѣкоторое время къ ихъ разговору, прежде чѣмъ рѣшиться, какъ дѣйствовать, ибо у насъ еще ничего не было опредѣленнаго, кромѣ того, что мы попытаемся парализовать ихъ усилія въ мигъ атаки, съ помощью привидѣнія Роджерса. Они обсуждали свои пиратскіе планы, и все, что мы могли явственно слышать, это, что они хотѣли соединиться съ экипажемъ нѣкоей шхуны „Шершень“, и, если возможно, овладѣть самой шхуной, чтобы приготовиться къ какой-нибудь попыткѣ болѣе широкихъ размѣровъ, о подробностяхъ какой никто изъ насъ не могъ въ точности догадаться.

Одинъ изъ шайки заговорилъ о Питерсѣ, ему отвѣтилъ штурманъ, тихимъ голосомъ, и словъ нельзя было разобрать, потомъ онъ прибавилъ болѣе громко, что онъ не

могъ понять, почему Питерсъ столько времени проводить съ этимъ капитанскимъ отродьемъ въ бакѣ, и что онъ полагаетъ, чѣмъ скорѣе оба будутъ за бортомъ, тѣмъ лучше! На это не послѣдовало никакого отвѣта, но мы легко могли понять, что данный намекъ былъ хорошо принятъ всей компаніей, въ особенности же Джонсомъ. Въ это время я находился въ крайнемъ волненіи, и оно было тѣмъ сильнѣе, что, какъ я могъ видѣть, ни Августъ, ни Питерсъ, не могли рѣшить, что дѣлать. Я, однако же, настроилъ свой умъ продать мою жизнь такъ дорого, какъ только возможно, и не позволять себѣ быть захваченнымъ какимъ-либо чувствомъ трепета.

Страшный шумъ отъ рева вѣтра въ снастяхъ и переплеска моря черезъ палубу мѣшали намъ слышать то, что говорилось, за исключеніемъ отдѣльныхъ мгновеній затишья. Въ одно изъ такихъ мгновеній мы всѣ ясно услышали, какъ штурманъ сказалъ одному изъ шайки, чтобы „онъ пошелъ и велѣлъ этимъ распроклятымъ лежебокамъ придти въ главную каюту, гдѣ бы онъ могъ имѣть за ними присмотръ, ибо онъ не нуждается въ разныхъ секретничаньяхъ на бортѣ брига“. Къ счастью для насъ, килевая качка судна была въ этотъ мигъ такъ сильна, что помѣшала приведенію этого приказанія въ немедленное исполненіе. Поваръ всталъ съ своего матраца, чтобы пойти за нами, какъ вдругъ судно страшно накренилось, я думалъ, что мачты будутъ сорваны, поваръ былъ брошенъ стремглавъ противъ одной изъ дверей каюты съ лѣвой стороны, разломалъ ее, и это еще болѣе увеличило беспорядокъ. Къ счастью, ни одинъ изъ насъ не былъ сброшенъ съ того мѣста, гдѣ стоялъ, и у насъ было достаточно времени, чтобы поспѣшно отступить къ баку и выработать торопливый планъ дѣйствій, прежде чѣмъ показался посланный, или, вѣрнѣе, прежде чѣмъ онъ просунулся изъ люка, ибо онъ не вышелъ на палубу. Съ своего мѣста онъ не могъ замѣтить отсутствіе Аллена, и

сообразно съ этимъ началъ горланить, обращаясь къ нему, и повторяя приказаніе штурмана. Питерсъ выкрикнулъ, измѣненнымъ голосомъ: „Да да“, и поваръ немедленно пошелъ внизъ, нисколько не подозрѣвая, что не все въ порядкѣ.

Оба мои товарища смѣло направились теперь къ задней части корабля, и спустились въ главную каюту, при чемъ Питерсъ закрылъ за собою дверь такимъ же способомъ, какъ онъ ее нашелъ. Штурманъ встрѣтилъ ихъ съ притворной сердечностью, и сказалъ Августу, что, такъ какъ онъ вель себя за послѣднее время настолько хорошо, онъ можетъ имѣть свое мѣстонахожденіе въ главной каютѣ, и быть впредь однимъ изъ ихъ числа. Послѣ этого онъ налилъ ему до половины большой стаканъ рома, и заставилъ его выпить. Все это я видѣлъ и слышалъ, ибо я послѣдовалъ за своими друзьями до главной каюты, какъ только дверь была закрыта, и занялъ свой прежній наблюдательный пунктъ. Я принесъ съ собою двѣ ручки отъ насосовъ, одну изъ которыхъ припряталъ около лѣстницы, чтобы имѣть ее наготовѣ, когда въ томъ будетъ надобность.

Я всталъ теперь по возможности такъ стойко, какъ только это было возможно, чтобы видѣть хорошенько все, что происходитъ тамъ внутри, и постарался подбодриться, чтобы смѣло появиться среди бунтовщиковъ, когда Питерсъ, какъ мы уговорились, дастъ мнѣ сигналъ. Ему удалось въ настоящую минуту навести разговоръ на кровавыя дѣянія бунта, и мало по малу онъ заставилъ всѣхъ говорить о тысячѣ суевѣрій, которыя имѣютъ такое широкое распространеніе среди моряковъ. Я не могъ разобрать всего, что говорилось, но я могъ ясно видѣть дѣйствіе бесѣды на лицахъ присутствующихъ. Штурманъ, видимо, былъ очень взволнованъ, и въ то время, когда кто-то упомянулъ о томъ, какой страшный видъ у трупа Роджерса, я подумалъ, что онъ близокъ къ обмороку. Питерсъ спросилъ

его, не думаетъ ли онъ, что было бы лучше тотчасъ же бросить тѣло за бортъ, потому что слишкомъ это было ужасно—смотреть, какъ оно бултыхается тамъ въ желобахъ для стока воды. Тутъ негодяй окончательно задохнулся, и медленно повернулъ свою голову кругомъ, осматривая своихъ сотоварищей, и какъ бы умоляя, чтобы кто-нибудь пошелъ и сдѣлалъ это. Никто, однако, не шевельнулся, и было совершенно явно, что вся компанія взвинчена до высочайшей степени нервнаго возбужденія. Въ это время Питерсъ далъ сигналъ. Я тотчасъ же распахнулъ дверь на лѣстницу, и сойдя, всталъ, не говоря ни слова, посреди компаніи.

Напряженное дѣйствіе, оказанное этимъ внезапнымъ появленіемъ привидѣнія, отнюдь не покажется удивительнымъ, если будутъ приняты во вниманіе различныя обстоятельства. Обыкновенно, при возникновеніи подобныхъ случаевъ, въ умѣ зрителя остается нѣкоторое мерцаніе сомнѣнія въ дѣйствительности видѣнья, возникшаго передъ его глазами; нѣкоторая степень надежды хотя и слабой, что онъ былъ жертвой продѣлки, и что привидѣніе не есть въ дѣйствительности гость изъ міра тѣней. Не слишкомъ много сказать, что такое мерцаніе сомнѣнія всегда сохранялось на днѣ почти при каждомъ такомъ видѣніи, и что захватывающій ужасъ, даже въ случаяхъ наиболѣе выдающихся, и гдѣ душевное терзаніе наиболѣе было испытано, долженъ быть скорѣе отнесенъ на счетъ нѣкотораго рола предвосхищеннаго ужаса, что вдругъ привидѣніе *пожалуй окажется* дѣйствительнымъ, нежели на счетъ колебимой вѣры въ его дѣйствительность. Но, въ данномъ случаѣ, сразу увидать, что въ умахъ бунтовщиковъ не было даже и тѣни основанія, дабы сомнѣваться, что привидѣніе Роджерса не было въ дѣйствительности оживленіемъ его отвратительнаго трупа, или по крайней мѣрѣ его духовнаго образа. Отъединенное положеніе брига и полная его неприступность благодаря бурѣ, служивали

видимыя возможныя средства обмана въ такихъ узкихъ опредѣленныхъ границахъ, что они должны были считать себя способными обозрѣть ихъ все сразу. Они были теперь на морѣ двадцать четыре дня, и втеченіи этого времени не имѣли никакого соприкосновенія съ какимъ-либо судномъ, кромѣ возможности перекинуться словомъ черезъ рупоръ. Весь экипажъ, кромѣ того—по крайней мѣрѣ все, о комъ они могли сколько-нибудь подозрѣвать, что они существуютъ на борту корабля—былъ налицо въ каютѣ, кромѣ Аллена, дозорнаго; а гигантскій ростъ этого послѣдняго (шесть футовъ, шесть дюймовъ) слишкомъ примелькался въ ихъ глазахъ, чтобы позволить хотя на мигъ возникнуть въ ихъ умѣ представленію, что это онъ былъ привидѣніемъ, явившимся передъ ними. Прибавьте къ этимъ соображеніямъ устрашительный характеръ бури, и свойство разговора вызваннаго Питерсомъ; глубокое впечатлѣніе, которое отвратительность настоящаго трупа произвела утромъ на воображеніе моряковъ; превосходство подражанія, достигнутаго мною, и невѣрный колеблющійся свѣтъ, въ которомъ они меня увидѣли, по мѣрѣ того какъ сверканія находившагося въ каютѣ фонаря, бѣшено качаемаго изъ стороны въ сторону, падало сомнительными вспышками на мою фигуру,—и не будетъ основанія дивиться, что обманъ оказалъ даже болѣе полный эффектъ, чѣмъ мы ожидали. Штурманъ вскочилъ съ матраца, на которомъ онъ былъ, и, не произнеся ни звука, рухнулъ мертвый на полъ каюты, дѣйствіемъ тяжелаго качанія брига его швырнуло какъ чурбанъ на подвѣтренную сторону. Изъ остальныхъ семи лишь трое сперва имѣли въ какой-нибудь степени присутствіе духа. Другіе четверо сидѣли нѣкоторое время по видимости прикованные къ полу—самыя жалкія жертвы страха и крайняго отчаянія, какія когда-либо представали передъ моими глазами. Единственное сопротивленіе, съ которымъ намъ пришлось сколько-нибудь считаться, было со стороны повара, Джона Гѣнта, и Ричарда

Паркера, но они защищались лишь слабо и неуверенно. Два первые были застрѣлены Питерсомъ, а я свалилъ Паркера ударомъ по головѣ, примѣнивъ ручку отъ насоса, которую принесъ съ собой. Тѣмъ временемъ Августъ схватилъ одинъ изъ мушкетовъ, лежавшихъ на полу, и прострѣлилъ грудь другому мятежнику (Вильсону). Теперь оставалось лишь трое; но къ этому времени они проснулись отъ своего оцѣпенѣнія, и, быть можетъ, начали видѣть, что ихъ обманули, ибо они сражались съ великой рѣшимостью и бѣшенствомъ, и, если бы не огромная мускульная сила Питерса, они могли бы въ концѣ концовъ одержать надъ нами верхъ. Три эти человѣка были— Джонсъ, Грили, и Абсаломъ Хиксъ. Джонсъ бросилъ Августа объ полъ, пронзилъ ему въ нѣсколькихъ мѣстахъ правую руку, и безъ сомнѣнія вскорѣ раздѣлался бы съ нимъ окончательно (ибо ни Питерсъ, ни я не могли тотчасъ же освободиться отъ нашихъ собственныхъ противниковъ), если бы не своевременная помощь нѣкоего друга, на поддержку котораго ужь конечно мы никогда не рассчитывали. Этотъ другъ былъ никто иной какъ Тигръ. Съ глухимъ рычаніемъ онъ впрыгнулъ въ каюту, въ самое критическое для Августа мгновеніе, и, бросившись на Джонса, въ одинъ мигъ пригвоздилъ его къ полу. Мой другъ, однако, былъ слишкомъ серьезно раненъ, чтобы оказать намъ какую-либо помощь, а я былъ такъ затрудненъ моимъ нарядомъ, что, запутавшись въ одеждѣ, мало что могъ сдѣлать. Собака ни за что не хотѣла отпустить свою хватку отъ горла Джонса, Питерсъ тѣмъ не менѣе былъ болѣе чѣмъ ровня для двухъ оставшихся враговъ, и безъ сомнѣнія раздѣлался бы съ ними и раньше, если бы не узкое пространство, въ которомъ ему приходилось дѣйствовать, и не страшныя накрениванія судна. Онъ смогъ наконецъ ухватить тяжелую скамейку—ихъ нѣсколько лежало тамъ и сямъ на полу. Взмахнувъ ею, онъ выбилъ мозги у Грили, въ тотъ мигъ когда этотъ послѣдній готовъ былъ выстрѣ-

лить въ меня изъ мушкета, и немедленно вслѣдъ за этимъ боковая качка брига бросила его на Хикса, онъ схватилъ его за горло и, силою своей напряженной мощи, задушилъ его мгновенно. Такимъ образомъ, въ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ то, что потребно для разсказа, мы оказались господами брига.

Единственный изъ нашихъ противниковъ, оставшійся въ живыхъ, былъ Ричардъ Паркеръ. Какъ читатель можетъ припомнить, я спихъ его съ ногъ ударивъ ручкой отъ насоса, въ самомъ началѣ атаки. Онъ лежалъ теперь безъ движенія у разломанной двери каюты; но, когда Питерсъ задѣлъ его ногой, онъ заговорилъ и сталъ просить пощады. Голова его лишь слегка была расцѣчена, и другихъ пораненій онъ не получилъ никакихъ, а былъ лишь оглушенъ ударомъ. Онъ привсталъ теперь, и на время мы связали ему руки за спиной. Собака все еще рычала надъ Джонсомъ, но по осмотрѣ онъ оказался совершенно мертвымъ, кровь токомъ исходила изъ глубокой раны на его горлѣ, причиненной безъ сомнѣнія острыми зубами животнаго.

Было около часу утра, и вѣтеръ продолжалъ дуть страшнѣйшимъ образомъ. Бригъ, очевидно, претерпѣвалъ качку гораздо больше обыкновеннаго, и сдѣлалось совершенно необходимымъ что-нибудь предпринять съ цѣлью нѣсколько облегчить его. Почти при каждомъ наклонѣ къ подвѣтренной сторонѣ онъ зачерпывалъ волны, нѣкоторыя изъ нихъ частью дошли и до каюты во время нашей схватки, ибо я оставилъ люкъ открытымъ, когда спустился внизъ. Весь рядъ корабельныхъ укрѣпленій съ лѣвой стороны былъ смытъ, также какъ камбузъ вмѣстѣ съ лодкой-четверкой, сорванной съ подзора. Трески и качанія главной мачты давали кромѣ того указаніе, что она готова обрушиться. Чтобы предоставить грузу больше мѣста въ заднемъ трюмѣ, низъ этой мачты былъ закрѣпленъ между деками (весьма предсудительное обыкновеніе, къ которому

иногда прибѣгаютъ невѣжественные кораблестроители), и такимъ образомъ она подвергалась неминуемой опасности вырваться изъ своего гнѣзда. Но, въ довершеніе всѣхъ нашихъ затрудненій, мы вымѣрили льяло, и нашли, что тамъ не меньше чѣмъ на семь футовъ воды.

Оставивъ тѣла убитыхъ на полу главной каюты мы немедленно принялись за насосы—Паркеръ конечно былъ освобожденъ, чтобы помогать намъ въ работѣ. Руку Августу мы перевязали какъ только сѣумѣли, и онъ дѣлалъ что могъ, но это было не очень много. Мы однако же увидѣли, что можемъ не позволять течи увеличиваться, заставляя одинъ насосъ дѣйствовать непрерывно. Такъ какъ насъ было только четверо, это была трудная работа; но мы старались подбодриться, и съ тревогою ожидали разсвѣта, надѣясь тогда облегчить бригъ, срубивъ главную мачту.

Такимъ образомъ мы провели ночь въ страшной тревогѣ и усталости, и когда день забрежжилъ, буря не только ни мало не утихла, но и не было никакихъ признаковъ улучшенія погоды. Мы вытащили теперь тѣла на палубу и бросили ихъ за бортъ. Ближайшей нашей заботой было освободиться отъ главной мачты. Были сдѣланы необходимыя приготовленія, Питерсъ срубилъ мачту (топоры нашлись въ каютѣ), между тѣмъ какъ остальные стояли около штаговъ и талей. Такъ какъ бригъ страшнѣйшимъ образомъ рыскалъ, было постановлено срѣзать тали, послѣ чего вся громада дерева и снастей рухнула въ море и освободила бригъ, не причинивъ намъ какого-либо существеннаго ущерба. Мы увидѣли, что судно не испытывало теперь такой качки, какъ прежде, но все же наше положеніе было чрезвычайно затруднительнымъ, и несмотря на крайнія наши усилія мы не могли овладѣть течью безъ дѣйствія двухъ насосовъ. Та малая помощь, которую могъ оказывать намъ Августъ, была поистинѣ незначительна. Въ увеличеніе нашего злополучія, тяжелый валъ, ударивъ

бригъ въ навѣтренную сторону, подбросилъ его на нѣкоторое отдаленіе отъ предназначеннаго мѣста подъ вѣтромъ, и, прежде чѣмъ онъ могъ занять прежнее свое положеніе, другой валъ цѣликомъ опрокинулся на него, и совершенно рушилъ его на бокъ. Балласть перемѣстился всей громадой къ подвѣтренной сторонѣ (грузъ нѣкоторое время передвигался и бился совершенно произвольно), и втеченіи нѣсколькихъ мгновеній мы думали, что ничто не можетъ насъ спасти, что мы совершенно опрокинемся. Мы поднялись, однако же, до нѣкоторой степени, но балласть все еще удерживалъ свое мѣсто на лѣвой сторонѣ судна, и мы такъ сильно накренились, что было бесполезно помышлять о насосахъ, да мы и не могли бы ни въ какомъ случаѣ больше работать около нихъ, потому что руки у насъ совершенно огрубѣли отъ излишка напряженія, и кровь изъ нихъ сочилась самымъ чудовищнымъ образомъ.

Въ противность совѣту Паркера, мы стали теперь срубать фокъ-мачту, и наконецъ выполнили это послѣ большихъ хлопотъ, причиненныхъ наклоннымъ положеніемъ, въ которомъ мы находились. Падая за бортъ, мачта унесла за собою бушпритъ, и отъ брига остался одинъ корпусъ.

Доселѣ мы имѣли основанія радоваться, что у насъ сохранился барказъ, который не получилъ никакого поврежденія ни отъ одного изъ огромныхъ валовъ, переклестнувшихъ къ намъ на бортъ. Но намъ не долго пришлось поздравлять себя; такъ какъ фокъ-мачта исчезла, а съ нею конечно и фоксель, бригъ, державшійся благодаря имъ стойко, потерялъ свою опору, каждый валъ врывался къ намъ теперь цѣликомъ, и въ пять минутъ нашу палубу вымыло съ носа до кормы, барказъ и правая сторона укрѣпленій были сорваны, и даже воротъ былъ раздробленъ въ куски. Врядъ ли, по истинѣ, для насъ было возможно быть въ еще болѣе жалкомъ состояніи.

Въ полдень, казалось, буря нѣсколько стихла, но въ этомъ мы были прискорбно разочарованы, потому что затише продолжалось лишь нѣсколько минутъ, но буря укротилась лишь затѣмъ, чтобы возобновиться съ двойнымъ бѣшенствомъ. Около четырехъ часовъ пополудни сдѣлалось совершенно невозможно противостоять ярости вихря; и когда ночь сомкнулась надъ нами, у меня не было ни тѣни надежды, что судно сможетъ выдержать до утра.

Въ полночь мы очень глубоко погрузились въ воду, которая достигала теперь до палубы кубрика. Вскорѣ послѣ этого оторвался руль, валъ сорвавшій его приподнял заднюю часть брига цѣликомъ изъ воды, о которую она въ своемъ нисхожденіи ударилась съ такимъ сотрясеніемъ, какое бываетъ когда корабль выбросить на сушу. Мы всѣ рассчитывали, что руль выдержитъ до самой послѣдней минуты, ибо онъ былъ необыкновенно крѣпокъ, будучи приспособленъ такъ, какъ никогда, ни раньше, ни послѣ, я не видалъ, чтобы былъ приспособленъ руль. Внизъ по главному его тимберсу шель рядъ крѣпкихъ желѣзныхъ крюковъ, и другіе такимъ же образомъ шли внизъ по старнъ-посту. Черезъ эти крюки простиралась очень толстая выдѣланная изъ желѣза цѣпь, руль такимъ образомъ былъ прикрѣпленъ къ старнъ-посту, и свободно вертѣлся на стержнѣ. Страшная сила вала, который его оторвалъ, можетъ быть оцѣнена по тому обстоятельству, что крюки на старнъ-постѣ, которые шли по нему, будучи заклеплены съ внутренней стороны, были всѣ до одного совершенно вырваны изъ цѣльнаго куска дерева.

Едва мы успѣли передохнуть послѣ свирѣпости этого удара, какъ одна изъ самыхъ чудовищныхъ волнъ, какія я когда-либо видѣлъ, прямикомъ ворвалась къ намъ на бортъ, смыла совершенно лѣстницу капитанской каюты, ворвалась въ люки, и наполнила каждый дюймъ судна водою.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Къ счастью какъ разъ передъ ночью мы четверо привязали себя къ обломкамъ ворота и лежали на палубѣ такъ плоско, какъ только это возможно. Лишь эта предосторожность спасла насъ отъ гибели. Мы всѣ болѣе или менѣе были оглушены огромнымъ вѣсомъ воды, которая обрушивалась на насъ, и не скатывалась, прежде чѣмъ мы не были совершенно изнеможены. Какъ только я могъ перевести дыханіе, я громко позвалъ, обращаясь къ моимъ товарищамъ. Отвѣтилъ лишь Августъ, говоря: „Мы пропали, да сжалятся Господь Богъ надъ нашими душами“.

Вскорѣ и оба другіе получили способность говорить, они тотчасъ же начали убѣждать насъ ободриться, ибо еще оставалась надежда; по свойству груза было невозможно, чтобы бригъ пошелъ ко дну, и были всѣ вѣроятія за то, что буря стихнетъ къ утру. Эти слова наполнили меня новой жизнію; ибо, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, хоть очевидно было, что судно, нагруженное пустыми бочками изъ подъ масла, не можетъ затонуть, умъ мой до этихъ поръ былъ въ такомъ смятеніи, что я совершенно просмотрѣлъ это соображеніе, и опасность, которую я въ теченіи нѣкотораго времени считалъ самой неминуемой, была именно опасность потопленія. Когда надежда ожила во мнѣ, я воспользовался каждою возможностью закрѣпить перевязи, прикрѣпившія меня къ обломкамъ ворота, и вскорѣ я замѣтилъ, что и мои товарищи были заняты тѣмъ же. Ночь была такъ темна, какъ это только возможно, и бесполезно описывать ужасающій кричащій грохотъ и смятеніе, которыя насъ окружали. Палуба наша была на одномъ уровнѣ съ моремъ, или скорѣе мы были окружены громаздящимся гребнемъ пѣны, часть которой каждое мгновеніе проносилась надъ нами. Не слишкомъ много сказать, что головы ваши высвободились изъ воды не болѣе чѣмъ на одну секунду изъ

трехъ. Хотя мы лежали тѣсно прижавшись другъ къ другу, ни одинъ изъ насъ не могъ видѣть другого, и никто изъ насъ не могъ рассмотреть какую-либо часть самого брига, на которомъ насъ швыряло такъ бурно. Время отъ времени мы взывали одинъ къ другому, стараясь такимъ образомъ оживить надежду, и доставить утѣшеніе и ободреніе тѣмъ изъ насъ, кто наиболѣе въ нихъ нуждался. Слабость Августа дѣлала его предметомъ заботы для всѣхъ насъ; и такъ какъ, благодаря тому, что правая рука его была изранена, ему было невозможно сколько-нибудь прочно закрѣпить перевязи, мы съ минуту на минуту ждали, что его унесетъ за бортъ. Но оказать ему какую-либо помощь было совершенно внѣ возможности. Къ счастью, онъ находился въ положеніи болѣе достовѣрномъ, чѣмъ кто-либо другой изъ насъ; ибо верхняя часть его тѣла лежала какъ разъ подъ одной частью раздробленнаго ворота, и валы, обрушиваясь на него, большею частію были ослаблены въ своей ярости. Въ любомъ иномъ положеніи нежели это (въ каковое и онъ былъ брошенъ случайно, послѣ того какъ привязалъ себя въ мѣстѣ очень незащищенномъ) онъ неизбѣжно погибъ бы до наступленія утра. Благодаря тому обстоятельству, что бригъ лежалъ на боку во всю свою длину, мы менѣе были подвержены опасности быть смытыми, чѣмъ это было бы въ иномъ случаѣ. Уклонъ, какъ я раньше говорилъ, былъ къ лѣвой сторонѣ судна, палуба приблизительно на половину была все время подъ водой. Валы поэтому, ударявшіе насъ съ правой стороны, были въ значительной степени ослабляемы бокомъ судна, достигая насъ лишь частью, ибо мы лежали плашмя, лицомъ внизъ, между тѣмъ какъ валы приходившіе съ лѣвой стороны, и бывшіе тѣмъ, что называется водой задняго хода, мало имѣли возможности ухватиться за насъ, по причинѣ нашего положенія, и не имѣли такимъ образомъ достаточной силы, чтобы снести насъ съ нашихъ мѣстъ.

Въ этомъ страшномъ положеніи мы лежали до тѣхъ поръ когда забрежившій день показалъ намъ болѣе полно окружавшіе насъ ужасы. Бригъ былъ не болѣе какъ большой чурбанъ, качавшійся изъ стороны въ сторону по прихоти каждой волны; вихрь все увеличивался, если онъ могъ еще увеличиваться, и поистинѣ дулъ какъ настоящій ураганъ. Никакой земной возможности спасенія намъ не представлялось.

Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мы соблюдали молчаніе, ожидая каждую минуту, что наши перевязи порвутся, обломки ворота полетятъ за бортъ, или что какой-нибудь огромный валъ, одинъ изъ тѣхъ, которые ревѣли по всѣмъ направленіямъ вокругъ насъ и надъ нами, вгонитъ остовъ корабля такъ далеко подъ воду, что мы затонемъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ подняться на поверхность. Милосердіемъ Божиимъ, однако, мы были предохранены отъ этихъ неминуемыхъ опасностей, и около полдня были обласканы свѣтомъ благословеннаго солнца.

Вскорѣ послѣ этого мы могли замѣтить значительное уменьшеніе въ силѣ вѣтра, и тутъ въ первый разъ послѣ вчерашняго вечера Августъ заговорилъ, и спросилъ Питерса, который лежалъ всего ближе къ нему, думаетъ ли онъ, что есть какая-нибудь возможность чтобы мы спаслись. Такъ какъ сперва никакого отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало, мы всѣ заключили, что Индеецъ затонулъ тамъ, гдѣ онъ лежалъ; но вотъ къ великой нашей радости онъ заговорилъ хотя и очень слабымъ голосомъ, и сказалъ, что очень страдаетъ, ибо перевязи туго затянутыя поперегъ живота такъ его рѣжутъ, что или онъ долженъ найти способъ распустить ихъ или погибнуть, потому что невозможно, чтобъ онъ терпѣлъ дольше свое злополучіе. Это повергло насъ въ большое смущеніе, ибо совершенно бесполезно было думать о томъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ помочь ему, пока море продолжало хлестать на насъ, какъ это было. Мы убѣ-

ждали его сносить страданія мужественно, и обѣщались воспользоваться первой же возможностью, какая представится, чтобы облегчить его положеніе. Онъ отвѣчалъ, что вскорѣ будетъ слишкомъ поздно, что все будетъ кончено, прежде чѣмъ мы сможемъ ему помочь; и потомъ, нѣсколько минутъ постанавъ, онъ затихъ, изъ чего мы заключили, что онъ умеръ. По мѣрѣ того какъ двигался вечеръ, волненіе въ морѣ спало настолько, что врядъ ли хоть одинъ валъ ворвался на остовъ корабля съ навѣтренной стороны втеченіи пяти минутъ, да и вѣтеръ въ значительной степени спалъ, хотя онъ еще продолжалъ дуть какъ суровый вихрь. Уже нѣсколько часовъ, что я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ моихъ товарищей заговорилъ, и я позвалъ теперь Августа. Онъ отвѣтилъ, хотя очень слабымъ голосомъ, такъ что я не могъ различить, что онъ сказалъ. Я заговорилъ тогда къ Питерсу и къ Паркеру, но ни тотъ ни другой мнѣ ничего не отвѣтили.

Вскорѣ послѣ этого я впалъ въ состояніе частичнаго безчувствія, въ продолженіи котораго самые пріятственныя образы проплывали въ моемъ воображеніи; такіе, какъ зеленыя деревья, волнообразныя равнины, покрытыя спѣлыми колосьями, проходящія хороводомъ танцующія дѣвушки, отряды кавалеріи, и другія фантазіи. Я теперь припоминаю, что во всемъ, проходившемъ передъ окомъ моего духа, *движеніе* было представленіемъ господствующимъ. Такимъ образомъ мнѣ никогда не чудился какой-нибудь неподвижный предметъ, вродѣ дома или горы, или чего-нибудь подобнаго, но вѣтряныя мельницы, корабли, большія птицы, воздушные шары, всадники, повозки мчащіяся бѣшено, и подобные этому движущіеся предметы представали въ безконечной смѣнѣ. Когда я очнулся отъ этого состоянія, солнце, насколько я могъ примѣтить, было уже на высотѣ одного часа надъ горизонтомъ. Для меня было величайшей трудностью воз-

становить въ памяти различныя обстоятельства, связанные съ моимъ положеніемъ, и втеченіи нѣкотораго времени я пребывалъ въ твердомъ убѣжденіи, что еще нахожусь въ трюмѣ брига около ящика, и что тѣло Паркера было тѣломъ Тигра.

Когда, наконецъ, я вполнѣ пришелъ въ себя, я увидѣлъ, что дулъ лишь умѣренный вѣтерокъ, и море было сравнительно спокойно, такъ что оно заливало лишь среднюю часть корабля. Лѣвая моя рука высвободилалась изъ перевязи, и около локтя былъ сильный порѣзъ; правая рука совершенно онѣмѣла, и кисть ея, а такъ же и вся рука, чудовищно вспухли отъ давленія веревки, которая пригнетала руку отъ плеча внизъ. Меня очень мучила такъ же другая веревка, проходившая вокругъ поясницы, и натянутая до нестерпимой степени тугости. Глянувъ кругомъ на моихъ товарищей, я увидѣлъ, что Питерсъ еще былъ живъ, хотя толстая веревка была такъ туго затянута вокругъ его бедеръ, что онъ казался разрѣзаннымъ на двое; когда я шевельнулся, онъ сдѣлалъ ко мнѣ слабое движеніе рукой, указывая на веревку. Августъ не подавалъ никакихъ знаковъ жизни, и былъ перегнутъ почти на двое поперегъ обломка ворота. Паркеръ заговорилъ со мной, когда увидѣлъ, что я двигаюсь, и спросилъ меня, хватить ли у меня силы высвободить его изъ его положенія, говоря, что, если бы я могъ посылно собраться съ духомъ, и измыслить способъ развязать его, мы еще могли бы спасти наши жизни, но что иначе мы всѣ должны погибнуть. Я сказалъ ему, чтобы онъ мужался, и что я попытаюсь его освободить. Пошаривъ въ карманѣ моихъ панталонъ, я ухватилъ складной ножъ, и, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ, мнѣ наконецъ удалось его раскрыть. Потомъ, лѣвой рукой, я кое-какъ высвободилъ правую свою руку изъ пугъ, и разрѣзалъ другія веревки, державшія меня. Попытавшись однако сдвинуться съ моего мѣста, я увидѣлъ, что ноги мнѣ совершенно

измѣнили, и что ни встать я не могу, ни двинуть правой рукой въ какомъ-либо направленіи. Когда я сообщилъ объ этомъ Паркеру, онъ посовѣтовалъ мнѣ лежать спокойно нѣсколько минутъ, держась за воротъ лѣвой рукой, чтобы дать такимъ образомъ крови время придти въ правильное обращеніе. Это я и сдѣлалъ, онѣмѣлость тотчасъ же стала исчезать, и сперва я смогъ двигать одной ногой, потомъ другой, и вскорѣ послѣ этого частично овладѣлъ правою моею рукою. Съ большими предосторожностями я поползъ теперь къ Паркеру, не вставая на ноги, и вскорѣ обрѣзалъ на немъ всѣ перевязи; послѣ короткаго промежутка къ нему такъ же отчасти вернулось обладаніе членами. Теперь, не теряя времени, мы стали освобождать отъ веревокъ Питерса. Веревка сдѣлала глубокій прорѣзъ черезъ поясъ его шерстяныхъ панталонъ и черезъ двѣ рубашки, и вошла ему въ пахъ, изъ котораго кровь хлынула обильно, когда мы сняли перевязи—не успѣли мы сдвинуть ихъ, однако, какъ онъ заговорилъ, и, казалось, почувствовалъ мгновенное облегченіе—будучи способенъ двигаться съ бѣльшею легкостью, чѣмъ я или Паркеръ,—это происходило безъ сомнѣнія отъ истеченія крови.

У насъ было мало надежды, что Августъ придетъ въ себя, ибо онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, но, приблизившись къ нему, мы увидали, что онъ былъ въ обморокъ отъ потери крови, ибо повязки, которыя мы наложили на его раненую руку, были сорваны водою; ни одна изъ веревокъ, что привязывала его къ вороту, не была настолько затянута, чтобы причинить ему смерть. Освободивъ его отъ путъ, и сдвинувъ съ обломка ворота, мы положили его на сухомъ мѣстѣ съ навѣтренной стороны, помѣстивъ голову нѣсколько ниже, чѣмъ тѣло, и всѣ трое начали поспѣшно растирать ему руки и ноги. Приблизительно черезъ полъ-часа онъ пришелъ въ себя, хотя лишь на слѣдующее утро явилъ признаки, что

узнаеть каждого изъ насъ, и что у него достаточно силы, чтобы говорить. За то время, которое намъ понадобилось, чтобы освободиться отъ путъ, сдѣлалось совершенно темно, и облака начали сгущаться, такъ что мы были опять въ величайшей тревогѣ—а вдругъ опять подуетъ сильный вѣтеръ! Въ этомъ случаѣ ничто не могло бы спасти насъ отъ гибели въ виду нашего полного истощенія. По счастливой случайности погода продолжала быть хорошей въ теченіи ночи, море спадало каждую минуту, и это заставляло насъ надѣяться на окончательное наше избавленіе. Легкій вѣтерокъ еще дулъ съ Сѣверо-Запада, но погода вовсе не была холодна. Августъ тщательно былъ привязанъ къ навѣтренной сторонѣ, такимъ образомъ, чтобы избѣгнуть опасности, что онъ при боковой качкѣ судна соскользнетъ за бортъ, ибо онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы самому держаться за что-нибудь. Для насъ самихъ не представлялось такой надобности. Мы сидѣли тѣсно прижавшись другъ къ другу, поддерживая одинъ другого съ помощью порванныхъ веревокъ вокругъ ворота, и измышляли способъ ускользнуть изъ нашего страшнаго затруднительнаго положенія. Мы извлекли значительное подкрѣпленіе изъ того обстоятельства, что сняли съ себя одежду, и выжали изъ нея воду. Когда мы послѣ этого надѣли ее на себя, она показалась намъ чрезвычайно теплой и пріятной, и въ не малой степени послужила къ тому, что мы почувствовали себя болѣе сильными. Мы помогли Августу снять одежду, и, послѣ того какъ выжали ее за него, онъ испыталъ то же самое облегченіе.

Главными нашими страданіями были теперь муки голода и жажды, и, когда мы размышляли о средствахъ облегчить ихъ, сердце падало въ насъ, и мы даже начинали жалѣть, что ускользнули отъ менѣе страшныхъ опасностей моря. Мы старались однако утѣшить другъ друга надеждою, что скоро будемъ подобраны какимъ-

нибудь судномъ, и ободряли другъ друга, убѣждая сносить мужественно всѣ злополучія, какія еще намъ могутъ встрѣтиться.

Забрежжило наконецъ утро четырнадцатаго, и погода все продолжала быть тихой и ясной, при стойкомъ, но очень легкомъ вѣтеркѣ съ Сѣверо-Запада; море было теперь совершенно гладкое, и, такъ какъ благодаря какой-то причинѣ, опредѣлить которую мы не могли, бригъ не лежалъ такъ сильно на боку, какъ это было доселѣ, палуба сравнительно была суха, и мы могли свободно по ней двигаться. Уже болѣе чѣмъ три дня и три ночи, что мы были теперь безъ пищи и безъ питья, и сдѣлалось безусловно необходимымъ, чтобы мы попытались что-нибудь раздобыть изъ низу. Такъ какъ бригъ былъ совершенно залитъ водой, мы приступили къ этой работѣ съ уныніемъ и лишь съ малымъ чаяніемъ, что намъ удастся что-нибудь добыть. Мы сдѣлали нѣкотораго рода драгу, вбивъ нѣсколько гвоздей, которые выломали изъ остатковъ затвора, въ два куска дерева. Связавъ ихъ одинъ поперегъ другого, и прикрѣпивъ ихъ къ концу веревки, мы опустили это сооруженіе въ каюту, и волочили его туда и сюда, въ надеждѣ, что мы такимъ образомъ зацѣпимъ что-нибудь, что могло бы быть пригодно для ѣды, или по крайней мѣрѣ могло бы помочь намъ раздобыть ее. Мы провели въ этой работѣ большую часть утра безъ всякаго успѣха, ничего не выловивъ кромѣ нѣсколькихъ одѣялъ, за которыя гвозди легко уцѣплялись. На самомъ дѣлѣ, сооруженіе наше было слишкомъ неуклюже, чтобы можно было предвидѣть какой-либо большій успѣхъ.

Мы направили теперь наши усилія на бакъ, но равно напрасно, и были уже готовы отчаяться, какъ Питерсъ предложилъ, чтобы мы закрѣпили веревку вокругъ его тѣла и дали ему возможность попытаться раздобыть что-нибудь, нырнувши въ каюту. Мы привѣтствовали это предложеніе со всѣмъ тѣмъ восторгомъ, какой могла внушить

оживающая надежда. Онъ немедленно началъ раздѣваться, и снялъ съ себя все, кромѣ панталонъ; надежная веревка была тщательно закрѣплена вокругъ его поясицы, и протянута потомъ поверхъ плечей такимъ образомъ, чтобы она не могла соскользнуть. Предпріятіе было чрезвычайно трудно и опасно, ибо мы врядъ ли могли надѣяться много найти въ самой каютѣ, если тамъ была какая-нибудь провизія, и было необходимо, чтобы ныряльщикъ, послѣ того какъ онъ опустится внизъ, сдѣлалъ поворотъ направо, и прошелъ подъ водой, на разстояніе десяти-двѣнадцати футовъ, въ узкомъ проходѣ, къ кладовой, и затѣмъ вернулся, не переводя дыханія.

Когда все было готово, Питерсъ спустился въ каюту, сойдя внизъ по лѣстницѣ до тѣхъ поръ, пока вода не дошла ему до подбородка. Послѣ этого онъ нырнулъ, внизъ головой, повернулъ, ныряя, направо, и попытался пробраться къ кладовой. Первая его попытка, однако была совершенно неудачна. Менѣе чѣмъ черезъ полъ-минуты послѣ того какъ онъ спустился внизъ, мы почувствовали, что веревка сильно дергается (условный сигналъ, указывавшій, что онъ хочетъ быть поднятымъ вверхъ). Соответственно съ этимъ, мы тотчасъ же потянули веревку, но такъ неосторожно что очень ушибли его о лѣстницу. Онъ не принесъ съ собой ничего, и не былъ въ состояніи проникнуть болѣе чѣмъ въ очень незначительную часть прохода, благодаря тому, что ему оказалось необходимымъ дѣлать постоянныя усилія, чтобы не всплывать вверхъ къ палубѣ. Когда онъ выбрался наверхъ, онъ былъ очень обезсиленъ и долженъ былъ отдыхать цѣлые четверть часа, прежде чѣмъ смогъ отважиться спуститься опять.

Вторая попытка была еще менѣе удачной, ибо онъ оставался такъ долго подъ водой, не подавая сигнала, что, встревожившись о немъ, мы потянули его, не дожидаясь знака, и увидѣли, что онъ былъ почти при послѣднемъ издыханіи—какъ онъ говорилъ, онъ нѣсколько разъ дергалъ

веревкой, но мы этого не чувствовали. Это случилось, вѣроятно, потому, что часть веревки запуталась за перила внизу лѣстницы. Перила эти, на самомъ дѣлѣ, были такой помѣхой, что мы рѣшились, если возможно, удалить ихъ, прежде чѣмъ продолжать осуществленіе нашего замысла. Такъ какъ у насъ не было никакихъ средствъ раздѣлаться съ ними, кромѣ какъ примѣняя нашу силу, мы всѣ сошли въ воду возможно дальше по лѣстницѣ, и, послѣ того какъ соединенными силами потянули ихъ, намъ удалось ихъ сломать.

Третья попытка была такъ же неудачна, какъ и двѣ первыя, и теперь сдѣлалось очевиднымъ, что такимъ способомъ ничего не можетъ быть оборудовано безъ помощи какой-нибудь тяжести, которая могла бы сдѣлать ныряльщика стойкимъ, и держать его на полу каюты, въ то время какъ онъ будетъ дѣлать розыски.

Долгое время мы напрасно высматривали чего-нибудь, что могло бы отвѣтить такой задачѣ, но наконецъ, къ великой нашей радости, открыли, что одна изъ переднихъ буревыхъ цѣпей настолько распаталась, что намъ не представилось ни малѣйшей трудности вырвать ее. Прикрѣпивъ ее хорошенько къ одной изъ своихъ щиколокъ, Питерсъ спустился теперь въ каюту въ четвертый разъ, и на этотъ разъ ему удалось пробраться до двери кладовой. Къ невыразимой своей скорби, однако, онъ нашелъ ее замкнутой на ключъ, и вынужденъ былъ вернуться не войдя въ нее, ибо, при самомъ большомъ напряженіи онъ не могъ оставаться подъ водой, доходя до крайности, болѣе чѣмъ одну минуту. Положеніе наше представлялось теперь воистину мрачнымъ, и ни Августъ, ни я, мы не могли удержаться, чтобы не разразиться слезами, когда мы подумали о цѣломъ полчищѣ затрудненій, окружавшихъ насъ, и о маломъ вѣроятіи нашего окончательнаго спасенія. Но эта слабость не была длительной. Бросившись на колѣни, мы обратились къ Богу, умоляя его о помощи

въ этихъ многихъ опасностяхъ, осаждающихъ насъ, и встали съ обновленной надеждой и силой, чтобы подумать, что можетъ быть еще сдѣлано въ предѣлахъ чисто-смертныхъ возможностей для достиженія нашего освобожденія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вскорѣ послѣ этого случилось нѣкоторое событіе, на которое я склоненъ смотрѣть какъ на способное внушить самое напряженное волненіе, столь преисполненное крайностью сначала восторга и потомъ ужаса, что оно превосходить силой впечатлѣнія даже любой изъ тысячи случаевъ, каковыя приключились со мной за девять долгихъ лѣтъ, наполненныхъ происшествіями самаго поразительнаго, и, во многихъ случаяхъ, самаго непостижнаго и непостижимаго характера. Мы лежали на палубѣ, около лѣстницы къ главной каютѣ, и обсуждали возможности, какъ бы намъ все-таки проложить путь къ кладовой, какъ вдругъ, глянувъ на Августа, который лежалъ лицомъ ко мнѣ, я увидалъ, что въ одно мгновеніе онъ смертельно поблѣднѣлъ, и что губы его дрожатъ самымъ страннымъ и необъяснимымъ образомъ. Сильно встревоженный, я заговорилъ съ нимъ, но онъ ничего не отвѣтилъ, и я началъ думать, что его внезапно захватило нездоровье, какъ замѣтилъ въ эту минуту, что глаза его пристально устремлены повидимости на какой-то предметъ находившійся сзади меня. Я повернулъ голову, и никогда въ жизни не забуду ту изступленную радость, которая затрепетала въ каждой частицѣ моего тѣла, когда я увидѣлъ, что на насъ плыветъ большой бригъ, не дальше чѣмъ въ двухъ отъ насъ миляхъ. Я такъ вскочилъ, какъ если бы пуля изъ мушкета внезапно пронзила мое сердце; и простирая руки по направленію къ кораблю, стоялъ такимъ образомъ, недвижимый, и будучи не въ состояніи произ-

нести ни одного звука. Питерсъ и Паркеръ равнымъ образомъ были свзволнованы хотя по разному. Первый заплясалъ по палубѣ какъ сумашедшій, произнося самый необычайный вздоръ, перемѣшанный съ воплями и проклятіями, въ то время какъ другой разразился слезами, и нѣсколько минутъ продолжалъ плакать какъ дитя.

Судно представшее передъ нами было большимъ двучастнымъ бригамъ, Голландской стройки, оно было выкрашено въ черный цвѣтъ съ мишурно раззолоченной фигурой головой, на носовой части. Корабль этотъ очевидно видѣлъ и вѣдалъ непогоду, и мы предположили, что онъ сильно пострадалъ отъ бури, которая оказалась столь злополучной для насъ самихъ, ибо верхушка передней мачты у него была обломана, а равно и нѣкоторыя изъ укрѣпленій съ правой стороны. Когда мы впервые его увидѣли, онъ былъ, какъ я уже сказалъ, на разстояніи около двухъ миль отъ насъ, и подъ вѣтромъ, идя прямо на насъ. Вѣтерокъ былъ очень легкій, и что насъ главнымъ образомъ удивило, это, что на немъ не было натянуто никакихъ другихъ парусовъ кромѣ передняго паруса и главнаго паруса съ развѣвающимся кливеромъ,—треугольный парусъ спереди. Онъ подходилъ конечно очень медленно, и наше нетерпѣніе возростало до безумія. То, что онъ шель неуклюже, было также замѣчено всѣми нами, даже при нашей возбужденности. Онъ такъ сильно рыскалъ, что раза два мы сочли невозможнымъ, что онъ видѣлъ насъ, или, мы воображали, что, увидѣвъ насъ, и не замѣтивъ никого на бортѣ, онъ готовился повернуть въ другую сторону и держать путь въ иномъ направленіи. При каждомъ такомъ случаѣ мы пронзительно кричали и вопили во все горло, невѣдомый корабль на мгновеніе, казалось, мѣнялъ свое намѣреніе, и снова направлялъ къ намъ путь—это странное поведеніе повторялось и два и три раза, такъ что, наконецъ, мы

ничего иного не могли подумать, какъ того, что рулевой вѣрно пьянъ.

Ни одного человѣка не видѣлось на палубѣ корабля, до того какъ онъ подошелъ приблизительно на четверть мили отъ насъ. Тогда мы увидѣли троихъ моряковъ, которыхъ по ихъ одѣянiю мы приняли за Голландцевъ. Двое изъ нихъ лежали на какихъ-то старыхъ парусахъ около возвышенiя на передней части судна, а третiй, который повидимому смотрѣлъ на насъ съ большимъ любопытствомъ, опирался о корабельную скулу съ правой стороны около самаго передняго выступа. Этотъ послѣднiй былъ человѣкъ дюжiй и рослый, съ очень темной кожей. Онъ, какъ казалось, по своему ободрялъ насъ, убѣждая имѣть терпѣнiе, кивалъ намъ головой самымъ веселымъ, хотя скорѣе страннымъ, образомъ, и непрерывно улыбался, словно затѣмъ, чтобы выставить наружу рядъ блистательно бѣлыхъ зубовъ. Когда его корабль подошелъ ближе, мы увидали, что красная фланелевая шапка, которая на немъ была надѣта, упала съ его головы въ воду, но онъ мало былъ этимъ озабоченъ, или вовсе на это не обратилъ вниманiя, а все продолжалъ свои странныя улыбки и жестыкуляци. Я рассказываю обо всемъ этомъ обстоятельно и подробно, и, нужно понять, рассказываю все въ точности такъ, какъ это *являлось* намъ.

Бригъ подходилъ медленно, и теперь болѣе стойко, чѣмъ прежде, и—я не могу спокойно говорить объ этомъ происшествiи—сердца наши безумно прыгали въ насъ, и мы изливали наши души цѣликомъ въ возгласахъ и возблагодаренiяхъ къ Богу за полное, неожиданное, и блистательное спасенiе, которое было такъ ощутительно. Вдругъ, совершенно внезапно, надъ океаномъ отъ страннаго корабля (который былъ теперь совсѣмъ близко отъ насъ) повѣялъ запахъ, дохнула вонь, такая, для которой въ цѣломъ мiрѣ нѣтъ имени—ни даже понятiя—смрадь адскiй—предѣльно душливый—нестерпимый, невообрази-

мый. Я раскрылъ ротъ, задыхаясь, и, обернувшись къ моимъ товарищамъ, увидѣлъ, что они блѣднѣе мрамора. Но у насъ не оставалось времени для вопросовъ или догадокъ—бригъ былъ въ пятидесяти шагахъ отъ насъ, и казалось намъ брѣвался набѣжать подъ нашъ подзоръ, чтобы мы могли взойти на его бортъ не предоставляя ему надобности спускать лодку. Мы ринулись на заднюю часть нашего судна, какъ вдругъ этотъ корабль рыскнулъ на большое разстояніе, и его отшвырнуло на полныхъ пяти или шесть градусовъ отъ направленія, въ которомъ онъ плылъ; онъ прошелъ подъ нашею кормой на разстояніи приблизительно двадцати футовъ, и пространство его палубъ явилось намъ сполна. Забуду ли я когда тройной ужасъ этого зрѣлища? Двадцать пять или тридцать человѣческихъ тѣлъ, среди нихъ было нѣсколько женскихъ, лежали тамъ и сямъ разбросанныя между подзоромъ и кухней, въ послѣднемъ и самомъ отвратительномъ состояніи разложенія. Мы явственно видѣли, что ни одной живой души не было на этомъ, судьбой отмѣченномъ, кораблѣ. И все же мы не могли не кричать, взывая къ мертвымъ о помощи! Да, долго и громко молили мы, въ пыткѣ мгновенья, чтобы эти молчалие и отвратные лики остановились для насъ, не покидали бы насъ, предоставили намъ сдѣлаться подобными же, приняли бы насъ въ свое счастливое сообщество! Мы изступленничали, качая въ душѣ своей ужасъ и отчаяніе—сумасшедшіе, умалишенные, побѣжденные нашей тоской отъ прискорбнаго разочарованія.

Когда первый громкій пронзительный вопль страха вырвался у насъ, что-то отвѣтило намъ съ передняго выступа судна, столь подобное вскрику человѣческаго голоса, что самое чуткое ухо, поразившись, обманулось бы. Въ это мгновеніе другой внезапный скачекъ, и рыскнувшій бригъ цѣликомъ явилъ намъ на мигъ область передней своей части съ ея возвышеніемъ, и мы тотчасъ увидѣли, откуда исходилъ звукъ:

Мы увидали рослую дюжую фигуру, все продолжавшую прислоняться къ оплоту, и все еще кивавшую своею головою туда и сюда, но лицо этого человѣка было теперь отвращено отъ насъ такъ, что мы не могли его видѣть. Руки были протянуты надъ перилами, ладони рукъ упали во внѣ. Колѣни его опирались о толстый канатъ, туго натянутый, и достягавшій отъ задняго конца бушприта до крамбола. На спинѣ его, съ которой часть рубашки была сорвана, такъ что она была обнаженной, сидѣла огромная океанская чайка, посиѣшно клюя и глотая эту ужасающую плоть, ея клювъ и когти были глубоко запрятаны туда, а бѣлыя ея перья были сплошь обрызганы кровью. Когда бригъ медленно продвинулся дальше кругомъ, такъ что мы въ тѣсной предстали близости, птица съ большою видимою трудностью высвободила алую свою голову, и, осмотрѣвъ насъ, какъ бы изумленная, лѣниво поднялась съ тѣла, на которомъ она пировала, и пролетѣла прямо надъ нашею палубой, надъ которой она парила съ минутою, держа въ своемъ клювѣ что-то какъ печень темно-красное, какой-то кровавый сгустокъ. Ужасающій кусокъ упалъ, наконецъ, зловѣще сбрызнувъ какъ разъ у ногъ Паркера. Да простить мнѣ Богъ, но теперь, въ первый разъ, въ умѣ моемъ молніей вспыхнула мысль, мысль, о которой я не упомяну, и я почувствовалъ, что я шагнулъ къ окровавленному мѣсту. Я глянулъ вверхъ, и глаза Августа повстрѣчали мои съ такимъ напряженнымъ горящимъ выраженіемъ, что разумъ мой мгновенно вернулся ко мнѣ. Я быстро прыгнулъ впередъ, и съ глубокимъ трепетомъ швырнулъ это ужасающее нѣчто въ море.

Тѣло, изъ котораго былъ вырванъ тотъ кусокъ, покоясь на канатѣ, качалось легко назадъ и впередъ подъ усиліями хищной птицы, и это-то движеніе сначала внушило намъ впечатлѣніе, что существо это было живое. Когда чайка освободила его отъ своей тяжести, оно ко-

лыхнулось кругомъ, и частью запало впередъ, такъ что лицо предстало цѣликомъ. Никогда, вѣрнѣе, не было какого-либо предмета столь страшно преисполненнаго ужасомъ! Глазъ на немъ не было, вся плоть вокругъ рта была съѣдена, и зубы были совершенно наги. Такъ это-то была улыбка, которой онъ насъ привѣтствовалъ, приглашая надѣяться! такъ это-то — но я умолкаю. Бригъ, какъ я уже сказалъ, прошелъ подъ нашей кормой, и медленно, но стойко, направился къ подвѣтренной сторонѣ. Съ нимъ и со страшнымъ его экипажемъ ушли всѣ наши свѣтлыя видѣнія спасенія и радости. Онъ уходилъ медленно, и мы могли бы найти средство пристать къ нему, если бы не наше мгновенное разочарованіе и не устрашающее свойство открытія, его сопровождавшее—и тѣмъ и другимъ мы были какъ бы повержены ницъ, и на время лишились всякой дѣйственности духа и тѣла. Мы видѣли и чувствовали, но мы не могли ни думать, ни дѣйствовать, пока не было, увы, слишкомъ поздно. Насколько разумъ былъ въ насъ ослабленъ этимъ событіемъ, можетъ быть оцѣнено по тому обстоятельству, что, когда судно отошло такъ далеко, что мы могли видѣть лишь наполовину его остовъ, среди насъ совсѣмъ серьезно поддерживалось предложеніе перехватить корабль, достигши его впасть.

Тщетно пытался я съ тѣхъ поръ найти какой-нибудь ключъ къ чудовищной недостовѣрности, которой въ своемъ роцѣ былъ окутанъ этотъ чуждый гость. Стройка и общій ликъ корабля, какъ я раньше сказалъ, заставили насъ думать, что это было Голландское купеческое судно, и одежда на матросахъ подкрѣпляла такое предположеніе. Мы могли бы легко рассмотреть имя на его кормѣ, и, конечно, сдѣлать еще другія наблюденія, которыя помогли бы намъ опредѣлить его характеръ, но напряженное возбужденіе мгновенно ослѣпило насъ для чего бы то ни было въ этомъ родѣ. По шафранно-желтому цвѣту тѣхъ изъ тѣлъ, что

еще не были въ полномъ разложеніи, мы заключили, что все сообщество погибло отъ желтой лихорадки, или отъ какого-либо другого ядовитаго недуга того же самаго страшнаго разряда. Если таковъ былъ случай (а я не знаю, что другое можно вообразить), смерть, судя по положенію тѣлъ, должна была придти на нихъ способомъ ужасающе-внезапнымъ и захватывающимъ, путемъ совершенно отличнымъ отъ тѣхъ, что вообще опредѣлительны даже для самыхъ смертельныхъ повѣтрій, съ которыми знакомо человѣчество. Возможно, на самомъ дѣлѣ, что ядъ случайно введенный въ какой-нибудь изъ ихъ морскихъ запасовъ могъ вызвать злополучіе; или что рыбы они поѣли какой-то невѣдомой, породы отравной, или другого какого морского животнаго, или птицы океанской— но что говорить? Совсѣмъ бесполезно гадать и строить догадки, тамъ гдѣ все окутано, и будетъ, безъ сомнѣнія, навсегда окутано, самой страшной и неизслѣдимой тайной.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мы провели остатокъ дня въ состояніи летаргическаго оцѣпенѣнія, пристально смотря за удаляющимся кораблемъ, пока темнота, скрывъ его отъ нашихъ глазъ, до нѣкоторой степени не привела насъ въ чувство. Муки голода и жажды возвратились тогда, поглотивъ всѣ другія заботы и помыслы. Ничто, однако, не могло быть предпринято до утра, и, помогая другъ другу какъ могли, мы постарались хоть немного отдохнуть. Это удалось мнѣ вопреки моимъ ожиданіямъ. Я спалъ, пока мои товарищи, которые не были столь счастливы, не подняли меня на разсвѣтѣ, чтобы возобновить наши попытки достать провизію изъ кузова судна.

Теперь была мертвая тишь, море было такое гладкое, какимъ я его никогда не видалъ—погода была теплая,

пріятная. Брегъ скрылся изъ виду. Мы принялись за осуществленіе нашей мысли, съ нѣкоторымъ трудомъ вырвали другую цѣпь и привязали обѣ Питерсу къ ногамъ. Онъ сдѣлалъ вторичную попытку достигъ двери въ кладовую, думая, что сможетъ взломать ее, если у него будетъ достаточно времени; и это онъ надѣялся сдѣлать, ибо кузовъ былъ гораздо болѣе стойкимъ, чѣмъ раньше.

Ему удалось очень скоро достигнуть двери; тутъ, отвязавъ отъ щиколокъ одну изъ цѣпей, онъ съ помощью ея сталъ пытаться проложить путь, но безуспѣшно, ибо срубъ комнаты былъ гораздо крѣпче, нежели можно было предвидѣть. Онъ былъ совершенно истомленъ своимъ продолжительнымъ пребываніемъ подъ водой, и было безусловно необходимо, чтобы кто-либо другой изъ насъ замѣнилъ его. Паркеръ тотчасъ согласился это сдѣлать, но послѣ трехъ безуспѣшныхъ попытокъ увидѣлъ, что ему не удастся даже достигъ до двери. Состояніе раненой руки Августа дѣлало его неспособнымъ къ попыткѣ спуститься внизъ, такъ какъ онъ былъ бы не въ силахъ взломать дверь въ комнату, если бы даже достигъ ея, и, согласно этому, теперь досталось мнѣ напрячь всѣ силы для нашего общаго спасенія.

Питерсъ оставилъ одну изъ цѣпей въ проходѣ, и я, нырнувъ туда, замѣтилъ, что у меня недостаточно балласта, чтобы держаться крѣпко, стоя. Я рѣшилъ поэтому при первой моей попыткѣ не стараться достигъ чего-либо особаго, кромѣ какъ отыскать другую цѣпь. Ощупывая полъ прохода, я почувствовалъ что-то твердое, что я тотчасъ захватилъ, не имѣя времени удостовѣриться въ томъ, что это было, и тотчасъ же вынырнулъ на поверхность. Добыча оказалась бутылкой, и радость нашу можно представить, если я скажу, что это была полная бутылка портвейна. Возблагодаривъ Бога за такую своевременную и радостную помощь, мы немедленно вытащили пробку моимъ карманнымъ ножомъ, и каждый, сдѣлавъ по не-

большому глотку, почувствовалъ самое неописуемое благосостояніе теплоты, силы, и оживленія. Потомъ мы осторожно закуперили бутылку, и съ помощью носового платка повѣсили ее такъ, чтобы она не могла разбиться.

Пробывъ нѣкоторое время послѣ этой счастливой находки наверху, я спустился вторично, и теперь нашелъ цѣпь, съ которой тотчасъ поднялся кверху. Тутъ я прикрѣпилъ ее и спустился внизъ въ третій разъ, и тогда я вполне убѣдился, что, не смотря ни на какія усилія, мнѣ не удастся выломать дверь кладовой. Итакъ, я съ отчаяніемъ вернулся назадъ.

Повидимому, не оставалось болѣе никакой надежды, и я могъ замѣтить по лицамъ моихъ товарищей, что они пріготовились погибнуть. Вино очевидно вызвало въ нихъ родъ бреда, котораго можетъ быть я избѣгнулъ тѣмъ, что погрузился въ воду, послѣ того какъ испилъ вина. Они говорили несвязно, и о вещахъ не имѣвшихъ отношенія къ нашему положенію. Питерсъ повторно задавалъ мнѣ вопросы о Нантукетѣ. Августъ, также, помню, подошелъ ко мнѣ съ серьезнымъ видомъ, и попросилъ меня одолжить ему карманную гребенку, ибо волосы у него были полны рыбьей чешуи, и онъ хотѣлъ удалить ее, прежде чѣмъ вступить на берегъ. Паркеръ показался мнѣ менѣе возбужденнымъ, и поощрялъ меня нырнуть наудачу еще разъ въ каюту, и принести наверхъ что-нибудь, что попадется мнѣ подъ руку. Я согласился на это, и при первой попыткѣ, оставаясь внизу добрую минуту, принесъ маленькій чемоданъ, принадлежавшій капитану Барнарду. Онъ былъ тотчасъ открытъ, въ робкой надеждѣ, что онъ можетъ заключать въ себѣ что-нибудь, что можно съѣсть или выпить. Мы не нашли ничего, однако, кромѣ ящика съ бритвами и двухъ полотняныхъ рубашекъ. Тогда я еще разъ спустился внизъ, и возвратился безъ всякаго успѣха. Когда голова моя была надъ водой, я услышалъ на палубѣ трескъ, и выйдя изъ воды уви-

дѣль, что товарищи мои неблагодарно воспользовались моимъ отсутствіемъ, чтобы выпить остатокъ вина, и уронили бутылку, стараясь приспособить ее на мѣсто, прежде нежели я ее увижу. Я сталъ упрекать ихъ въ безсердечіи, и тутъ Августъ разразился слезами. Другіе двое пытались хохотать, обративъ все въ шутку, но я надѣюсь, что никогда больше не услышу и не увижу подобнаго хохота: искаженіе ихъ лицъ было по-истинѣ ужасоушимъ. Конечно, было очевидно, что возбуждательное при состояніи пустоты ихъ желудковъ имѣло мгновенное и сильное воздѣйствіе, и что они всѣ были чрезвычайно пьяны. Съ большимъ трудомъ я убѣдилъ ихъ лечь, и они очень скоро погрузились въ тяжелый сонъ, сопровождавшійся громкимъ храпомъ.

Теперь я, какъ будто, былъ одинъ на бригѣ, и мои размышленія по-истинѣ были самага ужаснаго и мрачнаго характера. Никакой возможности не представлялось моему взгляду кромѣ медленной смерти отъ голода, или, въ лучшемъ случаѣ, отъ того, что мы были бы затоплены съ наступленіемъ первой бури, которая могла налетѣть, ибо при нашемъ настоящемъ состояніи истомленья мы не могли питать надежды, что переживемъ бурю еще разъ.

Грызущій голодь, который я теперь испытывалъ, былъ почти нестерпимъ, и я чувствовалъ себя способнымъ дойти до любой крайности, чтобы утолить его. Я отрѣзалъ своимъ ножомъ маленькій кусокъ отъ кожанаго чемодана, и попытался ѣсть его, но нашелъ совершенно невозможнымъ проглотить хоть одинъ единственный кусочекъ, хотя мнѣ казалось, что получалось какое-то небольшое облегченіе страданій, когда я жевалъ маленькіе кусочки и выплевывалъ ихъ. Къ вечеру товарищи мои проснулись одинъ за другимъ, каждый въ неописуемомъ состояніи слабости и ужаса, вызваннаго виномъ, пары котораго теперь улетучились. Они тряслись какъ въ сильной перемежающейся лихорадкѣ, и издавали самые жалобные вопли о водѣ.

Ихъ состояніе волновало меня въ великой степени, въ то же время заставляя меня радоваться на счастливое состояніе обстоятельствъ, помѣшавшихъ мнѣ усладиться виномъ, и слѣдовательно раздѣлить ихъ меланхолію и самыя смутительныя ощущенія. Ихъ поведеніе, однако исполняло меня большой тревогой и озабоченностью, ибо было очевидно, что, если не настанетъ какая-либо благоприятная переменѣна, они не смогутъ оказывать мнѣ помощи въ заботахъ о нашемъ общемъ благополучіи. Я еще не оставилъ мысли, что смогу достать что-нибудь снизу, но попытку эту невозможно было выполнить до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ нихъ достаточно не овладѣлъ бы собою, дабы помочь мнѣ, держа конецъ веревки, когда я буду спускаться внизъ. Паркеръ, повидимому, пришелъ въ себя болѣе чѣмъ другіе, и я попытался всевозможными средствами подбодрить его. Думая, что погруженіе въ морскую воду можетъ имѣть благоприятное воздѣйствіе, я ухитрился закрѣпить конецъ веревки вокругъ его тѣла, и потомъ, приведя его къ лѣстницѣ около каюты (онъ былъ совершенно покорнымъ все это время), столкнулъ его туда, и тотчасъ вытащилъ назадъ. Я имѣлъ основаніе поздравить себя съ тѣмъ, что сдѣлалъ этотъ опытъ, ибо Паркеръ, казалось, немного ожилъ и окрѣпъ, и, выйдя изъ воды, спросилъ меня осмысленно, почему я такъ поступилъ съ нимъ. Когда я объяснилъ ему мою цѣль, онъ выразилъ мнѣ признательность, и сказалъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше послѣ купанья, потомъ онъ здраво заговорилъ о нашемъ положеніи. Мы рѣшили тогда поступить тѣмъ же способомъ съ Августомъ и Питерсомъ, что мы и сдѣлали тотчасъ же, и они оба испытали большую пользу отъ этого потрясенія. Мысль эта о внезапномъ погруженіи въ воду была внушена мнѣ чтеніемъ нѣкоторыхъ медицинскихъ книгъ, гдѣ говорилось о хорошемъ дѣйствіи душа въ тѣхъ случаяхъ, когда больной страдалъ запоемъ.

Думая, что я могу теперь довѣрить моимъ товарищамъ держать конецъ веревки, я сдѣлалъ еще три, четыре нырка въ каюту, хотя было уже совершенно темно, и легкое, но длительное волненіе съ сѣверной стороны дѣлало корпусъ корабля шаткимъ. Во время этихъ попытокъ мнѣ удалось раздобыть два поварскіе ножа, пустую кружку въ три галлона, и одѣяло, но ничего, что могло бы служить намъ пищей. Я продолжалъ свои старанія и послѣ того какъ досталъ всѣ эти вещи, пока не истомился совершенно, но не принесъ больше ничего. Впродолженіи ночи Паркеръ и Питерсъ попеременно заигмались тѣмъ же, но имъ ничего не попадалось подъ руку, и мы прекратили старанія, въ отчаяніи, заключивъ, что истощаемъ себя напрасно.

Остатокъ ночи мы провели въ состояніи самой напряженной умственной и тѣлесной тревоги, какую только можно себѣ представить. Утро шестнадцатаго наконецъ забрезжило, и мы пожирали глазами горизонтъ въ жаднѣ помощи, но напрасно. Море продолжало быть гладкимъ, только съ длительной зыбью съ Сѣвера, какъ и вчера. Это былъ шестой день, съ тѣхъ поръ какъ мы не дотрогивались ни до пищи, ни до питья, за исключеніемъ портвейна, и было ясно, что мы сможемъ выдержать лишь немного долѣе, развѣ только что намъ удастся что-нибудь достать. Я никогда не видалъ, и не хотѣлъ бы увидѣть еще разъ, людей столь изнуренныхъ какъ Питерсъ и Августъ. Если бы я встрѣтилъ ихъ на берегу въ ихъ теперешнемъ состояніи, я не могъ бы имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія, что я когда-либо ихъ видѣлъ. Ихъ внѣшность была совершенно измѣнена въ своемъ характерѣ, такъ что я не могъ убѣдить себя, что это дѣйствительно тѣ же самые люди, съ которыми я былъ вмѣстѣ лишь нѣсколько дней тому назадъ. Паркеръ, хотя и прискорбно исхудавшій, и до того слабый, что не могъ поднять головы съ груди, все же не зашелъ столь далеко, какъ эти двое. Онъ страдалъ съ большимъ терпѣніемъ,

не жалуясь, и стараясь вдохновить насъ надеждой, всяческими способами, какіе только онъ могъ измыслить. Что касается меня, то, хотя въ началѣ путешествія я находился въ дурныхъ условіяхъ, и былъ всегда слабого тѣлосложенія, я страдалъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ насъ, гораздо менѣе похудѣлъ, и въ поразительной степени сохранялъ присутствіе духа, межъ тѣмъ какъ остальные были въ полной умственной изнеможенности, и, казалось, какъ бы впади въ нѣкотораго рода вторичное дѣтство. Они обыкновенно идиотски подмигивали, говоря что-нибудь, а говорили они самыя нелѣпыя плоскости. Въ нѣкоторые перерывы, однако, они, казалось, внезапно воскресали, какъ бы вдохновленные сознаниемъ своего положенія, тогда они вскакивали на ноги съ внезапной вспышкой силы, и говорили нѣкоторое время о своихъ чаяніяхъ вполне разумнымъ образомъ, хотя съ самымъ напряженнымъ отчаяніемъ. Возможно, однако, что мои товарищи имѣли то же самое мнѣніе о своемъ собственномъ поведеніи, какъ я о моемъ, и что я могъ быть невольно повиненъ въ тѣхъ же причудахъ и тупоуміи, какъ и они сами—это обстоятельство не можетъ быть определено.

Около полудня Паркеръ объявилъ, что онъ видитъ землю съ лѣвой кормовой стороны судна, и только съ величайшей трудностью я могъ удержать его отъ прыжка въ море, ибо онъ намѣревался доплыть до нея. Питерсъ и Августъ мало обращали вниманія на то, что онъ говорилъ, погруженные, повидимому, въ своенравное свое созерцаніе. Смотри въ указанномъ направленіи, я не могъ различить ни малѣйшаго подобія берега—конечно, было слишкомъ ясно, что мы находились далеко отъ какой-либо земли, чтобы льстить себя надеждой такого рода. Тѣмъ не менѣе потребовалось много времени, прежде нежели я смогъ убѣдить Паркера, что онъ ошибается. Онъ залился тогда слезами, плача какъ дитя съ гром-

кими вскриками и рыданіями, впродолженіи двухъ-трехъ часовъ, послѣ чего, истомившись, онъ уснулъ.

Питерсъ и Августъ дѣлали теперь напрасныя усилія глотать куски кожи. Я посовѣтовалъ имъ жевать ихъ и выплевывать; но они были слишкомъ расслаблены, чтобы быть способными послѣдовать моему совѣту. Я продолжалъ время отъ времени жевать кусочки, и дѣлая это находилъ нѣкоторое облегченіе; мои главныя страданія проистекали отъ жажды, и хлебнуть изъ моря мѣшало лишь воспоминаніе объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, испытанныхъ другими, находившимися въ подобномъ же положеніи.

День проходилъ такимъ образомъ, какъ вдругъ я увидѣлъ парусъ на Востокѣ съ лѣвой стороны корабля спереди. Казалось, это было большое судно, которое шло приблизительно на перерѣзъ къ намъ, на разстояніи, вѣроятно, двѣнадцати-пятнадцати миль. Ни одинъ изъ моихъ товарищей до сихъ поръ не видѣлъ его, и я воздерживался сказать имъ о немъ до поры до времени, чтобы еще разъ намъ не отчаяться въ спасеніи. Наконецъ, когда корабль приблизился, я совершенно ясно увидѣлъ, что онъ держалъ путь прямо на насъ, съ легкими своими парусами, надутыми вѣтромъ. Теперь я не могъ дольше сдерживать себя и указалъ на него моимъ товарищамъ по несчастью. Они мгновенно вскочили на ноги, и опять предались самымъ необычайнымъ изъясненіямъ радости, плакали, смѣялись по-идіотски, прыгали, топали по палубѣ, рвали на себѣ волосы, молились и проклинали попеременно. Я такъ былъ взволнованъ ихъ поведеніемъ, а равно и тѣмъ, что я считалъ вѣрнымъ чаяніемъ спасенія, что не могъ удержаться, дабы не присоединиться къ ихъ безумію, и далъ полный просторъ взрывамъ благодарности и изступленію, валяясь и катаясь по палубѣ, хлопая въ ладоши, крича и дѣлая другія подобныя вещи, пока наконецъ внезапно не опомнился, и еще разъ къ величай-

шему злополучію и отчаянію, какое возможно для человека, не увидѣлъ, что корабль весь сразу, своею кормой, предсталъ цѣликомъ передъ нами, и плылъ въ направленіи почти противоположномъ тому, въ какомъ я замѣтилъ его впервые.

Мнѣ нужно было нѣкоторое время, прежде чѣмъ я смогъ убѣдить моихъ бѣдныхъ товарищей повѣрить, что такая прискорбная превратность нашихъ чаяній совершилась. На всѣ мои утверждения они отвѣчали изумленнымъ взглядомъ, и жестами, подразумевавшими, что они не были введены въ заблужденіе моимъ ложнымъ толкованіемъ. Поведеніе Августа самымъ чувствительнымъ образомъ подѣйствовало на меня. Несмотря на все то, что я могъ сказать и сдѣлать напротивъ, онъ настойчиво говорилъ, что корабль быстро приближался къ намъ, и дѣлалъ приготовленія, чтобы перейти на его бортъ. Морскія поросли плавали около брига, онъ утверждалъ, что это была лодка корабля, и пытался броситься туда, воя и крича, душу раздирающимъ образомъ, когда я насильно удержалъ его, чтобы онъ не бросился въ море.

Успокоившись до нѣкоторой степени, мы продолжали слѣдить за кораблемъ, пока, наконецъ, не потеряли его изъ виду совсѣмъ. Погода становилась мгlistой, поднимался легкій вѣтеръ. Какъ только корабль совсѣмъ скрылся, Паркеръ вдругъ обернулся ко мнѣ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, отъ котораго я содрогнулся. Было что-то въ немъ, указывавшее на самообладаніе, котораго я не замѣчалъ въ немъ до сихъ поръ, и, прежде нежели онъ открылъ ротъ, мое сердце подсказало мнѣ, что онъ хочетъ сказать. Онъ предложилъ мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, что одинъ изъ насъ долженъ умереть, чтобы сохранить жизнь другимъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ теченіи нѣкотораго времени я размышлялъ ранѣе о возможности того, что мы будемъ доведены до такой послѣдней ужасающей крайности, и въ тайнѣ рѣшился претерпѣть смерть, въ какой бы то ни было формѣ, или при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, скорѣе нежели прибѣгнуть къ такому средству. И это рѣшеніе нисколько не было ослаблено напряженностью голода, меня терзавшаго. Предложеніе это не было услышано ни Августомъ, ни Питерсомъ. Я отвелъ поэтому Паркера въ сторону; и, мысленно воззвавъ къ Богу, чтобы онъ далъ мнѣ силу отговорить его отъ ужаснаго намѣренія, которое онъ замыслилъ, я долгое время говорилъ съ укоризной и самымъ просящимъ образомъ, моля его во имя всего, что онъ считалъ святымъ, и убѣждая его всяческаго рода доводами, какіе только внушала крайность случая, оставить эту мысль, и не сообщать ее ни одному изъ двухъ другихъ.

Онъ слушалъ все, что я говорилъ, не пытаясь опровергнуть мои доводы, и я началъ надѣяться, что на него можно будетъ оказать давленіе и заставить его сдѣлать такъ, какъ я хотѣлъ. Но, когда я кончилъ, онъ сказалъ, что, какъ онъ очень хорошо знаетъ, все, что я говорю, вѣрно, и чтобы прибѣгнуть къ такому средству — это самый ужасающій выборъ, какой могъ возникнуть въ человѣческомъ умѣ; но что онъ терпѣлъ такъ долго, какъ только можетъ вынести человѣческая природа; что вовсе не было для всѣхъ необходимости погибать, если было возможно, и даже вѣроятно, черезъ смерть одного въ концѣ концовъ сохранить въ живыхъ остальныхъ; онъ прибавилъ, что я могъ не беспокоиться и не пытаться отговорить его отъ его намѣренія, ибо онъ на этотъ счетъ уже совершенно приготовился еще до появленія корабля, и

что лишь его возникновеніе у насъ на виду удержало его отъ упоминанія объ этомъ намѣреніи.

Я молилъ его теперь, если его нельзя было убѣдить оставить это намѣреніе, по крайней мѣрѣ отложить его до другого дня, когда какое-нибудь судно могло придти къ намъ на помощь, опять повторяя всяческіе доводы, какіе я могъ измыслить, и о которыхъ я думалъ, что они могутъ оказать вліяніе на человѣка съ столь грубымъ нравомъ. Онъ сказалъ въ отвѣтъ, что онъ не сталъ бы говорить до самаго крайняго возможнаго мгновенія; что онъ не можетъ больше существовать безъ какой-либо пищи; и что поэтому на другой день его предложеніе было бы слишкомъ запоздалымъ, по крайней мѣрѣ поскольку это касалось его.

Видя, что его ничто не трогаетъ, что бы я ни говорилъ въ кроткомъ тонѣ, я прибѣгъ къ совершенно иной ухваткѣ, и сообщилъ ему, что онъ долженъ былъ знать, что я менѣе другихъ страдалъ отъ нашихъ несчастій; что мое здоровье и сила, слѣдовательно, были въ это время гораздо лучше, чѣмъ у него самого, или чѣмъ у Питерса и Августа; однимъ словомъ, что я въ состояніи, если найду это необходимымъ, примѣнять свою силу; и что, если онъ попытается какимъ-нибудь способомъ сообщить другимъ о своихъ кровожадныхъ и людоедскихъ намѣреніяхъ, я не буду колебаться и брошу его въ море. Послѣ этого онъ мгновенно схватилъ меня за горло, и, вытащивъ ножъ, сдѣлалъ нѣсколько недѣйствительныхъ усилій вонзить его мнѣ въ животъ; злодѣйство, которое онъ не могъ совершить лишь благодаря своей крайней слабости. Въ то же время, дойдя до высшей степени гнѣва, я тѣснилъ его къ краю корабля, съ настоящимъ намѣреніемъ бросить его черезъ бортъ. Онъ былъ, однако, спасенъ отъ этого рока вмѣшательствомъ Питерса, который приблизился, и разъединилъ насъ, спрашивая о причинѣ ссоры. Паркеръ сказалъ объ этомъ, прежде нежели я могъ найти способъ какъ-нибудь помѣшать ему.

Дѣйствіе этихъ его словъ было еще ужаснѣе, чѣмъ я предполагалъ. Оба, Августъ, и Питерсъ, повидимому, долго таили ту же самую страшную мысль, которой Паркеръ лишь первый далъ ходъ, они присоединились къ нему въ его намѣреніи, и настаивали на немедленномъ его выполненіи. Я рассчитывалъ, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ двоихъ, обладая еще присутствіемъ духа, приметъ мою сторону, возставая противъ какихъ-либо попытокъ привести въ исполненіе этотъ ужасный замыселъ; а при помощи кого-либо одного изъ нихъ я не опасался, что буду способенъ предупредить выполненіе этого намѣренія. Такъ какъ я былъ разочарованъ въ этомъ ожиданіи, сдѣлалось безусловно необходимымъ, чтобы я самъ позаботился о своей собственной безопасности, ибо дальнѣйшее сопротивленіе съ моей стороны, возможно, стало бы разсматриваться матросами, въ ихъ теперешнемъ страшномъ положеніи, достаточнымъ извиненіемъ, чтобы отказать мнѣ сыграть благопріятную роль въ трагедіи, которая, какъ я зналъ, быстро разыграется.

Я сказалъ имъ тогда, что я охотно подчинюсь предложенію, и лишь прошу часа отсрочки, дабы туманъ, собравшійся вокругъ насъ, имѣлъ возможность разсѣяться, и тогда было бы возможно, что корабль, который мы видѣли, опять показался бы. Послѣ большого затрудненія я получилъ отъ нихъ обѣщаніе подождать часъ; и, какъ я предвидѣлъ, благодаря быстро подходящему свѣжему вѣтру, туманъ разсѣялся до истеченія часа, но, такъ какъ никакого судна не показалось, мы приготовились вынимать жребій.

Я съ крайнимъ отвращеніемъ останавливаюсь на послѣдовавшей затѣмъ ужасающей сценѣ; сценѣ, которую, со всѣми ея мельчайшими подробностями, никакія послѣдующія событія не способны были изгладить ни въ малѣйшей степени изъ моей памяти, и мрачныя воспоминанія о которой будутъ отравлять каждое будущее мгновеніе моего суще-

ствования. Да позволено мнѣ будетъ такъ быстро рассказать эту часть моего повѣствованія, какъ только позволить свойство описываемыхъ событій. Единственный способъ этой ужасающей лотереи, въ которой каждый имѣлъ свой случай и рискъ, это вынимать жребій. Данной задачѣ должны были отвѣчать небольшія лучинки, и было условлено, что буду ихъ держать я. Я удалился въ одинъ конецъ корпуса корабля, между тѣмъ какъ бѣдные мои сотоварищи безмолвно заняли свои мѣста въ другомъ концѣ, повернувъ ко мнѣ спины. Самая горькая тревога, испытанная мною въ какое-либо время этой страшной драмы, овладѣла мной, когда я былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ жребіевъ. Мало есть такихъ состояній, попавши въ которыя человекъ не будетъ чувствовать глубокаго интереса къ сохраненію своего существованія; интереса, который съ минуты на минуту усиливается вмѣстѣ съ хрупкостью связи, каковою это существованіе можетъ быть поддержано. Но теперь безмолвный, опредѣленный, и мрачный характеръ того дѣла, которымъ я былъ занятъ (столь непохожаго на тревожныя опасности бури или на постепенное приближеніе ужасовъ голода), позволялъ мнѣ размышлять о малой возможности для меня ускользнуть отъ самой ужасающей изъ смертей—отъ смерти для самой ужасающей изъ цѣлей—и каждая частица той энергіи, которая такъ долго меня поддерживала какъ бы на поверхности бурныхъ водъ, улетѣла какъ пухъ подъ вѣтромъ, оставляя меня безпомощной жертвой самаго низкаго и самаго жалкаго страха. Я не могъ, сначала, даже собрать настолько силы, чтобы отломить и приспособить нѣсколько лучинокъ, пальцы мои безусловно отказывались отъ исполненія этой обязанности, а колѣни съ силой сталкивались одно о другое. Умъ мой быстро пробѣжалъ тысячу нелѣпыхъ проектовъ, съ помощью которыхъ я могъ бы уклониться отъ необходимости сдѣлаться участникомъ въ этомъ чудовищномъ

замыслѣ. Я думалъ о томъ, что мнѣ нужно броситься на колѣни передъ моими сотоварищами, и умолять ихъ позволить мнѣ ускользнуть отъ этой необходимости; я хотѣлъ внезапно ринуться на нихъ, и, убивши одного изъ нихъ, сдѣлать выниманіе жребія бесполезнымъ— словомъ, я думалъ о чемъ угодно, лишь не о томъ, чтобы сдѣлать вотъ это, что у меня было на очереди. Наконецъ, послѣ того какъ я провелъ много времени въ этомъ тупоумномъ колебаніи, я былъ возвращенъ къ здравомыслію голосомъ Паркера, понуждавшаго меня вывести ихъ тотчасъ изъ страшной тревоги, которую они претерпѣвали. Но даже и тогда я не могъ заставить себя тотчасъ же подобрать лучинки, а сталъ думать о всякаго рода ухищреніяхъ, съ помощью которыхъ я могъ бы сплутовать, и заставить кого-нибудь изъ моихъ товарищей по мученью вытянуть короткую лучинку, ибо было условлено, что, кто вытянетъ изъ моей руки самую короткую лучинку, число которыхъ было четыре, тотъ долженъ умереть для спасенія остальныхъ. Прежде чѣмъ кто-нибудь осудить меня за это видимое безсердечіе, пусть онъ поставитъ себя въ положеніе совершенно подобное моему.

Наконецъ отсрочка сдѣлалась невозможной, и, съ сердцемъ почти вырывавшимся изъ груди, я приблизился къ передней части корабля, гдѣ ждали меня мои товарищи. Я протянулъ руку съ лучинками, и Питерсъ тотчасъ вытянулъ одну. Онъ былъ свободенъ—его лучинка, по крайней мѣрѣ, не была самой короткой; и теперь было еще новое данное противъ моего спасенія. Я собрался съ силами, и протянулъ жребія Августу. Онъ тоже вытянулъ тотчасъ же, и онъ тоже былъ свободенъ; и теперь я долженъ былъ или жить или умереть, данныя были какъ разъ равны. Въ это мгновеніе вся свирѣпость тигра кипѣла у меня въ груди, и я чувствовалъ къ моему бѣдному ближнему, къ Паркеру, величайшую, самую дьявольскую ненависть. Но это ощущеніе не было длительнымъ; и на-

конецъ, съ судорожнымъ трепетомъ, и закрывъ глаза, я протянулъ къ нему двѣ оставшіяся лучинки. Прошло цѣлыхъ пять минутъ, прежде нежели онъ смогъ рѣшиться вытянуть жребій; и все время, пока длилось сердце-разрывающее промедленіе, я ни разу не открылъ глаза. Вотъ, наконецъ, одинъ изъ двухъ жребіевъ былъ быстро вытянутъ изъ моей руки. Приговоръ свершился, но я еще не зналъ, былъ ли онъ за меня или противъ меня. Никто не говорилъ ни слова, и все же я еще не смѣлъ посмотрѣть на лучинку, которую держалъ въ рукѣ. Питерсъ наконецъ взялъ меня за руку, я принудилъ себя поднять голову и взглянуть, и тотчасъ же увидалъ по лицу Паркера, что я былъ спасенъ, и что это ему было суждено пострадать. Раскрывъ ротъ и задыхаясь, я безъ чувствъ упалъ на палубу.

Я очнулся отъ моего обморока во-время, чтобы увидѣть свершеніе трагедіи, закончившейся смертью того, кто самъ былъ главнымъ ея орудіемъ. Онъ не оказалъ никакого сопротивленія, и, заколотый въ спину Питерсомъ, мгновенно палъ мертвымъ. Я не буду останавливаться на страшномъ пиршествѣ, которое за этимъ послѣдовало. Можно вообразить подобное, но слова не имѣютъ власти напечатлѣть въ умѣ изысканный ужасъ такой дѣйствительности. Да будетъ достаточно сказать, что, укротивъ до нѣкоторой степени снѣдавшую насъ бѣшеную жажду кровью жертвы, и, по общему согласію, бросивъ въ море отрубленные руки, ноги, и голову, вмѣстѣ съ вырѣзанными внутренностями, мы пожрали остатокъ тѣла по кускамъ, впродолженіи четырехъ навѣки памятныхъ дней семнадцатаго, восемнадцатаго, девятнадцатаго, и двадцатаго числа сего мѣсяца.

Девятнадцатаго набѣжалъ ливень, который длился пятнадцать или двадцать минутъ, и мы ухитрились собрать нѣсколько воды съ помощью простыни, выловленной нами изъ каюты нашей драгой какъ разъ послѣ бури. Все,

что мы собрали, не превышало полъ галлона; но даже этотъ скудный запасъ придалъ намъ сравнительно много силы и надежды.

Двадцать перваго мы снова были доведены до послѣдней крайности. Погода продолжала быть теплой и пріятной, время отъ времени возникали туманы, и дулъ легкій вѣтерокъ, по большей части съ Сѣвера къ Западу.

Двадцать втораго, когда мы сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и мрачно размышляя о нашемъ жалостномъ положеніи, въ моемъ мозгу внезапно блеснула мысль, которая вдохнула въ меня яркій лучъ надежды. Я вспомнилъ, что, когда фокъ-мачта была срублена, Питерсъ, находившійся въ навѣтренной сторонѣ у гротъ-русленей, передалъ мнѣ въ руки одинъ изъ топоровъ, прося меня положить его, если возможно, въ надежное мѣсто, и что, за нѣсколько минутъ до того какъ послѣднимъ сильнымъ ударомъ моря опрокинуло и залило бригъ, я отнесъ этотъ топоръ въ бакъ, и положилъ его на одну изъ коекъ бак-борта. Я думалъ, что, если мы достанемъ этотъ топоръ, намъ будетъ возможно прорубить декъ надъ кладовой, и такимъ образомъ снабдить себя провизіей.

Когда я сообщилъ объ этомъ планѣ моимъ товарищамъ, они издали слабый вскрикъ радости, и мы всѣ двинулись къ баку. Трудность спуститься здѣсь была болѣе велика, чѣмъ пройти въ каюту, ибо отверстіе было гораздо меньше; нужно припомнить, что весь срубъ надъ люкомъ возлѣ капитанской каюты былъ стащенъ прочь, между тѣмъ какъ проходъ къ баку, который былъ простымъ люкомъ около трехъ квадратныхъ футовъ, остался нетронутымъ. Я не поколебался, однако, сдѣлать попытку спуститься; и съ канатомъ, обвязаннымъ вокругъ моего тѣла, какъ и прежде, я смѣло нырнулъ туда ногами впередъ, поспѣшно направился къ койкѣ, и, при первой же попыткѣ, принесъ наверхъ топоръ. Онъ былъ привѣтствуемъ величайшимъ изступленіемъ радости и торжества, и та легкость, съ кото-

рой онъ намъ достался, была сочтена за предзнаменованіе нашего окончательнаго спасенія.

Мы начали теперь прорубать декъ со всей энергіей вновь воспламенившейся надежды. Питерсъ и я, мы брались за топоръ по очереди, ибо раненая рука Августа не позволяла ему сколько-нибудь помогать намъ. Такъ какъ мы были еще столь слабы, что съ трудомъ могли стоять не держась, и, слѣдовательно, могли работать только минуту или двѣ не отдыхая, скоро сдѣлалось очевиднымъ, что потребуется много долгихъ часовъ, дабы закончить нашу работу—то-есть прорубить отверстіе, достаточное, чтобы дать свободный проходъ къ кладовой. Это соображеніе однако не лишило насъ мужества, и, послѣ того какъ мы работали всю ночь при свѣтѣ луны, намъ удалось осуществить наше намѣреніе съ наступленіемъ дня, двадцать третьяго числа.

Питерсъ вызвался сойти внизъ, и, сдѣлавъ все приготовленія, какъ и раньше, спустился, и вскорѣ вернулся съ небольшою банкой, которая къ нашей великой радости оказалась наполненной оливками. Раздѣливъ ихъ между собой, и пожравъ все съ величайшей жадностью, мы еще разъ спустили Питерса внизъ. На этотъ разъ ему удалось превзойти наши величайшія надежды, ибо онъ тотчасъ вернулся съ большимъ окорокомъ ветчины и бутылкой мадеры. Этой послѣдней каждый изъ насъ хлебнулъ по малому глотку, ибо мы знали по опыту опасныя послѣдствія того, что будетъ, если позволить себѣ много. Окорокъ, кромѣ какихъ-нибудь двухъ фунтовъ около кости, былъ несъѣдобенъ, ибо совершенно былъ испорченъ соленой водою. Пригодная часть была раздѣлена между нами. Питерсъ и Августъ, не способные сдержатъ свой голодъ, въ тотъ же мигъ проглотили свою долю, я же былъ осторожнѣе, и съѣлъ лишь маленькій кусокъ моей доли, боясь жажды, каковая, я зналъ, послѣдуетъ. Затѣмъ мы отдыхали нѣкоторое время отъ нашей работы, которая была нестерпимо трудной.

Около полудня, чувствуя себя немного окрѣпшими и освѣженными, мы еще разъ возобновили нашу попытку доставать провизію, Питерсъ и я попеременно спускались внизъ болѣе или менѣе успѣшно, и такъ до заката солнца. Впродолженіи этого промежутка времени мы имѣли счастье принести, всего на-всего, четыре маленькія банки оливокъ, другой окорокъ, большую бутылъ, содержащую около трехъ галлоновъ чудесной мадеры, и, что доставило намъ еще болѣе удовольствія, небольшую черепаху изъ породы Галапаго,—нѣсколько такихъ черепахъ было взято на бортъ капитаномъ Барнардомъ, когда „Грампусъ“ выходилъ изъ гавани, со шхуны „Мэри Питтсъ“, которая какъ разъ возвращалась съ ловли тюленей въ Тихомъ океанѣ.

Въ послѣдующей части этого повѣствованія мнѣ часто придется говорить о черепахѣ этого рода. Ее находятъ главнымъ образомъ, какъ это знаетъ большинство моихъ читателей, на группѣ острововъ, называемыхъ Галапагосскіе, названіе, которое произошло отъ имени животнаго—Испанское слово Галапаго значить прѣсноводная черепаха. По особенноти внѣшняго вида и способу двигаться, черепаху эту иногда называютъ слоновой черепахой. Часто эти черепахи бываютъ огромныхъ размѣровъ. Я самъ видѣлъ нѣсколькихъ, которыя могли вѣсить отъ двѣнадцати до пятнадцати сотъ фунтовъ, хотя я не припомню, чтобы какой-либо мореплаватель видѣлъ такихъ, которыя вѣсили бы болѣе восьми сотъ фунтовъ. Ихъ внѣшній видъ страшень и даже отвратителень. Шаги ихъ очень медленные, туловище ихъ тащится около фута надъ землей. Шея у нихъ длинная и чрезвычайно тонкая; отъ восемнадцати дюймовъ до двухъ футовъ очень обычная длина, и я убилъ одну, у которой разстояніе отъ плеча до конечности головы было не менѣе чѣмъ три фута десять дюймовъ. Голова у нихъ имѣетъ поразительное сходство съ головой змѣи. Онѣ могутъ существовать безъ пищи почти невѣроятно долгое время;

знаютъ случаи, когда онѣ были брошены въ трюмъ судна и находились тамъ два года безъ какой-либо пищи—оставаясь такими же жирными, и во всѣхъ отношеніяхъ въ такомъ же добромъ состояніи по истеченіи этого времени, какъ и тогда, когда онѣ впервые были посажены туда. Одна особенность этого необычнаго животнаго дѣласть его похожимъ на дромадера или верблюда пустыни. Въ сумкѣ у основанія шеи онѣ носятъ постоянный запасъ воды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, убивая ихъ послѣ того какъ цѣлый годъ онѣ были лишены какого-либо питанія, въ ихъ сумкѣ находили даже по три галлона совершенно прѣсной и свѣжей воды. Ихъ главная пища дикая петрушка и сельдерей, портулакъ, морская солянка и Индійская смоква; питаюсь этимъ послѣднимъ растеніемъ, онѣ находятся въ великолѣпномъ благополучіи, его находятъ въ большомъ количествѣ на холмахъ около берега, гдѣ было найдено само животное. Черепахи эти составляютъ превосходную и чрезвычайно питательную пищу, и безъ сомнѣнія послужили средствомъ для сохраненія жизни тысячи моряковъ, занимающихся ловлей китовъ и другими промыслами въ Тихомъ Океанѣ.

Та, которую намъ такъ счастливо удалось добыть изъ кладовой, не была большихъ размѣровъ, и вѣсила, вѣроятно, фунтовъ шестьдесятъ пять или семьдесятъ. Это была самка, и въ очень хорошемъ состояніи, ибо она была чрезвычайно жирной, и имѣла въ своей сумкѣ болѣе четверти галлона свѣжей прѣсной воды. Для насъ это было, конечно, сокровищемъ, и, упавъ на колѣни, въ общемъ порывѣ, мы вознесли горячія благодаренія Богу за такую своевременную помощь.

Намъ было очень трудно протащить животное черезъ отверстіе, ибо его барахтанія были неистовы, а сила изумительна. Она чуть не вырвалась изъ рукъ у Питерса, и почти скользнула назадъ въ воду, но Августъ, набросивъ ей на шею веревку съ затяжной петлей, держаль ее

такимъ образомъ, пока я не вскочилъ въ отверстіе рядомъ съ Питерсомъ, и не помогъ ему поднять ее кверху.

Воду мы осторожно вылили изъ черепашьей сумки въ кувшинъ, который, какъ нужно припомнить, былъ принесенъ раньше изъ каюты. Сдѣлавъ это, мы отломали горлышко у одной изъ бутылокъ, чтобы съ помощью пробки сдѣлать что-то вродѣ стакана, содержащаго въ себѣ не полныя полъ-чарки. Потомъ каждый изъ насъ выпилъ такую мѣрку, и мы рѣшили ограничиваться такимъ количествомъ на день, пока это будетъ длиться.

Впродолженіи двухъ-трехъ дней погода стояла сухая и пріятная. Постельное бѣлье, которое мы достали изъ каюты, также какъ и наша одежда, совершенно высохли, такъ что мы провели эту ночь (двадцать третьяго) съ нѣкоторымъ удобствомъ, радуясь спокойному отдыху, послѣ того какъ мы до сыта поужинали оливками и ветчиной, съ малою порціей вина. Боясь, что что-нибудь изъ нашихъ запасовъ соскользнетъ за бортъ ночью, въ случаѣ если бы поднялся вѣтеръ, мы прикрѣпили ихъ, какъ могли, веревками къ обломкамъ ворота. Черепаху нашу намъ очень хотѣлось сохранить возможно дольше, и мы поэтому перевернули ее на спину и разными другими способами тщательно закрѣпили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Юля 24. Это утро застало насъ удивительно окрѣпшими и духомъ и силами. Не смотря на то опасное положеніе, въ которомъ мы еще находились, не вѣдая, гдѣ мы были, хотя, конечно, на большомъ разстояніи отъ земли, съ пищей, которой хватило бы намъ, даже при большой осторожности, не болѣе, чѣмъ на двѣ недѣли, почти совсѣмъ безъ воды, и носясь по волѣ каждого вѣтра и волнъ на простомъ обломкѣ судна, — без-

конечно болѣе ужасныя опасности и отчаяніе, которыхъ мы только что и такъ чудесно избѣгли, заставляли насъ смотрѣть на то, что мы претерпѣвали теперь, какъ на что-то немногимъ большее, чѣмъ любое заурядное несчастіе— такъ безусловно относительно бываетъ хорошее и дурное.

На восходѣ солнца, когда мы собрались возобновить наши попытки достать что-нибудь изъ кладовой, начался сильный ливень, съ молніей, и мы принялись собирать воду съ помощью простыни, которой уже пользовались для этой цѣли. У насъ не было другого способа собирать дождь, какъ держать простыню оттянутой въ серединѣ съ помощью цѣпи. Вода такимъ образомъ, направляясь къ средоточію, капала въ кружку. Мы почти наполнили ее такимъ способомъ, какъ вдругъ налетѣлъ сильный шквалъ съ Сѣвера, и принудилъ насъ оставить это занятіе, ибо остовъ судна сталъ такъ сильно качаться, что мы не могли больше стоять на ногахъ. Мы перешли тогда на передъ, и, привязавъ себя крѣпко къ остаткамъ ворота, какъ и раньше, стали ожидать событій съ гораздо большимъ спокойствіемъ, чѣмъ мы могли бы предвидѣть или представить возможнымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Въ полдень вѣтеръ посвѣжѣлъ, переходя въ двухъ-рифовый бризъ, а къ ночи въ упорный штормъ съ страшнымъ волненіемъ. Опытъ научилъ насъ, однако, лучшему способу устраивать привязи, и мы провели эту угрюмую ночь въ сравнительной безопасности, хотя почти каждое мгновеніе валы насъ совсѣмъ затопляли, и мы были въ ежеминутномъ страхѣ быть смытыми. Къ счастью, погода была такая теплая, что вода была не такъ ужъ непріятна.

Юля 25. Въ это утро штормъ уменьшился до десяти-узлового бриза, и море такъ значительно спало, что мы могли не промокая быть на палубѣ. Къ нашему великому огорченію, однако, мы увидѣли, что двѣ банки оливокъ, также какъ и весь нашъ окорокъ, были смыты за бортъ, не смотря на то, что они были такъ тщательно привязаны.

Мы рѣшили не убивать еще черепаху, и пока удовольствовались завтракомъ изъ нѣсколькихъ оливокъ, и мѣркой воды на каждого, при чемъ воду мы позднѣе стали смѣшивать половина на половину съ виномъ, извлекая большое подкрѣпленіе и силу изъ этой смѣси, но безъ того мучительнаго опьяненія, которое произошло, когда мы пили портвейнъ. Море было еще слишкомъ бурно, чтобы возобновить наши попытки доставать провизію изъ кладовой. Различные предметы, не имѣвшіе для насъ значенія при нашемъ теперешнемъ положеніи, всплывали впродолженіи дня, черезъ отверстіе, и тотчасъ ихъ смывало за бортъ. Теперь мы также замѣтили, что остовъ корабля еще больше накренился, чѣмъ когда-либо, и мы не привязавъ себя не могли стоять ни минуты. По этой причинѣ пришлось намъ провести очень неудобный и печальный день. Въ полдень солнце оказалось почти вертикальнымъ надъ нами, и мы не сомнѣвались, что постоянной смѣной вѣтровъ съ Сѣвера и Сѣверо-Запада, настъ принесло къ Экватору. Къ вечеру мы увидѣли нѣсколькихъ акулъ, и были немного встревожены той смѣлостью, съ которой одна изъ нихъ, размѣровъ огромныхъ, приблизилась къ намъ. Одно время, когда накрениваніемъ декъ погрузило глубоко въ воду, чудовище положительно плыло на насъ, и нѣсколько мгновеній барахталось какъ разъ надъ лѣстницей, сильно ударяя Питерса хвостомъ. Тяжелый валъ швырнулъ ее за бортъ къ великому нашему облегченію. При тихой погодѣ мы безъ затрудненій могли бы ее поймать.

Юля 26. Въ это утро, такъ какъ вѣтеръ улегся, и на морѣ не было большого волненія, мы рѣшили возобновить наши исканія въ кладовой. Послѣ тяжелой работы впродолженіи цѣлаго дня, мы увидѣли, что впредь ничего нельзя было здѣсь ожидать, ибо перегородки ночью были вышиблены, и содержимое кладовой провалилось въ трюмъ. Это открытіе, какъ можно предположить, наполнило насъ отчаяніемъ.

Юля 27. Море почти спокойное, легкій вѣтеръ все еще съ Сѣвера и Запада. Солнце въ полдень сдѣлалось жаркимъ, мы занялись просушкой нашей одежды. Нашли большое облегченіе купаясь въ морѣ; при этомъ, однако, мы принуждены были принять большія предосторожности, опасаясь акулъ; нѣсколькихъ изъ нихъ мы видѣли плавающими вокругъ брига впродолженіи дня.

Юля 28. Все еще хорошая погода. Теперь бригъ началъ ложиться на бокъ, и такъ страшно, что мы начали бояться, что онъ окончательно перевернется кверху дномъ. Мы приготовились, какъ только могли, къ этой возможности, привязавъ нашу черепаху, кувшинъ съ водой, и двѣ оставшіяся кружки оливокъ возможно дальше къ навѣтренной сторонѣ, помѣстивъ ихъ съ внѣшней стороны остова подъ гротъ-русленями. Весь день море было очень гладко, небольшой вѣтеръ или безвѣтріе.

Юля 29. Продолжалась такая же погода. Раненая рука у Августа начала являть признаки омертвѣнія. Онъ жаловался на вялость и чрезмѣрную жажду, но не на острую боль. Ничего нельзя было сдѣлать для его облегченія, кромѣ какъ смазывать его раны остаткомъ уксуса изъ-подъ оливокъ, но это не принесло ему, повидимому, никакой помощи. Мы сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ, чтобы ему было лучше, и утроили его порцію воды.

Юля 30. Чрезвычайно жаркій день безъ вѣтра. Огромная акула держалась совсѣмъ вблизи отъ остова корабля впродолженіи всего предположенія. Мы сдѣлали нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ поймать ее съ помощью затяжной петли. Августу гораздо хуже, и, повидимому, онъ слабѣетъ столько же отъ недостатка настоящаго питанія, какъ и отъ ранъ. Онъ постоянно молить, чтобы его освободили отъ страданій, ничего больше не желая какъ умереть. Въ этотъ вечеръ мы съѣли остатокъ нашихъ оливокъ, и нашли, что вода въ кувшинѣ настолько

гнилая, что мы совсѣмъ не могли проглатывать ее не подбавивъ вина. Рѣшили на утро убить черепаху.

Юля 31. Послѣ ночи чрезвычайно безпокойной и утомительной, изъ-за положенія остова судна, мы убили и принялись взрѣзать нашу черепаху. Она оказалась гораздо меньшей, чѣмъ мы предполагали, хотя и въ добромъ состояніи — все мясо ея не превышало десяти фунтовъ. Для того чтобы часть его сохранить возможно дольше, мы разрѣзали его на тонкіе куски, и наполнили ими три наши оставшіяся кружки изъ-подъ оливокъ, и бутылку изъ-подъ вина (все это мы сохранили), наливши туда уксусъ изъ подъ оливокъ. Такимъ образомъ мы отложили около трехъ фунтовъ мяса черепахи, намѣреваясь не трогать его до тѣхъ поръ, пока не съѣдимъ остального. Мы рѣшили ограничить себя приблизительно четырьмя унціями мяса въ день; всего хватило бы намъ такъ на тринадцать дней. Въ сумерки начался ливень, съ сильнымъ громомъ и молніей, но продолжался такое короткое время, что намъ удалось собрать лишь около поль-пинты воды. Все это, съ общаго согласія, было отдано Августу, который, казалось, былъ при послѣднемъ дыханіи. Онъ пилъ воду съ простыни, въ то время какъ мы собирали ее (онъ лежалъ, а мы держали простыню надъ нимъ, такъ чтобы вода стекала ему въ ротъ), ибо теперь у насъ не оставалось ничего, куда бы помѣстить воду, развѣ только мы вылили бы наше вино изъ бутылки или затхлую воду изъ кувшина, и къ одному изъ этихъ средствъ мы прибѣгли бы, если бы дождь продолжался.

Страдалецъ, казалось, мало извлекъ облегченій изъ питья. Рука его была совершенно черной отъ кисти до плеча, и ноги у него были какъ ледъ. Мы ожидали каждое мгновеніе, что онъ испуститъ послѣднее дыханіе. Онъ страшно исхудалъ; настолько, что, вѣся въ Пантукетѣ сто двадцать семь фунтовъ, теперь онъ могъ вѣсить не свыше *сорока или пятидесяти фунтовъ са-*

мое большее. Глаза его глубоко провалились и были еле видны, а кожа на щекахъ такъ отвисла, что мѣшала ему жевать какую-либо пищу или хотя бы глотать какую-нибудь жидкость безъ большой трудности.

Августа 1. Продолжается та же тихая погода съ угнетающе жаркимъ солнцемъ. Ужасно страдали отъ жажды, ибо вода въ кувшинѣ совсѣмъ сгнила, и кишѣла червями. Намъ удалось, все же, проглотить немного, смѣшавъ ее съ виномъ—жажда наша, однако, была мало утолена. Мы получили большое облегченіе купаясь въ морѣ, но могли прибѣгать къ этому лишь черезъ рѣдкіе промежутки, въ виду постоянного присутствія акулъ. Теперь мы видѣли ясно, что Августъ не можетъ быть спасенъ; что, повидимому, онъ умиралъ. Мы ничего не могли сдѣлать, чтобы облегчить его страданія, которыя, казалось, были очень большими. Около двѣнадцати онъ скончался въ сильныхъ конвульсіяхъ, и не говоря ни слова въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Его смерть наполнила насъ самыми мрачными предчувствіями, и такъ сильно повліяла на наше душевное состояніе, что въ продолженіи цѣлаго дня мы сидѣли неподвижно около его тѣла, и обращались другъ къ другу лишь шепотомъ. Только нѣкоторое время спустя мы обрѣли нѣкоторую бодрость, чтобы встать и бросить тѣло черезъ бортъ. Оно было тогда такъ омерзительно, что нельзя выразить, и настолько уже разложилось, что, когда Питерсъ попытался поднять его, цѣлая нога оторвалась у него подъ рукою. Когда грудa гнили скользнула за край судна въ воду, сверканіе фосфорическаго свѣта, которымъ она была окружена, ясно показало намъ семь или восемь большихъ акулъ, и лязгъ ихъ страшныхъ зубовъ, когда они разрывали между собой добычу, могъ быть слышенъ на цѣлую милю. Мы съежились и сжались отъ крайняго ужаса, услышавъ этотъ звукъ

Августа 2. Та же ужасающая тишина и жара. Заря застала насъ въ состояніи жалкаго унынія, а равно и

изнеможенными тѣлесно. Вода въ кувшинѣ была теперь совершенно непригодной, ибо обратилась въ желатинную массу; тамъ ничего не было, кромѣ червей ужасающаго вида и слизи. Мы выбросили все вонъ, хорошенько вымыли кувшинъ въ морѣ, и налили туда немного уксуса изъ нашихъ бутылокъ съ маринованной черепахой. Теперь мы съ трудомъ могли терпѣть жажду, и напрасно старались утолить ее виномъ, которое, казалось, только прибавляло масла въ огонь, и возбуждало въ насъ высшую степень опьяненія. Потомъ мы старались облегчить наши страданія, смѣшавъ вино съ морской водой, но это мгновенно вызвало сильнѣйшую рвоту, такъ что мы прекратили такую попытку. Виродженіи цѣлаго дня мы съ тревогой выжидали случая выкупаться, но безуспѣшно, ибо остовъ корабля былъ теперь совершенно осажденъ со всѣхъ сторонъ акулами — безъ сомнѣнія, это были тѣ же самыя чудовища, которыя пожрали нашего бѣднаго товарища въ прошлый вечеръ, и которыя каждое мгновеніе ожидали другого подобнаго угощенія. Это обстоятельство причинило намъ самыя горькія сожалѣнія и наполнило насъ самыми гнетущими и мрачными предчувствіями. Мы испытывали неописуемое облегченіе отъ купанья, и лишиться этого средства такимъ ужасающимъ образомъ было болѣе, чѣмъ мы могли вынести. Къ тому же еще если бы мы были свободны отъ ощущенія ежеминутной опасности, ибо, если бы кто-нибудь изъ насъ чуть-чуть поскользнулся, или сдѣлалъ невѣрное движеніе, онъ былъ бы немедленно брошенъ въ предѣлы досягаемости этихъ прожорливыхъ рыбъ, которыя нерѣдко бросались прямо на насъ, наплывая съ подвѣтренной стороны. Никакіе наши крики и движенія, казалось, не пугали ихъ. Даже тогда, когда Питерсъ ударилъ топоромъ и сильно ранилъ одну изъ самыхъ большихъ акулъ, она постоянно пыталась протѣсниться къ намъ. Въ сумерки нашла туча, ю къ крайней нашей тоскѣ прошла надъ нами не разрѣшив-

шись дождемъ. Совершенно невозможно представить себѣ наши страданія отъ жажды за это время. По этой причинѣ, а также изъ-за страха акулъ, мы провели безсонную ночь.

Августа 3. Никакихъ чайній помощи, и бригъ ложится все болѣе и болѣе на бокъ, такъ что теперь мы совсѣмъ больше не можемъ держаться на ногахъ на палубѣ. Хлопотали и старались сохранить наше вино и мясо черепахи, чтобы не лишиться ихъ, въ случаѣ если бы мы были опрокинуты. Вытащили два толстые гвоздя изъ гротъ-русленей, и съ помощью топора вбили ихъ въ кузовъ судна съ навѣтренной стороны, на разстояніи приблизительно двухъ футовъ надъ водой, что было не очень далеко отъ киля, ибо мы находились почти на боку. Къ этимъ гвоздямъ мы привязали нашу провизію, которая здѣсь была сохраннѣе, чѣмъ въ первомъ мѣстѣ подъ гротъ-русленями. Испытывали величайшую пытку жажды; впродолженіи цѣлаго дня не было случая выкупаться, изъ-за акулъ, которыя не оставляли насъ ни на мгновение. Увидѣли, что спать невозможно.

Августа 4. Не задолго до разсвѣта мы замѣтили, что остовъ судна былъ килемъ вверхъ, и мы пробудились какъ разъ для того, чтобы предупредить возможность быть сброшенными этимъ движеніемъ. Сначала качка была медленная и постепенная, и намъ удалось вскарабкаться наверхъ къ навѣтренной сторонѣ, причемъ изъ предосторожности мы предоставили веревкамъ свисать съ гвоздей, которые мы вбили для провизіи. Но мы недостаточно рассчитали стремительность толчка, ибо теперь киль сталъ двигаться слишкомъ яростно, чтобы мы могли держаться въ ровень съ нимъ, и, прежде чѣмъ кто-либо изъ насъ сообразилъ, что сейчасъ случится, насъ бѣшено швырнуло въ море, и тамъ мы барахтались нѣсколько саженей подъ поверхностью воды, съ огромнымъ кузовомъ какъ разъ надъ нами.

Погружаясь въ воду, я принужденъ былъ выпустить

веревку; и, увидя, что силы мои совсѣмъ истощились, я едва дѣлалъ какія-нибудь усилія въ борьбѣ за жизнь, въ нѣсколько секундъ я покорился и приготовился умереть. Но тутъ я еще разъ ошибся, не принявъ во вниманіе естественный обратный скачокъ къ навѣтренной сторонѣ. Водоворотъ кверху, который произвело судно, качнувшись назадъ, вынесъ меня на поверхность еще болѣе стремительно, чѣмъ я погрузился внизъ. Когда я поднялся кверху, я увидѣлъ себя, насколько я могъ судить, на разстояніи двѣнадцати ярдовъ отъ корпуса корабля. Онъ лежалъ килемъ вверхъ, бѣшено качаясь съ боку на бокъ, и море во всѣхъ направленіяхъ было совершенно взбаламучено и полно сильныхъ водоворотовъ. Я нигдѣ не видѣлъ Питерса. Боченокъ изъ-подъ масла плавалъ въ нѣсколькихъ футахъ отъ меня, и различные другіе предметы съ брига были разбросаны кругомъ.

Больше всего я страшился теперь акулъ, которыя, я зналъ, были близко отъ меня. Для того, чтобы помѣшать имъ, если это было возможно, приблизиться ко мнѣ, я сильно расплескивалъ воду обѣими руками и ногами, когда плылъ къ остову корабля, очень вспѣнивая воду. Этому средству, такому простому, я, безъ сомнѣнія, и былъ обязанъ моимъ спасеніемъ; ибо все море кругомъ брига, какъ разъ передъ тѣмъ когда онъ опрокинулся, такъ кишѣло этими чудовищами, что я долженъ былъ быть, да навѣрное и былъ дѣйствительно, въ постоянномъ соприкосновеніи съ нѣкоторыми изъ нихъ, пока подвигался впередъ. По счастливой случайности, однако, я благополучно достигъ бока судна, хотя совершенно обезсилѣвъ отъ тѣхъ чрезмѣрныхъ движеній, которыя я дѣлалъ, и никогда не смогъ бы взобраться на него, если бы не подоспѣвшая во время помощь Питерса, который, къ моей великой радости, появился вдругъ (онъ взобрался съ противоположной стороны корпуса къ килю) и бросилъ мнѣ конецъ веревки—одной изъ тѣхъ, которыя были привязаны къ гвоздямъ.

Едва мы избѣжали этой опасности, какъ вниманіе наше было привлечено другой страшной неминуемой бѣдой, а именно—страхомъ голодной смерти. Весь нашъ запасъ провизіи былъ унесенъ за бортъ, не смотря на всѣ наши предосторожности и старанія сохранить его, и, не видя хотя бы отдаленной возможности достать что-нибудь еще, мы оба предались отчаянію, громко плача, какъ дѣти, и не пытаясь утѣшать одинъ другого. Такую слабость трудно понять, и тѣмъ, кто никогда не былъ въ такого рода положеніи, это, безъ сомнѣнія, покажется неестественнымъ, но нужно припомнить, что умъ нашъ былъ совершенно разстроены долгимъ рядомъ лишеній, и ужасомъ, которому мы подвергались, и что въ это время на насъ нельзя было смотрѣть какъ на существа разумныя. Въ послѣдующихъ опасностяхъ, такихъ же большихъ, если не бѣльшихъ, я боролся смѣло противъ всѣхъ золъ моего положенія, и Питерсъ, какъ будетъ видно, выказалъ философскій стоицизмъ, почти такой же невѣроятный, какъ теперешняя ребяческая его глупость и распущенность—временное умственное состояніе дѣлало разницу.

То, что бригъ опрокинулся, а также послѣдствія этого, то-есть потеря вина и черепахи, не сдѣлали бы въ дѣйствительности наше положеніе болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ раньше, если бы не исчезновеніе простынь, которыя до сихъ поръ служили намъ для собиранія дождевой воды, и кувшина, въ которомъ мы сохраняли ее, собравши, ибо мы нашли, что все дно на два или на три фута отъ шпангоута до киля, вмѣстѣ съ самымъ килемъ, *было покрыто густымъ слоемъ уткородокъ, которыя оказались превосходной и очень питательной пищей.* Такимъ образомъ, въ двухъ важныхъ отношеніяхъ, происшествіе, которое такъ ужасно испугало насъ, принесло скорѣе пользу, чѣмъ ущербъ; оно явило намъ запасъ пищи, которой, пользуясь ею умѣренно, мы не могли бы исчерпать въ цѣлый мѣсяцъ, и въ значительной степени содѣйствовало улуч-

шенію нашего положенія какъ такового, ибо намъ стало теперь гораздо болѣе спокойно, и опасность сдѣлалась безконечно меньшей, чѣмъ прежде.

Однако же трудность получать теперь воду заслонила отъ насъ всю благодѣтельность переменъ нашего положенія. Чтобы быть готовыми воспользоваться, насколько возможно, какимъ-нибудь дождемъ, если бы онъ пошелъ, мы сняли съ себя рубашки, дабы примѣнить ихъ, какъ мы это дѣлали съ простынями, не надѣясь, конечно, добыть такимъ образомъ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и поль-четверти пинты заразъ. Признаковъ тучи не показалось за этотъ день, и пытки жажды были для насъ почти нестерпимыми. Ночью Питерсъ смогъ заснуть тревожнымъ сномъ приблизительно на одинъ часъ, мнѣ же мои страданія не позволяли сомкнуть глазъ хотя бы на минуту.

Августа 5. Сегодня поднявшійся легкій вѣтеръ прогналъ насъ черезъ огромное количество водорослей, среди нихъ намъ посчастливилось найти одиннадцать маленькихъ крабовъ, которые составили для насъ нѣсколько чудесныхъ блюдъ. Такъ какъ ихъ скорлупа была совсѣмъ мягкой, мы съѣли ихъ цѣликомъ, и нашли, что они гораздо менѣе вызывали жажду, чѣмъ уткородки. Не видя признака акулъ среди водорослей, мы рѣшились выкупаться, и оставались въ водѣ отъ четырехъ до пяти часовъ, въ продолженіи какового времени мы испытывали очень значительное уменьшеніе жажды. Очень освѣжились, и провели ночь немного болѣе спокойно, чѣмъ раньше, немного соснувъ.

Августа 6. Въ этотъ день мы были осчастливлены сильнымъ и продолжительнымъ дождемъ, который длился приблизительно отъ полудня до сумерекъ. Теперь мы горько сожалѣли о потерѣ нашего кувшина и бутылки, ибо, несмотря на малую возможность собирать воду, мы могли бы наполнить одинъ сосудъ, если даже не оба.

Теперь же, мы должны были ограничиться тѣмъ, что удовлетворяли нашу ненасытную жажду, заставляя наши рубашки пропитываться водою, и потомъ выжимая ихъ такъ, чтобы благодатная влага лилась намъ въ ротъ. Въ этомъ занятіи мы провели цѣлый день.

Августа 7. Какъ разъ на разсвѣтѣ мы оба въ одно и то же мгновеніе замѣтили парусъ съ восточной стороны, онъ явно направлялся къ намъ! Мы привѣтствовали это лучезарное явленіе долгимъ, хотя и слабымъ, вскрикомъ восторга, и начали тотчасъ же дѣлать разные сигналы, какіе только были въ нашей власти, размахивая въ воздухѣ рубашками, прыгая такъ высоко, какъ намъ только позволяло состояніе нашей слабости, и даже крича изо всей силы нашихъ легкихъ, хотя корабль находился на разстояніи не менѣе пятнадцати миль. Однако, онъ все продолжалъ приближаться къ остову судна, и мы чувствовали, что, если онъ будетъ держаться своего настоящаго пути, онъ долженъ былъ неизбежно подойти къ намъ такъ близко, что замѣтилъ бы насъ. Около часу спустя, послѣ того какъ мы впервые увидѣли его, мы ясно могли разсмотрѣть людей на его палубѣ. Это была длинная, низкая шхуна, имѣвшая сильно уклонистыя мачты на задней сторонѣ, съ чернымъ бортомъ напередѣ, и повидимому была полна матросами. Теперь мы были встревожены, ибо намъ трудно было представить себѣ, чтобы она могла не замѣтить насъ, и боялись, что она намѣревалась предоставить намъ погибать—дѣяніе сатанинской жестокости, каковое, при всемъ томъ, что оно можетъ показаться столь невѣроятнымъ, не разъ совершалось на морѣ, при обстоятельствахъ весьма похожихъ, и существами, которыя считаются принадлежащими къ человѣческому роду *).

*) Случай съ бригомъ „Полли“ изъ Бостона чрезвычайно подходитъ сюда, и судьба его во всѣхъ отношеніяхъ такъ удивительно схожа съ нашей, что я не могу удержаться, чтобы не

Въ этомъ случаѣ, однако, благодаря Богу, намъ было предназначено обмануться болѣе счастливо, ибо вскорѣ мы замѣтили внезапное движеніе на палубѣ незнакомаго судна, которое тотчасъ послѣ этого подняло Британскій флагъ, и, держа круто къ вѣтру, стало править прямо на насъ. Полчаса спустя мы находились уже въ его какотѣ. Это была „Джэнъ Гай“ изъ Ливерпуля, подъ командой

указать на него здѣсь. Это судно, съ грузомъ въ сто тридцать тоннъ, отплыло изъ Бостона, везя доски и съѣстные припасы въ Санта-Крусъ, двѣнадцатаго декабря 1811-го года, подъ командой капитана Капо. Тамъ было восемь душъ, кромѣ капитана, штурманъ, четыре матроса, поварь, и господинъ Гѣнтъ съ негритянской дѣвушкой, принадлежавшей ему. Пятнадцатаго, когда они миновали мель Георга, въ бригѣ открылась течь во время бури съ Юго-Востока, и онъ, наконецъ, опрокинулся, но, послѣ того какъ мачта упала за бортъ, снова выпрямился. Они оставались въ такомъ положеніи безъ огня, и съ весьма малымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, втеченіи *ста девяносто одного дня* (отъ пятнадцатаго Декабря до двадцатаго Іюня), тутъ капитанъ Капо и Самьюэль Бѣджеръ, единственные оставшіеся въ живыхъ, были подобраны съ остова корабля судномъ „Слава“ изъ Гулля, плывшимъ домой изъ Рио-Жанейро, подъ командой капитана Фэзерстона. Когда ихъ подобрали, они находились на 28^о сѣверной широты, 13^о западной долготы, и ихъ пронесло болѣе двухъ тысячъ миль! Девятаго Іюня „Слава“ встрѣтилась съ бригомъ „Дромео“, плывшимъ подъ командой капитана Пиркинса, который высадилъ двухъ этихъ злополучныхъ въ Кеннебеккъ. Повѣствованіе, изъ коего мы заимствуемъ эти подробности, кончается слѣдующими словами:—

„Совершенно естественно спросить, какимъ образомъ они могли проплыть такое огромное разстояніе въ наиболѣе посѣщаемой части Атлантики и все это время не были замѣчены. *Мимо нихъ проплыло болѣе двѣнадцати судовъ, одно изъ которыхъ подошло къ нимъ такъ близко, что они могли видѣть людей на палубѣ и на снастяхъ, которые глядѣли на нихъ, но къ невыразимому разочарованію этихъ изголодавшихся и наголодавшихся людей, подавили въ себѣ повелѣвающій голосъ состраданія, натянули паруса, и жестоко бросили ихъ на произволъ судьбы.*“

капитана Гая, назначенная къ ловлѣ тюленей и торговому путешествію въ Южныя моря и въ Тихій океанъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

„Джэнъ Гай“ была красиваго вида стеновой шхуной въ сто восемьдесятъ тоннъ. Она была необыкновенно обостренной въ передней своей части, и, идя по вѣтру, при болѣе или менѣе хорошей погодѣ, была быстрѣйшимъ паруснымъ судномъ, какое я когда-либо видѣлъ. Ея качества, однако-же, какъ просто морской лодки, не были такими хорошими, и ея посадка въ водѣ была слишкомъ глубока для того промысла, къ которому она предназначалась. Для этой особой службы было желательно бѣльшихъ размѣровъ судно, и соразмѣрно болѣе легкой посадки въ водѣ — скажемъ, судно отъ трехсотъ до трехсотъ пятидесяти тоннъ. Оно должно было быть оснащено какъ барка, и въ другихъ отношеніяхъ совершенно отличаться по своему строенію отъ обычныхъ кораблей Южнаго моря. Безусловно необходимо, чтобы судно было хорошо вооружено. Оно должно имѣть, скажемъ, десять-двѣнадцать двѣнадцати-фунтовыхъ карронадъ, и двѣ-три длинныя двѣнадцати-фунтовыя пушки, съ мѣдными мушкетонами, и водоупорными ящиками для каждаго верха. Его якори и канаты должны быть гораздо большей силы, чѣмъ это потребно для какого-либо изъ другихъ разрядовъ службы, и, прежде всего, экипажъ его долженъ быть, при условіи такого судна, какое я описалъ, численнымъ и дѣйствительнымъ не меньше, чѣмъ въ пятьдесятъ-шестьдесятъ человѣкъ, тѣломъ сильныхъ. „Джэнъ Гай“ имѣла экипажъ въ тридцать пять человѣкъ, все опытные моряки, и еще капитана и штурмана, но она вовсе не была такъ хорошо вооружена, или инымъ образомъ снаряжена, какъ могъ-бы этого желать мореплаватель, знакомый съ трудностями и опасностями промысла.

Капитанъ Гай былъ джентльмэнъ съ манерами чрезвычайно учтивыми, и значительной опытности въ южной морской торговлѣ, которой онъ посвятилъ большую часть своей жизни. У него не хватало, однако, той энергіи и, слѣдственно, того духа предпріимчивости, которые здѣсь безусловно требуются. Онъ былъ совладѣлецъ судна, на которомъ онъ плавалъ, и былъ обреченъ дискреціонной властью крейсировать въ Южныхъ моряхъ, принимая любой грузъ, каковой наиболѣе легко можетъ попасться подъ руку. Онъ имѣлъ на борту, какъ это обычно въ подобныхъ плаваніяхъ, бусы, зеркальца, фитили и труть, топоры, сѣчки, пилы, струги, рубанки, долота, долбила, буравчики, напилки, скобели, терпуги, молотки, гвозди, ножи, большія ножницы, бритвы, иглы, нитки, посуду, коленкоръ, бездѣлушки, и другіе подобные предметы торговли.

Шхуна отплыла изъ Ливерпуля десятаго Іюля, пересѣкла тропикъ Рака двадцать пятаго на двадцатомъ градусѣ западной долготы, и достигла Саля, одного изъ Острововъ Мыса Зеленаго, на двадцать девятомъ градусѣ, гдѣ она запаслась солью и другими припасами, необходимыми для плаванія. Третьяго Августа она оставила Мысъ Зеленый, и направилась къ Юго-Западу, правя къ берегу Бразиліи, такъ чтобы пересѣчь Экваторъ между меридианами на двадцати восьми-тридцати градусахъ западной долготы. Это обычный путь, которымъ слѣдуютъ суда, идущіе изъ Европы къ Мысу Доброй Надежды, или направляющіеся этой дорогой къ Остѣ-Индіи. Слѣдуя этимъ путемъ, суда избѣгаютъ штилей и сильныхъ противоборствующихъ теченій, которыя непрерывно господствуютъ на побережьи Гвинеи, и такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, эта дорога оказывается наиболѣе короткой, ибо позднѣе никогда не бываетъ недостатка въ западныхъ вѣтрахъ, дабы достичь Мыса. Намѣреніе капитана Гаю было сдѣлать первую свою остановку на Землѣ Кергэ-

лена—врядъ-ли я смогу сказать, почему. Въ тотъ день, когда мы были подобраны шхуной, она была противъ Мыса Сенъ-Рока, на тридцать первомъ градусѣ западной долготы; такимъ образомъ, когда мы были найдены, мы были отнесены съ Сѣвера къ Югу, вѣроятно, *не меньше чѣмъ на двадцать пять градусовъ!*

На бортѣ „Джэнъ Гай“ съ нами обращались такъ внимательно и съ такою добротой, какъ того требовало наше прискорбное состояніе. Недѣли черезъ двѣ, въ продолженіи какового времени мы продолжали направляться на Юго-Востокъ, при легкихъ вѣтрахъ и ясной погодѣ, мы оба, и Питерсъ и я, совершенно поправились отъ нашихъ лишеній и ужасныхъ страданій, и начали вспоминать то, что было въ прошломъ, скорѣе какъ страшный сонъ, отъ котораго мы, къ счастью, проснулись, чѣмъ какъ событіе, имѣвшее мѣсто въ трезвой обнаженной дѣйствительности. Съ тѣхъ поръ я нашель, что такого рода частичное забвеніе обычно создается внезапнымъ переходомъ или отъ радости къ горю, или отъ горя къ радости—степень забвенности соразмѣрна со степенью различія въ перемѣнѣ. Такимъ образомъ, въ моемъ собственномъ случаѣ, я чувствую теперь невозможнымъ осознать полный размѣръ злополучія, которое я претерпѣвалъ въ теченіи дней, проведенныхъ на остовѣ корабля. Событія запомнились, не ощущенія, которыя эти событія вызывали въ то время, когда совершались. Знаю лишь, что, когда совершались они, я думалъ *тогда*, что человѣческая природа не можетъ вынести больше ничего изъ пытки.

Мы продолжали наше плаваніе въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, безъ какихъ-либо происшествій большей значительности, нежели случайная встрѣча съ китобойными кораблями, а также, еще чаще, съ черными или настоящими китами, такъ называемыми въ противоположіе отъ кашалотовъ. Эти послѣдніе, впрочемъ, главнымъ образомъ находятся на Югѣ отъ двадцать пятой параллели. Шест-

надцатаго Сентября, когда мы были по сосѣдству съ Мысомъ Доброй Надежды, шхуна встрѣтилась съ первой сколько-нибудь сильной бурей, съ тѣхъ поръ какъ она оставила Ливерпуль. Въ этихъ областяхъ, но болѣе часто къ Югу и Востоку отъ Мыса (мы направлялись къ Западу), мореплавателямъ часто приходится противостоять бурямъ съ Сѣвера, которыя свирѣпствуютъ съ великимъ бѣшенствомъ. Эти бури всегда приносятъ съ собою тяжелое волненіе на морѣ, и одна изъ самыхъ опасныхъ особенностей ихъ это мгновенная пляска кругового вѣтра— обстоятельство, которое почти достовѣрно должно возникнуть во время наибольшей силы бури. Настоящій ураганъ будетъ мчаться въ извѣстный мигъ съ Сѣвера или съ Сѣверо-Востока, въ ближайшее же мгновеніе ни дыханія вѣтра не будетъ чувствоваться въ этомъ направленіи, между тѣмъ какъ съ Юго-Запада онъ придетъ совершенно внезапно съ яростью почти непостижимой. Яркій просвѣтъ лазури къ Югу есть вѣрный предвѣстникъ перемѣны, и суда такимъ образомъ получаютъ возможность принять необходимыя предосторожности.

Было около шести часовъ утра, когда вѣтеръ налетѣлъ съ бѣлымъ шкваломъ, и какъ обычно буря пришла съ Сѣвера. Въ восемь часовъ она увеличилась очень сильно, и нанесла на насъ одно изъ самыхъ утрашительныхъ волненій моря, какія я когда-либо видѣлъ. Все было закрѣплено и прилажено насколько это возможно, но шхуна испытывала сильнѣйшую качку, и какъ морское судно являла всѣ свои худыя качества; передняя часть ея погружалась въ воду при каждомъ ныркѣ, и съ величайшей трудностью она высвобождалась изъ одного вала, а ужъ спѣшилъ другой и хоронилъ ее. Какъ разъ передъ закатомъ солнца яркій просвѣтъ, котораго мы высматривали, появился на Юго-Западѣ, и черезъ часъ послѣ этого мы замѣтили, что малый передній парусъ, подъ которымъ мы шли, небрежно хлопываетъ о мачту. Еще двѣ ми

нуты, и, несмотря на всё приготовленія, насъ швырнуло на бокъ словно магїей, и дикій набѣгъ крутящейся пѣны прорвался надъ нами, пока мы были такъ наклонены. Вихрь, налетѣвшій съ Юго-Запада, оказался къ счастью ничѣмъ инымъ, какъ шкваломъ, и намъ счастливо удалось поставить судно прямо, безъ потери какого-либо мачтоваго дерева. Тяжелое перекрестное волненіе весьма тревожило насъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ послѣ этого, но къ утру мы находились почти въ такомъ-же добромъ состояніи, какъ и до начала бури. Капитанъ Гай полагалъ, что спасеніе его было наврядъ-ли не чудеснымъ.

Тринадцатаго Октября мы были въ виду Острова Принца Эдуарда, на $46^{\circ}53'$ южной широты, $37^{\circ}46'$ восточной долготы. Два дня спустя мы находились около Острова Владѣнія, и въ данную минуту проплывали мимо острововъ Крозе, на $42^{\circ}59'$ южной широты, 48° восточной долготы. Восемнадцатаго мы достигли Острова Кергелена, или Острова Отчаянія, въ Южномъ Индійскомъ Океанѣ, и стали на якорь въ Гавани Святыхъ, имѣя четыре сажени воды. Этотъ островъ, или скорѣе группа острововъ, расположенъ на Юго-Востокъ отъ Мыса Доброй Надежды, и отстоятъ отъ него почти на восемьсотъ лигъ. Онъ былъ открытъ впервые въ 1772-мъ году Барономъ Де-Кергюленомъ или Кергеленомъ, Французомъ, который, думая, что эта земля образуетъ часть обширнаго Южнаго Материка, привезъ домой вѣсть объ этомъ, вызвавшую въ свое время большое возбужденіе. Правительство, заинтересовавшись, послало Барона обратно въ слѣдующемъ году, дабы подвергнуть новое его открытіе провѣрочному разсмотрѣнію, и ошибка его была обнаружена. Въ 1777-мъ году Капитанъ Кукъ присталъ къ той-же группѣ острововъ и далъ главному изъ нихъ имя Острова Отчаянія, какового названія ужъ конечно онъ заслуживаетъ. Приблизившись къ землѣ, мореплавателю, однако, могъ-бы предположить нѣчто совершенно иное, ибо скаты большей части холмовъ, съ

Сентября до Марта, олѣты самой блистательной зеленью. Этотъ обманчивый видъ создается малымъ растеньицемъ, похожимъ на каменоломку, оно растетъ въ изобиліи, широкими прогалинами, на нѣкотораго рода распадающемся мхѣ. Кромѣ этого растенія, врядь-ли есть какой нибудь признакъ растительности на островѣ, если мы исключимъ нѣкоторую грубую сочную траву около бухты, нѣкоторые лишай, и кустарникъ, имѣющій сходство съ калустой, которая проросла, и отличающійся острымъ и терпкимъ вкусомъ.

Ликъ страны холмистый, хотя ни одинъ изъ холмовъ не можетъ быть названъ высокимъ. Ихъ вершины всегда покрыты снѣгомъ. Тамъ есть нѣсколько гаваней, изъ нихъ Гавань Святокъ наиболѣе удобная. Это первая бухта, съ которой встрѣчаешься на Сѣверо-Восточной сторонѣ Острова, послѣ того какъ обогнулъ Мысь Франсуа, который образуетъ сѣверный берегъ, и своими особенными очертаніями помогаетъ различить гавань. Выдающаяся часть образуетъ высокій утесъ, черезъ него тянется большое отверстіе, образуя естественный сводъ. Входъ находится на 48°40' южной широты, 69°6' восточной долготы. Когда въ него войдешь, можно благополучно бросить якорь подъ защиту нѣсколькихъ небольшихъ острововъ, образующихъ достаточную ограду отъ всѣхъ восточныхъ вѣтровъ. Продвигаясь отъ этой стоянки къ Востоку, вы прибываете въ Осиную Бухту, находящуюся при входѣ въ гавань. Это небольшой водоемъ, совершенно замкнутый сушей, къ которой вы можете идти, имѣя четыре сажени воды, и бросить якорь, имѣя отъ десяти до трехъ сажени воды и плотное глинистое дно. Корабль можетъ стоять здѣсь въ наилучшей обезпеченности, безъ какого-либо риска, круглый годъ. Къ Западу, при входѣ въ Осиную Бухту, находится небольшой источникъ превосходной воды, каковую можно легко получить.

На Островѣ Кергэлена еще можно находить мохна-

тыхъ и шерстистыхъ тюленей, и тамъ изобилуютъ морскіе слоны. Оперенныя племена находятся тамъ въ большомъ числѣ. Изобилуютъ пингвины, и имѣется ихъ тамъ четыре разнствующіе разряда. Царскій пингвинъ, такъ называемый благодаря его росту и красивому оперенію, самый большой. Верхняя часть тѣла обычно сѣрая, иногда сиреневаго оттѣнка; нижняя часть чистѣйшей бѣлизны, какую только можно вообразить. Голова лоснисто-блистательно черная, ноги также. Главная красота оперенія, однако, состоитъ въ двухъ широкихъ полосахъ золотого цвѣта, которыя идутъ вдоль отъ головы къ груди. Клювъ длинный и гвоздичнаго цвѣта или яркочалого. Эти птицы ходятъ держась прямо, съ осанкою статной. Онѣ держатъ голову высоко, крылья же ихъ понижаютъ ницъ какъ двѣ руки, и такъ какъ хвостъ выступаетъ изъ тѣла на одной линіи съ верхней частью ногъ, сходство съ человѣческой фигурой весьма поразительно, и можетъ обмануть зрителя при случайномъ бѣгломъ взглядѣ, или въ сумеречномъ вечерѣ. Царскіе пингвины, которыхъ мы нашли на Землѣ Кергелена, были нѣсколько больше по размѣрамъ, чѣмъ гусь. Другіе разряды пингиновъ суть такъ называемые фаты, глупцы, и грачи, они гораздо меньше, менѣе красивы въ опереніи, и отличаются въ другихъ отношеніяхъ.

Кромѣ пингиновъ, здѣсь находятся также разныя другія птицы, среди нихъ могутъ быть упомянуты морскія курочки, голубые глупыши, чирки, обыкновенныя утки, куры Порты Эгмонта, бакланы, Капскіе голуби, буревѣстники, морскія ласточки, чагравы, океанскія чайки, цыплята Матери Кэри, гуси Матери Кэри, или большіе глупыши, и, наконецъ, альбатросъ.

Большой глупышъ такихъ же размѣровъ, какъ обыкновенный альбатросъ, и онъ хищный. Его часто зовутъ орланомъ, или морскимъ орломъ. Эти глупыши совсѣмъ не робки, и если ихъ надлежащимъ образомъ приготовить,

это вкусная пища. Пролетая, они иногда рѣютъ совсѣмъ близко отъ поверхности воды, съ распростертыми крыльями, которыми они, повидимому, совершенно не двигаютъ, и какъ будто бы никакъ ими не пользуются.

Альбатросъ одна изъ самыхъ большихъ и горячихъ птицъ Южнаго Моря. Онъ принадлежитъ къ разряду морскихъ рыболововъ, и схватываетъ свою добычу налету, никогда не прибывая на сушу, кромѣ какъ для цѣлей выведенія птенцовъ. Между этой птицей и пингвиномъ существуетъ самая своеобразная дружба. Ихъ гнѣзда строятся съ большимъ единообразіемъ, по плану, договоренному между двумя этими птичьими разрядами — гнѣздо альбатроса помѣщается въ средоточіи небольшого квадрата, образованнаго гнѣздами четырехъ пингвиновъ. Мореплаватели, согласно, называютъ соединеніе такихъ лагерей *воспитательный поселокъ*. Эти мѣста выводковъ часто были описаны, но, такъ какъ читатели мои, можетъ быть, не всѣ знакомы съ такими описаніями, и такъ какъ я потомъ буду имѣть случай говорить о пингвинѣ и альбатросѣ, будетъ не неумѣстно сказать что-нибудь объ ихъ способѣ построенія гнѣзда и образѣ жизни.

Когда наступаетъ пора выводить птенцовъ, птицы собираются въ огромномъ числѣ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней, повидимому, обсуждаютъ, какой надлежитъ дать дѣлу ходъ. Наконецъ, они приступаютъ къ дѣйствию. Выбирается ровное мѣсто, надлежащихъ размѣровъ, обычно три-четыре акра, и такъ близко отъ моря, какъ только возможно, однако-же виѣ предѣловъ его досягновенія. Мѣсто выбирается въ соображеніи ровности почвы, и предпочитается такое, которое наименѣе загромождено камнями. Какъ только это установлено, птицы поступаютъ въ согласіи, и дѣйствуютъ, повидимому, руководимыя однимъ умомъ, дабы намѣтить, съ математической точностью, либо квадратъ, либо какой другой параллелограммъ, насколько это можетъ наилучше соотвѣтствовать

природѣ почвы, и какъ разъ достаточныхъ размѣровъ, чтобы легко вмѣстить всѣхъ собравшихся птицъ, и не больше—эта подробность, какъ кажется, рассчитана на то, чтобы предупредить пріемъ будущихъ бродягъ, которые не участвовали въ работѣ построения поселка. Одна сторона стана, такимъ образомъ намѣченнаго, идетъ параллельно съ краемъ воды и оставляется открытой для входа и выхода.

Опредѣливъ границы мѣста вывода птенцовъ, поселенцы начинаютъ теперь очищать почву отъ всякаго рода мусора, подбирая камень за камнемъ, унося ихъ за предѣлы намѣченныхъ линій, и кладя какъ разъ на границахъ, дабы образовать нѣкую стѣну на трехъ сторонахъ суши. Какъ разъ внутри этой стѣны образуется ровная и гладкая дорожка, отъ шести до восьми футовъ ширины, и простирающаяся вокругъ поселка—она служить, такимъ образомъ, для всѣхъ мѣстомъ прогулки.

Ближайшее, что дѣлается, это раздѣленіе всего отмѣченнаго пространства на небольшіе квадраты, въ точности равные по размѣрамъ. Это дѣлается черезъ проведеніе узкихъ тропинокъ, очень ровныхъ, и пересѣкающихъ одна другую подъ прямымъ угломъ на всемъ протяженіи мѣста вывода птенцовъ. На каждомъ пересѣченіи этихъ тропинокъ строится гнѣздо альбатроса, гнѣздо-же пингвина въ центрѣ каждаго квадрата—такимъ образомъ, каждый пингвинъ окруженъ четырьмя альбатросами, и каждый альбатросъ одинаковымъ числомъ пингвиновъ. Гнѣздо пингвина состоитъ изъ ямки въ землѣ, очень неглубокой, и какъ разъ достаточной только для того, чтобы единственное яйцо пингвина не укатилось. Альбатросъ нѣсколько менѣе простъ въ своемъ устроеніи, онъ воздвигаетъ холмикъ, приблизительно въ одинъ футъ вышины, два фута въ діаметрѣ. Этотъ холмикъ дѣлается изъ земли, морскихъ водорослей, и раковинъ. На вершинѣ его онъ строитъ себѣ гнѣздо.

Птицы прилагаютъ особенное стараніе къ тому, чтобы никогда не оставлять ни на одно мгновеніе своихъ гнѣздъ не занятыми во время высиживанія яицъ, или даже до тѣхъ поръ, пока птенцы не сдѣлаются достаточно сильными, чтобъ самимъ о себѣ заботиться. Въ то время какъ самецъ отсутствуетъ и ищетъ въ морѣ пищи, самка выполняетъ свои обязанности, и лишь по возвращеніи своего сотоварища она дерзаетъ отлучиться. Яйца никогда не остаются неприкрытыми—въ то время какъ одна птица оставляетъ гнѣздо, другая садится внизу на ея мѣсто. Эта предосторожность сдѣлалась необходимою благодаря воровскимъ наклонностямъ, господствующимъ въ воспитательномъ поселкѣ, жители котораго безъ зазрѣнія совѣсти похищаютъ другъ у друга яйца при каждомъ удобномъ случаѣ.

Хотя есть воспитательные поселки, въ которыхъ пингвинъ и альбатросъ составляютъ единственное населеніе, однако въ большей ихъ части можно встрѣтить много разныхъ океанскихъ птицъ, которыя всѣ пользуются преимуществами гражданства, и помѣщаютъ свои гнѣзда тамъ и сямъ, гдѣ они только могутъ найти мѣсто, никогда однако не посягая на стоянки болѣе крупныхъ разрядовъ. Видъ такихъ поселковъ, если глянуть на нихъ издали, чрезвычайно своеобразенъ. Весь воздухъ какъ разъ надъ поселеніемъ затемненъ огромнымъ числомъ альбатросовъ (перемѣшанныхъ съ болѣе мелкими племенами), которые безпрерывно вьются надъ нимъ, то направляясь къ океану, то возвращаясь домой. Въ то же самое время можно наблюдать толпу пингвиновъ, одни ходятъ туда и сюда по узкимъ переулкамъ, другіе выступаютъ съ военной выправкой, столь свойственной имъ, вокругъ мѣста общей прогулки, что опоясываетъ воспитательный поселокъ. Словомъ, какъ бы мы ни взглянули, ничто не можетъ быть столь удивительно, какъ духъ размышленія, выявляемый этими оперенными существами, и ничто, конечно, не можетъ

быть лучше рассчитано на то, чтобы вызвать размышленіе въ каждомъ благопорядочномъ человѣческомъ умѣ.

Въ утро послѣ нашего прибытія въ Гавань Святокъ, главный штурманъ, Мистеръ Паттерсонъ, взявъ лодки и (хотя пора была нѣсколько ранняя) отправился на поиски тюленей, оставивъ капитана и юнаго его родственника на одномъ мѣстѣ бесплодной земли къ Западу, ибо у нихъ было нѣкоторое дѣло, о которомъ въ точности я не могъ ничего разузнать, что-то касавшееся внутренней части острова. Капитанъ Гай взялъ съ собой бутылку, въ которой было какое-то запечатанное письмо, и направился съ того мѣста, гдѣ его высадили на берегъ, къ одному изъ высочайшихъ, находившихся тамъ, утесовъ. Вполнѣ вѣроятно, что намѣреніемъ его было оставить письмо на этой высотѣ для какого-нибудь судна, которое, какъ онъ ожидалъ, должно было придти послѣ него. Какъ только мы потеряли его изъ виду, мы направили наше крейсированіе (Питерсъ и я, мы были въ лодкѣ штурмана) вкругъ побережья, высматривая тюленей. Этимъ мы были заняты недѣли три, и осмотрѣли съ большимъ тщаніемъ каждый уголокъ и закоулокъ не только на Землѣ Кергелена, но и на нѣсколькихъ небольшихъ островахъ по сосѣдству. Труды наши, однако, не были увѣнчаны какимъ-либо значительнымъ успѣхомъ. Мы видѣли очень много пушныхъ тюленей, но они были чрезвычайно боязливы, и съ самыми великими усиліями мы смогли добыть лишь триста пятьдесятъ шкуръ всего на всего. Морскіе слоны были въ изобиліи, особенно на западномъ побережьи острова, но изъ нихъ мы убили лишь два десятка, и это съ большимъ трудомъ. На меньшихъ островахъ мы нашли значительное число мохнатыхъ тюленей, но не тревожили ихъ. Мы вернулись на шхуну одиннадцатаго, гдѣ нашли капитана Гая и его племянника, который рассказалъ намъ всякіе ужасы о внутренней части острова, изобразивъ его какъ одну изъ самыхъ угрюмыхъ и совершенно бесплод-

ныхъ странъ, какія только есть въ мірѣ. Они оставались на островѣ двѣ ночи, благодаря нѣкоторому недоразумѣнію со вторымъ штурманомъ касательно посылки малаго гребного судна со шхуны, дабы взять ихъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Двѣнадцатаго мы отплыли изъ Гавани Святокъ, возвращаясь по нашему пути къ Западу, и оставляя островъ Маріона, одинъ изъ острововъ группы Крозэ, съ лѣвой стороны судна. Потомъ мы миновали островъ Принца Эдуарда, оставляя его тоже влѣво; затѣмъ, правя болѣе на Сѣверъ, черезъ пятнадцать дней мы достигли острововъ Тристана д'Акунья, на $37^{\circ} 8'$ южной широты и $12^{\circ} 8'$ западной долготы.

Эта группа, такъ хорошо извѣстная теперь и состоящая изъ трехъ круговыхъ острововъ, была впервые открыта Португальцами, а позднѣе ее посѣтили Голландцы въ 1643-мъ году и Французы въ 1767-мъ. Три острова вмѣстѣ составляютъ треугольникъ, и отстоятъ одинъ отъ другого приблизительно на десять миль, оставляя между собою открытые широкіе проходы. Мѣстность на всѣхъ нихъ очень возвышенная, особенно на такъ называемомъ островѣ Тристана д'Акунья. Это самый большой изъ всѣхъ, онъ имѣетъ пятнадцать миль въ окружности, и настолько возвышенъ, что въ ясную погоду его можно видѣть на разстояніи восьмидесяти-девяносто миль. Часть мѣстности къ Сѣверу поднимается болѣе чѣмъ на тысячу футовъ перпендикулярно къ морю.

Плоскогорье на этой вышинѣ простирается назадъ приблизительно къ серединѣ острова, и отъ этого плоскогорья поднимается возвышенный конусъ, подобный верхушкѣ Teneriffa. Нижняя часть этого конуса покрыта деревьями значительныхъ размѣровъ, но верхняя часть

являетъ изъ себя обнаженную скалу, обыкновенно скрытую облаками, и покрытую снѣгомъ въ продолженіи большей части года. Вокругъ острова нѣтъ отмелей или другихъ опасностей, ибо берегъ удивительно приглубый и вода глубока. На сѣверо-западной сторонѣ есть заливъ съ отлогимъ берегомъ чернаго песку, гдѣ легко причалить лодкѣ, если только дуетъ южный вѣтеръ. Здѣсь можно достать превосходную воду въ большомъ количествѣ; а также ловить треску и другую рыбу багромъ и на удочку.

Слѣдующій по величинѣ островъ, и самый западный изъ группы, это такъ называемый „Неприступный“. Его точное положеніе $37^{\circ} 17'$ южной широты и $12^{\circ} 24'$ восточной долготы. Онъ имѣетъ семь или восемь миль въ окружности и со всѣхъ сторонъ являетъ ликъ неприступный и крутой. Его вершина совершенно плоская, и вся мѣстность бесплодна, ибо на ней ничего не растетъ, кромѣ нѣсколькихъ хилыхъ кустарниковъ.

Соловьиный островъ самый маленькій и самый южный находится на $37^{\circ} 26'$ южной широты и $12^{\circ} 21'$ западной долготы. На уровнѣ его южной конечности есть высокій рифъ изъ скалистыхъ островковъ; нѣсколько подобныхъ же островковъ видны къ Сѣверо-Востоку. Почва неровная и бесплодная, и глубокая долина отчасти раздѣляетъ его.

Берега этихъ окрестныхъ острововъ, въ надлежащую пору года, изобилуютъ морскими львами, морскими слонами, волосатыми и пушными тюленями, вмѣстѣ съ большимъ разнообразіемъ океанскихъ птицъ. Киты также часто встрѣчаются по близости. Благодаря той легкости, съ которой ловили здѣсь раньше звѣрей, группа этихъ острововъ была много посѣщаема со времени ея открытія. Голландцы и Французы бывали здѣсь въ очень ранній періодъ. Въ 1790-мъ году капитанъ Паттенъ корабля „Промышленность“ изъ Филадельфіи—присталъ къ острову Тристана д'Акунья, гдѣ онъ оставался семь мѣсяцевъ (отъ Августа 1790-го до Апрѣля 1791-го) для собиранія тю-

леньихъ шкуръ. За это время онъ собралъ не менѣе, чѣмъ пять тысячъ шестьсотъ штукъ, и говорилъ, что безъ труда въ три недѣли нагрузилъ бы огромный корабль ма-сломъ. Когда онъ прибылъ туда, тамъ не было четвероногихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дикихъ козъ; теперь островъ изобилуетъ всѣми нашими лучшими домашними животными, которыя постепенно были привозимы мореплавателями.

Я предполагаю, что немного спустя послѣ посѣщенія Капитана Паттена, Капитанъ Американскаго Брига „Бэтси“, Колькунъ, присталъ къ самому большому острову, для подкрѣпленія. Онъ насадилъ лукъ, картофель, капусту, и много другихъ овощей, которыя теперь находятся тамъ въ большомъ количествѣ.

Въ 1811-мъ году нѣкій Капитанъ Гэйвудъ, изъ Неруса, посѣтилъ Тристанъ. Онъ встрѣтилъ здѣсь трехъ Американцевъ, которые обитали на островахъ для изготовленія тюленьихъ шкуръ и масла. Имя одного изъ нихъ было Джонатанъ Ламбертъ, и онъ называлъ себя повелителемъ страны. Онъ расчистилъ и обработалъ около шестидесяти акровъ земли и направилъ все свое вниманіе на разведеніе кофейнаго дерева и сахарнаго тростника, которыми снабдилъ его Американскій посоль изъ Ріо-Жанейро. Подъ конецъ это поселеніе, однако, было оставлено, и, въ 1817-мъ году, острова были взяты Британскимъ правительствомъ, которое для этой цѣли послало отрядъ съ Мыса Доброй Надежды. Однако Англичане не продержались здѣсь долго; но, послѣ того какъ страна была очищена какъ Британское владѣніе, двѣ-три Англійскія семьи поселились здѣсь независимо отъ правительства. Двадцать пятого Марта 1824-го года „Бервикъ“, Капитана Джеффри, выѣхавшій изъ Лондона къ Вандименовой землѣ, прибылъ въ это мѣсто, гдѣ онъ нашелъ Англичанина по имени Глэссъ, бывшаго ранѣе капраломъ Британской артиллеріи. Онъ притязалъ на титулъ главнаго губернатора и имѣлъ подъ сво-

имъ вѣдѣніемъ двадцать одного мужчину и три женщины. Онъ далъ очень благопріятный отчетъ о здоровыхъ свойствахъ климата и плодородіи почвы. Населеніе занималось главнымъ образомъ собираніемъ тюленьихъ шкуръ и жира морскихъ слоновъ, этимъ они торговали съ Мысомъ Доброй Надежды, ибо Глэссъ имѣлъ небольшую шхуну. Во время нашего прибытія губернаторъ еще находился тамъ, но его маленькая община разрослась, на Тристанѣ было пятьдесятъ шесть человѣкъ, не считая небольшого поселка изъ семи человѣкъ на Соловьиномъ островѣ. Намъ не трудно было достать всевозможнаго рода запасы, въ которыхъ мы нуждались — тамъ были овцы, свиньи, телята, кролики, домашняя птица, козы, всякая рыба, и овощи, въ большомъ изобиліи. Бросивъ якорь совсѣмъ вблизи большого острова, на восемнадцати саженьяхъ, мы взяли на бортъ все, что намъ было нужно, безъ какого-либо затрудненія. Капитанъ Гай купилъ также у Глэсса пятьсотъ тюленьихъ шкуръ и немного слоновой кости. Мы пробыли здѣсь недѣлю, впродолженіи которой преобладали вѣтры съ Сѣвера и Запада, и погода была нѣсколько туманная. Пятаго Ноября мы отплыли къ Юго-Западу съ цѣлью окончательно разслѣдовать группу острововъ, называемую Аврора, относительно существованія какой-либо было много различествующихъ мнѣній.

Говорять, острова эти были открыты съ 1762-го года командиромъ корабля „Аврора“. Въ 1790-мъ капитанъ Мануэль де-Ойарвидо, на кораблѣ „Принцесса“, принадлежавшемъ Королевской Компаніи Филиппинскихъ острововъ, проплылъ, какъ онъ утверждалъ, прямо среди нихъ. Въ 1794-мъ году Испанскій корветъ „Дерзновенный“ отплылъ съ цѣлью опредѣлить ихъ точное положеніе, и въ одномъ отчетѣ, напечатанномъ Королевскимъ Гидрографическимъ Обществомъ въ Мадридѣ въ 1809-мъ году въ слѣдующихъ словахъ говорится объ этой экспедици:— „Корветъ „Дерзновенный“ сдѣлалъ всѣ нужныя наблюде-

нія, находясь въ непосредственной близости съ двадцать перваго по двадцать седьмое Января, и вымѣрилъ хронометромъ разстояніе долготы между этими островами и портомъ Соледадь и Мальнинасъ. Острововъ этихъ три; они приблизительно на одномъ меридіанѣ; средній скорѣе ниже, а другіе два можно видѣть на разстояніи девяти лигъ“. Наблюденія, сдѣланныя на бортѣ „Дерзновеннаго“, даютъ слѣдующія указанія относительно точнаго положенія каждаго острова. Самый сѣверный островъ находится на $52^{\circ} 37' 24''$ южной широты, $47^{\circ} 43' 15''$ западной долготы; средній островъ на $53^{\circ} 2' 40''$ южной широты, $47^{\circ} 55' 15''$ западной долготы; а самый южный на $53^{\circ} 15' 22''$ южной широты, $47^{\circ} 57' 15''$ западной долготы.

Двадцать седьмого Января 1820-го года Капитанъ Джэмсъ Ведделль, Британскаго флота, отплылъ изъ Земли Стэтенъ, также для поисковъ Авроры. Онъ доложилъ, что сдѣлалъ самыя тщательныя изысканія и прошелъ не только по тѣмъ самымъ мѣстамъ, которыя указаны командиромъ „Дерзновеннаго“, а и во всѣхъ направленіяхъ вблизи этихъ мѣстъ, но не могъ замѣтить никакихъ признаковъ земли. Эти противорѣчивыя указанія побудили другихъ мореплавателей отыскивать эти острова; и странно сказать, въ то время какъ нѣкоторые прослѣдовали по каждому дюйму моря, тамъ, гдѣ, въ предположеніи, они должны были находиться, не находя ихъ, было не мало и такихъ, которые утверждали положительно, что видѣли ихъ и даже были совсѣмъ близко отъ ихъ береговъ. Намѣреніемъ капитана Гая было сдѣлать рѣшительно все, что было въ его власти, чтобы выяснитъ вопросъ, столь странно спорный *).

*) Среди судовъ, которые въ различныя времена объявляли, что встрѣтили острова Авроры, должны быть упомянуты корабль „Санъ-Мигэль“ въ 1769-мъ году, корабль „Аврора“ въ 1774-мъ году; бригъ „Жемчужина“ въ 1779-мъ году; и корабль „Долоресъ“ въ 1790-мъ году. Всѣ они, согласно, даютъ ту же широту пятьдесятъ три градуса къ Югу.

Мы продолжали нашъ путь между Югомъ и Западомъ, съ переменной погодой до двадцатаго того же мѣсяца, и тутъ мы очутились на томъ именно мѣстѣ, о которомъ идетъ рѣчь, ибо мы были на $53^{\circ} 15'$ южной широты, $47^{\circ} 58'$ западной долготы—то есть очень близко отъ пункта, указаннаго какъ положеніе самаго южнаго изъ группы острововъ. Не замѣчая ни признака земли, мы продолжали путь къ Западу, по пятьдесятъ третьей параллели къ Югу до меридіана на пятидесятомъ градусѣ къ Западу. Потомъ мы дошли къ Сѣверу до параллели пятидесяти двухъ градусовъ южной широты, затѣмъ мы повернулись къ Западу, и держались нашей параллели, на двойной высотѣ, утро и вечеръ, и высоты меридіана планеты и луны. Дойдя такимъ образомъ на Востокъ къ меридіану западнаго берега Георгіи, мы держались этого меридіана, пока не достигли широты, отъ которой мы вышли. Тогда мы избрали діагональные пути одинъ за другимъ черезъ все протяженіе моря, точно означеннаго, имѣя постоянное наблюденіе на вершинѣ мачты, и повторяя наше наблюденіе съ величайшей тщательностью въ продолженіи трехъ недѣль, въ каковое время погода была удивительно пріятная и ясная, безъ какого бы то ни было тумана. Конечно, мы были вполне убѣждены, что, хотя острова можетъ быть и существовали по близости когда-нибудь раньше, теперь отъ нихъ не оставалось и слѣда. По моемъ возвращеніи домой, я узналъ, что то же самое пространство было прослѣжено съ тѣмъ же тщаніемъ, въ 1822-мъ году, капитаномъ Джонсономъ Американской шхуны „Генри“, и капитаномъ Моррэллемъ, на Американской шхунѣ „Оса“—и въ обоихъ случаяхъ съ тѣмъ же самымъ результатомъ, какъ и у насъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Первоначальнымъ намѣреніемъ Капитана Гая было, удостовѣрившись относительно острововъ Авроры, продолжать путь черезъ Магеллановъ проливъ, и выше, вдоль Западнаго берега Патагоніи; но указанія, которыя онъ получилъ на Тристанъ д'Акунья, заставили его направиться къ Югу, въ надеждѣ встрѣтить какіе-нибудь небольшіе острова, которые, какъ говорили, находятся на параллели 60° южной широты, $41^{\circ} 20'$ западной долготы. Въ случаѣ если бы онъ не открылъ этой земли, онъ рѣшилъ, при благоприятной погодѣ, направиться къ Полюсу. Поэтому, двѣнадцатаго Декабря мы отплыли въ данномъ направленіи. Восемнадцатаго мы находились около мѣста, указаннаго Глэссомъ, и крейсировали впродолженіи трехъ дней въ окрестностяхъ, не находя никакихъ слѣдовъ тѣхъ острововъ, о которыхъ онъ говоритъ. Двадцать перваго, такъ какъ погода была необычайно хорошей, мы снова поплыли къ Югу, рѣшивъ проникнуть по этому пути возможно дальше. Прежде чѣмъ приступить къ этой части моего повѣствованія, величнейшее будетъ для освѣдомленія тѣхъ читателей, которые съ малымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ открытій въ этихъ областяхъ, дать краткій отчетъ о нѣсколькихъ, очень немногихъ, попыткахъ достигъ Южнаго Полюса, которыя до сихъ поръ были сдѣланы.

Попытка Капитана Кука была первой, о которой мы имѣемъ нѣкоторый точный отчетъ. Въ 1772-мъ году онъ направился къ Югу на корабль „Рѣшимость“, въ сопровожденіи лейтенанта Фурно на корабль „Приключеніе“. Въ Декабрѣ онъ былъ на пятьдесятъ восьмой параллели южной широты, $26^{\circ} 57'$ восточной долготы. Здѣсь онъ встрѣтился съ узкими полями сплошнаго льда, толщиною около восьми-десяти дюймовъ, которыя мчались къ Сѣ-

веро-Западу и Юго-Востоку. Этотъ ледъ былъ въ большихъ глыбахъ, и такъ тѣсно онъ былъ нагроможденъ, что суда съ большимъ трудомъ пробивали себѣ путь. Въ это время Капитанъ Кукъ предположилъ, по большому множеству птицъ, которыя были видны, и по другимъ признакамъ, что онъ находился очень близко отъ земли. Онъ продолжалъ двигаться къ Югу (погода была чрезвычайно холодной), пока не достигъ шестьдесятъ четвертой параллели на $38^{\circ} 14'$ восточной долготы. Здѣсь была пріятная погода, съ легкими вѣтрами, въ продолженіе пяти дней термометръ показывалъ тридцать шесть. Въ Январѣ 1773-го года суда перешли Полуденный кругъ, но имъ не удалось пройти много больше впередъ; ибо, достигнувъ $67^{\circ} 15'$ широты, они нашли, что дальнѣйшее движеніе задержано великимъ нагроможденіемъ льда, который простирался вдоль южнаго горизонта такъ далеко, какъ только могъ достать взглядъ. Ледъ этотъ былъ очень разнообразнаго вида, и нѣкоторыя огромныя полосы его простирались на мили, образуя плотную громаду, поднимающуюся на восемнадцать—двадцать футовъ надъ водой. Время года было позднее, и не имѣя надежды оплыть кругомъ эти препятствія, Капитанъ Кукъ съ сожалѣніемъ вернулся назадъ.

Въ слѣдующемъ Ноябрѣ онъ возобновилъ свои изысканія въ Полуденныхъ моряхъ. На $59^{\circ} 40'$ широты онъ встрѣтилъ сильное теченіе по направленію къ Югу. Въ Декабрѣ, когда суда находились на $67^{\circ} 31'$ широты, $142^{\circ} 54'$ западной долготы, холодъ былъ чрезвычайный, съ сильнымъ вѣтромъ и туманомъ. Здѣсь также птицы были въ большомъ количествѣ; альбатросы, пингвины, и въ особенности глупыши. На $70^{\circ} 23'$ широты встрѣтились какіе-то большіе острова изъ льда, а немного спустя были замѣчены облака на Югѣ снѣжной бѣлизны, указывавшія на близость ледяныхъ пространствъ. На $71^{\circ} 10'$ широты, $106^{\circ} 54'$ западной долготы мореплаватели

были остановлены, какъ и раньше, огромнымъ замерзшимъ пространствомъ, которое заполняло всю линію южнаго горизонта. Сѣверная сторона этого пространства была неровна и изломана, и такъ крѣпко льдины были сцѣплены, что были совершенно непроходимы, простиралась на милю къ Югу. За этимъ замерзшая поверхность на нѣкоторое разстояніе была сравнительно гладкой, пока она не кончалась на самомъ заднемъ планѣ гигантскими рядами ледяныхъ горъ, которыя громоздились одна надъ другой. Капитанъ Кукъ заключилъ, что это огромное поле достигало до Южнаго Полюса или прилегало къ какому-нибудь материку. Мистеръ Д. П. Рэйнольдсъ, которому большими стараніями и настойчивостью удалось наконецъ снарядить національную экспедицію, частію для изслѣдованія этихъ областей, говоритъ слѣдующее о попыткѣ корабля „Рѣшимость“: „Мы не удивляемся тому, что Капитану Куку не удалось пройти дальше $71^{\circ} 10'$, но мы удивлены, что онъ достигъ этого пункта черезъ меридіанъ $106^{\circ} 54'$ западной долготы. Земля Пальмера лежитъ южнѣе Шетланда на шестьдесятъ четвертомъ градусѣ широты и простирается на Юго-Западъ дальше, чѣмъ проникалъ до сихъ поръ кто-либо изъ мореплавателей. Кукъ находился передъ этой землей, когда его движеніе впередъ было остановлено льдомъ, который, мы опасаемся, всегда будетъ тамъ въ столь раннее время года какъ шестое Января—и мы не будемъ удивлены, если часть описанныхъ ледяныхъ горъ прилегаютъ къ главной массѣ земли Пальмера или другимъ какимъ-либо частямъ суши, лежащимъ дальше къ Югу и Западу.

Въ 1803-мъ году Капитанъ Крейценштернъ и Капитанъ Лисянскій были посланы Русскимъ Императоромъ Александромъ для кругосвѣтнаго плаванія. Стараясь плыть къ Югу, они не прошли дальше $59^{\circ} 58'$ широты, $70^{\circ} 15'$ западной долготы. Здѣсь они встрѣтили сильныя теченія къ Востоку. Китовъ было тутъ много, но льда они не видали.

Относительно этого путешествія, Мистеръ Рэйнольдсъ замѣчаетъ, что, если бы Крейценштернъ прибылъ туда, гдѣ онъ былъ въ болѣе раннее время года, онъ долженъ былъ бы встрѣтить ледъ—былъ Мартъ, когда онъ достигъ упомянутой широты. Господствующіе тогда вѣтры, дувшіе съ Юга и Запада, вспомогаемые теченіями, занесли полосы льда въ эту лдяную область, ограниченную на Сѣверѣ Георгіей, на Востокѣ Сандвичевыми островами и Южно-Оркнейскими, а на Западѣ Южными Шетландскими островами.

Въ 1822-мъ году Джэмсъ Ведделль, Капитанъ Британскаго флота, съ двумя малыми судами проникъ дальше къ Югу, чѣмъ кто-либо изъ прежнихъ мореплавателей, и, къ тому же, не встрѣтивъ какихъ-либо необычайныхъ трудностей. Онъ сообщаетъ, что, хотя онъ часто былъ задерживаемъ льдами *до того*, какъ достигъ семьдесятъ второй параллели, теперь, достигнувъ ея, онъ не видѣлъ ни куска льда, и, дойдя до $74^{\circ} 15'$ широты, онъ не встрѣтилъ ледяныхъ пространствъ, а только три ледяные острова. Немного странно, что, хотя здѣсь была видна масса птицъ и были другіе обычные признаки земли, и что, хотя на Югѣ отъ Шетландскихъ острововъ, съ наблюдательнаго пункта на вершинѣ мачты, были видны неизвѣстные берега, простиравшіеся къ Югу, Ведделль опровергаетъ ту мысль, что въ Полярной южной области есть земля.

Одиннадцатаго Января 1823-го года Капитанъ Американской шхуны „Оса“, Бенджаминъ Моррэлль, отплылъ съ земли Кергэлена, имѣя ввиду проникнуть къ Югу возможно дальше. Перваго Февраля онъ находился на $64^{\circ} 52'$ южной широты, $118^{\circ} 27'$ восточной долготы. Слѣдующій отрывокъ отъ этого числа взятъ изъ его дневника: „Вѣтеръ вскорѣ посвѣжѣлъ возросши, до одиннадцати-узлового бриза, и мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы направиться къ Западу; однако мы были убѣждены, что, чѣмъ дальше мы будемъ къ Югу за шестьдесятъ четвертымъ градусомъ

широты, тѣмъ менѣе намъ придется опасаться льдовъ, мы направились немного къ Югу, пока не перешли Полуденнаго круга и очутились на $69^{\circ} 15'$ восточной широты. На этой широтѣ *не было никакихъ ледяныхъ пространствъ*, и было видно лишь нѣсколько ледяныхъ островковъ“.

Подъ числомъ четырнадцатаго Марта я нахожу также слѣдующую записку: „Море было теперь совсѣмъ свободно отъ ледяныхъ пространствъ, здѣсь было видно не болѣе двѣнадцати ледяныхъ островковъ. При этомъ температура воздуха и воды была по крайней мѣрѣ на тринадцать градусовъ выше (теплѣе), чѣмъ она когда-либо была между шестидесятой и шестьдесятъ второй параллелью къ Югу. Мы находились теперь на $70^{\circ} 14'$ южной широты, и температура воздуха была сорокъ семь, а въ водѣ сорокъ четыре. При этомъ положеніи я нашелъ измѣненіе въ $14^{\circ} 27'$ къ Востоку по азимуту. Я нѣсколько разъ переплывалъ за Полуденный кругъ на различныхъ меридіанахъ, и неизмѣнно находилъ, что температура воздуха и воды становилась все болѣе и болѣе теплой, чѣмъ дальше я двигался впередъ за шестьдесятъ пятый градусъ Южной широты, и что измѣненіе уменьшалось въ той же пропорціи. Пока я находился сѣвернѣе этой широты,—скажемъ, между шестидесятымъ и шестьдесятъ-пятымъ градусомъ къ Югу—, часто мы съ большимъ трудомъ могли найти путь для судна между огромныхъ и неисчислимыхъ ледяныхъ острововъ, изъ нихъ нѣкоторые имѣли отъ одной до двухъ миль въ окружности, и они были болѣе чѣмъ на пятьсотъ футовъ надъ поверхностью воды“.

Почти не имѣя топлива и воды, и безъ надлежащихъ инструментовъ, Капитанъ Моррэлль, ввиду того также, что было позднее время года, принужденъ былъ теперь вернуться назадъ, не пытаясь двигаться дальше къ Западу, хотя совершенно открытое море лежало передъ нимъ. Онъ выразилъ мнѣніе, что, если бы не эти побѣждающія сооб-

раженія, которыя заставили его вернуться, онъ могъ бы достигъ, если не самаго Полюса, то хотя восемьдесятъ пятой параллели. Я нѣсколько подробно остановился на этомъ предметѣ, для того чтобы читатели имѣли случай видѣть, насколько эти представленія были подтверждены моимъ собственнымъ послѣдующимъ опытомъ.

Въ 1831-мъ году Капитанъ Бриско на службѣ у господъ Эндерби, собственниковъ китобойныхъ судовъ въ Лондонѣ, выѣхалъ на бригъ „Рѣзвый“ къ Южнымъ морямъ въ сопровожденіи катера „Тула“. Двадцать восьмого Февраля, находясь на $66^{\circ} 30'$ южной широты, $47^{\circ} 13'$ восточной долготы, онъ увидалъ, землю, и „ясно различилъ сквозь снѣгъ черныя вершины ряда горъ, которыя простирались на Востокъ-Юго-Востокъ“. Онъ оставался по сосѣдству съ ними впродолженіи всего слѣдующаго мѣсяца, но не могъ подойти ближе къ берегу, чѣмъ на десять лигъ, благодаря бурной погодѣ. Найдя невозможнымъ продолжать дальше открытія въ это время года, онъ вернулся къ Сѣверу, чтобы перезимовать на Вандименовой землѣ.

Въ началѣ 1832-го года онъ опять продолжалъ путь къ Югу, и четвертаго Февраля показалась земля на Юго-Востокѣ на $67^{\circ} 15'$ широты, $69^{\circ} 29'$ западной долготы. Вскорѣ оказалось, что это былъ островъ около выдававшейся части земли, которую онъ открылъ раньше. Двадцать перваго того же мѣсяца ему удалось пристать къ этой послѣдней, и онъ вступилъ во владѣніе ею именемъ Вильгельма IV, назвавъ ее островомъ Аделаиды въ честь Англійской королевы. Когда эти подробности были доложены Королевскому Географическому Обществу въ Лондонѣ, имъ было вынесено заключеніе „что это непрерывная линія земли, которая тянется отъ $47^{\circ} 30'$ восточной долготы до $69^{\circ} 29'$ западной долготы на параллели отъ шестьдесятъ шестого до шестьдесятъ седьмого градуса южной широты“. Относительно этого заключенія, Мистеръ

Рэйнольдсъ замѣчаетъ: „Съ правильностью этого мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться; также открытіе Бриско, равно, совсѣмъ не подтверждаетъ такого заключенія. Какъ разъ въ этихъ границахъ Ведделль продолжалъ идти на Югъ по меридіану къ Востоку Георгіи, Сандвичевой Земли, Южно-Оркнейскихъ и Шетландскихъ острововъ“. Мой собственный опытъ, какъ будетъ найдено, самымъ прямымъ образомъ доказываетъ ошибочность заключенія, къ которому пришло Географическое общество.

Это всѣ главныя попытки, которыя были сдѣланы, чтобы проникнуть до возможно болѣе высокой южной широты, и теперь можно будетъ видѣть, что до путешествія „Джэиъ“ оставалось около трехъ сотъ градусовъ долготы, черезъ которые Полуденный кругъ не былъ пересѣченъ вовсе. Конечно огромная область открытій лежала передъ нами, и съ чувствомъ напряженнаго интереса я услышалъ, какъ Капитанъ Гай высказалъ свое рѣшеніе смѣло двигаться впередъ къ Югу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Втеченіи четырехъ дней, послѣ того какъ мы оставили поиски острововъ Глэсса, мы держались въ направленіи къ Югу, не встрѣчая совершенно никакого льда. Въ полдень двадцать шестого мы находились на $63^{\circ}23'$ южной широты, $41^{\circ}25'$ западной долготы. Теперь мы увидѣли нѣсколько большихъ лдяныхъ острововъ, и цѣльную полосу льда, хотя не очень большихъ размѣровъ. Вѣтры преимущественно дули съ Юго-Востока, или Сѣверо-Востока, но очень слабо. Когда же дулъ западный вѣтеръ, что бывало рѣдко, онъ неизмѣнно сопровождался шкваломъ и дождемъ. Каждый день шелъ снѣгъ, то больше, то меньше. Термометръ двадцать седьмого былъ на тридцати пяти.

Января 1. 1828-го года. Этотъ день мы были совсѣмъ стѣснены льдами, и будущее наше представлялось совершенно безнадежнымъ. Сильная буря держалась впродолженіи всего предполуденья, съ Сѣверо-Востока, и несла льдины къ рулю и подзору съ такимъ бѣшенствомъ, что всѣ мы боялись послѣдствій этого. Къ вечеру буря еще продолжала свирѣпствовать, огромное поле льда передъ нами отдѣлилось, и намъ удалось съ помощью парусовъ проложить себѣ путь сквозь льдины меньшихъ размѣровъ въ открытую воду за ними. Когда мы приближались къ этому пространству, мы постепенно подняли паруса, и, подъ конецъ выбравшись совсѣмъ, легли въ дрейфъ съ однимъ зарифленнымъ переднимъ парусомъ.

Января 2. Погода была теперь довольно хорошей. Въ полдень мы находились на $69^{\circ}10'$ южной широты, $42^{\circ}20'$ западной долготы, пройдя Полуденный кругъ. На Югѣ виднѣлось совсѣмъ мало льда, хотя большія ледяныя поля лежали за нами. Въ этотъ день мы приспособили приборъ для измѣренія глубины, употребивъ большой желѣзный котелъ, который могъ выдержать двадцать галлоновъ, и веревку въ двѣсти саженей. Мы увидѣли, что теченіе было къ Сѣверу, и скорости около четверти мили въ часъ. Температура воздуха была теперь около тридцати трехъ. Здѣсь мы увидѣли измѣненіе въ $14^{\circ}28'$ къ Востоку по азимуту.

Января 5. Мы все еще подвигались къ Югу безъ особенно большихъ препятствій. Въ это утро, однако, находясь на $73^{\circ}15'$ восточной широты, $42^{\circ}10'$ западной долготы, мы опять должны были остановиться передъ огромнымъ пространствомъ плотнаго льда. Тѣмъ не менѣе къ Югу мы видѣли свободную воду, и были увѣрены, что въ концѣ концовъ намъ удастся достигнуть ея. Права къ Востоку вдоль края пловучаго поля, мы подошли наконецъ къ проходу около мили ширины, черезъ каковой проплыли на закатѣ солнца, нѣсколько уклонившись отъ

нашего пути. Море, въ которомъ мы теперь находились, было густо покрыто ледяными островками, но на немъ не было ледяныхъ полей, и мы двигались смѣло впередъ, какъ и раньше. Холодъ, казалось, не усилился, хотя снѣгъ шелъ очень часто, а иногда бывалъ очень сильный шквалъ съ градомъ. Огромныя стаи альбатросовъ въ этотъ день пролетѣли надъ шхуной, направляясь съ Юго-Востока на Сѣверо-Западъ.

Января 7. Море еще оставалось достаточно открытымъ, такъ что мы безъ труда могли продолжать нашъ путь. На Западѣ мы увидѣли нѣсколько ледяныхъ горъ, невѣроятныхъ размѣровъ, и послѣ полуденя прошли очень близко мимо одной, вершина которой имѣла не менѣе четырехсотъ саженьей отъ поверхности океана. Ея окружность въ основаніи была навѣрное въ три четверти лиги, и нѣсколько потоковъ воды несло изъ расщелинъ по ея склонамъ. Два дня островъ этотъ былъ передъ нашими глазами, и потомъ мы лишь потеряли его въ туманѣ.

Января 10. Мы имѣли несчастіе этимъ раннимъ утромъ потерять одного человѣка, упавшаго за бортъ. Это былъ Американецъ, по имени Питерсъ Вреденбургъ, уроженецъ Нью-Йорка, онъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ матросовъ на бортѣ шхуны. Когда онъ шелъ по корабельному носу, онъ поскользнулся и упалъ между двухъ ледяныхъ глыбъ, чтобы больше уже никогда не встать. Въ полдень этого дня мы были на $78^{\circ}31'$ широты, $40^{\circ}15'$ западной долготы. Холодъ былъ теперь чрезвычайный, и постоянно налеталъ шквалъ съ градомъ съ Сѣвера и Востока. Въ этомъ направленіи также мы видѣли еще болѣе огромныя ледяныя горы, и весь горизонтъ къ Востоку оказался загромажденнымъ ледяными полями, которыя вздымались рядами, громада надъ громадой. Къ вечеру проплылъ мимо лѣсъ, несшійся по теченію, и большое количество птицъ пролетѣло надъ нами, среди нихъ были

буревѣстники, глупыши, альбатросы, и большія птицы съ ярко-синимъ опереніемъ. Измѣненіе здѣсь по азимуту было меньше, чѣмъ оно было раньше передъ нашимъ пересѣченіемъ Полуденнаго круга.

Января 12. Нашъ проходъ къ Югу былъ опять сомнителенъ, ибо ничего не было видно по направленію къ Полюсу, кромѣ какъ будто неограниченной ледяной полосы, за которой вздымались настоящія горы зубчатаго льда, одна горная пропасть мрачно возносилась надъ другой. До четырнадцатаго мы держались къ Западу, въ надеждѣ найти какой-нибудь проходъ.

Января 14. Въ это утро мы достигли западной конечности поля, которое задерживало насъ, и, обойдя его съ навѣтренной стороны, вышли въ открытое море, безъ одинаго куска льда. Измѣряя воду на двѣсти сажений, мы нашли здѣсь теченіе, направляющееся къ Югу со скоростью полъ мили въ часъ. Температура воздуха была сорокъ семь, а воды тридцать четыре. Мы поплыли теперь къ Югу, не встрѣчая какого-либо препятствія до шестнадцатаго, когда въ полдень мы были на $81^{\circ}21'$ широты, 42° западной долготы. Здѣсь мы опять измѣряли воду, и нашли теченіе, все еще направлявшееся къ Югу со скоростью трехъ четвертей мили въ часъ. Измѣненіе по азимуту уменьшилось, и температура воздуха была мягкая и пріятная, — термометръ дошелъ до пятидесяти одного. За это время ни одного куска льда не было видно. Всѣ на борту были теперь увѣрены, что мы достигнемъ Полюса.

Января 17. Этотъ день былъ полонъ провсшествій. Безкончныя стаи птицъ пролетали надъ нами съ Юга, и нѣкоторыя изъ нихъ были застрѣлены съ палубы: одна изъ нихъ, родъ пеликана, оказалась очень вкусной. Около полдня съ вершины мачты, съ лѣвой стороны судна, было замѣчено небольшое ледяное поле, и на немъ показалось какое-то огромное животное. Такъ какъ погода была хорошая и почти тихая, Капитанъ Гай приказалъ спустить

двѣ лодки и посмотрѣть, что это такое. Дѣркъ Питерсъ и я сопровождали штурмана въ большой лодкѣ. Поровнявшись съ пловучей льдиной, мы увидѣли, что ее занимало гигантское существо изъ породы Полярныхъ медвѣдей, но этотъ медвѣдь по размѣрамъ превосходилъ самаго большого изъ этихъ животныхъ. Такъ какъ мы хорошо были вооружены, мы не усомнились сразу напасть на него. Нѣсколько выстрѣловъ было сдѣлано одинъ за другимъ, большая ихъ часть, повидимому, поразила его въ голову и туловище. Однако, это не обезкуражило чудовище, оно бросилось съ льдины и поплыло, съ открытою пастью, къ лодкѣ, въ которой находился Питерсъ и я. Благодаря замѣшательству, послѣдовавшему среди насъ при этомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, ни одинъ изъ насъ не былъ подготовленъ немедленно произвести второй выстрѣлъ, и медвѣдю самымъ положительнымъ образомъ удалось насѣсть половиною своего огромнаго объема поперегъ нашего шкафута, и онъ схватилъ одного изъ насъ за крестецъ, прежде чѣмъ какія-либо дѣйствительныя мѣры могли быть приняты, чтобы отбросить его. Въ этой крайности не что иное, какъ быстрота и ловкость Питерса, спасло насъ отъ гибели. Вскочивъ огромному звѣрю на спину, онъ погрузилъ ему лезвіе ножа въ загривокъ, однимъ ударомъ достигнувъ спинного мозга. Животное рухнуло бездыханнымъ въ море, безъ борьбы покотившись поверхъ Питерса въ своемъ паденіи. Питерсъ вскорѣ оправился, и, когда ему бросили веревку, онъ закрѣпилъ тѣло животнаго, прежде чѣмъ вернулся въ лодку. Мы возвратились послѣ этого съ торжествомъ къ шхунѣ, волоча за собой нашу трофей. Послѣ того какъ этотъ медвѣдь былъ смѣренъ, оказалось, что наибольшая его длина цѣлыхъ пятнадцать футовъ. Мѣхъ его былъ совершенно бѣлый, и очень жесткій, въ крутыхъ завиткахъ. Глаза кроваво-красные, и болшихъ размѣровъ, чѣмъ глаза Полярнаго медвѣдя—морда его также была болѣе закруглена и скорѣе похо-

дила на морду бульдога. Мясо было нѣжное, но чрезвычайно прогорклое и съ привкусомъ рыбы, хотя моряки пожрали его съ жадностью, и объявили, что эта ѣда превосходная.

Едва мы водрузили нашу добычу на бортъ, какъ дозорный, бывшій на верхушкѣ мачты, радостно провозгласилъ: „*Земля съ правой стороны носа!*“ Всѣ были теперь на сторожѣ, и поднявшимся очень кстати вѣтромъ съ Сѣверо-Востока мы были скоро принесены прямо къ берегу. Это оказался скалистый островокъ, около лиги въ окружности, совершенно лишенный растительности, за исключеніемъ Индійской смоковницы. Приближаясь къ нему съ Сѣвера, видишь странный скалистый выступъ, выдающійся въ море, и имѣющій большое сходство со скрученнымъ тюкомъ хлопка. Къ Западу этотъ выступъ окаймлень небольшимъ заливомъ, въ глубинѣ котораго мы нашли хорошую пристань для нашихъ лодокъ.

У насъ немного взяло времени, чтобы изслѣдовать каждую часть острова, но, за однимъ исключеніемъ, мы не нашли ничего, что бы стоило нашего вниманія. На южной сторонѣ около берега мы подобрали, наполовину скрытый въ грудѣ камней, кусокъ дерева, который, казалось, былъ носомъ ладьи. На немъ были очевидно попытки рѣзной работы, и Капитанъ Гай вообразилъ, что можетъ различить фигуру черепахи, но сходство это не слишкомъ поразило меня. Кромѣ этого корабельнаго носа, если то былъ таковой, мы не нашли никакого признака, что какое-нибудь живое существо было когда-либо здѣсь раньше. Вокругъ всего берега мы запримѣтили тамъ и сямъ небольшія полосы льда—но ихъ было очень немного. Точное положеніе этого островка (которому Капитанъ Гай далъ имя острова Беннетта въ честь своего компаньона, съ которымъ они вмѣстѣ владѣли шхуной) 82°50' южной широты, 42°20' западной долготы.

Теперь мы подвинулись къ Югу болѣе чѣмъ на восемь

градусовъ далѣе, чѣмъ кто-либо изъ прежнихъ мореплавателей, и море все еще лежало открытымъ передъ нами. Мы нашли также, что измѣненіе уменьшалось, по мѣрѣ того какъ мы двигались, единообразно, и, что было еще болѣе удивительно, это, что температура воздуха и особенно воды дѣлалась теплѣе. Погоду можно было также назвать пріятной, и дулъ постоянно очень легкой вѣтеръ, всегда съ нѣкоторой сѣверной точки по компасу. Небо обыкновенно было ясно, время отъ времени съ легкимъ подобіемъ тонкаго тумана на южной сторонѣ горизонта — это, однако, неизмѣнно длилось недолго. Только двѣ трудности возникли у насъ ввиду: у насъ оставалось мало топлива, и признаки цынги обнаружались кое у кого среди экипажа. Эти соображенія начали внушать капитану Гаю мысль о необходимости вернуться, и онъ часто говорилъ объ этомъ. Что касается меня, будучи убѣжденъ, какъ я былъ, въ томъ, что мы скоро встрѣтимъ землю на томъ пути, который мы продолжали, и имѣя полное основаніе предполагать, судя по настоящимъ видимостямъ, что мы не натолкнемся на бесплодную почву, съ каковой мы встрѣтились въ болѣе высокихъ сѣверныхъ широтахъ, я горячо настаивалъ на необходимости идти впередъ хотя бы еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ томъ направленіи, котораго мы держались теперь. Такой соблазнительный случай разрѣшить великую проблему касательно Полуденнаго материка до сихъ поръ еще не представлялся человѣку, и, признаюсь, я почувствовалъ взрывъ негодованія при робкихъ и несвоевременныхъ возраженіяхъ нашего начальника. Я думаю положительно, что, будучи не способенъ сдержать себя, и высказавъ ему мои мысли на этотъ счетъ, я тѣмъ самымъ именно и побудилъ его продолжать путь впередъ. Поэтому, хотя я не могу не сокрушаться о тѣхъ злополучныхъ и кровавыхъ событіяхъ, которыя тотчасъ же возникли изъ моего совѣта, я могу позволить себѣ чувствовать нѣкоторую степень удоволь-

ствія, что я былъ хотя бы отдаленнымъ орудіемъ, съ помощью котораго глазамъ науки открылась одна изъ самыхъ волнующихъ тайнъ, какия когда-либо приковывали ея вниманіе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Января 18. Въ это утро *) мы продолжали нашъ путь къ Югу при той же пріятной погодѣ, какъ и раньше. Море было совершенно гладкое, вѣтеръ достаточно теплый, съ Сѣверо-Востока, температура воды пятьдесятъ три. Мы опять привели въ порядокъ нашъ водоизмѣрительный приборъ, и съ помощью веревки въ сто пятьдесятъ сажени нашли, что теченіе устремляется по направленію къ Полюсу съ скоростью мили въ часъ. Это постоянное устремленіе къ Югу, какъ вѣтра, такъ и теченія, вызвало нѣкоторыя обсужденія и даже безпокойство на разныхъ частяхъ шхуны, и я четко увидѣлъ, что на Капитана Гая это произвело не малое впечатлѣніе. Онъ, однако, былъ чрезмѣрно чувствителенъ къ насмѣшкѣ, и мнѣ наконецъ удалось высмѣять его опасенія. Измѣненіе было теперь очень обыкновеннымъ. Въ продолженіи дня мы видѣли

*) Слова *утро* и *вечеръ*, которыя я употребляю, для избѣжанія, насколько это возможно, путаницы въ моемъ повѣствованіи, не должны быть, конечно, принимаемы въ ихъ обыкновенномъ смыслѣ. Уже долгое время у насъ совсѣмъ не было ночи, ибо дневной свѣтъ былъ непрерывный. Всѣ числа установлены сообразно съ мореходнымъ временемъ, и указанія на мѣсто положенія должны быть понимаемы какъ даваемая компасомъ. Я хочу также замѣтить тутъ, что въ первой части того, что здѣсь написано, я не могу притязать на строгую точность относительно чиселъ или широты и долготы, ибо я не вѣлъ правильного дневника до тѣхъ поръ, какъ уже прошло то время, о которомъ говорится въ первой части. Во многихъ случаяхъ я надѣялся лишь на мою память.

нѣсколько большихъ китовъ настоящей породы, и неисчислимыя стаи альбатросовъ пролетѣли надъ судномъ. Мы выудили также кустъ, полный красныхъ ягодъ, вродѣ боярышника, и тѣло сухопутнаго животнаго страннаго вида. Въ немъ было три фута въ длину и только шесть вершковъ въ вышину, ноги были очень короткія, лапы были снабжены длинными когтями ярко-алаго цвѣта и походили веществомъ своимъ на коралль. Тѣло было покрыто прямой шелковистой шерстью совершенно бѣлой. Хвостъ былъ острый, какъ у крысы, и около полутора футовъ длины. Голова походила на голову кошки, кромѣ ушей—они были отвислые, какъ уши собаки. *Зубы* были такіе же яркочалые, какъ и когти.

Января 19. Сегодня, находясь на 83° 20' широты, 43° 5' западной долготы (море было необычайно темнаго цвѣта), мы опять увидѣли землю съ вершины мачты, и, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія, нашли, что это былъ одинъ островъ изъ бѣлой группы очень большихъ острововъ. Берегъ отвѣсный, и внутренность острова казалась очень лѣсистой, обстоятельство, которое наполнило насъ большой радостью. Приблизительно четыре часа спустя, послѣ того какъ мы впервые открыли землю, мы бросили якорь на десяти сажняхъ, въ песчаное дно, на разстояніи лиги отъ берега, ибо высокій бурунъ, съ сильною рябью здѣсь и тамъ, дѣлалъ болѣе тѣсное приближеніе сомнительнымъ опытомъ. Двѣ самыя большія лодки были теперь спущены, и отрядъ хорошо вооруженныхъ людей (среди которыхъ находились Питерсъ и я) сталъ искать прохода въ рифѣ, что, казалось, окружалъ островъ. Послѣ розысковъ мы открыли проходъ, въ который вошли, и увидѣли тогда, какъ четыре большія лодки отчалили отъ берега, полныя людей, повидимому, хорошо вооруженныхъ. Мы подождали, чтобы они приблизились къ намъ, и, такъ какъ они правили съ большой быстротой, то скоро были на разстояніи человѣческаго голоса. Капитанъ Гай под-

няли теперь *блѣтый* платокъ на концѣ весла, тогда чужеземцы внезапно остановились и начали громко бормотать всѣ заразъ, иногда вскрикивая, и среди всего этого мы могли различить слова *Анаму-му!* и *Лама-Лама!* Они кричали такъ по крайней мѣрѣ съ полъ-часа, и мы имѣли удобный случай рассмотреть ихъ внѣшній видъ.

Въ четырехъ ладьяхъ, которыя могли быть пятидесяти футовъ длины и пяти ширины, было всего на всего сто десять дикарей. Они были приблизительно такого же роста, какого бываютъ обыкновенно Европейцы, но сильнаго и мускулистаго тѣлосложенія. Цвѣтъ лица у нихъ былъ черный, какъ смоль, а волосы густые, длинные, и шерстистые. Одѣты они были въ шкуры какого-то неизвѣстнаго чернаго животнаго съ косматою и шелковистою шерстью, выдѣланы были шкуры довольно искусно, такъ что были впору покрываемому тѣлу, шерсть была выворочена, однако, вокругъ шеи, кистей рукъ и щиколокъ. Оружіе ихъ состояло изъ дубинъ чернаго и, повидимому, очень тяжелаго дерева. Между дубинами мы замѣтили, однако, нѣсколько копій съ кремневыми наконечниками, и нѣсколько пращей. Дно лодокъ было полно черныхъ камней величиною съ большое яйцо.

Когда они окончили свою многословную рѣчь (потому что было ясно, что это бормотанье они разумѣли какъ таковую), одинъ изъ нихъ, который казался вождемъ, всталъ на кормѣ своей ладьи, и сталъ дѣлать намъ знаки, чтобы мы поровнялись съ его лодками. Мы дѣлали видъ, что не понимаемъ этого намека, думая, что будетъ благоразумиѣе сохранять разстояніе между нами, ибо численность ихъ въ четверо превосходила нашу. Понявъ, въ чемъ дѣло, вождь повелѣлъ другимъ тремъ ладьямъ держаться позади, межъ тѣмъ какъ онъ со своею направился къ намъ. Какъ только онъ поровнялся съ нами, онъ перешагнулъ на бортъ самой большой изъ нашихъ лодокъ, и сѣлъ рядомъ съ капитаномъ Гаемъ, указывая въ то же

самое время на шхуну, и повторяя слова *Анаму-му!* и *Лама-Лама!* Тогда мы повернули и направились къ кораблю, а четыре ладьи слѣдовали за нами на небольшомъ разстояніи.

Приблизившись къ борту корабля, вождь выказалъ знаки величайшаго удивленія и радости, хлопая въ ладоши, ударяя себя по бедрамъ и въ грудь, и шумно хохоча. Слѣдовавшіе за нимъ присоединились къ его веселью, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ шумъ былъ такой сильный, что можно было совершенно оглохнуть. Послѣ того какъ спокойствіе наконецъ возстановилось, капитанъ Гай приказалъ поднять лодки вверхъ, изъ не-обходимой предосторожности, и далъ понять вождю (имя котораго, какъ мы вскорѣ узнали, было *Ту-уитъ*), что мы не можемъ пустить болѣе двадцати человѣкъ изъ его людей на палубу корабля одновременно. Такой порядокъ онъ нашелъ, повидимому, вполне подходящимъ, и отдалъ нѣсколько приказаній ладьямъ; одна изъ нихъ приблизилась, другія же оставались на разстояніи пятидесяти ярдовъ. Двадцать дикарей взшли теперь на бортъ, и начали бродить по всему деку и лазить по снастямъ и среди нихъ, точно они были у себя дома, причемъ они разсматривали каждую вещь съ большимъ любопытствомъ.

Было совершенно очевидно, что они никогда раньше не видали никого изъ бѣлой расы, цвѣтъ лица которыхъ, казалось, поистинѣ, отталкивалъ ихъ. Они думали, что „Джэнь“ живое существо, и, казалось, боялись ударить ее концомъ своихъ копій, которыя они изъ предосторожности повернули кверху. При одномъ случаѣ люди нашего экипажа были очень позабавлены поведеніемъ Ту-уита. Поваръ рубилъ дрова около кухни, и нечаянно вонзилъ топоръ въ палубу, сдѣлавъ надрѣзь порядочной глубины. Вождь немедленно подбѣжалъ, и, оттолкнувъ повара довольно грубо, сталъ, наполовину плача, наполовину воя, живѣйшимъ образомъ выражать сочувствіе тому, что

онъ считалъ страданьемъ шхуны, похлопывая и глядя своей рукой шрамъ и обмывая его изъ ведра съ морской водой, которое стояло около. Это была степень такого невѣдѣнія, къ которому мы не были подготовлены; что касается меня, я не могъ не думать, что это была нѣкотораго рода аффектація.

Когда посѣтителѣ удовлетворили, какъ могли, свое любопытство относительно всего верха, ихъ пустили внизъ, и тутъ ихъ изумленіе перешло всѣ границы. Удивлялись они, повидимому, слишкомъ глубоко, для того чтобы ихъ чувство могло быть выражено въ словахъ, ибо они бродили вокругъ въ молчаніи, прерывавшемся только тихими восклицаніями. Оружіе дало имъ много пищи для обсуждения, и имъ было позволено взять его въ руки и рассмотреть не спѣша. Я не думаю, чтобы они имѣли малѣйшее подозрѣніе о его настоящемъ употребленіи, они принимали его скорѣе за идоловъ, видя ту осторожность, съ которой мы обращались съ нимъ, и то вниманіе, съ которымъ мы слѣдили за ихъ движеніями, когда они брали его въ руки. При видѣ большихъ пушекъ, удивленіе ихъ удвоилось. Они приблизились къ нимъ со всяческими знаками глубочайшаго почтенія и благоговѣйнаго страха, но не стали пристально разсматривать ихъ. Въ каютѣ было два большія зеркала, и это было высшей точкой ихъ изумленія. Ту-уитъ былъ первый, кто приблизился къ нимъ, и онъ прошелъ уже на середину каюты лицомъ къ одному изъ зеркалъ и спиной къ другому, прежде нежели хорошенько замѣтилъ ихъ. Когда онъ поднялъ глаза, и увидѣлъ отраженіе самого себя въ зеркалѣ, я думаю, что дикарь сойдетъ съ ума, но, когда онъ круто повернулся, чтобы отступить назадъ, и увидѣлъ себя еще разъ съ противоположной стороны, я испугался, что онъ умретъ на мѣстѣ. Никакія убѣжденія не могли принудить его посмотреть еще разъ, но, бросившись на полъ и закрывъ лицо руками, онъ оставался такъ, пока мы не рѣшились вытащить его на палубу.

Всѣ дикари были допущены на бортъ, такимъ образомъ, по двадцати заразъ, Ту-уиту же было позволено оставаться все это время. Мы не видѣли среди нихъ наклонности къ воровству, и послѣ ихъ ухода не хватились ни одной вещи. Впродолженіи всего ихъ пребыванія они выказывали самое дружеское отношеніе. Было, однако, нѣчто въ ихъ поведеніи, что мы нашли невозможнымъ понять; напримѣръ, мы не могли заставить ихъ приблизиться къ нѣкоторымъ вполне безобиднымъ предметамъ, такимъ, какъ паруса на шхунѣ, яйцо, открытая книга, или мѣшокъ съ мукой. Мы пытались освѣдомиться, нѣтъ ли у нихъ какихъ-нибудь предметовъ, которые могли бы послужить для мѣновой торговли, но намъ было очень трудно заставить ихъ понять насъ. Тѣмъ не менѣе мы узнали нѣчто очень насъ удивившее, а именно, что острова изобиловали черепахами Галапаго, одну изъ которыхъ мы видѣли въ ладѣ Ту-уита. Мы увидѣли также нѣсколько *брюхоногихъ слизняковъ* въ рукахъ одного изъ дикарей, который жадно пожиралъ ихъ въ природномъ ихъ видѣ. Всѣ эти странности и уклоненія, ибо это были таковыя, ежели судить по отношенію къ широтѣ, на которой мы находились, понудили Капитана Гая пожелать дальнѣйшаго изслѣдованія мѣстности, въ надеждѣ сдѣлать выгодное дѣло изъ этого открытія. Что касается меня, жадно стремясь узнать что-нибудь болѣе подробное объ этихъ островахъ, я еще болѣе серьезно желалъ безъ отсрочки продолжать наше путешествіе къ Югу. Погода была теперь хорошая, но ничто не указывало, долго ли она прстоитъ, и, находясь уже на восемьдесятъ четвертой параллели, съ открытымъ моремъ передъ нами, съ теченіемъ, которое стремительно направлялось къ Югу, и съ попутнымъ вѣтромъ, я не могъ слушать терпѣливо о томъ, чтобы оставаться дольше, чѣмъ это было строго необходимо для здоровья экипажа и для взятія запасовъ топлива и свѣжей провизіи. Я представилъ Капитану, что мы

отлично могли бы зайти на эту группу острововъ на возвратномъ пути, и зимовать здѣсь, на случай если бы льды загромоздили намъ путь. Онъ, наконецъ, согласился съ моими доводами (потому что, какими-то, невѣдомыми мнѣ самому, путями, я пріобрѣлъ надъ нимъ большое вліяніе), и наконецъ было рѣшено, что, даже если мы найдемъ брюхоногихъ, мы останемся здѣсь лишь недѣлю, для того чтобы оправиться, и будемъ плыть все къ Югу, насколько только сможемъ. Сообразно съ этимъ мы сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія, и по указаніямъ Ту-унта благополучно провели „Джэнъ“ черезъ рифъ, стали на якорь приблизительно на милю отъ берега, въ превосходной бухтѣ, совершенно окруженной сушей на юго-восточномъ берегу главнаго острова, и имѣя десять саженой воды съ чернымъ песчанымъ дномъ. При входѣ въ эту бухту было (какъ намъ сказали) три источника воды, пригодной для питья, и по близости мы видѣли изобиліе лѣса. Четыре ладьи слѣдовали за нами, держась однако на почтительномъ разстояніи. Самъ Ту-унтъ остался на борту, и когда мы бросили якорь, пригласилъ насъ сопровождать его на берегъ и посѣтить его селеніе внутри острова. Капитанъ Гай согласился, и десять дикарей были оставлены на борту заложниками, часть изъ насъ, въ общемъ двѣнадцать, приготовились сопровождать вождя. Изъ предосторожности мы хорошо вооружились, но наружно не показывая какого-либо недовѣрія. Шхуна выкатила всѣ свои пушки, подняла абордажныя сѣтки, были приняты и всякія другія надлежащія предосторожности, чтобы не быть захваченными врасплохъ. Главный штурманъ отдалъ распоряженіе не пускать никого на бортъ во время нашего отсутствія, и въ случаѣ если бы мы не вернулись черезъ двѣнадцать часовъ, послать катеръ съ фальконе-томъ вокругъ острова на розыски насъ.

Съ каждымъ шагомъ, который мы дѣлали вглубь страны, мы должны были убѣждаться, что мы находились въ

странѣ, по существу отличавшейся отъ всѣхъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ были посѣщаемы цивилизованными людьми. Мы не видѣли ничего, съ чѣмъ раньше намъ приходилось имѣть дѣло. Деревья не походили на произрастанія ни жаркаго, ни умѣреннаго, ни сѣвернаго холоднаго пояса, и совершенно были не похожи на деревья болѣе южныхъ широтъ, которыя мы уже прошли. Даже скалы были новыми, въ ихъ громадѣ, въ цвѣтѣ, въ наслоеніяхъ; и сами источники, какъ бы это ни могло показаться невѣроятнымъ, такъ мало имѣли общаго съ источниками другихъ климатовъ, что мы сомнѣвались отвѣдать воды изъ нихъ, и даже съ трудомъ могли убѣдить себя, что свойства ихъ совершенно обыкновенныя. У маленькаго ручья, пересѣкавшаго намъ путь (первый, который мы встрѣтили), Ту-уитъ со своей свитой пріостановился, чтобы напиться. По причинѣ страннаго вида воды, мы отказались попробовать ее, предполагая, что она испорчена; и только нѣкоторое время спустя мы поняли, что такой видъ былъ у всѣхъ потоковъ на всей группѣ острововъ. Я затрудняюсь дать ясное представленіе о характерѣ этой жидкости, и не могу сдѣлать этого немногословно. Хотя она текла быстро по всѣмъ склонамъ, какъ текла бы обыкновенная вода, но, за исключеніемъ того, когда она падала водопадомъ, у нея не было обыкновеннаго лика *прозрачности*. Тѣмъ не менѣе она въ сущности была совершенно прозрачной, какъ всякая известковая вода, различіе было лишь по виду. При первомъ взглядѣ, и особенно въ томъ случаѣ, гдѣ наклонъ былъ мало замѣтенъ, она имѣла сходство, поскольку дѣло идетъ о самомъ составѣ, съ густымъ настоемъ гумми-арабика, смѣшаннаго съ обыкновенной водой. Но это было лишь наименѣе замѣчательное изъ ея необычайныхъ качествъ. Она была *не* безцвѣтна и не какого-либо опредѣленнаго цвѣта — представляя глазу въ своемъ теченіи всевозможные оттѣнки пурпура, какъ видоизмѣненія переливчатаго шел-

ка. Эти измѣненія оттѣнковъ происходили такимъ страннымъ образомъ, что возбудили такое же глубокое удивленіе въ умахъ всего нашего отряда, какое произвело зеркало на Ту-уита. Наливъ этой воды полную чашку, и давъ ей исполнѣ отстояться, мы замѣтили, что весь объемъ жидкости состоялъ изъ нѣкотораго числа отдѣльныхъ жилъ, каждая отличнаго оттѣнка; что онѣ не смѣшивались; и что связь въ нихъ была полной только между ихъ собственными частицами, и неполной по отношенію къ другимъ сосѣднимъ жиламъ. Когда мы вставляли лезвіе ножа поперегъ жилы, вода смыкалась надъ нимъ тотчасъ, какъ это бываетъ и у насъ съ водой, а также, когда мы вынимали его, всѣ слѣды, гдѣ прошелъ ножъ, мгновенно уничтожались. Если, однако, лезвіемъ ножа проводили аккуратно между двухъ жилъ, происходило полное раздѣленіе, каковое сила связи не могла тотчасъ же исправить. Необычайное явленіе этой воды составляетъ первое опредѣленное звено той огромной цѣпи явныхъ чудесъ, которыми мнѣ суждено было, наконецъ, быть окруженнымъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Намъ понадобилось почти три часа, чтобы достигъ селенія, ибо оно находилось болѣе чѣмъ въ девяти миляхъ, въ глубинѣ острова, и путь проходилъ по неровной почвѣ. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, отрядъ Ту-уита (всего сто десять дикарей, бывшихъ въ ладыяхъ) съ минуты на минуту усиливался небольшими группами отъ двухъ до шести-семи, которые присоединялись къ намъ какъ бы случайно, на различныхъ поворотахъ дороги. Въ этомъ представлялось такъ много системы, что я не могъ не почувствовать недовѣрія, и сказалъ Капитану Гаю о своихъ опасеніяхъ. Отступить, однако, было теперь слишкомъ поздно, и мы рѣшили, что наибольшая наша

безопасность заключается въ томъ, чтобы выказывать полное довѣріе къ чистосердечію Ту-уита. Согласно съ этимъ, мы шли впередъ, тщательно слѣдя за поведеніемъ дикарей, и не позволяя имъ разъединять насъ и проталкиваться между нами. Такимъ образомъ, пройдя черезъ обрывистый оврагъ, мы наконецъ достигли того, что было, какъ намъ сказали, единственнымъ собраніемъ жилищъ на островѣ. Когда мы приблизились къ селенію, вождь издалъ крикъ, и нѣсколько разъ повторялъ слово *Клѣкъ-Клѣкъ*; мы предположили, что такъ называется селеніе, или что это, быть можетъ, общее названіе селеній.

Жилища были невообразимо жалостными, и, не будучи похожи на жилища даже низшихъ дикихъ племенъ, какія только вѣдомы, были построены не по единообразному замыслу. Нѣкоторыя изъ нихъ (и это, какъ мы узнали, были жилища, принадлежавшія знатнымъ туземцамъ, *Уампу* или *Ямпу*) состояли изъ ствола дерева, срубленнаго приблизительно на высотѣ четырехъ футовъ отъ корня, сверху на него была наброшена большая черная шкура, свисавшая до земли широкими складками. Подъ нею ютились дикари. Другія были изъ необдѣланныхъ сучьевъ, съ иссохшими листьями на нихъ, все это подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ упиралось въ нагроможденіе изъ глины, скученной безъ правильной формы до высоты пяти — шести футовъ. Еще другія были просто дыры, вырытыя перпендикулярно къ землѣ и прикрытыя такими же вѣтками; когда жилецъ хотѣлъ войти, онъ сдвигалъ ихъ, и натягивалъ опять, когда входилъ. Нѣсколько жилищъ было выстроено среди виллообразно раздвоенныхъ обрубковъ деревьевъ, верхніе обрубки были частью прорублены, такъ что наклонялись надъ нижними, образуя такимъ образомъ болѣе плотную защиту отъ непогоды. Наибольшее число, однако, состояло изъ небольшихъ неглубокихъ пещеръ по видимости выскребленныхъ на склонѣ обрывистой закраины утеса, темноцвѣтнаго.

камня, похожаго на сукновальную глину, которая окружала селеніе съ трехъ сторонъ. При входѣ въ каждую изъ этихъ первобытныхъ пещеръ, находился камень, который тщательно помѣщался жильцомъ передъ входомъ, при выходѣ его изъ жилища, для какой цѣли, я не могъ узнать, ибо камень нигдѣ не былъ достаточныхъ размѣровъ, чтобы закрыть болѣе чѣмъ на треть отверстіе.

Это селеніе, если бы оно было достойно такого названія, находилось въ долинѣ извѣстной глубины, и къ нему можно было приблизиться лишь съ Юга; обрывистая закраина, о которой я уже говорилъ, отрѣзала всякій доступъ въ другихъ направленіяхъ. Черезъ середину долины пробѣгалъ шумящій потокъ воды того же магическаго вида, какъ уже было описано. Тамъ и сямъ вокругъ жилищъ мы увидѣли нѣсколько странныхъ животныхъ, всѣ они, казалось, были совершенно домашними. Самыя большія изъ этихъ существъ походили на нашу обыкновенную свинью, строеніемъ тѣла и мордой; хвостъ, однако, былъ пушистый, а ноги тонкія, какъ у антилопы. Движенія этого животнаго были чрезвычайно неуклюжи и нерѣшительны, и мы ни разу не видѣли, чтобы оно пыталось бѣжать. Мы замѣтили также нѣсколько животныхъ, весьма похожихъ по виду, но съ туловищемъ болѣе длиннымъ, и покрыты они были черной шерстью. Было тамъ также великое разнообразіе ручныхъ птицъ, бѣгавшихъ туда и сюда, и они, повидимому, составляли главную пищу туземцевъ. Къ нашему удивленію среди этихъ птицъ мы увидали черныхъ альбатросовъ, совершенно одомашненныхъ, время отъ времени они шли къ морю за пищей, но всегда возвращались въ селеніе, какъ домой, и пользовались для этого южнымъ берегомъ, находившимся по сосѣдству съ мѣстомъ высиживанія яицъ. Тамъ къ нимъ обыкновенно присоединялись ихъ друзья, пингвины, но эти послѣдніе никогда не слѣдовали за ними до жилищъ дикарей. Среди другихъ разрядовъ ручныхъ птицъ были

утки, весьма мало отличавшіяся отъ той разновидности утки нашей собственной страны, что называется черноголовая чернеть, и небольшая птица, не непохожая по виду на сарыча, но не хищная. Рыба, повидимому, была тамъ въ большомъ изобиліи. Мы видѣли во время нашего посѣщенія острова множество сушеной семги, горной трески, голубыхъ дельфиновъ, макрели, чернорыбицы, ската, морскихъ угрей, слоновой рыбы, голавля, камбалы, попугайной рыбы, рыбы, называющейся кожана я куртка, барвены, дорша, палтуса, остроноса, и безчисленнаго разнообразія другихъ разрядовъ. Мы замѣтили также, что большая часть изъ нихъ была похожа на рыбу, которая водится около группы острововъ Лорда Оклэнда, на такой низкой широтѣ, какъ пятьдесятъ одинъ градусъ южной широты. Черепаша Галапаго также находилась тамъ въ большомъ изобиліи. Мы видѣли лишь немного дикихъ животныхъ, и ни одного большихъ размѣровъ, или изъ разрядовъ, съ которыми мы были ознакомлены. Одна или двѣ змѣи, вида чудовищнаго, пересѣкли намъ путь, но туземцы обратили на нихъ мало вниманія, и мы заключили, что они были не ядовитыя.

Когда мы подходили къ селенію съ Ту-унтомъ и его отрядомъ, обширная толпа народа ринулась намъ навстрѣчу съ громкими возгласами, среди которыхъ мы могли только различить вѣчное *Анаму-му!* и *Лама-Лама!* Мы были очень удивлены, замѣтивъ, что, за однимъ или двумя исключеніями, эти вновь пришедшіе были совершенно голыми, мѣха были только на людяхъ изъ лодокъ. Все оружіе въ странѣ находилось также, повидимому, въ обладаніи этихъ послѣднихъ, ибо никакого оружія не было видно среди поселянъ. Много было женщинъ и дѣтей, первыя не вполнѣ были лишены того, что можно было бы назвать внѣшней красотой. Онѣ были прямыя, высокія и хорошо сложенныя, и отличались такимъ изяществомъ и свободой движеній, какихъ нельзя найти въ цивилизо-

ванномъ обществѣ. Губы у нихъ, однако, также какъ и у мужчинъ, были толстыя и грубыя, такъ что, даже когда онѣ смѣялись, зубы ихъ никогда не были обнажены. Волосы у нихъ были болѣе тонки, нежели волосы у мужчинъ. Среди этихъ обнаженныхъ поселенцевъ могло быть десять - двѣнадцать человекъ, которые, какъ и отрядъ Ту-уита, были одѣты въ черныя шкуры и вооружены копьями и тяжелыми палицами. Они повидимому пользовались большимъ вліяніемъ среди остальныхъ, и тѣ, обращаясь къ нимъ, всегда произносили титулъ *Вампу*. Это были тоже обитатели дворцовъ изъ черныхъ шкуръ. Дворецъ Ту-уита находился въ средоточіи селенія, и онъ былъ гораздо болѣе обширенъ и нѣсколько лучше построенъ, нежели другія помѣщенія того же разряда. Дерево, которое образовывало его опору, было обрублено на разстояніи приблизительно двѣнадцати футовъ отъ корня, и какъ разъ подъ обрубленнымъ мѣстомъ было оставлено нѣсколько вѣтвей, онѣ служили для того, чтобы растянуть на нихъ покрышку и такимъ образомъ помѣщать ей развѣваться вокругъ ствола. Покрышка, кромѣ того, состоявшая изъ четырехъ очень большихъ шкуръ, скрѣпленныхъ вмѣстѣ деревянными спицами, была закрѣплена внизу деревянными гвоздями, вогнанными черезъ шкуры въ землю. Полъ былъ устланъ множествомъ сухихъ листьевъ, составлявшихъ нѣкотораго рода коверъ.

Къ этой хижинѣ мы были приведены съ великой торжественностью, и сзади насъ столпилось такое количество туземцевъ, какое только было возможно. Самъ Ту-уитъ устлался на листья, и знаками показалъ намъ, что мы должны послѣдовать его примѣру. Это мы и сдѣлали, и находились теперь въ положеніи совсѣмъ особливо неудобномъ, если не вовсе опасномъ. Мы были на землѣ, насъ было двѣнадцать числомъ, мы были съ дикими, которыхъ было сорокъ, они сидѣли на корточкахъ такъ тѣсно и близко вокругъ насъ, что, если бы возникъ какой-нибудь

беспорядокъ, намъ было бы невозможно воспользоваться нашимъ оружіемъ или хотя бы встать на ноги. Давка была не только внутри шатра, но и съ вѣшной стороны, гдѣ, вѣроятно, былъ на лицо каждый житель всего острова, и лишь непрерывныя увѣщанія и горлающіе возгласы Ту-уита предохраняли насъ отъ опасности быть затоптанными на смерть. Главная наша безопасность заключалась, однако же, въ томъ, что самъ Ту-уитъ находился между нами, и мы рѣшили плотно къ нему прильнуть какъ къ наилучшей возможности выпутаться изъ дилеммы, сдѣлавъ его нашей жертвой немедленно при первомъ выявленіи враждебнаго намѣренія.

Послѣ нѣкоторой суеты возстановилось до извѣстной степени спокойствіе, и вождь обратился къ намъ съ рѣчью, очень длинной и очень похожей на рѣчь, произнесенную съ ладьи, за однимъ лишь исключеніемъ, что теперь нѣсколько болѣе сильно подчеркивалось *Анаму-му!*, чѣмъ *Лама-Лама!* Мы слушали въ глубокомъ молчаніи до конца его разглагольствованія, послѣ чего капитанъ Гай отвѣтилъ вождю, удостовѣряя его въ вѣчной своей дружбѣ и благоволеніи, и, въ видѣ заключенія къ своимъ словамъ, преподнесъ ему нѣкій даръ изъ нѣсколькихъ нитокъ голубыхъ бусъ и ножа. При видѣ первыхъ, самодержецъ, къ большому нашему удивленію, вздернулъ кверху свой носъ съ нѣкимъ выраженіемъ презрѣнія; ножъ, однако, доставилъ ему самое безграничное удовлетвореніе, и онъ немедленно повелѣлъ дать обѣдъ. Обѣдъ этотъ былъ переданъ въ шатеръ изъ рукъ въ руки, надъ головами присутствующихъ, и состоялъ онъ изъ трепещущихъ внутренностей какого-то невѣдомаго животнаго, вѣроятно одной изъ этихъ тонконогихъ свиней, которыхъ мы замѣтили при нашемъ приближеніи къ селенію. Видя, что мы въ полномъ недоумѣніи, какъ тутъ быть, онъ, дабы явить намъ нѣкій примѣръ, началъ пожирать ярдъ за ярдомъ эту заманчивую пищу, пока, наконецъ, мы положительно

не лишились возможности больше выдержать, и явили столь явные симптомы желудочнаго бунта, что его величество исполнилось такой степенью изумленія, которая уступала лишь изумленію, вызванному зеркалами. Мы отказались, однако, соучаствовать въ поглощеніи тонкихъ яствъ, находившихся передъ нами, и попытались дать ему понять, что у насъ вовсе нѣтъ никакого аппетита, ибо мы только что окончили прелестный *завтракъ*.

Когда самодержецъ довершилъ свою трапезу, мы начали нѣкотораго рода подробный перекрестный опросъ, хитроумнѣйшимъ способомъ, какой только мы могли измыслить, съ цѣлью открыть, каковы главныя произведенія страны, и не могли ли бы мы извлечь изъ нихъ выгоду. Наконецъ, онъ, повидимому, составилъ себѣ извѣстное представленіе о томъ, что мы разумѣемъ, и предложилъ сопроводить насъ къ нѣкоторой части побережья, гдѣ, какъ онъ насъ увѣрялъ, въ большомъ изобиліи можно было найти брюхоногихъ слизняковъ (при этомъ онъ показалъ намъ образецъ этого животнаго). Мы были рады такой заблаговременной возможности ускользнуть отъ давки толпы, и знаками показали, что жаждемъ идти туда. Мы вышли теперь изъ шатра, и, сопровождаемые всѣми жителями селенія, послѣдовали за вождемъ къ юго-восточному краю острова, недалеко отъ бухты, гдѣ наше судно стояло на якорѣ. Мы ждали тамъ приблизительно около часу, пока, наконецъ, нѣсколько дикарей, обогнувъ берегъ, не доставили четыре ладьи до мѣста нашей остановки. Весь нашъ отрядъ усѣлся въ одну изъ лодокъ, и мы поплыли вдоль закраины уже упомянутаго рифа, и вдоль другого, еще дальше во внѣ, гдѣ мы увидѣли гораздо большее количество брюхоногихъ, нежели старѣйшій морякъ среди насъ когда-либо видѣлъ около острововъ, находящихся въ болѣе низкихъ широтахъ и наиболѣе прославленныхъ изъ-за этого предмета торговли. Мы стояли около этихъ рифовъ достаточно долго, чтобы удостовѣ-

риться, что мы легко могли бы, если нужно, нагрузить этимъ животнымъ дюжину судовъ, потомъ мы направились къ шхунѣ, и разстались съ Ту-унтомъ, получивъ отъ него обѣщаніе, что онъ доставитъ намъ въ теченіи двадцати четырехъ часовъ столько черноголовыхъ утокъ и черепахъ Галапаго, сколько смогутъ вмѣстить его ладьи. За все время этого приключенія мы не видали ничего въ поведеніи туземцевъ, что могло бы возбудить въ насъ подозрѣнія, за однимъ исключеніемъ той систематичности, съ которой ихъ отрядъ усиливался во время нашего перехода отъ шхуны къ селенію.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Вождь сдержалъ свое слово, и мы вскорѣ щедро снабдили себя свѣжими запасами. Черепахи были лучше тѣхъ, которыхъ намъ когда-либо случалось видѣть, а утки превосходили нашу лучшую дичь, ибо были удивительно нѣжны, сочны, и очень вкусны. Кромѣ того, когда мы объяснили наше желаніе, дикари доставили намъ большое количество темнаго сельдерея, цынготной травы, и лодку свѣжей и сушеной рыбы. Сельдерей былъ настоящимъ угощеніемъ, а цынготная трава оказала неоцѣвненную пользу для поправленія здоровья тѣхъ изъ нашихъ людей, у которыхъ показались признаки этой болѣзни. Въ очень короткое время въ спискѣ больныхъ у насъ не было уже ни одного человѣка. Было у насъ также много другого рода свѣжихъ запасовъ, среди которыхъ можно упомянуть нѣкій видъ ракушекъ, похожихъ видомъ на мули, но со вкусомъ устрицы. Креветки обыкновенныя, также какъ и пильчатая креветки, были въ большомъ количествѣ, а равно яйца альбатросовъ и другихъ птицъ, съ темной скорлупой. Мы захватили также большой запасъ свинины, мяса свиньи, о которой я упоминалъ раньше. Большинство

изъ нашихъ людей нашли это вкусной пищей, но мнѣ она показалась съ привкусомъ рыбы, и вообще неприятной. Въ замѣнъ всего этого добра мы предложили туземцамъ такія вещи, какъ синія бусы, мѣдныя украшенія, гвозди, ножи, и куски красной матеріи. Они были въ полномъ восхищеніи отъ этого обмѣна. Мы устроили настоящій рынокъ на берегу, какъ разъ подъ пушками шхуны, гдѣ наша мѣновая торговля производилась, какъ казалось, съ полной добросовѣстностью и съ той степенью порядка, которой поведеніе дикарей въ селеніи *Клѣкъ-Клѣкъ* не давало намъ возможности ожидать отъ нихъ.

Дѣло шло такимъ образомъ совершенно дружественно въ теченіи нѣсколькихъ дней, и въ продолженіи этого времени туземцы были часто на борту шхуны, а группа нашихъ людей часто бывала на берегу, надолго уходя въ глубь страны, и не встрѣчая никакихъ притѣсненій. Видя ту легкость, съ которой судно могло быть нагружено брюхоногими слизняками, благодаря дружескому расположенію островитянъ и той готовности, съ которой они оказали бы намъ помощь при сборѣ ихъ, Капитанъ Гай рѣшилъ войти въ переговоры съ Ту-уитомъ, для того чтобы воздвигнуть удобныя помѣщенія, дабы заготавливать слизняковъ впрокъ, и заручиться помощью Ту-уита и его племени въ собираніи возможно большаго количества этого товара, въ то время какъ онъ самъ воспользуется хорошей погодой, чтобы продолжать свое плаваніе къ Югу. Когда онъ сказалъ объ этомъ планѣ вождю, тотъ казался вполне готовымъ войти въ соглашеніе. Торговая сдѣлка была заключена, совершенно удовлетворявшая обѣ стороны, при этомъ было условлено, что, сдѣлавъ нужныя приготовленія, какъ то: отвести надлежащее мѣсто, построить часть зданій, и сдѣлать нѣкоторыя другія работы, для которыхъ потребовались бы всѣ люди нашего экипажа, шхуна будетъ продолжать свой путь, оставя троихъ изъ людей для наблюденія за выполненіемъ плана, и дабы на-

учить туземцевъ хорошенько сушить брюхоногихъ. Что касается условій, то они были въ зависимости отъ стараній дикарей во время нашего отсутствія. Они должны были получить договоренное количество синихъ бусъ, ножей, красной матеріи, и т. п., за опредѣленное число пикулей брюхоногихъ, которыя должны были быть готовы къ нашему возвращенію.

Описаніе свойствъ этого важнаго предмета торговли и способъ его приготовленія могутъ быть нѣсколько интересны моимъ читателямъ, и я не могу найти болѣе подходящаго мѣста ввести это описаніе въ свое повѣствованіе. Слѣдующая полная замѣтка объ этомъ предметѣ взята изъ одного современнаго разсказа о путешествіи къ Южнымъ морямъ.

„Это тотъ моллюскъ Индійскихъ морей, который въ торговлѣ извѣстенъ подъ Французскимъ именемъ *bouche de mer* (лакомой кусокъ изъ моря). Если я не слишкомъ ошибаюсь, знаменитый Кювье называетъ его *gastropoda pulmonifera*. Его собираютъ во множествѣ на берегахъ острововъ Тихаго океана, изготовляя главнымъ образомъ для Китайскаго рынка, гдѣ онъ имѣетъ большую цѣнность, быть можетъ, такую же, какъ и весьма извѣстныя молвѣ съѣдобныя птичьи гнѣзда, которыя вѣроятно сдѣланы изъ желатиннаго вещества, собираемаго однимъ видомъ ласточки изъ тѣла этихъ самыхъ слизняковъ. У нихъ нѣтъ ни раковины, ни ногъ, ни какой-либо выдающейся впередъ части тѣла, исключая *поглощающаго* органа и *противоположнаго выводящаго протока*; но съ помощью своихъ гибкихъ колець, они, подобно гусеницамъ, или червямъ, проползаютъ въ мелководье, и въ отливъ ихъ видитъ ласточка, острый клювъ которой, войдя въ мягкое животное, извлекаетъ клейкое и волокнистое вещество, и оно, высохнувъ, можетъ скрѣплять стѣнки ея гнѣзда. Отсюда имя *gastropoda pulmonifera*.

„Этотъ моллюскъ продолговатый, и различныхъ размѣ-

ровъ, отъ трехъ до восемнадцати дюймовъ въ длину; я видѣлъ нѣсколькихъ, которые были не менѣ двухъ футовъ длины. Они почти круглые, немного сплюснутые съ одной стороны, съ той, которая обращена ко дну моря; толщина ихъ отъ одного до восьми дюймовъ. Въ извѣстныхъ времена года они выползаютъ въ мелководье, вѣроятно, въ цѣляхъ размноженія, ибо ихъ часто встрѣчаютъ парами. Когда солнце сильно дѣйствуетъ на воду, нагрѣвая ее, они приближаются къ берегу, и часто забираются въ мѣста такія мелкія, что при отливѣ остаются на сушѣ предоставленные солнечной жарѣ. Но они не производятъ потомства въ мелкой водѣ, ибо потомства мы никогда не видѣли, а лишь вполне выросшіе слизняки, какъ было наблюдено, приходили изъ глубины воды. Они питаются главнымъ образомъ тѣмъ разрядомъ животнорастеній, которыя вырабатываютъ коралль.

„Этотъ слизнякъ обыкновенно ловится на глубинѣ трехъ, четырехъ футовъ воды; послѣ чего его выносятъ на берегъ и надрѣзаютъ съ одного конца ножомъ, надрѣзъ этотъ въ одинъ дюймъ или больше, смотря по величинѣ слизняка. Нажимая это отверстіе, вынимаютъ внутренности, которыя похожи на внутренности другихъ малыхъ обывателей моря. Все это содержимое вымывается, и потомъ кипятится до извѣстной степени, не слишкомъ много, не слишкомъ мало. Потомъ ихъ закапываютъ въ землю на четыре часа, затѣмъ снова кипятятъ втеченіи короткаго времени, послѣ котораго высушиваютъ ихъ или на огнѣ или на солнцѣ. Тѣ, которыхъ сушатъ на солнцѣ, гораздо лучше. Но тогда какъ одна пикуля (133 $\frac{1}{3}$ фунта) можетъ быть высушена такимъ образомъ, можно высушить тридцать пикулей на огнѣ. Разъ хорошо просушенныя, они могутъ сохраняться въ сухомъ мѣстѣ три, четыре года безъ всякой опасности порчи; но ихъ нужно осматривать разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, или четыре раза въ годъ, нѣтъ ли тамъ сырости, которая ихъ тронула.

„Китайцы, какъ мы упоминали раньше, считаютъ брюхоногихъ очень большимъ лакомствомъ, полагая, что эта пища удивительно укрѣпляетъ и питаетъ все тѣло, возобновляя организмъ, истощенный невоздержанностью въ удовольствіяхъ. Первый сортъ продается по высокой цѣнѣ въ Кантонѣ, по девяносто долларовъ за пикую; второй сортъ стоитъ семьдесятъ пять долларовъ; третій пятьдесятъ; четвертый тридцать; пятый двадцать; шестой двѣнадцать; седьмой восемь; и восьмой четыре доллара; малые грузы, однако, продаютъ и дороже въ Манильѣ, Сингапурѣ, и Батавіи“.

Войдя такимъ образомъ въ соглашеніе, мы тотчасъ начали выгружать на берегъ все необходимое для приготовленія стройки и расчистки почвы. Мы выбрали обширное плоское мѣсто около восточнаго берега бухты, гдѣ было много и лѣса и воды, и на небольшомъ разстояніи отъ главныхъ рифовъ, гдѣ водились брюхоногіе. Мы принялись за работу съ большимъ рвеніемъ, и вскорѣ, къ величайшему удивленію дикарей, срубили для нашей цѣли достаточное количество деревьевъ, быстро сложили ихъ въ рядокъ для сруба домовъ, которые въ два, три дня были настолько подвинуты впередъ, что мы вполне свободно могли поручить остальную работу тѣмъ тремъ людямъ, которыхъ мы хотѣли оставить тутъ. Это были Джонъ Кэрсонъ, Альфредъ Гаррисъ, и Питерсонъ (все уроженцы Лондона, какъ я думаю), которые предложили для этого свои услуги.

Въ концѣ мѣсяца у насъ все было готово для отъѣзда. Мы рѣшили, однако, отдать торжественный прощальный визитъ въ селеніи, и Ту-уитъ такъ упрямо настаивалъ, чтобы мы сдержали обѣщаніе, что мы не сочли благоразумнымъ подвергнуться опасности оскорбить его окончательнымъ отказомъ. Я думаю, что ни одинъ изъ насъ въ то время не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія относительно чистосердечія дикарей. Всѣ они одинаково

держали себя съ большою благоприсойностью, помогая намъ съ рвеніемъ въ нашей работѣ, предлагая намъ свои услуги, часто безвозмездно, и никогда ни при какомъ случаѣ они не стянули ни одного предмета, хотя было очевидно, что они очень высоко цѣнили все наше добро, судя по тѣмъ преувеличеннымъ изъявленіямъ радости всякій разъ, какъ мы дарили имъ что-нибудь. Женщины особенно были до чрезвычайности услужливы во всѣхъ отношеніяхъ, и вообще мы были бы самыми подозрительными людьми, если бы у насъ была малѣйшая мысль объ измѣнѣ со стороны тѣхъ, кто обращался съ нами такъ хорошо. Потребовалось очень короткое время, чтобы оказалось, что эта видимая доброта характера была только слѣдствіемъ глубоко замышленного плана нашего уничтоженія, и что островитяне, къ которымъ мы испытывали такое неумѣренное чувство уваженія, были одними изъ самыхъ варварскихъ, изощренныхъ и кровожадныхъ негодяевъ, какіе когда-либо оскверняли ликъ земли.

Было первое Февраля, когда мы высадились на берегъ съ цѣлью посѣтить селеніе. Хотя, какъ я сказалъ раньше, у насъ не было ни малѣйшаго подозрѣнія, тѣмъ не менѣе ни одна надлежащая предосторожность не была упущена. Шестъ человекъ было оставлено на шхунѣ, съ приказаніемъ ни подъ какимъ предлогомъ не позволять ни одному изъ дикарей приближаться къ судну во время нашего отсутствія, и находиться постоянно на палубѣ. Абордажныя сѣтки были подняты, пушки заряжены двойнымъ зарядомъ вязаной картечи, и фальконеты были снабжены зарядами изъ мушкетныхъ пуль. Шхуна стояла на якорѣ съ отопленными реями, приблизительно на разстояніи мили отъ берега, и ни одна лодка не могла приблизиться къ ней ни въ какомъ направленіи, безъ того чтобы ее не было ясно видно, и она не была бы тотчасъ подвергнута огню нашихъ фальконетовъ.

Безъ оставленныхъ на борту шестерыхъ, нашъ

сухопутный отрядъ состоялъ изъ тридцати двухъ чело-
вѣкъ. Мы были вооружены съ головы до ногъ, ибо взяли
съ собою мушкеты, пистолеты, и кортики; кромѣ всего
этого, у каждаго былъ длинный морской ножъ, немного
похожій на такъ называемый ножъ Боуи, который вошелъ
въ такое употребленіе въ нашихъ западныхъ и южныхъ
областяхъ. Сотня воиновъ въ черныхъ шкурахъ встрѣ-
тила насъ у пристани съ цѣлью насъ сопровождать на
нашемъ пути. Мы замѣтили, однако, съ нѣкоторымъ уди-
вленіемъ, что они были теперь совершенно безоружны, и
когда мы спросили Ту-уита относительно этого обстоя-
тельства, онъ просто отвѣтилъ, что *Mattee non we ra pa si*—
что означало, что въ оружіи нѣтъ нужды тамъ, гдѣ всѣ
братья. Мы приняли это за хорошій знакъ, и двинулись
въ путь.

Мы перешли черезъ источникъ и рѣчку, о которыхъ
я говорилъ раньше, и вошли въ узкое ущелье, лежащее
среди цѣпи мыльняковыхъ холмовъ, между которыхъ было
расположено селеніе. Это ущелье было скалистое и на-
столько неровное, что намъ не легко было карабкаться
черезъ него, при первомъ посѣщеніи Клѣкъ-Клѣка. Вся
длина оврага могла быть въ полторы мили, или, быть
можетъ, двѣ мили. Онъ извивался во всевозможныхъ на-
правленіяхъ среди холмовъ (повидимому, онъ образовывалъ
въ отдаленный періодъ русло потока), нигдѣ не идя бо-
лѣе двадцати ярдовъ безъ крутого поворота. Склоны
этого дола, я увѣренъ, имѣли приблизительно семьдесятъ
или восемьдесятъ футовъ въ вышину по отвѣсу, на всемъ
его протяженіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они подни-
мались на удивительную высоту, такъ цѣликомъ затемняя
проходъ, что сюда могло проникать лишь очень немного
дневного свѣта. Средняя ширина была около сорока фу-
товъ, иногда же она уменьшалась настолько, что позво-
ляла пройти не болѣе пяти челоуѣкъ рядомъ. Однимъ
словомъ, не могло быть лучшаго мѣста въ мірѣ, приспо-

собленного для засады, и было болѣе чѣмъ естественно, что мы заботливо осмотрѣли наше оружіе, когда мы вошли туда. Когда я теперь думаю о нашемъ поразительномъ безуміи, главное, на что я удивляюсь, это то, что мы могли отважиться при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ такъ всецѣло отдаться во власть неизвѣстныхъ намъ дикарей, чтобы позволить имъ идти спереди и сзади насъ во время нашего перехода черезъ ущелье. Однако же, этотъ порядокъ мы слѣпо приняли, глупо понадѣявшись на силу нашего отряда, на безоружность Ту-уита и его людей, на дѣйствительный эффектъ нашего огнестрѣльнаго оружія (дѣйствіе котораго было до сихъ поръ тайной для туземцевъ), и больше всего на долго поддерживаемую притворную дружбу этихъ безчестныхъ негодяевъ. Пятеро или шестеро изъ нихъ шли впереди, какъ бы для того, чтобы быть проводниками, на показъ сдвигая большіе камни и щебень съ пути. Затѣмъ шелъ нашъ собственный отрядъ. Мы шли сомкнутымъ строемъ, остерегаясь только разъединиться. Сзади слѣдовалъ главный отрядъ дикарей, который соблюдалъ необычайно строгій порядокъ.

Дѣркъ Питерсъ, нѣкій Вильсонъ Алленъ, и я, были по правую сторону нашихъ товарищей и разсматривали, проходя, странное строеніе обрыва, который нависалъ надъ нами. Расщелина въ мягкой скалѣ привлекла наше вниманіе. Она была достаточно широка для того, чтобы въ ней свободно могъ протѣсниться одинъ человекъ, и простиралась вглубь въ гору на восемнадцать или двадцать футовъ по прямому направленію, поворачивая потомъ влѣво. Вышина этого отверстія, насколько мы могли это видѣть изъ главнаго ущелья, была, быть можетъ, въ шестьдесятъ футовъ. Тамъ былъ одинъ или два малорослые кустарника, свисавшіе изъ расщелины, на нихъ были какіе-то орѣхи, которые я полюбопытствовалъ разсмотреть, и съ живостью двинулся для этой цѣли впе-

редь, сорвалъ пять-шесть орѣховъ на кисти, и поспѣшно пошелъ назадъ. Когда я повернулся, я увидѣлъ, что Питерсъ и Алленъ послѣдовали за мной. Я просилъ ихъ вернуться назадъ, ибо здѣсь не было достаточно мѣста пройти двоимъ, говоря, что я имъ дамъ орѣховъ. Соотвѣтственно съ этимъ, они повернулись, и карабкались назадъ. Алленъ былъ уже около входа въ расщелину, какъ вдругъ я почувствовалъ сотрясеніе, не похожее ни на что, испытанное мною когда-либо раньше, и внушившее мнѣ смутное представленіе, если я дѣйствительно тогда могъ подумать о чемъ-либо, что все основаніе нашего земного шара внезапно разорвалось, и что настало свѣтопреставленіе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ только я могъ собраться съ растерзанными чувствами, я увидѣлъ себя почти задыхающимся и отыскивающимъ путь свой ошупью въ полной темнотѣ среди нагроможденной рыхлой земли, которая, также, тяжело падала на меня со всѣхъ сторонъ, угрожая похоронить меня совсѣмъ. Ужасно встревоженный этой мыслью, я силился вытащить ноги изъ земли, что мнѣ наконецъ и удалось. Нѣкоторое время я оставался неподвижнымъ, стараясь понять, что случилось со мной, и гдѣ я находился. Вскорѣ я услышалъ глухой стонъ, какъ разъ надъ моимъ ухомъ, и послѣ этого заглушенный голосъ Питерса позвалъ меня на помощь во имя Бога. Я протѣснился съ трудомъ на шагъ или на два впередъ, и упалъ прямо черезъ голову и плечи моего товарища, который, какъ вскорѣ я увидалъ, до половины былъ погребенъ въ рыхлой громадѣ земли, и отчаянно барахтался, чтобы избавиться отъ ея давленія. Я разгребъ землю кругомъ него со всей энергіей, которой я могъ располагать, и наконецъ мнѣ удалось его вытащить.

Какъ только мы настолько пришли въ себя отъ страха и удивленія, чтобы быть способными говорить здраво, мы оба пришли къ заключенію, что склоны разсѣлины, куда мы вошли, отъ какого-то сотрясенія въ природѣ, или благодаря собственной тяжести, обрушились сверху, и что, слѣдовательно, мы были потеряны навсегда, будучи такимъ образомъ заживо погребены. Въ продолженіи долгаго времени мы безсильно предавались напряженной мукѣ и такому отчаянію, равносильнаго которому не могутъ себѣ вообразить тѣ, кто никогда не былъ въ подобномъ положеніи. Я твердо увѣренъ, что ни одно происшествіе, случающееся когда-нибудь въ жизни, не можетъ сильнѣе внушить умственное и тѣлесное отчаяніе, чѣмъ случай, подобный нашему, погребенья заживо. Эта черная тьма, которая окутываетъ жертву, ужасающая сдавленность легкихъ, удушливыя испаренія сырой земли вмѣстѣ со страшнымъ сознаниемъ, что мы далеко за предѣлами чаянія, и что это участь назначенная *мертвымъ*, все это наполняетъ человѣческое сердце такой степенью потрясенія, страха, и ужаса, которая нестерпима, и которую никогда невозможно понять.

Наконецъ Питерсъ предложилъ постараться точно провѣрить, насколько велико наше злополучіе, и ошупью изслѣдовать нашу тюрьму, ибо было возможно еще, замѣтилъ онъ, что могло оставаться какое-нибудь отверстіе для нашего спасенія. Я страстно ухватился за эту надежду, и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, постарался проложить себѣ путь въ рыхлой землѣ. Я съ трудомъ пробрался на одинъ шагъ впередъ, прежде нежели замѣтилъ мерцаніе свѣта, котораго было довольно, чтобы убѣдиться, что во всякомъ случаѣ мы не погибнемъ тотчасъ же отъ недостатка воздуха. Мы обрѣли теперь нѣкоторую долю храбрости, и подбадривали другъ друга надеждой на лучшее. Перебравшись ползкомъ черезъ кучу обломковъ, которые заграждали нашъ дальнѣйшій путь по направле-

ню къ свѣту, мы увидѣли теперь, что намъ было менѣе трудно двигаться впередъ, а также мы чувствовали нѣкоторое освобожденіе отъ чрезвычайнаго давленія на легкія, которое мучило насъ. Теперь мы могли различать нѣкоторыя очертанія предметовъ вокругъ, и увидѣли, что находимся около края прямой части расщелины, гдѣ она дѣлала поворотъ влево. Еще нѣсколько усилій, и мы достигли выгиба, и тутъ къ нашей несказанной радости мы увидѣли длинную щель или раздавшееся наслоеніе, простиравшееся кверху на большое разстояніе подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, хотя иногда и гораздо круче. Мы не могли видѣть всего протяженія этого отверстія, но, когда свѣтъ въ достаточной мѣрѣ проникъ черезъ него, у насъ не оставалось больше сомнѣнія, что мы найдемъ у его вершины (если мы сможемъ какимъ-нибудь образомъ достичь вершины) свободный проходъ къ открытому воздуху.

Теперь я вспомнилъ, что насъ трое вошло въ расщелину изъ главнаго ущелья, и что нашего товарища Аллена не было съ нами; мы рѣшили тотчасъ возвратиться и посмотрѣть, гдѣ онъ. Послѣ долгихъ поисковъ, очень опасныхъ, изъ-за обрушивавшейся на насъ земли, Питерсъ крикнулъ мнѣ, что онъ наткнулся на его ногу, и что все тѣло его было глубоко погребено подъ щебнемъ, изъ котораго не было возможности его высвободить. Вскорѣ я увидѣлъ, что онъ былъ слишкомъ правъ, и что конечно жизнь здѣсь давно угасла. Съ опечаленнымъ, однако, сердцемъ мы предоставили тѣло его участи, и снова двинулись къ повороту.

Ширина расщелины была едва достаточной, чтобы вмѣстить насъ, и послѣ одной или двухъ безплодныхъ попытокъ взобраться наверхъ, мы снова стали отчаиваться. Я сказалъ раньше, что цѣпь холмовъ, черезъ которую проходило главное ущелье, состояла изъ нѣкоторой мягкой горной породы, похожей на мыльный камень. Склоны

расщелины, куда мы теперь пытались взобраться, были изъ того же самаго вещества, и, будучи влажными, столь чрезмѣрно скользкіе, что мы едва могли держаться даже на менѣ крутыхъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ подъемъ былъ почти отвѣсный, трудность, конечно, была еще серьезнѣе, и, по истинѣ, мы считали ее иногда непреодолимой. Мы, однако, обрѣли мужество въ нашемъ отчаяніи, и, вырѣзая ступеньки въ мягкомъ камнѣ большими нашими ножами, переметывались, съ опасностью для нашей жизни, до малыхъ выдающихся выступовъ болѣе твердаго сландеваго камня, которые, то тутъ, то тамъ, выдавались изъ общей громады; мы наконецъ достигли такимъ образомъ естественной площадки, съ которой можно было видѣть клочокъ голубого неба, на краю рывины, густо заросшей лѣсомъ. Смотриа теперь нѣсколько болѣе внимательно, и не торопясь, назадъ, на путь, по которому мы такъ далеко прошли, мы ясно замѣтили, по виду его склоновъ, что онъ былъ позднѣйшаго образованія, и заключили, что сотрясеніе, которое такъ неожиданно завладѣло нами, въ то же самое мгновеніе оставило открытымъ этотъ путь для спасенія. Такъ какъ мы были совершенно обезсилены борьбой съ препятствіями, и такъ слабы, что съ трудомъ могли стоять или членораздѣльно говорить, Питерсъ предложилъ призвать нашихъ товарищей на выручку выстрѣлами изъ пистолетовъ, которые остались у насъ за поясомъ—мушкеты, также какъ и кортики, были утрачены въ рыхлой землѣ на днѣ расщелины. Послѣдующія событія показали, что, если бы мы выстрѣлили, то горько бы раскаялись въ этомъ; но къ счастью, полу-подозрѣніе о злостной продѣлкѣ возникло въ это время въ моемъ умѣ, и мы не захотѣли дать знать дикарямъ о мѣстѣ нашего нахождения.

Послѣ того какъ мы цѣлый часъ отдыхали, мы неторопясь двинулись впередъ вверхъ по оврагу, и не очень много прошли, какъ услышали повторность ужасающихъ

воплей. Наконецъ, мы достигли того, что можно было назвать поверхностью земли, ибо нашъ путь, съ тѣхъ поръ какъ мы оставили площадку, лежалъ подъ сводомъ скалы и листвы, простиравшейся сверху на далекое разстояніе. Съ великой предосторожностью мы пробрались къ узкому отверстию, черезъ которое былъ открытъ видъ на окружающую мѣстность, какъ вдругъ вся ужасающая тайна сотрясенія открылась намъ въ одно мгновеніе и при одномъ взглядѣ.

Мѣсто, съ котораго мы смотрѣли, было не далеко отъ верха самой высокой остроконечной вершины, въ цѣпи мыльянковыхъ холмовъ. Ущелье, въ которое вошелъ нашъ отрядъ изъ тридцати двухъ человекъ, проходило въ пятидесяти шагахъ отъ насъ влѣво. Но по крайней мѣрѣ на сто ярдовъ жолобъ, или русло, этой расщелины былъ совсѣмъ заполненъ беспорядочно набросанными обломками, тамъ было болѣе милліона тоннъ земли и камня, которые были искусственно собраны туда. Способъ, которымъ эта могучая тяжелая громада была низвергнута, былъ столь же простой, какъ и очевидный, ибо достовѣрные слѣды этого злодѣйскаго дѣла еще оставались. Въ различныхъ мѣстахъ вдоль вершины восточнаго склона ущелья (мы находились сейчасъ на западномъ) можно было видѣть деревянные колья, вбитые въ землю. Въ этихъ мѣстахъ земля не поддалась, но на всемъ протяженіи поверхности пропасти, съ которой упала эта громада, было ясно изъ отмѣтинъ, оставленныхъ въ почвѣ, и похожихъ на тѣ, которыя дѣлаютъ горнымъ сверлиломъ, что эти колья, похожіе на увидѣнные нами, были вбиты не болѣе, чѣмъ на ярдъ одинъ отъ другого, на протяженіи, быть можетъ, трехъ сотъ футовъ, и расположены были приблизительно шаговъ на десять отъ края пропасти. Крѣпкія веревки изъ виноградной лозы были привязаны къ кольямъ, еще остававшимся на холмѣ, и было очевидно, что эти веревки были также привязаны ко всѣмъ другимъ кольямъ. Я уже говорилъ о своеобразномъ строеніи этихъ

мыльняковых холмовъ, и только что сдѣланное описаніе узкой и глубокой расщелины, черезъ которую мы ускользнули отъ погребенья живою, дастъ болѣе цѣльное представленіе о ея свойствахъ, оно было таково, что почти всякое естественное сотрясеніе достовѣрно раскалывало бы почву на отвѣсные слои, которые проходили параллельно одинъ къ другому, и достаточно было весьма малаго усилія и искусства для выполненія такой цѣли. Этимъ то наслоеніемъ воспользовались дикари для осуществленія своего предательскаго замысла. Не можетъ быть сомнѣнія, что непрерывнымъ рядомъ колебевъ былъ сдѣланъ частичный расколъ почвы, вѣроятно до глубины одного или двухъ футовъ и, если одинъ дикарь дергалъ за конецъ каждой веревки (веревки эти были привязаны къ верхушкамъ колебевъ и тянулись назадъ отъ края ущелья), получалось могучее дѣйствіе рычага, способное сбросить весь склонъ холма по данному сигналу въ нѣдра пропасти, находившейся внизу. Относительно участи нашихъ несчастныхъ товарищей нельзя было болѣе сомнѣваться. Мы одни пережили бурю этого всезахватнаго разрушенія. Мы были единственными бѣлыми, оставшимися въ живыхъ на островѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Положеніе наше, какимъ оно теперь являлось, было врядъ-ли менѣе страшнымъ, чѣмъ тогда, когда мы считали себя навсегда схороненными. Мы не видѣли передъ собой никакой иной возможности, какъ встрѣтить смерть отъ руки дикарей, или влачить жалкое существованіе въ плѣну среди нихъ. Мы могли, конечно, укрываться нѣкоторое время отъ ихъ наблюдательности среди холмистыхъ твердынь, и, на худой конецъ, въ пропасти, изъ которой мы только-что изошли; но мы должны были или

погибнуть за долгую Полярную зиму отъ холода и голода, или, въ концѣ концовъ, попасться на глаза при нашихъ попыткахъ отыскивать пищу.

Вся страна вокругъ насъ, казалось, кишѣла дикими, толпы которыхъ, какъ мы теперь замѣтили, прибыли съ острововъ, находившихся къ Югу, на плоскихъ плотяхъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью оказать помощь при захватѣ и разграбленіи „Джэнтъ“. Судно продолжало спокойно стоять на якорѣ, въ бухтѣ,—тѣ, что были на борту, явно не имѣли никакого сознанія опасности, ихъ ожидавшей. Какъ мы томились въ эти мгновенія желаніемъ быть съ ними! Или бы имъ помочь ускользнуть, или бы погибнуть съ ними, пытаюсь защититься! Мы не видѣли никакой возможности даже предостеречь ихъ, что они въ опасности, не приведя немедленной гибели на голову нашу, съ слабой при этомъ надеждой оказать имъ какую-нибудь пользу. Одного выстрѣла изъ пистолета было-бы достаточно, чтобы увѣдомить ихъ, что произошло что-то недоброе; но звукъ выстрѣла не могъ-бы ихъ увѣдомить, что единственная для нихъ надежда на спасеніе заключается въ немедленномъ оставленіи бухты—онъ не могъ-бы имъ сказать, что никакіе доводы чести не обязуютъ ихъ болѣе оставаться, что товарищей ихъ болѣе уже нѣтъ въ живыхъ. Услышавъ выстрѣлъ, они не могли бы болѣе совершенно приготовиться къ встрѣчѣ съ врагомъ, который теперь укрѣплялся для нападенія, чѣмъ они уже были приготовлены ранѣе, и всегда. Такимъ образомъ ничего добраго, и много злого, могло произойти, если бъ мы выстрѣлили, и, по здоровомъ размысленіи, мы отъ этого воздержались.

Ближайшей нашей мыслью было попытаться ринуться къ судну, захватить одну изъ четырехъ лодокъ, которыя находились у входа въ бухту, и попытаться проложить путь къ кораблю. Но крайняя невозможность успѣть въ этой отчаянной попыткѣ вскорѣ сдѣлалась очевидной. Вся страна, какъ я раньше сказалъ, буквально кишѣла

туземцами, они прятались въ кустахъ и среди холмовъ такъ, чтобы не быть видными со шхуны. Въ непосредственной близости отъ насъ, особенно, и загораживая единственный путь, по которому мы могли-бы надѣяться достигъ берега въ надлежащемъ мѣстѣ, была расположена вся ватага черношкурныхъ воителей, съ Ту-уитомъ во главѣ, и, повидимому, только ожидала подкрѣпленія, чтобы начать свое нападеніе на „Джэнъ“. Кромѣ того, ладьи, находившіяся при входѣ въ бухту, содержали въ себѣ дикарей, правда, не вооруженныхъ, но, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ оружіе подъ рукой. Мы были принуждены поэтому, хотя и противъ воли, оставаться въ нашемъ тайникѣ, какъ простые зрители схватки, которая не замедлила воспослѣдовать.

По истеченіи приблизительно получаса, мы увидали шестьдесятъ-семьдесятъ плотовъ, или плоскихъ лодокъ, — утлегари ихъ были наполнены дикарями, и они огибали южный выгибъ бухты. Повидимому, у нихъ не было никакого оружія, кромѣ короткихъ дубинъ и камней, которые лежали на днѣ плотовъ. Немедленно вслѣдъ за этимъ, другой отрядъ, еще болѣе значительный, приблизился въ противоположномъ направленіи и съ подобнымъ же оружіемъ. Четыре ладьи, кромѣ того, быстро теперь наполнились туземцами, выскочившими изъ кустовъ при входѣ въ бухту, и поспѣшно отплыли, дабы присоединиться къ другимъ отрядамъ. Такимъ образомъ, въ меньшее время, чѣмъ то, пока я рассказываю, и какъ-бы волшебствомъ, „Джэнъ“ увидѣла себя окруженной огромною толпой головорѣзцовъ, явно рѣшившихся захватить ее во что бы то ни стало.

Что они должны были преуспѣть въ своемъ предпріятіи, въ этомъ нельзя было сомнѣваться ни минуты. Какъ бы рѣшительно ни защищались шесть человекъ, оставленныхъ на суднѣ, число ихъ было слишкомъ недостаточно, чтобы надлежащимъ образомъ воспользоваться пушками, или какимъ бы то ни было способомъ выдерживать бой

столь неравный. Я съ трудомъ могъ вообразить, чтобы вообще они оказали какое-нибудь сопротивленіе, но въ этомъ я ошибся; ибо тотчасъ я увидѣлъ, что они поставили судно на шпрингъ, и стали правымъ бортомъ къ ладьямъ, которыя были теперь отъ нихъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, плоты-же находились приблизительно на четверть мили къ навѣтренной сторонѣ. По какой-то невѣдомой причинѣ, но, самое вѣроятное, въ силу того, что несчастные наши друзья пришли въ волненіе, увидя себя въ такомъ безнадежномъ положеніи, выстрѣлъ былъ совершеннѣйшимъ промахомъ. Ни одна ладья не была задѣта, ни одинъ дикарь не былъ раненъ, прицѣлъ былъ слишкомъ близокъ, и выстрѣлъ *рикошетомъ* пролетѣлъ надъ головами. Единственнымъ дѣйствіемъ было изумленіе по случаю неожиданнаго звука выстрѣла и дыма, при чемъ изумленіе было столь чрезмѣрное, что, въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній, я ожидалъ отъ дикарей, что они оставятъ свои намѣренія и вернуться на берегъ; и вполнѣ вѣроятно, что такъ бы они и сдѣлали, если бы наши товарищи поддержали свой пушечный выстрѣлъ ружейными, въ каковомъ случаѣ, въ виду того, что ладьи были теперь совсѣмъ близко, они не могли-бы не произвести нѣкотораго опустошенія, достаточнаго по крайней мѣрѣ для того, чтобы удержать эту ватагу отъ дальнѣйшаго наступленія, пока они не получили бы возможности произвести залпъ и въ плоты. Но вмѣсто этого они дали возможность ватагѣ, находившейся на ладьяхъ, оправиться отъ паники, и тѣ, осмотрѣвшись, могли увидѣть, что никакого ущерба имъ причинено не было, товарищи же наши тѣмъ временемъ побѣжали къ лѣвому борту, чтобы принять надлежащимъ образомъ плоты.

Выстрѣлъ съ лѣвой стороны оказалъ само ужасающее дѣйствіе. Залпъ картечью и цѣпными ядрами изъ большихъ пушекъ совершенно разрѣзалъ семь или восемь плотовъ, и убилъ, напавалъ, быть можетъ тридцать или

сорокъ дикарей, между тѣмъ какъ, по крайней мѣрѣ, сотня изъ нихъ была брошена въ воду, по большей части, чудовищно раненые. Остальные, перепуганные до потери сознаниа, тотчасъ же начали поспѣшное отступленіе, не останавливаясь даже ни на минуту, чтобы подобрать своихъ изуродованныхъ товарищей, которые плавали по всѣмъ направленіямъ, пронзительно кричали и вопили о помощи. Этотъ большой успѣхъ однако пришелъ слишкомъ поздно, чтобы послужить для спасенія нашихъ честныхъ товарищей. Ватага съ лодокъ была уже на борту шхуны, числомъ болѣе чѣмъ полтораста, большей части изъ нихъ удалось вскарабкаться на гротъ-руслени и абордажныя сѣтки, прежде чѣмъ можно было приложить фитили къ пушкамъ лѣваго борта. Ничто не могло бы противостоятъ ихъ звѣриному бѣшенству. Наши матросы были сразу застигнуты, захвачены, ихъ затоптали ногами, и въ точномъ смыслѣ мгновенно растерзали на куски.

Видя это, дикари на плотахъ оправились отъ своихъ страховъ, и большими стаями прибыли для грабежа. Въ пять минутъ „Джэнъ“ превратилась въ прискорбную картину хищенія и бурнаго разгрома. Палубы были расщеплены и сорваны; снасти, паруса, и все, что было движимаго на декѣ, было разрушено какъ по волшебству. Между тѣмъ, толкая шхуну въ корму, волоча ее съ лодокъ, и таща по сторонамъ, между тѣмъ какъ они плыли тысячами вокругъ судна, эти злосчастные, наконецъ, притащили шхуну къ берегу (канатъ соскользнулъ), и представили ее добрымъ заботамъ Ту-уита, который въ продолженіи всей схватки, какъ искусный генераль, сохранялъ свой безопасный и развѣдочный постъ среди холмовъ, теперь же, когда побѣда была завершена въ полное его удовольствіе, снизошелъ до того, что со всѣхъ ногъ ринулся внизъ со своими черношкурными воителями, дабы сдѣлаться участникомъ въ дѣлежѣ добычи.

То обстоятельство, что Ту-уйть сошелъ внизъ, дало намъ возможность свободно покинуть наше убѣжище и осмотрѣть холмъ, находившійся по сосѣдству съ пропастью. Приблизительно въ пятидесяти ярдахъ отъ ея зѣва, мы увидѣли небольшой родникъ, водою котораго мы погасили, пожиравшую насъ, жгучую жажду. Педалеко отъ источника мы нашли нѣсколько кустовъ вышеупомянутаго большого лѣснаго орѣшника. Попробовавъ орѣхи, мы нашли, что они вкусные, и очень похожи по своему вкусу на обыкновенный Англійскій орѣхъ. Мы немедленно наполнили ими наши шляпы, сложили ихъ въ рытвинѣ, и вернулись за новымъ запасомъ. Въ то время какъ мы спѣшно и дѣятельно собирали ихъ, насъ встревожилъ послышавшійся въ кустахъ шорохъ, и мы уже были готовы укрыться потихоньку въ нашъ тайникъ, какъ вдругъ какая-то большая черная птица изъ разряда выпей, съ силой трепыхаясь, медленно поднялась надъ кустами. Я былъ такъ изумленъ, что не могъ ничего предпринять, но у Патерса было достаточно присутствія духа, чтобы побѣжать и броситься на нее, прежде чѣмъ она успѣла ускользнуть, и схватить ее за шею. Судорожныя ея усилія высвободиться и пронзительные крики были ужасающими, и мы даже хотѣли ее выпустить, а то этотъ шумъ долженъ былъ-бы встревожить кого-нибудь изъ дикарей, которые могли еще подстерегать по-сосѣдству. Наконецъ, ударъ широкаго ножа уложилъ ее на землю, и мы потащили ее въ стремнину, поздравляя себя съ тѣмъ, что, во всякомъ случаѣ, мы обезпечились пищей на цѣлую недѣлю.

Мы вышли снова, дабы осмотрѣться кругомъ, и дерзнули уйти на значительное разстоянiе внизъ по южному склону холма, но не нашли ничего еще, что могло-бы намъ послужить пищей. Мы собрали поэтому цѣлую кучу хвороста, и вернулись назадъ, увидя одну или двѣ большія ватаги туземцевъ, возвращавшихся къ селенiю; они были нагружены добычей изъ разграбленнаго судна, и, какъ мы

опасались, могли-бы насъ увидѣть, проходя подѣ склономъ холма.

Ближайшей нашей заботой было сдѣлать наше убѣжище столь безопаснымъ, какъ только это возможно, и съ этою цѣлью, мы соотвѣтственнымъ образомъ расположили нѣкоторую часть хвороста надъ отверстиемъ, о которомъ я раньше говорилъ, что мы черезъ него видѣли обрывокъ голубого неба, достигши ровной плоскости изъ внутренней части пропасти. Мы оставили только очень небольшую щель, ровно настолько широкую, чтобы имѣть возможность видѣть бухту, не подвергаясь опасности быть увидѣнными снизу. Сдѣлавъ это, мы поздравили себя съ полной безопасностью нашего положенія; ибо мы были теперь совершенно обезпечены отъ наблюденія, до тѣхъ поръ пока мы пожелали бы оставаться въ стремнинѣ, и пока мы не дерзнули бы выйти на холмъ. Мы не могли замѣтить никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что дикари когда-нибудь заглядывали въ эту впадину; но, на дѣлѣ, когда мы сообразили, что разсѣлина, черезъ которую мы ея достигли, произошла, по всей вѣроятности, только что, благодаря паденію утеса, находившагося напротивъ, и что никакого иного пути достигъ ея нельзя было усмотрѣть, мы не столько радовались на мысль, что мы находимся въ безопасности, сколько были испуганы, что у насъ, пожалуй, не осталось никакихъ возможностей, для того чтобы сойти внизъ. Мы рѣшились изслѣдовать основательно вершину холма, если намъ представится для этого добрый случай. Тѣмъ временемъ мы наблюдали за дикарями черезъ наше малое оконце.

Они уже совершенно окончили разгромъ судна, и готовились теперь поджечь его. Вскорѣ мы увидѣли, что дымъ восходитъ огромными извивами отъ главнаго люка, и, немного, времени спустя, густая громада пламени взметнулась изъ бака. Снасти, мачты, и все, что оставалось отъ парусовъ, мгновенно загорѣлось, и огонь быстро

распространился вдоль палубъ. Все-же, великое множество дикарей продолжало оставаться тамъ и сямъ вокругъ, барабана, какъ молотками, огромными камнями, топорами, и пушечными ядрами, по металлическимъ скрѣпамъ и другимъ мѣднымъ и желѣзнымъ частямъ судна. На побережьѣ бухты, а также въ ладьяхъ и на плотяхъ, въ непосредственной близости отъ шхуны, было въ цѣломъ не менѣе десяти тысячъ туземцевъ, да кромѣ того густыя толпы тѣхъ, которые, будучи нагружены добычей, пробирались внутрь страны и на сосѣдніе острова. Мы ждали теперь катастрофы, и не были обмануты. Прежде всего возникъ рѣзкій толчокъ (который мы явственно почувствовали тамъ, гдѣ мы находились, какъ если бъ мы слегка подчинились гальваническому току), но безъ какихъ-либо явныхъ знаковъ взрыва. Дикари были видимо изумлены, и прекратили на мгновеніе свою работу и свои вопли. Они готовились вновь приняться за то и за другое, какъ внезапно громада дыма выдохнула вверхъ изъ палубъ, будучи похожа на черную тяжелую грозовую тучу—потомъ, словно изъ чрева судна, выбрызнулъ высокій токъ яркаго огня, повидимому, на четверть мили вверхъ—потомъ, наступило внезапное круговое распространіе пламени—потомъ, вся атмосфера, въ одно единственное мгновеніе, магически заполнилась дикимъ хаосомъ изъ обломковъ дерева, и металла, и человѣческихъ членовъ—и, наконецъ, возникло сотрясеніе въ полнѣйшемъ своемъ бѣшенствѣ, оно порывисто сбило насъ съ ногъ, межъ тѣмъ какъ холмы грянули эхомъ и новой перекличкой звуковъ эхо въ отвѣтъ на грохотъ, и густой дождь мельчайшихъ обломковъ и обрывковъ порывисто рушился по всѣмъ направленіямъ вокругъ насъ.

Опустошеніе среди дикарей далеко превзошло наши крайнія ожиданія, и теперь они вполне пожали спѣлую жатву, плоды своего вѣроломства. Быть можетъ, цѣлая тысяча ихъ погибла отъ взрыва, между тѣмъ какъ, по крайней мѣрѣ,

такое-же число ихъ было безнадёжно изуродовано. Вся поверхность бухты была буквально усѣяна судорожно барахтающимися и утопающими злосчастными, а на берегу обстояло даже и еще хуже. Казалось, они были до крайности ужаснуты внезапностью и полнотою своего пораженія, и не дѣлали никакихъ усилій помочь другъ другу. Въ концѣ концовъ, мы замѣтили рѣзкую перемену въ ихъ поведеніи. Изъ полного оцѣпенѣнія они, повидимому, были сразу пробуждены до высочайшей степени возбужденія, и начали дико метаться кругомъ, устремляясь къ нѣкоторому мѣсту на побережьи, и убѣгая отъ него съ страннымъ выраженіемъ смѣшанныхъ чувствъ ужаса, бѣшенства, и напряженнаго любопытства, написанныхъ на ихъ лицахъ, при чемъ изо всѣхъ силъ они громко кричали *Текели-ли! Текели-ли!*

Мы увидали теперь, какъ большая толпа направилась въ холмы, откуда всѣ они вернулись вскорѣ, неся съ собою колья. Эти послѣдніе были донесены до того мѣста, гдѣ давка была всего сильнѣе, толпа раздалась, и мы получили, такимъ образомъ, возможность увидѣть предметъ всего этого возбужденія. Мы замѣтили что-то бѣлое, лежащее на землѣ, но не могли тотчасъ развѣдать, что бы это было. Наконецъ, мы увидали, что это былъ трупъ страннаго животнаго, съ алыми зубами и когтями, которое было поймано шхуной въ морѣ восемнадцатаго Января. Капитанъ Гай велѣлъ сохранить тѣло животнаго, въ цѣляхъ набить чучело и взять его съ собою въ Англію. Я помню, что онъ отдалъ нѣкоторыя распоряженія на этотъ счетъ какъ разъ передъ тѣмъ, когда мы высадились на островъ, и животное было перенесено въ каюту и положено въ одинъ изъ ларей. Оно было теперь брошено на берегъ силою взрыва; но почему оно возбудило такое напряженное вниманіе среди дикарей, этого постичь мы не могли. Хотя они толпились вокругъ трупа на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, ни одинъ, повидимому, не хотѣлъ при-

близиться къ нему вплоть. Тѣ, которые были съ кольями, воткнули ихъ теперь въ песокъ, образовавши вокругъ животнаго кругъ, и едва только это устройство окончилось, какъ все огромное множество ринулось во внутрь острова съ громкими пронзительными криками *Текели-ли! Текели-ли!*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ продолженіи шести-семи дней, непосредственно за этимъ послѣдовавшихъ, мы оставались въ нашемъ тайникѣ на холмѣ, выходя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и это съ величайшими предосторожностями, за водой и орѣхами. Мы устроили нѣкотораго рода навѣсъ на ровной плоскости нашего тайника, снабдили его постелью изъ сухихъ листьевъ, и помѣстили тамъ три большіе плоскіе камня, которые служили намъ и очагомъ и столомъ. Огонь мы зажигали безъ затрудненія, растирая одинъ о другой два куска сухого дерева, одинъ мягкій, другой твердый. Птица, которую мы такъ во время захватили, оказалась превосходной для ѣды, хотя нѣсколько твердой. Это была не океанская какая нибудь птица, но родъ выпи, съ агатово-чернымъ и сѣроватымъ опереніемъ, и весьма малыми крыльями, сравнительно съ ея величиной. Позднѣе мы увидѣли по близости отъ стремнины еще три птицы того же самаго разряда, онѣ, какъ кажется, искали ту, которая попалась намъ въ плѣнъ; но, такъ какъ онѣ ни разу не сѣлись, у насъ не было никакого случая поймать ихъ.

Пока длилось питаніе мясомъ этой птицы, мы вовсе не страдали отъ нашего положенія, но теперь она была цѣликомъ съѣдена, и сдѣлалось безусловно необходимымъ, чтобы мы искали какой-нибудь ѣды. Орѣхи не могли утолять повелительныхъ требованій голода, они причиняли намъ, кромѣ того, колики въ желудкѣ, а если мы ѣли ихъ

изобильно, то и сильнѣйшую головную боль. Мы замѣтили нѣсколько большихъ черепахъ около морского берега, къ Востоку отъ холма, и увидали, что ими легко было бы завладѣть, если бъ мы могли достигь до нихъ, не будучи замѣчены туземцами. Было рѣшено поэтому, что мы сдѣлаемъ попытку сойти внизъ.

Мы начали наше нисхожденіе по южному склону, представлявшему, казалось, наименьшія затрудненія, но не прошли мы и ста ярдовъ, какъ наше поступательное движеніе (что мы и предвидѣли, судя по тому, какой все имѣло видъ на вершинѣ холма) было совершенно прервано рукавомъ ущелья, въ которомъ погибли наши товарищи. Мы прошли теперь по краю его, приблизительно на четверть мили, но снова были остановлены пропастью великой глубины, и, не будучи способны продолжать нашъ путь по ея краю, были вынуждены вернуться по своимъ слѣдамъ къ главной стремнинѣ.

Мы продвинулись къ Востоку, но въ точности съ подобнымъ же успѣхомъ. Послѣ того какъ мы карабкались такъ около часа съ опасностью сломать себѣ шею, намъ стало ясно, что мы лишь сошли въ обширный колодець изъ чернаго гранита, дно котораго было покрыто тонкою пылью, и единственнымъ выходомъ оттуда являлся тотъ шероховатый суровый путь, по которому мы сошли внизъ. Съ трудомъ взобравшись вверхъ по той же самой дорогѣ, мы попытались теперь пройти по сѣверному краю холма. Здѣсь мы были должны примѣнять наивеличайшія возможныя предосторожности, продвигаясь впередъ, ибо малѣйшая неосмотрительность цѣликомъ явила бы насъ взорамъ дикарей, находившихся въ селеніи. Мы ползли поэтому, опираясь на руки и на колѣни, а временами даже были вынуждены ложиться на-земь всѣмъ тѣломъ, и волочились впередъ, цѣпляясь за кустарники. Едва мы продвинулись на небольшое разстояніе такимъ тщательнымъ способомъ, какъ достигли нѣкоторой расщелины,

гораздо болѣе глубокой, чѣмъ какая-либо изъ виданныхъ нами доселѣ; она вела прямо къ главному ущелью. Такимъ образомъ, наши опасенія вполне подтвердились, и мы были совершенно отрѣзаны отъ доступа къ міру, находившемуся внизу. Совершенно истомленные нашими усиліями, мы продѣлали, какъ только могли, нашъ обратный путь къ ровному мѣсту, и, бросившись на постель изъ листьевъ, спали сладкимъ и крѣпкимъ сномъ нѣсколько часовъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ этихъ безплодныхъ розысковъ, мы были заняты тѣмъ, что изслѣдовали каждую часть вершины холма, дабы освѣдомиться касательно теперешнихъ нашихъ возможностей. Оказалось, что пищи здѣсь нѣтъ никакой, кромѣ этихъ зловредныхъ орѣховъ и прогорклой на вкусъ цынготной травы, которая росла на небольшомъ клочкѣ земли, по размѣрамъ не выше четырехъ квадратныхъ мѣрѣ въ шестнадцать футовъ, и, слѣдовательно, вскорѣ она должна была быть исчерпана. Пятнадцатаго Февраля, насколько я могу припомнить, отъ нея не осталось ни листика, орѣхи же становились рѣдки; положеніе наше поэтому врядъ ли могло быть болѣе плачевнымъ *). Шестнадцатаго мы опять обошли кругомъ стѣны нашей тюрьмы въ надеждѣ найти какую-нибудь дорожку, дабы ускользнуть, но безуспѣшно. Мы сошли также въ расщелину, въ которой мы были разбиты, съ слабой надеждой найти въ этомъ горномъ жолобѣ какое-нибудь отверстіе, ведущее къ главной стремнинѣ. И здѣсь также мы были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, хотя мы нашли и захватили съ собой одинъ мушкетъ.

Семнадцатаго мы вышли съ твердымъ рѣшеніемъ изслѣдовать болѣе тщательно пропасть изъ чернаго гранита, въ которую насъ привела наша дорога при первыхъ ро-

*) Этотъ день сдѣлался достопримѣчательнымъ, ибо мы усмотрѣли на Югѣ нѣсколько огромныхъ гирляндъ сѣроваго цара, о которомъ я говорилъ ранѣе.

зыскахъ. Мы вспомнили, что мы глянули лишь бѣглымъ образомъ въ одну изъ расщелинъ, находившихся по бокамъ этого колодца, и горѣли нетерпѣніемъ изслѣдовать ее основательно, хотя безъ надежды открыть здѣсь какое-либо отверстіе.

Мы смогли безъ большого затрудненія достигъ дна впадины, какъ прежде, и были теперь сравнительно спокойными для болѣе внимательнаго ея осмотра. Это было поистинѣ одно изъ самыхъ странныхъ на видъ мѣстъ, какія только можно вообразить, и мы съ трудомъ могли повѣрить, чтобы это было произведеніемъ одной природы. Колодецъ, отъ восточнаго до западнаго своего края, былъ приблизительно пятьсотъ ярдовъ въ длину, если бы всѣ его извивы были выпрямлены; разстояніе отъ востока къ западу, по прямой линіи, (какъ я долженъ предположить, ибо у меня не было средствъ точнаго измѣренія), было не болѣе сорока-пятидесяти ярдовъ. При первомъ нисхожденіи въ расщелину, т. е. на сто футовъ внизъ отъ вершины холма, бока пропасти мало походили одинъ на другой, и, по видимости, никогда не были соединены, поверхность одной стороны была изъ мыльнаго камня, поверхность другой была изъ рухляка, съ крупинками какого-то металлическаго вещества. Средняя ширина, или промежуточное пространство между двумя утесами, была здѣсь, вѣроятно, шестьдесятъ футовъ, но, повидимому, здѣсь не было правильности въ наслоеніи. Однако-же, послѣ перехода внизъ за указанный предѣлъ, промежутокъ быстро сокращался, и склоны пропасти начинали идти параллельно, хотя на протяженіи нѣкотораго дальнѣйшаго пространства они еще не сходились въ своемъ веществѣ и въ ликѣ поверхности. По достиженіи пятидесяти футовъ отъ дна, начиналась безукоризненная правильность. Склоны были теперь совершенно единообразны по веществу, цвѣту, боковому направленію, состояли они изъ очень чернаго и сіяющаго гранита, и разстояніе между двумя склонами, въ любой

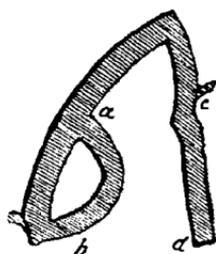
точкѣ, было, если брать прямокомъ одинъ склонъ отъ другого, какъ разъ двадцать ярдовъ. Точное свойство наслоения разсѣлины будетъ наилучше понято при помощи рисунка, сдѣланнаго на мѣстѣ; ибо у меня, къ счастью, была съ собой памятная книжка и карандашъ, которые я съ великимъ тщаніемъ сохранялъ въ теченіи долгаго ряда послѣдовавшихъ приключеній, и благодаря которымъ я смогъ занести записи о многихъ вещахъ, каковыя иначе ускользнули бы изъ моей памяти.

Фигура 1.

Эта фигура (смотри фиг. 1-ую) даетъ общій очеркъ пропасти, безъ впалостей меньшаго размѣра, коихъ было нѣсколько по бокамъ, при чемъ каждая впалость имѣла соответствующую выдающуюся часть напротивъ. Дно пропасти было покрыто на глубину трехъ-четырехъ дюймовъ пылью почти неосязаемой, подъ которой мы нашли продолженіе чернаго гранита. Направо, на нижнемъ краѣ, должно замѣтить видимость малаго отверстія; это расщелина, на каковую указывалось выше, и болѣе тщательное изслѣдованіе которой, нежели то случилось прежде, было цѣлью нашего вторичнаго посѣщенія. Мы протѣснились теперь въ нее съ силою, срубивъ цѣлое множество вѣтвей терновника, загораживавшаго намъ дорогу, и содвинувъ огромную кучу острыхъ кремней, нѣсколько похожихъ по своимъ очертаніямъ на наконечники стрѣлъ. Мы были ободрены для продолженія замышленнаго, замѣтивъ нѣкій малый

свѣтъ, исходившій изъ самаго дальняго оконца. Мы протѣснились, наконецъ, впередъ шаговъ на тридцать, и увидѣли, что отверстіе являло изъ себя низкій и правильно образованный сводъ, дно котораго было усѣяно тою-же самой неосязаемой пылью, что и въ главной пропасти. Сильный свѣтъ ударилъ теперь на насъ, и, сдѣлавъ рѣзкій поворотъ, мы очутились въ другой высокой горницѣ, во всѣхъ отношеніяхъ похожей на ту, изъ которой мы вышли, но болѣе продольной. Общій ея видъ здѣсь данъ (смотри фиг. 2-ую).

Фигура 2.

Вся длина этой разсѣлины, начиная съ отверстія *a* и продолжая кругомъ по кривизнѣ *b*, до края *d*, пятьсотъ пятьдесятъ ярдовъ. Въ *c* мы открыли небольшое отверстіе, подобное тому, черезъ которое мы вышли изъ другой разсѣлины, и оно, такимъ-же образомъ, было загромождено терновникомъ и цѣлымъ множествомъ бѣлыхъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ. Мы пробили черезъ нее нашъ путь, и нашли, что въ ней сорокъ футовъ длины, и что она выходитъ въ третью разсѣлину. Эта послѣдняя также была совершенно подобна первой, исключая продольнаго ея очерка, который былъ вотъ такой (смотри фиг. 3-ью).

Мы нашли, что вся длина третьей разсѣлины триста двадцать ярдовъ. На точкѣ *a* было отверстіе около шести ярдовъ ширины, простиравшееся на пятнадцать футовъ въ

скалу, гдѣ оно кончалось рухляковымъ ложемъ, за предѣлами этого не было другой расщелины, какъ мы ожидали. Мы уже готовы были оставить эту расщелину, куда проходилъ очень слабый свѣтъ, какъ вдругъ Питерсъ обратилъ мое вниманіе на рядъ страннаго вида зазубринъ на поверхности рухляка, образовавшаго завершеніе этого *тупика*. Съ небольшимъ усиленіемъ воображенія, лѣвая, т.е. самая сѣверная часть этихъ зазубринъ могла быть принята за умышленное, хотя грубое, изображеніе человѣческой фигуры, стоящей прямо съ протянутой рукой. Остальныя зазубри-

Фигура 3.

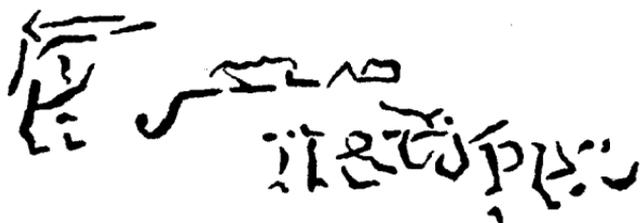

Фиг. 5.

ны носили также нѣкоторое малое сходство съ буквами нѣкаго алфавита, и Питерсъ былъ склоненъ, во всякомъ случаѣ, усвоить праздное мнѣніе, что они были дѣйствительно таковыми. Въ концѣ концовъ, я убѣдилъ его въ его ошибкѣ, обративъ его вниманіе на полъ расщелины, гдѣ среди пыли, кусокъ за кускомъ, мы подобрали большіе обломки рухляка, которые очевидно были сорваны какимъ-нибудь сотрясеніемъ съ поверхности, гдѣ находились выемки, и у которыхъ были выступы, въ точности подходившіе къ этимъ выемкамъ, что доказывало, что это было дѣломъ природы. Фигура 4-ая изображаетъ точный снимокъ со всего.

Убѣдившись, что эти своеобразныя пещеры не доставляли намъ никакого средства ускользнуть изъ нашей тюрьмы, мы направились назадъ, подавленные и павшіе духомъ, къ вершинѣ холма. Ничего достойнаго упоминанія не случилось за ближайшіе двадцать четыре часа, кромѣ

того, что, изслѣдуя къ Востоку почву третьей разсѣлины, мы нашли двѣ треугольныя ямы очень глубокія и также съ черными гранитными боками. Въ эти ямы мы не сочли надлежащимъ опускаться, ибо онѣ имѣли видъ простыхъ природныхъ колодцевъ, безъ выхода. Каждая изъ нихъ имѣла приблизительно двадцать ярдовъ въ окружности, а ихъ очертанія, также какъ ихъ положеніе относительно третьей разсѣлины, показаны на фигурѣ 5-ой.

Фигура 4.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Двѣнадцатаго числа этого мѣсяца, увидѣвъ, что болѣе совершенно невозможно питаться орѣхами, употребленіе которыхъ причиняло намъ самыя мучительныя страданія, мы рѣшили сдѣлать отчаянную попытку сойти съ южнаго склона холма. Поверхность пропасти была здѣсь изъ самаго мягкаго мыльнаго камня, но она была почти отвѣсна на всемъ своемъ протяженіи (по крайней мѣрѣ въ полтора сто футовъ глубины), и во многихъ мѣстахъ даже сводчатая. Послѣ долгихъ исканій мы открыли узкую закраину, приблизительно въ двадцати футахъ подъ краемъ пропасти; на нее Питерсъ ухитрился вспрыгнуть, при чемъ я оказалъ ему нѣкоторую помощь, при посредствѣ нашихъ носовыхъ платковъ вмѣстѣ связанныхъ. Съ нѣсколько большими затрудненіями и я также спустился внизъ, и намъ

стало видно тогда, что можно сойти вполне хорошо, тѣмъ же способомъ, какимъ мы выкарабкались изъ расщелины, когда мы были схоронены въ ней паденіемъ холма—т.-е., вырѣзая ступени на поверхности мыльнаго камня. Крайняя опасность и зависимость отъ случая при такой попыткѣ врядъ ли можетъ быть представлена, но, такъ какъ ничего другого измыслить было нельзя, мы рѣшились предпринять ее.

На закраинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, росли орѣшники, и къ одному изъ нихъ мы прикрѣпили конецъ нашей веревки изъ носовыхъ платковъ. Другой конецъ ея былъ обвязанъ вокругъ поясицы Питерса, и я спустилъ его внизъ черезъ край пропасти, пока платки не натянулись туго. Онъ началъ теперь рыть въ мыльнякѣ глубокую яму (дюймовъ на восемь или на десять), скапывая уровень скалы сверху до высоты одного фута, или около того, дабы имѣть возможность, примѣняя ручку пистолета, вогнать въ выровненную поверхность достаточно крѣпкій деревянный гвоздь. Послѣ этого я втянулъ его вверхъ, приблизительно на четыре фута, онъ вырылъ яму, подобную той, что была внизу, вогналъ здѣсь, какъ и раньше, деревянный гвоздь, и такимъ образомъ получилъ упоръ для рукъ и ногъ. Я отвязалъ платки съ куста, бросилъ ему конецъ, онъ привязалъ его ко вбитой опорѣ, находившейся въ верхней ямѣ, и осторожно спустился внизъ фута на три, сравнительно съ прежнимъ своимъ положеніемъ, то-есть, до всей длины платковъ. Здѣсь онъ вырылъ новую яму, и вогналъ другой деревянный гвоздь. Онъ подтянулся вверхъ теперь, чтобы дать ногамъ упоръ въ только что вырѣзанной ямѣ, держась руками за деревянный гвоздь, имѣвшійся сверху. Теперь было необходимо отвязать платки отъ верхней опоры, съ цѣлью прикрѣпить ихъ ко второй; и тутъ онъ увидалъ, что сдѣлалъ ошибку, вырѣзая ямы на такомъ большомъ разстояніи одну отъ другой. Однако-же, послѣ одной-двухъ безуспѣшныхъ и

опасныхъ попытокъ дотянуться до узла (онъ держался лѣвой рукой, пока ему пришлось хлопотать надъ развязываніемъ узла правой), онъ наконецъ обрѣзалъ веревку, оставивъ шесть дюймовъ ея прикрѣпленной къ опорѣ. Привязавъ теперь платки ко второй опорѣ, онъ сошелъ до мѣста, находившагося подъ третьей, стараясь не сходить слишкомъ далеко внизъ. Такимъ способомъ (способомъ, котораго никогда-бы не измыслилъ я самъ, и который всецѣло возникъ благодаря находчивости и рѣшимости Питерса) товарищу моему наконецъ удалось, тамъ и сямъ пользуясь случайными выступами въ утесѣ, благополучно достигъ нижняго склона.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ я могъ собраться съ достаточной рѣшимостью, чтобы послѣдовать за нимъ; но наконецъ я попытался. Питерсъ снялъ съ себя рубашку, прежде чѣмъ началъ сходить, и она, вмѣстѣ съ моею, образовала веревку, необходимую для этого отважнаго предпріятія. Бросивъ внизъ мушкетъ, найденный въ расщелинѣ, я прикрѣпилъ эту веревку къ кустамъ, и сталъ быстро спускаться внизъ, стараясь, силою моихъ движеній, прогнать трепеть, который я не могъ побѣдить никакимъ другимъ образомъ. Это вполне отвѣтствовало необходимости при первыхъ четырехъ-пяти шагахъ; но вотъ, я почувствовалъ, что воображеніе мое становится страшно возбужденнымъ отъ мыслей объ огромной глубинѣ, которую еще нужно пройти, и о недостовѣрныхъ свойствахъ деревянныхъ опоръ и ямъ въ мыльнякѣ, которыя были единственною моею возможностью держаться. Напрасно старался я прогнать эти размышленія, и держать свои глаза упорно устремленными на плоскую поверхность утеса передо мной. Чѣмъ болѣе серьезно я старался и усиливался *не думать*, тѣмъ болѣе напряженными и живыми становились мои представленія, тѣмъ болѣе они были ужасающе четкими. Наконецъ, насталъ переломъ въ мечтѣ, такой страшный во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, тотъ пе-

реломъ, когда мы начинаемъ предвосхищать ощущенія, съ которыми мы *будемъ* падать—рисовать самимъ себѣ дурноту, и головокруженіе, и послѣднюю борьбу, и полуобморокъ, и окончательную рѣжущую пытку обрушивающагося нисхожденія стремглавъ. И тутъ, я увидалъ, что эти фантазіи создаютъ свою собственную существованность, и что всѣ воображаемые ужасы, столпившись, тѣснятъ меня въ дѣйствительности. Я почувствовалъ, что колѣни мои съ силою ударяются одно о другое, а пальцы постепенно, но достовѣрно, отпускаютъ свою хватку. Въ ушахъ у меня стоялъ звонъ, и я сказалъ: „Это звонъ моего смертнаго часа!“ И тутъ, меня совѣмъ поглотило неудержимое желаніе глянуть внизъ. Я не могъ, я не хотѣлъ ограничивать мое зрѣніе, держа свои глаза прикованными къ утесу; и съ безумнымъ, неопредѣлимымъ ощущеніемъ, ощущеніемъ на половину ужаса, на половину облегченнаго гнета, я устремилъ свои взоры далеко внизъ, въ глубину. Въ теченіи одного мгновенья пальцы мои судорожно цѣплялись за точки опоры, между тѣмъ какъ, вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ, слабѣйшая возможная мысль объ окончательномъ спасеніи проплыла какъ тѣнь въ моемъ умѣ—въ слѣдующее мгновеніе вся душа моя была захвачена *однимъ томительнымъ желаніемъ упасть*; желаніемъ, хотѣніемъ, страстью, которой нѣтъ ни провѣрки, ни удержу. Я сразу разжалъ свои пальцы, и, полуотвернувшись отъ пропасти, краткій мигъ держался шатаясь противъ обнаженной ея поверхности. Но тутъ все въ мозгу моемъ начало вертѣться; какой то пронзительный и призрачный голосъ рѣзко закричалъ мнѣ прямо въ уши; какая-то темная дьявольская и мглистая фигура встала прямо подо мной; и, вздохнувъ, я упалъ внизъ съ разрывающимся сердцемъ, и нырнулъ ей прямо въ руки.

Я впалъ въ обморочное состояніе, и Питерсъ схватилъ меня, когда я падалъ внизъ. Онъ запримѣтилъ все мое поведеніе, съ того мѣста у подошвы утеса, гдѣ онъ нахо-

дился; и, видя неминуемую мою опасность, попытался вышить мнѣ мужество всяческаго рода ободреніями, какія только могъ измыслить; но смятеніе ума было во мнѣ такъ велико, что я вовсе не слышалъ того, что онъ говорилъ, и даже не сознавалъ, чтобы онъ что-нибудь мнѣ сказалъ. Наконецъ, видя, что я шатаюсь, онъ поспѣшилъ взойти наверхъ ко мнѣ, на выручку, и пришелъ какъ разъ во время, чтобы меня спасти. Если бъ я упалъ всею силой моей тяжести, веревка изъ платковъ неизбѣжно порвалась-бы, и я рухнулъ-бы въ пропасть; теперь-же, ему удалось спустить меня съ осторожностью, такъ что я могъ безъ какой-либо опасности быть подвѣшеннымъ до того, какъ очнулся. Это произошло, приблизительно, черезъ четверть часа. Когда я оправился, трепеть мой совершенно исчезъ; я чувствовалъ новое бытіе, и, съ нѣкоторой дальнѣйшей помощью со стороны моего товарища, благополучно достигъ подошвы утеса. Мы находились теперь недалеко отъ рывины, которая оказалась для моихъ друзей могилой, и къ Югу отъ того мѣста, гдѣ упалъ холмъ. Мѣсто это было своеобразно дикое, а видъ его вызвалъ въ моемъ умѣ описанія, которыя даютъ путники тѣхъ сумрачныхъ областей, что отмѣчаютъ мѣстоположеніе низверженнаго Вавилона. Не говоря уже о развалинахъ разорваннаго утеса, представлявшихъ хаотическую преграду для зрѣнія въ направленіи къ Сѣверу, почва во всѣхъ другихъ направленіяхъ была усѣяна огромными насыпями, которыя казались остатками какихъ-то гигантскихъ построеній, созданныхъ искусствомъ; хотя, въ отдѣлностяхъ здѣсь нельзя было усмотрѣть никакого подобія искусства. Здѣсь изобиловали выгарки и большія безформенныя глыбы чернаго гранита, перемежанныя съ глыбами рухляка *),

*) Рухлякъ былъ также черный; на самомъ дѣлѣ, мы не замѣтили на островѣ ни одного свѣтло-цвѣтнаго вещества какого бы то ни было разряда.

тѣ и другія были усѣяны металлическими крупинками. Никакихъ слѣдовъ растительности не было на всемъ зримомъ протяженіи пустыннаго пространства. Виднѣлось нѣсколько огромныхъ скорпіоновъ, виднѣлись также различные пресмыкающіеся, которыхъ нельзя найти въ другихъ мѣстахъ на высокихъ широтахъ.

Такъ какъ пища была непосредственнымъ предметомъ нашихъ исканій, мы рѣшили направиться къ морскому берегу, отстоявшему не болѣе чѣмъ на полъ-мили, въ цѣляхъ поохотиться на черепахъ, изъ коихъ нѣсколько мы замѣтили изъ нашего прибѣжища на холмѣ. Мы продолжали идти, и прошли ярдовъ сто, осторожно идя по извиистой дорогѣ между огромныхъ скалъ и насыпей, какъ вдругъ при одномъ поворотѣ за уголь, пять дикарей выпрыгнули на насъ изъ небольшой пещеры и положили Питерса на-земь однимъ ударомъ дубины. Когда онъ упалъ, всѣ бросились на него, чтобы захватить свою жертву, и я имѣлъ время опомниться отъ моего изумленія. Я еще держалъ мушкетъ, но стволы его такъ попортились отъ паденія въ пропасть, что я отбросилъ его въ сторону, какъ орудіе бесполезное, предпочитая довѣриться пистолетамъ, которые я тщательно соблюдалъ въ порядкѣ и держалъ наготовѣ. Съ ними я устремился на нападавшихъ, и быстро выстрѣлилъ изъ одного и изъ другого. Два дикаря упали, а тотъ, который только что собирался пронзить Питерса копьемъ, вскочилъ на ноги не выполнивъ своего намѣренія. Когда товарищъ мой такимъ образомъ высвободился, у насъ болѣе не было затрудненій. У него тоже были пистолеты, но онъ благоразумно не захотѣлъ ими воспользоваться, довѣряясь огромной своей тѣлесной силѣ, которая далеко превосходила силу любого человѣка, изъ всѣхъ тѣхъ, кого мнѣ пришлось видѣть въ жизни. Выхвативъ дубину у одного изъ павшихъ дикарей, онъ выбилъ мозги всѣмъ тремъ остававшимся, убивая cadaго мгновенно однимъ единственнымъ

ударомъ своего оружія и вполнѣ предоставляя намъ быть владыками положенія.

Такъ быстро промелькнули эти событія, что мы едва могли вѣрить въ ихъ дѣйствительность, и стояли надъ тѣлами умершихъ въ нѣкотораго рода глупѣйшемъ созерцаніи, какъ вдругъ мы были возвращены къ памяти звуками возгласовъ, раздавшимися въ отдаленіи. Было ясно, что дикари были встревожены звукомъ выстрѣловъ, и что у насъ мало было возможности оставаться не открытыми. Чтобы вновь взойти на утесъ, намъ было бы необходимо идти въ направленіи возгласовъ; и даже, если-бы намъ удалось достигъ до основанія утеса, мы никогда не могли бы взойти на него, не будучи замѣченными. Положеніе наше было чрезвычайно опасное, и мы уже колебались насчетъ того, въ какомъ направленіи начать побѣгъ, какъ одинъ изъ дикарей, въ котораго я стрѣлялъ, и считалъ умершимъ, живо вскочилъ на ноги и попытался обратиться въ бѣгство. Мы однако его захватили, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отдалиться на нѣсколько шаговъ, и готовились предать его смерти, какъ Питерсъ высказалъ мысль, что мы могли-бы извлечь нѣкоторую выгоду, принудивъ его сопровождать насъ въ нашей попыткѣ ускользнуть. Мы поэтому потащили его съ собой, давая ему понять, что мы его застрѣлимъ, если онъ окажетъ какое-нибудь сопротивленіе. Въ нѣсколько минутъ онъ сдѣлался совершенно покорнымъ, и бѣжалъ рядомъ съ нами, межъ тѣмъ какъ мы пробирались среди скалъ, и направлялись къ морскому берегу.

Доселѣ неровности почвы, по которой мы проходили, скрывали отъ насъ море, и оно лишь время отъ времени возникало передъ нашими глазами, и когда оно впервые, по настоящему, предстало передъ нами, до него было, быть можетъ, двѣсти ярдовъ. Когда мы выскользнули къ открытой бухтѣ, мы увидѣли, къ великому нашему смятенію, огромную толпу туземцевъ, выбѣгавшихъ изъ селенія, и отовсюду на островѣ они направлялись къ намъ съ тѣло-

движеніями, указывавшими на крайнюю ярость, при чемъ они были какъ дикіе звѣри. Мы уже готовы были повернуть назадъ, и попытаться обезопасить наше отступленіе среди скалистой твердыни, какъ вдругъ я увидаль направленныя носовою частью къ берегу двѣ ладьи за большой скалой, уходившей въ воду. Къ нимъ мы побѣжали теперь изо всѣхъ силъ, и, достигнувъ ихъ, увидѣли, что онѣ были безъ присмотра и въ нихъ не было ничего, кромѣ трехъ большихъ черепахъ Галапаго, и обычнаго запаса весель для шестидесяти гребцовъ. Мы немедленно завладѣли одной ладьей, и, принудивъ нашего плѣнника войти съ нами, отплыли въ море, налегая на весла изо всѣхъ силъ.

Мы не отплыли, однако, болѣе чѣмъ на пятьдесятъ ярдовъ отъ берега, какъ достаточно успокоились, чтобы понять тотъ великій промахъ, въ коемъ мы были повинны, оставивъ другую ладью во власти дикарей, которые тѣмъ временемъ были не болѣе чѣмъ на двойномъ разстояніи отъ бухты сравнительно съ нами, и быстро бѣжали, чтобы продолжать погоню. Времени терять было нельзя. Надежда наша въ лучшемъ случаѣ была весьма слабой, но другой надежды у насъ не было. Очень было сомнительно, сможемъ ли мы, при крайнемъ напряженіи силъ, вернуться достаточно въ время, чтобы предупредить захватъ другой лодки, но возможность все же еще была. Мы могли бы спастись, если бъ намъ это удалось, а не сдѣлать такой попытки означало предназначить себя неизбѣжной гибели.

Ладья наша была такъ построена, что носъ и корма были у нея одинаковы, и вмѣсто того, чтобы повертывать ее кругомъ, мы просто перемѣнили наше положеніе у весель. Какъ только дикари замѣтили это, они удвоили свои вопли, такъ же какъ и свою быстроту, и приближались теперь съ невообразимую скоростью. Мы гребли, однако, со всей энергіей отчаянія, и прибыли къ спорному мѣсту прежде, чѣмъ кто-либо, кромѣ одного изъ туземцевъ, достигъ его. Этотъ человѣкъ дорого заплатилъ за свое пре-

восходное проворство: Питерсъ прострѣлилъ ему голову изъ своего пистолета, когда онъ приблизился къ берегу. Передовые изъ остальной толпы были, вѣроятно, шагахъ въ двадцати или тридцати, когда мы схватили ладью. Мы сперва попытались оттащить ее въ глубокую воду, за предѣлы досягнуенія дикарей, но увидѣли, что она слишкомъ прочно закрѣплена, и, такъ какъ времени нельзя было терять, Питерсъ, съ помощью одного, двухъ тяжелыхъ ударовъ прикладомъ мушкета, раздробилъ значительную часть ея носа и одного изъ боковъ. Послѣ этого мы отплыли. Двое изъ туземцевъ, тѣмъ временемъ, уцѣпились за нашу лодку и упорно отказывались выпустить ее, пока мы ихъ къ этому не вынудили, расправившись съ ними ножами. Мы были теперь на волѣ, и направлялись въ открытое море. Главная ватага дикарей, достигнувъ сломанной лодки, испустила самый потрясающій вопль бѣшенства и разочарованія, какой только можно себѣ вообразить. По-истинѣ, изъ всего, что я могъ усмотрѣть касательно этихъ негодяевъ, они, повидимому, являли изъ себя самое злое, лицемѣрное, мстительное, кровожадное, и совершенно дьявольское племя людей, когда-либо жившихъ на поверхности земли. Ясно было, что намъ не было бы пощады, если бы мы попались имъ въ руки. Они сдѣлали безумную попытку погнаться за нами на сломанной лодкѣ, но, увидя, что это бесполезно, снова выразили свое бѣшенство въ цѣломъ рядѣ отвратительныхъ воплей, и, горлая, ринулись въ холмы.

Мы были теперь освобождены отъ немедленной опасности, но все-же наше положеніе было въ достаточной степени зловѣще. Мы знали, что раньше у этихъ дикарей было въ обладаніи четыре такія ладьи, и мы не знали тогда того, о чемъ позднѣе узнали отъ нашего плѣнника, а именно, что двѣ ладьи разлетѣлись въ куски при взрывѣ „Джэнъ Гай“. Мы рассчитывали поэтому, что насъ будутъ еще преслѣдовать, какъ только враги наши смогутъ обѣ-

жать вокруг бухты (разстояніе въ три мили), гдѣ лодки обыкновенно были закрѣплены. Опасаясь этого, мы приложили всѣ старанія къ тому, чтобы оставить островъ за нами, и быстро плыли, принудивъ плѣнника взять весло. Приблизительно черезъ полчаса, когда мы уплыли миль на пять или на шесть къ Югу, сдѣлалось видно, какъ большая флотилія изъ плоскодонныхъ лодокъ, или плотовъ, возникла, отплывая отъ бухты, въ явномъ намѣреніи насъ преслѣдовать. Но вотъ они повернули назадъ, отчаявшись насъ догнать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Мы находились теперь въ обширномъ и пустынномъ Полуденномъ океанѣ, на широтѣ, превышающей восемьдесятъ четыре градуса, въ хрупкой ладьѣ и безъ какихъ-либо запасовъ, кромѣ трехъ черепахъ. Долгая Полярная зима была, кромѣ того, конечно, уже не далека, и сдѣлалось необходимымъ, чтобы мы хорошенько обсудили, какое выбрать направленіе. Было шесть или семь острововъ на виду, принадлежащихъ къ той же самой группѣ, и отстоящихъ одинъ отъ другого приблизительно на пять или на шесть лигъ, но ни къ одному изъ нихъ мы не имѣли никакого намѣренія дерзнуть приблизиться. Придя съ Сѣвера на „Джэнъ Гай“, мы мало по малу оставили за собою наиболѣе суровыя области льда—это, какъ бы ни мало это согласовалось съ общепринятыми представленіями о Полуденныхъ областяхъ, было провѣренной опытомъ достоверностью, которую намъ было бы непозволительно отрицать. Пытаться поэтому вернуться назадъ было бы безуміемъ, въ особенности въ такое позднее время года. Лишь одно направленіе, повидимому, было оставлено для надежды. Мы рѣшили смѣло править на Югъ, гдѣ было, по крайней мѣрѣ, вѣроятіе открытія новыхъ земель, и больше чѣмъ вѣроятіе найти еще болѣе кроткій климатъ.

Доселъ мы видѣли, что Полуденный океанъ, также какъ Сѣверный, былъ, отличительнымъ образомъ, свободенъ отъ яростныхъ бурь и неумѣренно бурныхъ валовъ; но наша ладья была, даже и въ наилучшемъ случаѣ, очень хрупкая, по своему строенію, хотя и длинная, и мы ревностно принялись за работу, съ цѣлью сдѣлать ее настолько надежной, насколько это допускали находившіяся въ нашемъ распоряженіи ограниченныя средства. Остовъ ладьи былъ не изъ чего лучшаго, какъ изъ коры— кора какого-то невѣдомаго дерева. Ребра были изъ гибкаго ивняка, хорошо приспособленнаго для той цѣли, къ которой онъ былъ примѣненъ. У насъ было пятьдесятъ футовъ пространства отъ носа до кормы; ширина была отъ четырехъ до шести футовъ, и глубина вездѣ четыре фута съ половиной—такія лодки значительно отличаются по очертаніямъ отъ лодокъ какихъ-либо другихъ жителей Южнаго океана, о которыхъ имѣютъ свѣдѣнія цивилизованные народы. Мы никогда не думали, чтобы онѣ были издѣльемъ невѣжественныхъ островитянъ, ими владѣвшихъ, и нѣсколько дней спустя узнали, спрашивая нашего плѣнника, что онѣ дѣйствительно были построены урженцами группы острововъ, находившихся къ Юго-Западу отъ той области, гдѣ мы нашли ихъ, и что онѣ случайно попали въ руки нашихъ варваровъ. То, что мы могли сдѣлать для укрѣпленія нашей лодки, было, поистинѣ, очень мало. Нѣсколько большихъ щелей было усмотрѣно около обоихъ концовъ, и намъ удалось законопатить ихъ кусочками шерстяной куртки. Съ помощью лишнихъ весель, коихъ было большое количество, мы воздвигли нѣкотораго рода срубъ около носа, дабы преломлять силу возможныхъ валовъ, которые стали бы грозить затопить насъ съ этой стороны. Мы установили также двѣ весельныя лопасти, какъ мачты, помѣстивъ ихъ одну противъ другой, по одной у cadaго шкафута, и обойдѣсь, такимъ образомъ, безъ райны. Къ этимъ мачтамъ мы привязали парусъ,

изготовленный изъ нашихъ рубашекъ—сдѣлать намъ это было довольно трудно, ибо въ этомъ мы не могли добиться какой-либо помощи отъ нашего плѣнника, хотя онъ довольно охотно принималъ участіе во всѣхъ другихъ работахъ. Видъ холста, какъ казалось, взволновалъ его совершенно особеннымъ образомъ. Его нельзя было заставить прикоснуться къ нему, или подойти близко, онъ дрожалъ, когда мы пытались его принудить къ этому, и вскрикивалъ—*Текели-ли*.

Послѣ того какъ мы закончили наши приспособленія для безопасности лодки, мы направили теперь паруса къ Югу-Юго-Востоку, съ цѣлью обогнуть наиболѣе южный островъ группы, изъ бывшихъ на виду. Сдѣлавъ это, мы направили носовую часть лодки цѣликомъ къ Югу. Погода отнюдь не могла считаться неприятной. Все время держался очень тихій вѣтеръ съ Сѣвера, море было гладкое, и длился непрерывный дневной свѣтъ. Не было видно ни признака льда; *я и не видѣлъ его, ни одного даже кусочка, послѣ того какъ мы оставили параллель островка Беннетта*. Температура воды была поистинѣ здѣсь слишкомъ тепла, чтобы онъ могъ существовать въ какомъ-либо количествѣ. Убивъ самую большую изъ нашихъ черепахъ, и получивъ изъ нея не только пищу, но и обильный запасъ воды, мы продолжали нашъ путь безъ какого-либо значительнаго приключенія, быть можетъ дней семь или восемь, въ теченіи какого времени должны были продвинуться на большое разстояніе къ Югу, ибо съ нами постоянно шелъ попутный вѣтеръ, и очень сильное теченіе непрерывно несло насъ въ томъ направленіи, которому мы слѣдовали.

Марта 1 *). Различныя необыкновенныя явленія указы-

*) По причинамъ очевиднымъ я не могу въ этихъ датахъ притязать на строгую точность. Онѣ даны главнымъ образомъ для ясности повѣствованія, и какъ онѣ были занесены въ мои карандашныя замѣтки.

вали теперь, что мы вступаемъ въ область новизны и чудесъ. Высокая горная цѣпь свѣтло-сѣрыхъ паровъ возникала постоянно на южномъ горизонтѣ, вспыхивая время отъ времени возвышенными полосами, то устремляясь стрѣлометно съ Востока на Западъ, то съ Запада на Востокъ, и снова являя ровную и единообразную вершину—словомъ, осуществляя всѣ причудливыя видоизмѣненія Сѣвернаго сіянія. Средняя высота этого испаренія, какъ оно намъ являлось съ нашей точки, была приблизительно двадцать пять градусовъ. Температура моря, повидимому, увеличивалась съ минуты на минуту, и было очень явственное измѣненіе въ его цвѣтѣ.

Марта 2. Сегодня, повторнымъ разспрашиваніемъ нашего плѣнника, мы добились того, что разузнали нѣкоторыя подробности касательно острова, гдѣ произошло избіеніе, его жителей и обычаевъ — но какъ теперь я могу этимъ задерживать читателя? Я могу сказать, однако, что, какъ мы узнали, въ группѣ было восемь острововъ—что они управлялись однимъ общимъ царемъ, имя его *Тсалемонъ* или *Псалемунъ*, пребывалъ же онъ на одномъ изъ самыхъ маленькихъ острововъ; что черныя шкуры, образующія одѣянія воиновъ, принадлежали нѣкоторому животному огромныхъ размѣровъ, которое находилось только въ долинѣ около царскаго двора—что островитяне не изготовляли никакихъ другихъ лодокъ, кромѣ плоскодонныхъ паромовъ; четыре ладьи были всѣмъ, чѣмъ они обладали въ этомъ родѣ, и имъ онѣ достались совершенно случайно съ нѣкотораго большого острова на Юго-Западѣ—что его собственное имя—Ну-Ну—что онъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія объ островкѣ Беннетта, и что названіе острова, который мы оставили, было *Тсалалъ*. Начало словъ *Тсалемонъ* и *Тсалалъ* означалось продолжительнымъ пшпящимъ звукомъ, которому подражать мы нашли невозможнымъ, даже послѣ повторныхъ попытокъ, и который былъ тождествененъ съ крикомъ черной выпи, каковую мы съѣли на вершинѣ холма.

Марта 3. Теплота воды сдѣлалась теперь поистинѣ замѣчательной, а цвѣтъ ея претерпѣлъ быструю переменѣну, онъ болѣе не былъ прозрачнымъ, но молочной густоты и окраски. Въ непосредственной близости отъ насъ вода была обычно гладкой, никогда она не была настолько взволнованной, чтобы подвергать опасности ладью—но мы часто испытывали изумленіе, замѣчая, направо и налѣво, на различныхъ разстояніяхъ, мгновенныя и пространныя волненія поверхности—какъ мы, наконецъ, усмотрѣли, имъ всегда предшествовали причудливыя колебанія въ области испаренія къ Югу.

Марта 4. Сегодня, съ цѣлью расширить нашъ парусъ, ибо вѣтеръ съ Сѣвера значительно спадалъ, я вынулъ изъ кармана моей куртки бѣлый носовой платокъ. Ну-Ну сидѣлъ совсѣмъ вплотъ около моей руки, и, когда полотно случайно мелькнуло ему прямо въ лицо, съ нимъ сдѣлались страшныя судороги. Они смѣнились сонливостью и оцѣпенѣніемъ и тихими бормотаніями: *Текели-ли! Текели-ли!*

Марта 5. Вѣтеръ совершенно утихъ, но было очевидно, что мы продолжаемъ спѣшно устремляться къ Югу подъ вліяніемъ сильнаго теченія. И теперь, по истинѣ, было бы вполне разумно испытывать нѣкоторую тревогу по поводу того, какой поворотъ принимаютъ событія—но тревоги мы не чувствовали никакой. На лицѣ Питерса не было никакихъ указаній на что-либо подобное, хотя по временамъ оно принимало такое выраженіе, значеніе котораго я не могъ измѣрить. Подходила, повидимому, Полярная зима—но она приходила безъ своихъ ужасовъ. Я чувствовалъ онѣмѣніе тѣла и духа—дремотность ощущенія—но это было все.

Марта 6. Сѣрый паръ поднялся теперь выше на нѣсколько градусовъ надъ горизонтомъ, и постепенно терялъ свой сѣрый оттѣнокъ. Теплота воды была крайняя, даже непріятная для прикосновенія, и молочный ея оттѣ-

нокъ былъ болѣе очевиденъ, чѣмъ когда-нибудь. Сегодня, совсѣмъ близко около ладьи, возникло сильное волненіе въ водѣ. Оно сопровождалось, какъ обычно, причудливымъ сверканіемъ пара вверхъ, на самой его вершинѣ, и мгновеннымъ раздѣленіемъ его при основаніи. Тонкій бѣлый прахъ, похожій на пепель—но, конечно, не пепель—падалъ сверху на ладью, и на широкое пространство воды, когда вспыхиваніе среди паровъ умирало, и сотрясеніе затихало въ морѣ. Ну-Ну бросался тогда ничкомъ на дно лодки, и никакія убѣжденія не могли побудить его подняться.

Марта 7. Сегодня мы спрашивали Ну-Ну, что побудило его земляковъ истребить моихъ товарищей; но онъ повидимому былъ слишкомъ захваченъ страхомъ, чтобы дать намъ какой-нибудь разумный отвѣтъ. Онъ продолжалъ упорно лежать на днѣ лодки; и при нашихъ повторныхъ вопросахъ касательно побудительной причины дѣлалъ лишь идиотскія тѣлодвиженія, какъ напримѣръ приподнималъ свой указательный палецъ къ верхней губѣ и обнажалъ зубы, ею прикрытые. Они были черны. Мы никогда до этого не видѣли зубовъ какого-нибудь изъ обитателей Тсалала.

Марта 8. Сегодня около насъ проплыло одно изъ тѣхъ бѣлыхъ животныхъ, явленіе котораго въ бухтѣ Тсалала вызвало такое безумное волненіе среди дикихъ. Я хотѣлъ подцѣпять его, но вдругъ на меня напала мгновенная разсѣянность, и я этого не сдѣлалъ. Температура воды все увеличивалась, и рука не могла больше выдерживать ея. Питерсъ говорилъ мало, и я не зналъ, что думать объ его апатіи. Ну-Ну дышалъ, и только.

Марта 9. Все пепельное вещество непрерывно падало теперь вокругъ насъ, и въ обширныхъ количествахъ. Горная цѣпь испареній къ Югу поднялась волшебнымъ образомъ надъ горизонтомъ, и начала принимать болѣе четкія очертанія. Я ни съ чѣмъ не могу этого сравнить, какъ съ нѣкимъ безграничнымъ водопадомъ, безгласно катящимся въ море съ какого-то огромнаго и далекаго оплота, находящагося

въ небѣ. Исполинская завѣса простиралась вдоль всей протяженности южнаго горизонта. Отъ нея не исходило никакого звука.

Марта 21. Угрюмая темнота царила теперь надъ нами—но изъ молочныхъ глубинъ океана возникло лучистое сіяніе, и прокралось вдоль боковъ лодки. Мы были почти цѣликомъ захвачены бѣлымъ пепельнымъ дождемъ, который осѣдалъ на насъ и на ладьѣ, но, падая въ воду, въ ней таялъ. Вершина водопада совершенно терялась въ дымности и въ пространствѣ. Но явно, мы приближались къ ней съ чудовищною быстротой. По временамъ въ ней были зримы широко-зіяющія, но мгновенныя, разсѣлины, и изъ этихъ щелей, въ которыхъ былъ хаосъ устремленно порхающихъ и неясственныхъ образовъ, приходили стремительно рушащіяся и могущественныя, но беззвучныя вѣтры, взрывавшіе въ своемъ теченіи воспламененный океанъ.

Марта 22. Темнота существенно увеличилась, будучи лишь умягчаема блескомъ воды, отбрасываемымъ отъ бѣлой завѣсы предъ нами. Множество гигантскихъ блѣдно-бѣлыхъ птицъ непрерывно теперь улетали изъ-за паруса, и крикъ ихъ былъ вѣчное *Текелли-ли!*, по мѣрѣ того какъ онѣ удалялись изъ области нашего зрѣнія. Ну-Ну шевельнулся на днѣ ладьи, но, когда мы къ нему прикоснулись, мы увидѣли, что духъ его отшелъ. И теперь мы ринулись въ объятья водопада, гдѣ разъялась разсѣлина, чтобы пріять насъ. Но тутъ на нашемъ пути возникъ человѣческій очеркъ, закутанный въ саванъ, въ размѣрахъ своихъ большій гораздо, чѣмъ какой-нибудь житель, живущій среди человѣковъ. И цвѣтъ его кожи въ оттѣнкѣ своемъ являлъ совершенную бѣлизну снѣга.

ЗАМѢТКА.

Обстоятельства, связанные съ недавней внезапной и прискорбной кончиной Мистера Пима, уже хорошо извѣстны публикѣ изъ ежедневныхъ газетъ. Опасаются, что нѣсколько послѣднихъ главъ, которыя должны были закончить его повѣствованіе, и которыя, въ цѣляхъ просмотра, были имъ задержаны, между тѣмъ какъ предъидущія были въ печати, безвозвратно утрачены, благодаря несчастному случаю, при каковомъ погибъ и онъ самъ. Можетъ, однако, случиться, что это и не такъ, и записи его, ежели въ концѣ-концовъ онѣ будутъ найдены, будутъ предложены вниманію публики.

Никакія средства не были оставлены неиспробованными, дабы такъ или иначе восполнить пробѣлъ. Джентльмэнъ, имя котораго упомянуто въ предисловіи, и который, согласно утверженію, тамъ сдѣланному, могъ бы, какъ предполагали, его восполнить, отклонилъ отъ себя эту задачу—по причинамъ уважительнымъ, связаннымъ съ общею неточностью подробностей, ему доставленныхъ, и съ его недовѣріемъ къ полной правдѣ послѣднихъ частей повѣствованія. Питерсъ, отъ котораго можно было бы ждать нѣкоторыхъ полезныхъ свѣдѣній, еще живъ, и находится въ Иллинойсѣ, но доселѣ съ нимъ не удалось повстрѣчаться. Позднѣе онъ можетъ быть найденъ, и безъ сомнѣнія онъ доставитъ данныя для заключенія разсказа Мистера Пима.

Утрата двухъ или трехъ заключительныхъ главъ (ибо ихъ было лишь двѣ или три) заслуживаетъ тѣмъ болѣе глубокаго сожалѣнія, что они, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, содержали данныя касательно самого Полюса, или, по крайней мѣрѣ, областей, находящихся въ непосредственной съ нимъ близости; и кромѣ того,

утвержденія автора относительно этихъ областей могутъ быть вскорѣ провѣрены, или же опровергнуты, правительственной экспедиціей, нынѣ готовящейся, въ Южный океанъ.

Относительно одного отрывка повѣствованія вполнѣ умѣстно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, и сочинителю этого приложения доставить большое удовольствіе, если то, что онъ можетъ здѣсь сказать, окажется способнымъ, въ какой-нибудь мѣрѣ, усилить достовѣрность столь примѣчательныхъ страницъ, здѣсь нынѣ напечатанныхъ. Мы намеряемъ на расщелины, найденныя на островѣ Тсалалъ, и на фигуры, которыя цѣликомъ находятся на страницахъ 451-ой, 452-ой, 453-ей, и 454-ой.

Мистеръ Пимъ далъ изображеніе разсѣлинь безъ изъясненій, и онъ рѣшительно говоритъ о выемкахъ, найденныхъ на краю самой восточной изъ этихъ разсѣлинь, утверждая, что онѣ имѣютъ лишь причудливое сходство съ алфавитными буквами, и, словомъ, что онѣ положительно *не суть таковыя*. Это утвержденіе сдѣлано съ такою простотою, и въ подкрѣпленіе его приводится нѣкое доказательство столь убѣдительное, то-есть то обстоятельство, что найденные среди праха выдающіеся обломки вполнѣ подходили къ выемкамъ на стѣнѣ, что мы вынуждены вѣрить въ полную серьезность утвержденій пишущаго; и никакой разумный читатель не могъ бы предположить ничего иного. Но такъ какъ обстоятельства, связанные со всѣми фигурами, чрезвычайно своеобразны (особенно ежели сопоставить ихъ съ утвержденіями, дѣлаемыми въ основномъ повѣствованіи), вполнѣ благоумѣстно сказать слово-другое относительно ихъ всѣхъ—тѣмъ болѣе что данныя обстоятельства, безъ сомнѣнія, ускользнули отъ вниманія Мистера По.

Фигура 1-ая, фигура 2-ая, фигура 3-я, и фигура 5-ая, если соединить ихъ одну съ другою въ томъ самомъ порядкѣ, какой представляютъ разсѣлины, и если лишить

ихъ малыхъ боковыхъ ходовъ, или сводовъ (которые, какъ надо припомнить, служили лишь средствомъ сообщенія между главными горницами, и совершенно отличались по характеру), образуютъ слово Эѳіопскаго корня—корня

 „Быть тѣнистымъ“ —откуда всѣ производныя,

изображающія тѣнь или темноту.

Касательно выраженія „лѣвая или самая сѣверная“ изъ зазубринъ въ фигурѣ 4-ой, болѣе чѣмъ вѣроятно, что мнѣніе Питерса было справедливымъ, и что кажущаяся гіероглифичность была дѣйствительно произведеніемъ искусства, и должна была изображать человѣческую форму. Очертаніе находится передъ читателемъ, и онъ можетъ усматривать или не усматривать указываемое сходство; но остальная часть выемокъ во всякомъ случаѣ доставляетъ сильное подтвержденіе мысли Питерса. Верхній рядъ очевидно есть корень Арабскаго слова—

„Быть бѣлымъ“, откуда всѣ производныя, означающія блистательность и бѣлизну. Нижній рядъ не такъ сразу замѣтенъ. Буквы нѣсколько изломаны и разъединены; тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что въ совершенномъ своемъ состояніи, они образуютъ цѣликомъ слово—

ПАУХУРНС, „Область Юга“. Надо замѣтить, что эти

истолкованія подтверждаютъ мнѣніе Питерса относительно „самой сѣверной“ изъ фигуръ. Протянутая рука устремлена къ Югу.

Заключенія, подобныя этимъ, открываютъ широкое поле для умозрѣнія и волнующихъ догадокъ. Ихъ нужно было бы, можетъ быть, разсматривать въ связи съ нѣкоторыми изъ наиболѣе слабо очерченныхъ событій повѣство-

ванія; хотя, зримымъ способомъ, эта цѣль связи отнюдь не полна. Текели-ли! былъ крикъ испуганныхъ туземцевъ Тсалала, когда они увидѣли трупъ *бѣлаго* животнаго, выловленнаго въ морѣ. Таково было также трепещущее восклицаніе Тсалальскаго плѣнника, когда онъ увидѣлъ *бѣлые* предметы, находившіеся въ обладаніи Мистера Пима. Таковъ былъ также крикъ быстро пролетавшихъ *бѣлыхъ* и гигантскихъ птицъ, которыя изошли изъ парообразной *бѣлой* занавѣси Юга. Ничего *бѣлаго* не было въ Тсалалѣ, равно какъ и при дальнѣйшемъ плаваніи къ области, находившейся за предѣломъ.

Не невозможно, что слово „Тсалаль“, наименованіе острова разсѣлинъ, при внимательномъ филологическомъ разслѣдованіи, можетъ указать или на нѣкоторую связь съ самыми разсѣлинами, или на нѣкоторыя отношенія къ Эіопскимъ буквамъ, такъ таинственно начертаннымъ въ ихъ извилинахъ.

„Я вырѣзалъ это въ холмахъ, и мѣсть моя на прахъ въ скалѣ“.

